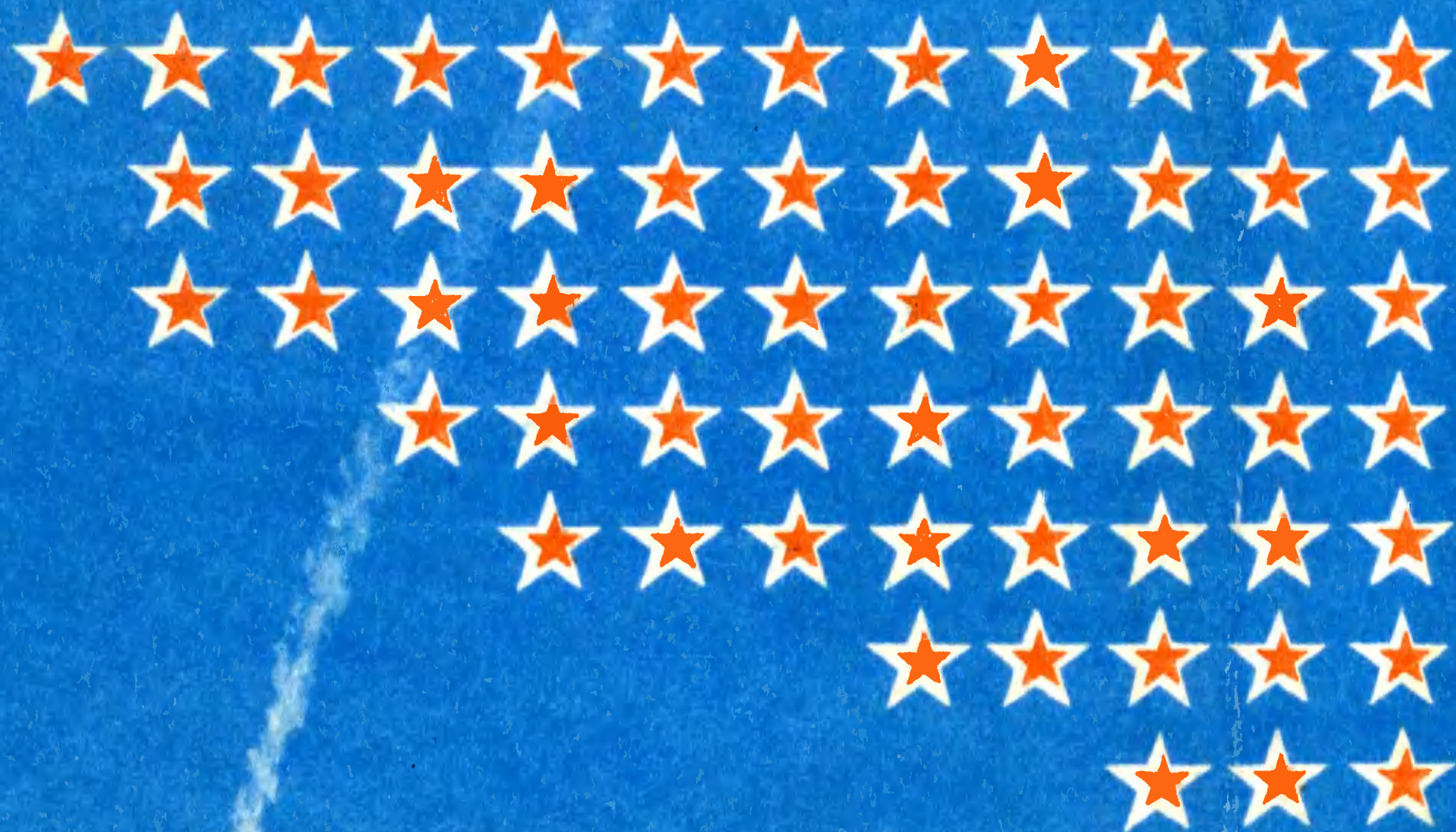

Юрий Жуков

ОДИН «МИГ» ИЗ ТЫСЯЧИ

**ЗА ЧЕСТЬ
И СЛАВУ
ОТЕЧИНЫ**

ЗА ЧЕСТЬ И СЛАВУ РОДИНЫ

Юрий Жуков

**ОДИН «МИГ»
ИЗ ТЫСЯЧИ**

Д о к у м е н т а л ь н а я п о в е с т ь

**МОСКВА
ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА» ИЗДАТЕЛЬСТВО ДОСААФ СССР**

1979

9(C)27
Ж 86

Жуков Ю. А.

Ж86 Один «миг» из тысячи: Докум. повесть.—
М.: ДОСААФ, 1979.— 384 с., ил.

В пер.: 1 р. 30 к.

Автор, известный советский журналист, в документальной повести рассказывает о летчиках-истребителях, отважно сражавшихся против немецко-фашистских захватчиков. Одним из героев повести является прославленный ас Великой Отечественной войны, трижды Герой Советского Союза маршал авиации А. И. Покрышкин.

Книга рассчитана на массового читателя, в первую очередь на молодежь.

Ж 11205—014 16—79
072(02)—79

0505030202

9(C)27

В ОДНОЙ КАБИНЕ

Несколько слов о книге Юрия Жукова

За несколько дней до войны под Москвой, на линейке, перед палатками в последний раз была построена рота писателей, окончивших свое годичное обучение на курсах военных корреспондентов. Правофланговым в моем взводе стоял долговязый черноволосый корреспондент «Комсомольской правды» Юрий Жуков, уже известный тогда как молодой писатель по своим первым прозаическим вещам, опубликованным, помнится, в «Новом мире».

В тот день — это было пятнадцатого или шестнадцатого июня — нас в последний раз построили, а на следующий день выпустили, присвоив звания. Еще день спустя мы сняли военную форму, а еще через четыре дня снова надели ее, чтобы ехать на войну корреспондентами центральных, фронтовых, армейских, дивизионных газет.

Через несколько месяцев — в ноябре сорок первого года — некоторым из нас пришлось бывать на передовой, в дивизиях и полках, в тех самых местах, где в мае и в июне месяце мы, курсанты, проводили учения: «Встречный бой боевых охранений». Война придвинулась к Москве. Всего несколько месяцев назад, оканчивая свои корреспондентские курсы, мы, конечно, не думали о такой возможности.

Война оказалась долгой. Военное обмундирование на этот раз пришлось носить, не снимая, четыре года. Этого мы тоже не предполагали тогда, учась на своих корреспондентских курсах.

Многие из тех, что строились тогда на той писательской линейке, не вернулись с фронта, а другие прожили на войне за ее четыре года свою молодость и, простившись с ней, вернулись домой взрослыми и, в сущности, уже немолодыми людьми.

Я почему-то вспомнил все это, когда читал книги Юрия Жукова о войне — книги о танкистах Катукова, и вот эту книгу — «Один «миг» из тысячи» — о Покрышкине и его однополчанах.

Я сначала написал «почему-то», а потом подумал, что зря это написал. Я знаю, почему вспомнил довоенное время, и сейчас объясню это. Правофланговый нашего взвода Юрий Жуков не был идеальным правофланговым: не было у него той железной строевой выправки, которая желательна для правофлангового, и гимнастерка у него не отличалась образцовой заправочкой, и вообще, несмотря на военное обмундирование, он в строю оставался немножко мешковатым, штатским человеком.

Таким внешне штатским человеком оставался он и во время войны — и тогда, когда ездил по фронтам в военной форме, и тогда, когда сидел в редакции «Комсомолки», при первой возможности меняя форму на более привычный штатский костюм. Но и во время войны, читая военные корреспонденции Жукова, и сейчас, читая его книги о войне, я думаю о том, что, несмотря на свой неискоренимо штатский вид, он на деле оказался одним из самых по-настоящему военных людей среди нас, писателей, сделавшихся фронтовыми корреспондентами.

Я говорю не только о мужестве — это само собой; Жуков в полной мере обладал этим мужеством, хотя никогда не был склонен козырять им ни в разговорах, ни в корреспонденциях. Я говорю о другом: о четком, строгом, точном военном стиле работы Жукова и тогда, когда он работал в редакции, проявляя при этом превосходные качества, я бы так выразился, начальника штаба, и во время своих фронтовых поездок.

Стиль работы был молниеносный, оперативный; было по-настоящему военное умение работать быстро, укладываться в сроки, оказываться там, где это нужно для газеты, и тогда, когда это нужно. А сами корреспонденции всегда были написаны с завидной точностью деталей, с хорошим знанием общей обстановки и с пониманием того, что война — это трудная работа, поглощающая все физические и нравственные силы человека. Именно так, как о самой трудной и тяжелой в жизни человека работе, и следует писать о войне. Именно так о ней и писал Жуков и во время войны, и сейчас, много лет спустя после ее героических и трагических событий.

Именно так написана и его книга «Один «миг» из тысячи» — о самом блистательном асе нашей авиации, трижды Герое Советского Союза Александре Ивановиче Покрышкине. Эта книга в значительной мере плод работы, сделанной корреспондентом еще во время войны, — дотошной, кропотливой и тщательной; и не будь этой работы тогда, невозможно было бы представить себе появление этой книги сейчас. Но в то же время эта работа была только базой, потому что главная работа была произведена сейчас, когда создавалась книга. Был произведен дополнительный писательский анализ всех фактов, всех событий жизни Покрышкина, анализ всего того, что сделало этого человека живым символом летного мастерства

и воинской доблести. Воспользовавшись как основой для работы материалами, собранными военным корреспондентом Жуковым, писатель Юрий Жуков произвел тщательный анализ того, как рядовой летчик Покрышкин стал выдающимся асом Покрышкиным.

Мне нравится эта книга, вся вместе взятая, но в особенности мне нравятся главы, в которых рассказывается о том, как Покрышкин овладевал мастерством воздушного боя, как он искал и находил, как он думал и пробовал и снова думал, не выпуская из памяти ни своих успехов, ни своих неудач. Об этом очень точно сказано в книге. «Особенно остро запоминает летчик неудачи... Покрышкину, как и любому, такие воспоминания причиняли досаду и боль. Но уйти от них невозможно — они становятся частью человеческого существования». Воинское мастерство — суровое дело, и оно требует сурового анализа. Жуков произвел этот анализ, следя за действиями и размышлениями Покрышкина.

И когда я, читатель, закрыл эту книгу, то поймал себя на ощущении, что, может быть, только сейчас, закрыв ее, начал понимать, что такое это значит практически — стать в воздушных боях трижды Героем Советского Союза. Что требуется для этого от человека? Как он это сделал? Объяснение этого содержится в книге, и это самое интересное и важное для меня в ней. Тем более важное, что я как журналист и писатель понимаю, насколько это было трудно.

Хорошо написать трудно о любом военном человеке, о любом виде воинского мастерства. Но — я не раз думал об этом еще во время войны — особенно трудно написать о летчике-истребителе. Почему? Да потому, что ты можешь сходить с подводниками на подводной лодке, можешь наконец втиснуться в танк, идущий в атаку, можешь провести несколько суток на наблюдательном пункте артиллериста, присутствуя при всех подробностях его работы. То есть ты можешь в какой-то мере побыть в шкуре каждого из этих людей, если не полностью, то хотя бы отчасти. Но в одной кабине с истребителем в бой не полетишь. Именно в те секунды и доли секунд, в которые все решается, рядом с ним в одной кабине не будешь. А если так, то, стало быть, для того чтобы сначала представить себе самому, а потом дать представление читателю, — что такое удачи и неудачи, подвиги, мастерство летчика-истребителя, — для того чтобы дать это понять, нужно добиться большой аналитической точности. Нужно самому, расспрашивая того человека, о котором ты пишешь, заново пережить вместе с ним все самые острые секунды его жизни во всех их мгновенных подробностях.

Вот эту работу и проделал, на мой взгляд, Жуков в своей книге, написанной талантливым человеком одной профессии о талантливом человеке другой профессии с таким проникновением в суть этой профессии, в ее подробности, какого я лично пока не встречал в тех

книгах о наших истребителях — участниках Великой Отечественной войны, которые читал до сих пор.

Мне хочется порекомендовать прочитать эту книгу не только тем, кто влюблен в авиацию и хочет стать летчиком. Мне хочется порекомендовать прочитать эту книгу всем тем, кто любит трудные дела. Трудные, опасные, интересные. Эти, задуманные для собственной жизни, дела могут оказаться очень далеки и от войны, и от авиации, но книжка о военном летчике, написанная Жуковым, может подтолкнуть вдумчивого читателя на поиски в самых разных направлениях. Она учит тому, как делать необыкновенно трудную работу, учит закалке воли. Учит никогда не отчаиваться, никогда не робеть и не отступать перед неудачами. Она учит очень многому и очень важному.

Сначала я не знал, как назвать эти строки, а сейчас подумал, что их правильно было бы назвать «В одной кабине». Это не так, и в то же время это так. Жуков никогда не летал в одной кабине с Покрышкиным, но написал свою книгу так, как будто летал с ним в одной кабине. И для меня это высшая похвала самому главному, самому хорошему, что есть в книге. И к этой похвале мне, пожалуй, нечего добавить.

Константин СИМОНОВ

О КОМ БУДЕТ ИДТИ РЕЧЬ

Они все начинали войну рядовыми летчиками. Кто знал в июне 1941 года их имена?

Никто из них не носил в петлицах больше трех скромных красных квадратиков — так в то время выглядел знак различия старшего лейтенанта. Трудна военная карьера в мирное время, и Александру Покрышкину, к примеру, пришлось девять лет проучиться и прослужить в Красной Армии, пока он получил это звание.

Никто из них ни разу не воевал и не был награжден. Один лишь добродушный тридцатишестилетний комэск Пал Палыч Крюков, которого сержанты за глаза звали папашей, успел понюхать пороха на Халхин-Голе и с 1940 года носил орден Красного Знамени.

Никто из них не выделялся железным здоровьем, а молодого уральца Григория Речкалова — того и вовсе двадцать первого июня 1941 года, за сутки до начала войны, медицинская комиссия признала негодным к службе в авиации и едва не отчислила из части.

Одним словом, это были самые обыкновенные советские люди со всеми качествами, присущими простым смертным.

Но вот война приблизилась к концу. На плечах у них теперь были погоны с большими серебряными звездами — они стали полковниками, подполковниками, майорами. На груди у них блестели золотые звезды — кто носил одну, кто две, а Покрышкин и все три. Во всех газетах мира печатались его портреты.

Как произошло это превращение? Что это — чудо, судьба, удача? Или осознанная необходимость, тяжелый труд, упорство людей, не желающих пойти на попятную перед сильным и умелым, неумолимым противником? Как эти люди сумели преодолеть естественное и понятное в трудных условиях первых дней войны состояние какой-то ошеломленности, не только не пасть духом в ту трудную пору, но, напротив, закалиться, выстоять, стать признанными мастерами воздушного боя?

Чтобы получить ответы на эти важные вопросы, «Комсомольская правда» и решила послать осенью 1944 года меня, своего корреспондента, в небольшую деревушку близ берега Вислы, где стояла тогда гвардейская дивизия летчиков-истребителей, которой командовал трижды Герой Александр Покрышкин. Но прежде чем направиться в это соединение, мне предстояло совершить вместе с героем своей будущей книги невероятно дальнее по тем временам путешествие в прямо противоположном направлении.

С Александром Покрышкиным приключилось то, что происходило крайне редко в годы той необычайно суровой и жестокой войны: за подвиги при захвате ставшего знаменитым в ту осень плацдарма за Вислой у города Сандомир ему была дана самая драгоценная для фронтовика награда — отпуск на пять дней. Командующий воздушной армией дал ему свой самолет — Ли-2, и вот он летел к себе на родину в Новосибирск, где его ждали мать и молодая жена.

Мы познакомились с Покрышкиным в кабинете у секретаря ЦК комсомола Николая Михайлова двадцать

первого сентября в три часа ночи. В то время было принято работать чуть ли не до утра, и этот час ни Покрышкину, ни мне не показался необычным. Одетый в генеральский мундир секретарь ЦК представил меня знаменитому летчику: «Вот, если не возражаете, полетит с вами... А потом придем его к вам в дивизию. Хотим рассказать молодежи, как летают наши комсомольские орлы...»

Я с интересом взглянул на полковника. Он сидел прямо, расправив плечи, внимательно слушая и отвечая односложно: «Так точно», «Есть», «Будет сделано». Долголетняя военная служба приучила его соблюдать субординацию, и, хотя на груди у него поблескивали три золотые звезды, он держался перед генералом, как подбаивает младшему по званию.

Между ними шла деловая беседа — о том, как помогает комсомол подшефному Военно-Воздушному Флоту, что надо сделать, чтобы усовершенствовать эту помощь, как улучшить и ускорить подготовку пополнения, в чем нуждается дивизия. Можно послать истребителям книги, фильмы, подарки... Я сидел в стороне и внимательно наблюдал за Покрышкиным. Время от времени его упрямое, немного угловатое и на первый взгляд сумрачное лицо как-то вдруг неожиданно освещалось мягкой подкупающей улыбкой, невольно напоминавшей о том, что у этого сурового солдата, уничтожившего в воздушных боях уже свыше пятидесяти гитлеровских самолетов, сохранилась нетронутой свежая молодая душа.

Передо мной лежала копия наградного листа, которую успел сунуть мне расторопный помощник секретаря ЦК. Это было необычное, пока еще единственное в своем роде представление летчика к званию трижды Героя Советского Союза. Лист был заполнен еще 22 де-

кабря 1943 года, и подписал его тогдашний командир дивизии гвардии полковник Дзусов. Я потихоньку переписывал к себе в блокнот:

«Фамилия, имя и отчество: Покрышкин Александр Иванович.

Звание: Дважды Герой Советского Союза, гвардии майор.

Должность: И. о. командира 16-го гвардейского истребительного авиационного полка.

Представляется к званию: Трижды Герой Советского Союза.

Год рождения: 1913.

Национальность: Русский.

Партийность: Член ВКП(б) с 1942 года.

Участие в войне: С 22 июня 1941 года. За период боев по 20 декабря 1943 года включительно совершил 550 боевых вылетов, провел 137 воздушных боев и сбил 50 вражеских самолетов.

Имеет ли ранения и контузии: Не имеет.

Чем ранее награжден: Орденом Ленина — 22 декабря 1941 года, орденом Красного Знамени — 22 апреля 1943 года, получил звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» — 24 мая 1943 года, награжден медалью США «За боевые заслуги» — в июне 1943 года, орденом Красного Знамени — 18 июля 1943 года, получил звание дважды Героя Советского Союза — 24 августа 1943 года.

Постоянный домашний адрес: Новосибирск, улица Лескова, дом 43-а».

Я снова взглянул на Покрышкина. Увлечшись, он рассказывал секретарю ЦК комсомола об одном из трудных воздушных боев, наглядно показывая пластичными и точными движениями рук маневры самолетов. Он покраснелся, глаза его блестели, мягкие русые волосы спутались. Я невольно залюбовался этим человеком богатырского сложения, одним из тех удивительных людей,

которых дарит России Сибирь. Ведь — надо же — сбил полсотни вражеских самолетов!

Что это — удача? Нет — выучка. Выучка и плюс к ней характер. Тот крепкий, волевой характер, который читается на открытом и упрямом лице этого человека. Я уже слышал, что жизнь у него была нелегкой, что ему не так просто далась карьера летчика, если тут вообще применимо слово «карьера», что на этом пути было всякое — и хорошее и плохое, но вот сумел человек все преодолеть и стать летчиком номер один советского Военно-Воздушного Флота!

Тем интереснее было теперь проследить этот долгий и сложный путь, встретиться сначала с семьей, с родными и близкими Покрышкина, а потом с его однополчанами и попытаться набросать его портрет...

— Так вот, товарищ Покрышкин, завтра утром в путь, и не забудьте нашего корреспондента. Теперь мы прикомандировали его к вам — куда вы, туда и он... — сказал, улыбаясь, секретарь ЦК комсомола.

Лицо Покрышкина сразу посерело, он насупился.

— Вот что... — глуховато сказал он, полуобернувшись ко мне. — Я все-таки не балерина и... Ну, в общем, ничего такого особенного, экзотического, в моей деятельности нет. Конечно, я благодарен комсомолу за внимание, и ваш корреспондент будет принят, как полагается, но давайте договоримся сразу: писать не обо мне, а о всех наших летчиках. У нас с каждого хоть портрет пиши, хоть бюст лепи. Вот Клубов — тридцать девять самолетов сбил, Глинка Борис — двадцать девять, Труд — двадцать четыре, Трофимов — двадцать три, Федоров — двадцать два, — одних Героев Советского Союза в дивизии двадцать один человек, а которые с орденами и медалями ходят — пятьсот двадцать шесть!..

— Но за вами, кажется, самый большой результат на сегодняшний день, говорят, вы сбили более полсотни, — сказал секретарь ЦК комсомола.

— Ну и что же? Все сбивают, дело тут не в статистике. И я хочу заранее уговориться: если уж писать, так обо всех!

— А как же иначе? Конечно, обо всех,— вставил наконец и я свое словечко.

Покрышкин недоверчиво покосился в мою сторону и вдруг, как всегда, неожиданно улыбнулся своей подкупающей улыбкой, блеснув ослепительно-белыми зубами:

— Ну ладно, поедем... Только и вы должны меня понять. Я вот уже двое суток в Москве, а в гостиницу невозможно войти: там и корреспонденты, и фотографы, и художники, и даже скульптор — говорит, приказано мой бюст лепить. Надо ему позировать, а у меня часы считанные...

В общем, наутро мы отправились в путь. Самолет был просторный, удобный, с салоном, приспособленным для работы; мягкие кресла были одеты в белые накрахмаленные чехлы. Бортпроводник в сержантских погонах с тихой укоризной во взгляде глядел на неописуемый иералаш, который воцарился в самолете: вслед за Покрышкиным сюда вскарабкалась бригада кинооператоров, фоторепортеров, корреспонденты «Красной звезды» и «Комсомольской правды». Не хватало только скульптора, которого бросили на произвол судьбы в гостинице вместе с его глиной. Все кое-как рассаживались на чем попало.

Покрышкин, хмуро оглядевшись, пожал плечами, уселся поглубже в кресло, засунул руки в карманы своей кожаной куртки и сразу уснул. Уснули и его спутники, утомленные предотъездной суетой. И только мне все не спалось: впервые за всю войну довелось лететь не к фронту, а в далекий тыл.

Под крылом низко летевшего Ли-2 медленно проплыла просыпающаяся Москва — троллейбусы и трамваи,

обвешанные гроздьями пассажиров, густые толпы у заводских проходных, ниточки очередей, спозаранку собирающихся у магазинов. И вот уже пошли подмосковные деревни: женщины и дети, согнувшиеся над пашней,— идет уборка картофеля,— оранжевые и золотые березовые рощи, густая зелень ельника, грустные черные лесные озера с ржавыми берегами, извилистые реки с песчаными плесами, ниточки железных дорог.

Как-то сразу вдруг посветлело — мы летим навстречу солнцу, и оно поднимается быстрее обычного. Прошла под нами Волга со многими мелями и рукавами. Буксирный пароход потянул куда-то плоты из бревен, похожих сверху на спички. Встречный пароход тянет три баржи, крытые брезентами,— небось везет что-то для фронта. И вот уже задымили трубы. Это Казань — она узнается по своему старинному кремлю...

Погода начинает портиться, самолет болтает. Стало сумрачно. Начинаю дремать и я, но самолет идет уже на посадку: Свердловск, надо пополнить запасы горючего. На аэродроме стоят десятки бомбардировщиков и истребителей — их перегоняют на фронт.

Мы не рассчитывали задерживаться здесь. Но разве могли гостеприимные хозяева пропустить такой исключительный случай: принять у себя первого в Советском Союзе трижды Героя? И как ни сопротивлялся Покрышкин, как ни доказывал, что его ждет семья, ждет родной город, свердловчане буквально захватили его в плен, а мы, корреспонденты, всей гурьбой помчались за ним.

И вот уже мы на Уралмаше. Я не был десять лет на этом гигантском заводе. В 1934 году он делал только первые мирные пушки Брозюса, которые стреляют глиной, забивая отверстие летки домны после окончания плавки чугуна. Теперь мы увидели, как гигантские прессы деликатно обминают своими лапами чудовищные стволы

сверхмощных пушек, которым предстояло через полгода с небольшим добивать гитлеровцев на Зееловских высотах и в Берлине.

В необъятном механосборочном цехе нам показали чудо из чудес: изготовление на конвейере могучих самоходных орудий и тяжелых танков. Здесь было царство молний: десятки сварщиков варили мощные корпуса боевых машин, и счет времени шел не на дни, а на часы и минуты. Сдвинув фуражку чуть-чуть на затылок, Покрышкин одобрительно читал сделанные на бронекорпусах мелом надписи: «Эту машину сдаем к 6 часам утра», «Этот танк будет сдан к 7...», «Эту машину сдать к 8...» Идя вдоль потока, он заговаривал с людьми, пожимал протянутые к нему руки, отвечал аплодисментами на аплодисменты — все его сразу узнавали по фотографиям, опубликованным в газетах, и сердечно приветствовали.

У конвейера, где шла окончательная сборка танков, мы задержались. Нельзя было без волнения глядеть на длинную шеренгу только что родившихся великолепных боевых машин, вооруженных могучими 122-миллиметровыми орудиями. Надо было побывать здесь, чтобы воочию представить себе, что это такое — уральский арсенал Советской Армии...

Затем, едва переслав пару часов в гостинице, мы продолжали путь. Погода окончательно испортилась — лил дождь, грязные облака закрывали небо сплошной пеленой...

Покрышкин не был дома с 1938 года, — с того самого дня, когда уехал в летную школу. Без него достраивали заводы, без него заливали асфальтом проспекты, без него строили театры и школы. Без него город начал войну. И сейчас, когда воздушный корабль одним броском преодолел дьявольскую даль и впереди, за желтеющими лесами, тускло блеснула свинцовистая лента Оби, полков-

ник заволновался, как школьник. Он привстал с кресла, снял фуражку, прижался к стеклу иллюминатора и стал жадно всматриваться в неясные контуры огромного сибирского города.

Тучи, надоедливо тащившиеся над землей от самого Урала, вдруг раздались, мелькнула синева, золото солнечных лучей пролилось на мокрые проспекты, засверкали, засияли стекла, дымные метлы заводов обозначили дальние границы разросшегося Новосибирска, внизу замелькали какие-то красные искорки, и что-то черное, зыбкое и движущееся заполнило дорогу, ведущую к широкому полю, пересеченному крест-накрест серыми бетонными полосами.

— Черт возьми, они с флагами...— сконфуженно сказал Покрышкин, потирая лоб.

В эту минуту из-за облаков вынырнула девятка истребителей и, окружив самолет почетным эскортом, повела наш Ли-2 к посадочной полосе. Гул моторов стих, и в ту минуту, когда подполковник Зотов, сидевший за штурвалом, плавно посадил воздушный корабль, снаружи доносясь приглушенный гул тысячной толпы, пение оркестра, плеск оваций.

Покрышкин легко и упруго сбежал по алюминиевой лесенке и, сощурившись от яркого света, огляделся. Толпа быстро охватывала самолет. Сотни лиц сияли улыбками, сотни рук тянулись к самолету с букетами георгинов и астр. Но всех нужнее в эту секунду ему были двое: вот эта поседевшая, маленькая старушка в платке и рядом с ней — стройная белокурая женщина в скромном платье со значком «Отличник санитарной службы» на груди.

— Мама! Маша!..

И толпа разом раздалась, и смолк на минуту шум. Семь лет не виделся летчик с матерью. Полгода назад расстался он с женой, делившей до этого с ним трудную

фронтовую жизнь, и нет большей радости для человека, чем встреча с близкими после жарких и долгих сражений...

Три дня мог провести Покрышкин дома — как много это и как мало для солдата, приехавшего на побывку после более чем трех лет войны! О них можно написать либо книгу, либо короткую справку. Когда Покрышкин улетал из Москвы, он знал, что каждый из этих дней будет до отказа заполнен впечатлениями. И все-таки ему трудно было представить себе, каким огромным, волнующим событием явится для него этот полет к себе домой. И не только для него. Для города. Для области. Для всех людей, кто его раньше знал и кто не знал.

Покрышкина ждали сотни неожиданных событий, и начались они с первых же минут пребывания в Новосибирске. Как правильно было написано в его наградном листе, он жил когда-то с семьей в маленьком домишке на улице Лескова. Детство его было трудным — семья была большая, и Сашка-инженер, как звали его мальчишки за страсть к различным хитроумным изобретениям вроде самоповорачивающихся фар на автомобиле, рано начал зарабатывать свой хлеб. Покрышкин думал, что и сейчас его повезут в избушку на улице Лескова. Но автомобиль, в который его усадили с матерью и женой, вдруг свернул с Красного проспекта налево, на улицу Державина, и остановился у нарядного, украшенного затейливой резьбой новенького дома оливкового цвета. У этого дома почему-то стояла огромная толпа.

— Приехали, Александр Иванович, — сказал секретарь областного комитета партии Кулагин, отвечая на недоуменный взгляд летчика, — вот это и есть ваш дом. Построен по плану вашей матушки. Подарок вам и вашей семье от земляков...

Покрышкин вышел из машины и поднялся на крыль-

цо. Рабочие, заканчивавшие прокладку водопровода к дому, отложили электросварочные аппараты и вместе со всеми зааплодировали. Полковник обернулся к толпе и взволнованно произнес:

— Спасибо! Большущее спасибо, земляки...

А мать уже тормошила своего большого, плечистого сына и тянула его в дом, чтобы поскорее показать ему все-все: и портрет, написанный местным художником, и комнаты, в которых еще пахнет краской, и обширный коровник с сеновалом, в котором уже живет ее любимца однорогая Малютка. Родные, друзья, товарищи по учебе в фабзавуче — теперь они инженеры, начальники цехов — забрасывали его вопросами, говорили каждый о своем, тащили его к столу, а он ничего не видел и не слышал от волнения, и только большие сияющие глаза жены ярко горели перед ним, и он, бережно взяв ее под руку, осторожно вел по комнатам — скоро она должна была подарить ему первенца...

Но вот уже Покрышкин снова идет к машине, снова к нему тянутся руки с букетами, и какие-то незнакомые ему люди кричат «Ура!» и здороваются с ним, как с приятелем. Сегодня он посвящает день поездке на родной завод — Сибметаллстрой, где в 1932 году началась его трудовая жизнь. Машина мчится через весь город, и Александр Иванович с трудом узнает старые улицы: незнакомый величественный театр на две тысячи мест, незнакомый огромный вокзал, недавно законченные стрсыки, незнакомые заводы, заводы, заводы...

Машина въезжает на длинный понтонный мост через Обь — она держит путь в Заречье. Там дымят десятки новых труб, высятся массивные цехи крупнейших предприятий. Вода в Оби стылая, угрюмая — навигация идет к концу. С причаливших к берегу пароходов катят бочки с рыбой. Свален грудями лес, высятся пирамиды каких-то ящиков, огромных катушек, обвитых кабелем. Видать, стройка продолжается полным ходом.

Автомашина петляет в первозданном хаосе деревянных домишек и бараков. И тут же, тесня их, выступают во всем своем величии заводы-гиганты. Покрышкин вдруг узнает зажатое в нагромождении новых цехов Сибметаллстроя затерявшееся здание школы фабзавуча, где он учился в 1931 году. А вот и цех, в котором он потом работал... Каким маленьким теперь он кажется, а ведь тогда выглядел гигантом!

У проходной машина тормозит. Летчик хмуро косится на свой огромный портрет и подпись под ним: «Трудиться для победы, как сражается Покрышкин» — и торопится протиснуться в узкую дверь. В эту минуту ему, видимо, хочется почувствовать себя вот таким же простым рабочим парнишкой, какие сейчас восхищенно глядят на него и каким он сам был двенадцать лет назад, — юность, молодость его остались здесь, в этом цехе.

А вот и ровесники — востроносый, широколобый Ломов в коричневом пиджачке; подтянутый, аккуратный, в военной гимнастерке Бовстрочук. Эге, они стали, видать, важными птицами, начальниками, времени зря не потеряли. А рядом с ними — новое поколение молодежи, и кто его знает — кому из них через десять лет быть инженером, кому героем-летчиком, кому ученым, кому мастером своего ремесла?

Покрышкина подхватывают на руки и несут в цех. Он сердито отбивается, но его схватывают еще крепче и несут между станками, высоко подняв, чтобы все видели такого знаменитого земляка. Потом его бережно опускают на землю, толпа сбивается еще теснее.

Полковнику все интересно — и новые станки, и старые тиски, у которых он когда-то работал, и продукция, которую выпускает завод, и, главное, люди Сибметаллстроя.

Видать, несладкая у них тут жизнь в тылу — все отда-но фронту. Люди изможденные, худые, плохо одетые,

и только глаза у них горят — их поддерживает вера в скорую победу. Над станками склонились женщины, бледные подростки. Многие не уходят отсюда по двенадцать часов в день, а работа очень тяжелая: тут настоящий ад огня и дыма, всюду раскаленный металл, сизый едкий чад от печей, гарь, копоть. Здесь же на сизых остывающих болванках будущих снарядов кипятят чаек, пекут картошку. Те, кто живет далеко от завода, норовят и переночевать тут, чтоб сэкономить силы.

Тяжко, очень тяжело бремя войны! Покрышкин это видит, и глаза его на минуту туманятся. Но люди забывают о многом, видя героя-земляка, — ведь именно такие, как этот широкоплечий парень, отогнали Гитлера от Волги до Вислы и теперь уж обязательно погонят его до самого Берлина! Разные люди глядят на летчика по-разному: кто с поощрительной улыбкой, кто с нескрываемым восхищением: «Гляди-ка, куда наш взлетел!», кто испытующе: «Не зазнается ли?» Да нет, вроде не должен — исконных сибирских кровей человек. Одна из женщин плачет навзрыд — наверно, недавно убили близкого человека, вот и вспомнила. Покрышкин говорит ей какие-то дружеские слова, обнимает, и вот уже она затихает, прижавшись по-родственному к его широкой груди.

Люди понимают — слезами делу не поможешь, надо скорей добить фашизм. Фронту требуется оружие. И звенит и гремит Сибсельмаш двадцать четыре часа в сутки, гонит на фронт снаряды многих типов и калибров.

Катятся снаряды, ползут по рольгангам, по конвейерам, в подвесных тележках. Здесь все в движении: от первого, еще бесформенного комка раскаленного металла до сверкающего полировкой готового снаряда, который, смазав тавотом, укладывают в ящик, в свою очередь подхватываемый конвейером.

Старые друзья рассказывают Покрышкину, что завод достроили, а по сути, построили заново во время войны.

Уже в конце 1941 года он начал давать фронту снаряды...

У многих рабочих на груди Покрышкин видит орден, а у некоторых и по несколько. Сам искусный металлист, он знает цену труду и с уважением глядит на молодых лекальщиков, колдующих над тисками. Вдруг он подходит к молодому пареньку:

— Знаешь что? Пусти-ка меня на минутку...

И, бережно взяв деталь, он заученным с детства движением аккуратно зажимает ее в тиски, берет напильник и легкими точными движениями начинает работать. Старый мастер придирчивым оком глядит сквозь очки: не угробит ли ненароком знатный гость деталь? Но вот уже пущены в ход контрольные приборы, и лицо мастера проясняется. Он первым порывисто жмет руку летчику, а вся толпа бурно рукоплещет: ай да Сашка-инженер!

Так Покрышкин в сопровождении своих старых друзей обходит цех за цехом и радуется встречам с людьми, которые выросли за эти годы, со станками, которые сейчас работают на полную мощность, с заводом, который за эти двенадцать лет стал неузнаваемым. Потом он пересекает заводской двор и поднимается по каменным ступеням просторного здания ремесленного училища. Вот и знакомый класс на втором этаже. Волнуясь, полковник открывает дверь. Двадцать два юных лекальщика как по команде поворачивают головы и, оставив напильники, начинают аплодировать. Они знали, что Покрышкин уже на заводе, и были уверены, что он зайдет именно к ним. Глазенки блестят, на щеках румянец. Завидная честь — учиться в том самом классе, в котором учился трижды Герой!

Покрышкин подходит к девушке в чистенькой серой блузе с белым воротничком и смотрит ее работы, аккуратно, с любовью разложенные на листке бумаги перед тисками. Юная лекальщица с готовностью отвечает

на вопросы. Да, она учится уже второй год. Спасибо Василию Мироновичу Гаврилову — он очень хорошо все объясняет. Откуда у нее такой акцент? Она латышка. В 1941 году ей с родителями пришлось уйти из родного города Цесис. Зовут ее Расма Ирбене. В группе много латышей. Когда они кончат учебу, уедут восстанавливать родную Ригу — ведь скоро уже ее освободят.

Покрышкин осматривает класс. Со стен глядят портреты Калинина, Дарвина, Пушкина. Аккуратно вычерчены учебные таблицы, графики. Бюллетень — «Кто сегодня впереди». Образцовый порядок во всем, чистота. Двенадцать лет назад учиться было много труднее — ведь ученикам самим приходилось и достраивать училище, и оборудовать его. Да и учили тогда не так, как теперь, а по устаревшей, теперь уже забытой системе ЦИТ. Покрышкину приятно, что училище, в котором сам он учился, стало теперь передовым, и он подробно расспрашивает инструкторов и учеников о том, как они добились второго места во всесоюзном соревновании, как собирали деньги на покупку самолета для Красной Армии, как налаживали производство боеприпасов...

Три дня — такой короткий срок, а повидать надо так много! И целые дни напролет проходят в сутолоке: надо принять на аэродроме еще двадцать четыре самолета, построенные на средства земляков, собранные в эти дни; надо побывать на заводе, завоевавшем знамя ЦК ВКП(б), — рабочие хотят видеть Покрышкина на своем торжестве и ему доверят вручение знамени; надо встретиться с молодежью города...

И даже в те редкие часы, когда ему удастся побыть дома, у двери не умолкают звонки, и люди, извиняясь за беспокойство и прося прощения, входят в тесный коридор и просят принять их хотя бы на минуту. Пришел двоюродный брат — рослый сибирский мастеровой, по-

крутил черные усы, сказал с нарочитой сердитостью: «Ну ты, брат, не того... Мы тоже тут не лыком шиты. Мы, брат, тоже — триста пятьдесят процентов нормы даем. По бумагам можешь проверить». Пришли пионеры 18-й школы — принесли букет цветов и похвастались хорошими отметками. Пришли делегаты шоколадной фабрики с гостинцем на новоселье.

Вваливается целая группа корреспондентов — от газет, радио, кинохроники. Полковник поднимает руки: «Братцы, имейте совесть! Позвольте хоть час с родными побыть»... — «А мы на этот раз не к вам, Александр Иванович, мы к Ксении Степановне». Покрышкин с облегчением вздыхает и уже сам начинает упрашивать мать: «Выручи, мамаша, займись с ними, а я пока с Марией посижу...». Ксения Степановна Покрышкина соглашается. Она приглашает нежданных гостей к столу и размеренным тихим голосом начинает долгий рассказ, который в эти дни ей, наверное, приходилось повторять не раз:

«Родился Шура 6 марта 1913 года. Я ни одного ребенка в больнице не родила, вот и его принимала бабка. Сама я не работала, больно много было детей, да и работу нелегко было найти. Замуж я выходила здесь, а сама из Вятки. Муж тоже из Вятки, только его родители увезли оттуда, когда ему было только три года, а я приехала в Сибирь уже взрослой. Год только пожила и замуж вышла. Муж сначала был каменщиком, фундаменты клал, потом извозчиком. Умер уже лет десять назад, был к тому времени инвалидом второй группы... До Александра у меня было трое детей — две девочки и мальчик, а всего у меня было десятеро детей. Четверо умерло. Сильно убивалась я по старшенькому Васе. Он умер шестнадцати лет от скарлатины. Шура тоже со скарлатиной лежал месяц. Ему тогда лет четырнадцать было, но он был здоровьем покрепче, выздоровел... Трое сыновей на войну ушли. Петр, 1918 года рождения, был на Ленинградском фронте, искала его, ответили, что в чис-

ле убитых и пропавших без вести нет, не знаю, найдется ли... Леня тоже в армии, Валентин кончает летную школу в Черногорске. А Вите сейчас четырнадцать лет, учится в шестом классе. Еще есть у меня дочь Мария, по мужу Ермошкина...

— Так вот про Шуру...— продолжала Ксения Степановна.— Когда он родился, мы жили здесь, на речке Каменке, по Бийскому тракту, а потом переехали на улицу Кольцова. Помню, когда Шуре было три года, он заблудился. Я пошла на речку белье полоскать, он видел, что я куда-то ушла, и тоже пошел. Добрался до центра города, а потом обратно пошел по Каменке, а за линией тогда не было ничего, был лес. Народ увидел его — стоит один ребенок на берегу — говорят, заблудился, надо его взять. И забрали. Потом уж отец его разыскал.

Читать Шура стал рано. Кто ему показывал первые буквы, не помню. Но с ним занимались отец и дядя. Отец был грамотный, и дядя Павел Петрович Покрышкин тоже. Он жил долго с нами и охотно с ребятами занимался, его в семье очень любили.

Учиться Шура пошел сразу во второй класс. Из второго перешел в третий, а затем сразу в пятый, в четвертом не учился. Рассказывал он, как пришел первый раз в пятый класс и через месяц уже был первым учеником. Я на родительских собраниях бывала, всегда моего Шуру хвалили. Книжек его никаких не сохранилось, так как детей много было, все по этим книжкам учились.

У него был товарищ, тоже Шура, Молочаев, теперь он на войне, воюет на флоте. Они часто вдвоем убегали куда-нибудь и читали. Александр любил заниматься физкультурой, бегал на лыжах, делал планеры. Один раз — это когда мы на улице Кольцова жили — он с ребятами сделал из фанеры да еще из чего-то большие крылья, приделал их к спине и прыгал с крыши сарая. У брата Васи была гармошка, бывало, соберутся ребята,

поют, пляшут, а Шура редко бывал с ними, скажет: «А ну их!» — и все что-нибудь мастерит.

Окончил он пять классов и пошел в ФЗУ, вы это, наверное, уже знаете, и там работал и учился, потом в техникуме машиностроительном проучился один год. ФЗУ было на той стороне Оби, в Кривощекове, и ездить нужно было на пригородном поезде. А вот домой ехать, как все люди, он не мог: обязательно надо было прицепиться на подножку экспресса.

Очень он любил лыжи. Однажды приехал в отпуск, уже взрослый был и почти раздетый, в одной гимнастерке, поехал за вторую Ельцовку, это километров до десяти будет, к тетке Марье. А на улице был буран — свету белого не видать. Часто он уходил на лыжах в Каменские лога. И еще гирями любил заниматься. Без рубашки в мороз выскочит на улицу, схватит гири и крутит ими. Крикнешь: «Куда ты? Простынешь!» А его уже нет. На коньках тоже любил кататься.

Шурка у меня маленький — славный был. Любила я его по-особенному как-то, хотя и детей в семье было много...»

Ксения Степановна порылась в шкатулке и достала старенькую фотографию. На ней — пятеро ребятишек, в том числе маленький Саша, — все чистенькие, одеты опрятно, мальчики коротко острижены, у сестры Марии платье с кружевами.

Не успели уйти корреспонденты, как в дверь снова постучали. Кто там? Пришла делегация швейной фабрики. Тащут тяжелый чемодан. К делегации выходит сумрачный полковник. Что такое?.. Девушки мнутя: «Мы, собственно, не к вам, а к Марии Кузьминичне, но это и вас касается». И, открыв чемодан, они по-хозяйски начинают выкладывать на стол распашонки, чепчики, ботиночки — полное приданое будущему ребенку героя. Смех, шутки, веселье в доме. А в прихожей уже новая делегация: с картографической фабрики принесли в

подарок Покрышкину полный набор карт. Седой печатник с орденом Ленина на груди степенно разворачивает свежий лист с надписью «Германия», только что отпечатанный.

— Полагаем так, пригодится вам, Александр Иванович!..

Радостно, черт побери, сознавать, как вырос за эти годы твой родной город и как много самых различных, нужных для победы вещей делается здесь сегодня. И как ни загружены эти дни у Покрышкина, как ни теребят его земляки, он неизменно весел и бодр, и никому нет отказа в приеме. Разбирается он в делах городских по-хозяйски и по праву земляка, кого надо — пожурит, кого следует — похвалит. При встречах не забывает упомянуть и о том, что самому ему не так-то легко все давалось, чтобы каждый знал: героями становятся не по вдохновению, а ценой тяжелого труда и упорства.

С каким волнением слушала молодежь города рассказ Покрышкина о его первом воздушном бое!

— Задора, конечно, было много,— негромким отрывистым голосом говорил он, задумчиво перебирая пальцами кончик алого галстука, который только что надели на него ребята, провозгласившие его почетным пионером.— В эскадрилье я был хорошим стрелком. Ну и маневром владел не плохо. Думаю — все! В случае войны фашистам будет худо. А встретились над Прутом с «мессершмиттами», завязали бой, оказалось — не так просто сбить самолет. По конусам стрелять было куда легче. Все-таки одолел. Но дело это, повторяю, трудное. Так что, когда призовут вас в армию, учитеcь как следует. Семь потов сойдет, а ты все работай, работай, каждое движение отрабатывай до полного автоматизма. Тогда и врага доконаешь, и сам живым из боя выйдешь...

Вот и последний вечер в Новосибирске. С Красного доносится гром оркестров. Холодные лучи прожекторов прорезают черное сибирское небо. Ветер с Оби по-

лощет знамена. Город прощается со своим славным земляком, улетающим обратно на фронт.

— Счастливого пути до Берлина,— взволнованно говорит секретарь областного комитета партии, обращаясь к полковнику,— до скорой встречи! Ждем тебя с победой...

Уже запущены моторы, и воздушный корабль выведен на старт. Покрышкин идет к самолету, бережно ведя под руки плачущую мать и грустную жену. Впереди дальний путь, и потому надо вылететь до рассвета, чтобы успеть засветло сесть в Москве. Короткие волнующие секунды прощания, неизбежные скупые слезы, тесные объятия, и вот уже снят трап, щелкнула дверца, и самолет начинает разбег.

Полковник долго-долго глядит в ночь на удаляющиеся огни Новосибирска, и глаза его невольно краснеют. Вот уже скрылась из виду тусклая лента Оби. На западе небосклон еще черен. Но сзади уже гаснут звезды. Впереди Урал, Москва, фронт.

Так вот и началось наше знакомство с героем этой книги. А продолжилось оно месяц спустя в маленькой польской деревушке Мокшишув возле города Тарнобжег — это была первая в жизни корреспондента «Комсомольской правды» поездка за границу, и он немало гордился этим обстоятельством. Война уже ушла с советской земли, и ее огненный вал катился все дальше на запад...

Многое здесь было в диковину: и пышный замок графа Тарновского, в котором теперь жили летчики соседней дивизии полковника Грисенко, и вывески частных магазинов, где по баснословным ценам предлагались никому не нужные соломенные шляпы и фарфоровые безделушки, и парикмахерская с начищенным медным тазом вместо вывески и надписью «Фризер для панов и пани», и костел с ярко разукрашенными деревянными святыми.

А наши летчики, уже осмотревшись и пообвыкнув, продолжали жить обычной фронтовой жизнью. Фашисты были рядом, рукой подать — за Вислой. Шоссе, по которому приходилось ездить на аэродром, где летчики осваивали только что полученный на вооружение новый скоростной «Лавочкин-7», находилось в зоне артиллерийского обстрела — приходилось проскакивать на автомашине с бешеной скоростью, подчас лавируя между воронками, которые не успевали засыпать.

Полки дивизии Покрышкина были разбросаны по полевым аэродромам. В ожидании новой наступательной операции истребители вели воздушную разведку, прикрывали коммуникации, ходили парами на свободную «охоту» — излюбленный вид их боевой работы.

Полковника я нашел в скромной крестьянской хате с пожелтевшими фотографиями хозяев на стенах, с херувимами и зелеными бумажными розами над деревянной кроватью. Под потолком висело какое-то хитроумное сооружение из затейливо вырезанных цветных бумажек. Как хороший постоялец полковник ничего здесь не трогал и не менял, чтобы сдать хозяевам их хату в полной сохранности, как только придет время уходить дальше вперед.

Я бы покривил душой, если бы сказал, что Покрышкин встретил корреспондента «Комсомольской правды» с радостью: общение с прессой утомило его и в Москве и в Новосибирске. Но, будучи человеком слова, он тут же собрал своих командиров и объявил им, что вот комсомол прислал в дивизию журналиста, — а зачем они ездят, всем известно — и, стало быть, надо ему всячески помочь: что надо — рассказать, что надо — показать; но только чтобы летчики говорили чистую правду и не прикидывались, как иногда водится, а если окажется, что кто-либо это указание нарушит, то с него будет строго взыскано.

А уже через полчаса Покрышкин отвез меня на рас-

положенный в четырех километрах от Мокшишува аэродром 16-го гвардейского истребительного полка, в котором еще недавно служил он сам. По краям летного поля в земляных капонирах стояли красноголовые самолеты, тщательно прикрытые свежесрубленными хвойными лапами. Под крыльями, как всегда, возились мотористы и техники. На командном пункте у репродуктора, стоявшего на сколоченном из неструганых досок столе, сидел невысокий плотный рыжеватый подполковник с Золотой Звездой на гимнастерке. Он внимательно слушал доносившиеся по радио частые отрывистые команды какого-то командира, находившегося в воздухе. Рядом сидел другой Герой Советского Союза с обгорелым лицом, вся грудь его была в орденах.

Подполковник встал, чтобы отдать рапорт, но Покрышкин махнул рукой — седи, мол, и делай свое дело — и коротко познакомил нас:

— Это корреспондент, будет с нами жить... А это мой заместитель подполковник Крюков... И исполняющий обязанности командира полка капитан Клубов. Помните, я в Москве рассказывал про летчика, который сбил тридцать девять самолетов? Ну так вот это он...

И сразу перешел к текущим делам:

— Кто в воздухе?.. Труд?..

— Так точно. Повел шестерку...

— Нормально?

— Нормально. Немцев в воздухе нет. Вот только Еремин летел на охоту и срезал «хеншеля», а так ничего больше не нашли.

— Еще что?

— Ведем стрельбы на полигоне...

— Поехали, Клубов, посмотрим. И вы с нами, если не лень...

Полигон недалеко. Мишени обозначены дерном и посыпаны песком. Рядом — белый квадрат. Летчики по очереди срываются в пике и бьют по мишеням из пулеметов

и из пушки. Покрышкин, засунув руки в карманы рыжей летной куртки, придирчиво следит за ними, делает какие-то пометки в блокноте. Потом мы возвращаемся к Крюкову.

Труд со своей шестеркой уже сел. Это долговязый, не очень складно скроенный, но симпатичный парень с хитрющими глазами. На груди у него — тоже Золотая Звезда Героя. Он по всем правилам подходит к Покрышкину и докладывает, что водил шестерку молодых пилотов по маршруту к Сандомиру и дальше к линии фронта, самолетов противника не встретил, полет прошел нормально.

— Ладно,— хмуро говорит Покрышкин.— Только болтаешь в воздухе многовато.— Потом, повернувшись к Крюкову, спрашивает: — Кто еще не летал? Березкин? Давай выпусти его на разминку... Только пусть горючее экономит. Минут на двадцать. Может, найдет поживу...

Вечером в полуразрушенном помещичьем доме, где живут летчики 16-го полка, мы смотрим ветхий, невероятно изодранный фильм «В старом Чикаго» — приехала кинопередвижка. Летчики стоят и сидят на полу высокого зала с закопченными портретами каких-то вельмож на стенах... Из разбитых окон дует...

Это — будни фронта в пору затишья. В тылу, с увлечением следя за сводками, где все чаще фигурируют сотни отбитых у врага городов, тысячи взятых в плен и огромное количество захваченных трофеев, мы плохо представляли себе вот такие томительные дни и ночи, когда люди не знают, как им убить неожиданно освободившееся время. Нет новых фильмов, почти нет книг, нет артистов. Тоска!..

Вдруг сзади слышится шум. Это энергичный комсомольский работник дивизии Ирина Дрягина привела пешком по грязи из самого Тарнобжега небольшой духовой оркестр. Последним притащился, отдуваясь и вздыхая, маленький взъерошенный паренек, изнемогав-

ший под тяжестью огромного барабана. Услышав, как музыканты начали настраиваться, пришагал по непролазной улице села Покрышкин, освещая себе путь карманным фонариком.

— Хватит кино! «Сербияночку»! — крикнул Андрей Труд.

И вот уже зажжен тусклый свет, побрызган вытоптанный пол, запели медные трубы, и пошла плясать губерния! Кто танцует с санитаркой из соседнего госпиталя, кто с подавальщицей из столовой, а кому не хватило дамы — со своим братом-истребителем. Звенят малиновым звоном ордена и медали, слышится смех, шаркают грубые кирзовые сапоги, взвивается к потолку крепкий дым махорки, и строгим ястребиным оком глядит с порога начальник политотдела Мачнев — не перехватил ли кто случаем сегодня вечером лишних сто граммов?..

А я внимательно приглядываюсь к героям своей будущей книги, с которыми мне предстоит провести не одну неделю, — как-то сложатся у нас отношения, сумеем ли мы найти общий язык?.. И, словно угадывая мои мысли, вдруг трогает меня за рукав коренастый летчик с обожженным лицом, с которым встретились мы на аэродроме:

— Что задумался? Думаешь небось, как с этим геройским народом жить будешь, как к ним ключи подбирать?.. Ничего, парень, ты не смотри, что на них столько звезд: они только в первый день глаза слепят... Пойдем-ка ко мне наверх...

Клубов жил в необычайно неуютной холодной комнатухе в башне этого полуразбитого помещичьего дома. На колченогом столе отчаянно чадила «Катюша» — фитиль, вдетый в сплюсненную медную гильзу от зенитного снаряда, наполненную бензином. Окно было забито листом фанеры. Налив в треснутые стаканчики розоватого спирта, капитан с золотой звездой и множеством орденов на груди пожелал мне успеха в работе и заговорил

о том, что, видимо, давно уже лежало у него на сердце:

— Значит, хочешь писать о героях... Подожди, я понимаю, всех вас сюда за этим именно и посылают. Конечно, это дело нужное. В песне вот мы пели до войны: «Когда страна быть прикажет героем, у нас героем становится любой...» Да, казалось, вроде бы все очень просто. А потом оказалось совсем непросто. И вовсе не любой героем может стать. Верно?.. Только ты не подумай, будто я хочу сказать — вот мы какие, а больше никто так не может. Нет, может. Но что надо сделать, чтобы он смог?.. Вот ты об этом и расскажи, если сумеешь...

Клубов посмотрел на меня своими красивыми, немного печальными светло-кариими глазами — когда он горел в своем самолете, очки и шлем спасли ему верхнюю часть лица, которая теперь резко контрастировала с изуродованными щеками и носом.

— Вот когда некоторые из вас пишут,— продолжал он,— все вроде получается очень просто: взлетел, сбил, сел, опять взлетел. Даже красиво! Ас, мол, и тому подобное. Вот Покрышкин уже шестой десяток добывает, это верно. Ну и у меня, и у других кое-что есть на счету. А вот почему многие из наших, и даже очень хороших, порядочных парней не только ни одного фашиста не сбили, но сами в первом же бою погибли?.. Выходит, не любой становится героем?.. Но я опять тебе говорю, это не для прославления избранных, нет! Я к тому, что история с асами не нами придумана. Она к нам с той стороны пришла,— Клубов махнул в сторону фронта.— Это они завели моду — летать с чертями да с тузами пик на фюзеляже, и кое-кто из наших обезьянничать стал. А Саша Покрышкин — хоть он и полковник, и комдив, а для меня он все равно Саша, потому что он настоящий боевой товарищ,— он по-другому рассуждает: искусство истребителя — наука и труд. Конечно, тут и вдохновение требуется, и интуиция, но это все-таки — не стихи писать. Тут девять десятых учебы и труда и одна десятая вдох-

новения и интуиции, вот как Золотые Звезды зарабатываются...

Я смотрел во все глаза на своего нового знакомого. Сказать по правде, я не ожидал такого интересного разговора, тем более что мне рассказывали о Клубове много такого, что не вязалось вот с этими его искренними словами. Говорили, что он сорвиголова, отчаянной души человек с трудной и не всегда прямолинейной биографией. А Клубов, еще раз строго взглянув на меня, продолжал:

— Вот ваш брат все пишет о летчиках, о героях опять же. Знаем, что герои. Мне уже надоело корреспондентам рассказывать, как я горел. Ему интересно это расписывать, а мне вспоминать больно! А вот почему он не пойдет к техникам, не расспросит их, как они работают? Героев Советского Союза — летчиков много, а почему не дают Золотые Звезды техникам? Я тебя спрашиваю! Вот, к примеру, приезжает фоторепортер из «Красной звезды»: «Желаю снять вас, товарищ герой Клубов». А я ему говорю: «В одиночку сниматься не буду, сними меня с моим техником, с которым я всю войну прошел и который и в снег, и в дождь, и в пургу из любого летающего гроба за ночь самолет делал, чтобы я на нем утром фашиста сбил!»...

— Нет,— с силой сказал Клубов,— если ты с честным намерением к нам приехал, ты вот учти все это. Я тебе говорю: нашему народу не нужно с нас, летчиков, иконы писать. Ты так о нас расскажи, чтобы любой школьник прочел и подумал: «Да, трудное это дело, но если с душой взяться и поту не жалеть, ну не Покрышкиным, может быть, а таким, как Андрюшка Труд, стать можно». Но только не прячь, пожалуйста, трудностей и всяких наших бед, и несчастий, и даже смертей. А то ведь, знаешь, сколько нам навредила наша довоенная кинокартина «Если завтра война»?.. Дескать, раз-два — и в дамки!

А что вышло?.. Вот то-то. А сейчас иди. Я спать буду — завтра мне летать...

Этот памятный разговор состоялся у нас вечером 28 октября, а два дня спустя Клубов, тренируясь на «Лавочкине-7», разбился насмерть. Человек, истребивший до полусотни гитлеровских самолетов в трудных воздушных боях, погиб, как это бывало, до обидного нелепо: шел на посадку со сносом, закрылки не вышли — оказались неисправными, снесло с бетонной полосы на раскисшее поле, колеса зарылись в грязь, полный капотаж и — смерть...

Вся дивизия оплакивала этого храброго и умного человека с чистой душой. И я посчитал своим долгом прежде, чем начать рассказ об Александре Покрышкине и его боевых друзьях, помянуть добрым словом этого человека, чьи советы, высказанные в осеннюю фронтовую ночь, прозвучали как завещание солдата молодому комсомольскому журналисту.

Работая над книгой, я старался следовать его советам, пытаюсь показать, как рядовые советские молодые люди, начавшие войну безвестными и неопытными пилотами Военно-Воздушных Сил, сумели преодолеть все трудности тяжкого 1941 года и стать первоклассными мастерами своего дела, грозой фашистских асов.

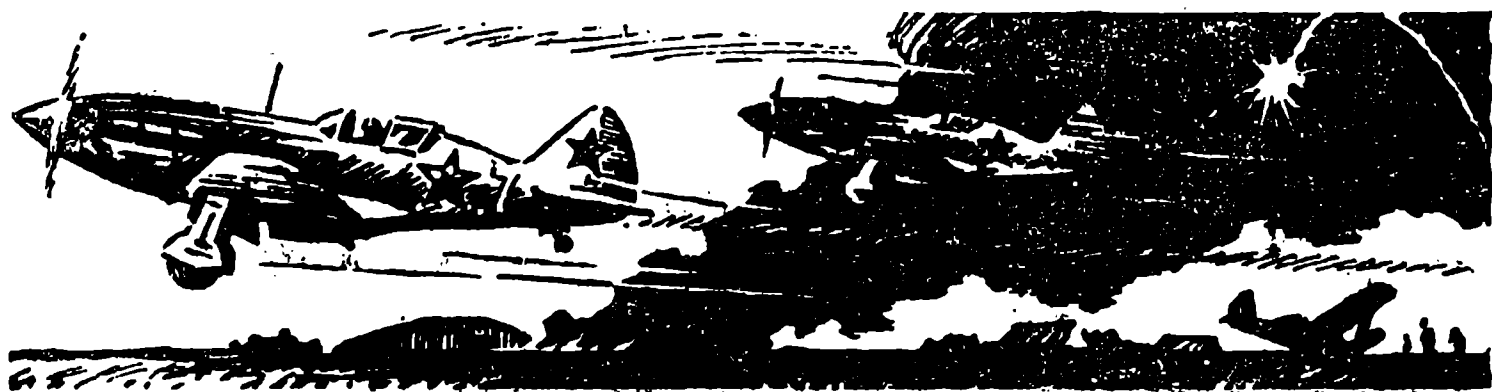
Книга эта была мною написана и опубликована уже после войны — она была издана в 1963 году издательством «Молодая гвардия». Я получил тогда немало откликов от тех, с кем свела меня фронтовая судьба у берегов Вислы. И сейчас, возвращаясь к своим рабочим тетрадям сороковых годов, я как бы заново пережил события тех дней.

В нынешнем рассказе о людях, встреча с которыми тогда произвела на меня неизгладимое впечатление, я постарался учесть их дружеские советы, пожелания, критические замечания. Время летит с непостижимой быстротой, а сейчас большинство из героев этого рас-

сказа, верой и правдой отслуживших в Военно-Воздушных Силах положенный им срок, ушли, как принято говорить, на заслуженный отдых. Прошли они за эти годы большой путь, и когда покидали боевой строй, на плечах у многих из них сверкали уже генеральские звезды.

Что же касается главного героя этой книги — Александра Ивановича Покрышкина, то его блистательная судьба у всех нас на виду. Он стал маршалом авиации, занимал весьма высокие командные должности в Военно-Воздушных Силах СССР, а затем, не сдаваясь на милость возрасту, продолжил деятельность на посту Председателя Центрального комитета Всесоюзного добровольного общества содействия армии, авиации и флоту — ДОСААФ, играющего неоценимую роль в деле подготовки нашей молодежи в защите Отечества.

Мы нередко встречаемся с Александром Ивановичем на сессиях Верховного Совета СССР и на пленарных заседаниях ЦК нашей партии — он депутат Верховного Совета СССР от Бережанского избирательного округа Тернопольской области и кандидат в члены ЦК КПСС. Ему с глубоким уважением и искренним восхищением и посвящается эта книга.

САМЫЙ ДОЛГИЙ ДЕНЬ

Хорошо весной в Бельцах! Сады, владеющие городом, окутаны бело-розовой дымкой цветения. Ветвистые клены и каштаны, выстроившиеся шеренгами вдоль каменных тротуаров, машут прохожим своими молодыми пахучими побегами. Карабкаются по резным балясинам тенистых веранд устремленные к горячему белому солнцу усики виноградных лоз...

И все такое яркое, ослепительно чистое, красочное, непривычное для северянина: и эти канареечного цвета дома, и вот эта ярко-голубая церковь под цинковой крышей, и необыкновенные пестрые вывески, и мостовые из белого камня, и ленивый немноговодный Реут в зеленых камышах. Словно огромную цыганскую шаль на себя накинула бессарабская земля!

Цокает копытами сытый конь, мягко катится на дутых шинах высокий фаэтон, загорелый бородатый возница, лениво щелкая длинным бичом, мурлыкает какую-то свою песенку, недопетую со вчерашней гулянки. Покачиваются на кожаных подушках юные пассажиры — зеленые гимнастерки, серебряные птицы на рукавах, малиновые кубики в голубых петлицах. До аэродрома несколько километров, почему бы и не отдать рубль извозчику?

Вот уже скоро год исполнится, как молодой пятьдесят пятый истребительный авиаполк перекочевал в Бессарабию из Кировограда. Он был сформирован лишь пятнадцатого сентября 1939 года. В нем собрались разные люди — и бывалые летчики, выдавшие виды на своем веку, и зеленая молодежь, совсем недавно вышедшая из стен училищ. Как часто бывает в таких случаях, полк долго жил шумным и беспокойным биваком.

Летчики гордились тем, что их пятьдесят пятый одним из первых получил новые скоростные истребители МиГ-1. Говорили, что в боях на большой высоте, до восьми тысяч метров, им нет равных во всем мире. До этого летали на старых машинах — сначала на «доисторических» И-5 и И-15-бис, потом получили курносые И-16, прославившиеся в боях в Испании, но с тех пор уже устаревшие. «Миги» были доставлены в полк совсем недавно, в апреле, но летчикам так не терпелось овладеть ими, что, работая с превеликим энтузиазмом, почти все уже не только изучили новый самолет, но и успели полетать на нем.

Работали в полку много, приходилось заниматься и не своим делом: в Бельцах раньше не было авиационной базы, и летчикам на первых порах пришлось помогать строителям. Они часто устраивали воскресники, субботники: надо было побыстрее забетонировать взлетно-посадочную полосу, построить бараки, вымостить шоссе к аэродрому, раскинувшемуся вон там, за речкой, среди кукурузных полей.

Жили летчики пока что в городе, на частных квартирах, столовались в веселых и шумных молдаванских ресторанчиках.

Командир полка майор Иванов, лихой мастер воздушной акробатики и поэт в душе, по вечерам читал друзьям наизусть целые главы из пушкинских поэм, а иногда и собственные стихи. Втайне майор считал себя неудачником: сколько раз просился добровольцем в боевые де-

ла — не взяли ни в Испанию, ни в Монголию, когда шли бои на Халхин-Голе... Это очень обижало его, но он старался не подавать вида и скрывал свою тоску под напускной веселостью.

Командир полка, конечно, отдавал себе отчет в том, что, в сущности говоря, уже пора было бы завести более жесткие порядки, подтянуть воинскую струнку. Но видя, что летчики летают и учатся неплохо и что никаких чрезвычайных происшествий нет, он не спешил, выжидал, пока в этом шумном воинском братстве люди ближе узнают друг друга, пока накрепко завяжутся узы хорошего воинского товарищества, и полковая жизнь наконец потечет размеренно и спокойно...

Фазтон уже плавно перекатился через мост, и теперь копыта коня глухо стучали по пыльной дороге. Солнце припекало все сильнее. Густые ароматы молодых трав пьянили летчиков. Разговор не клеился, и они молча слушали жаворонков, заливавшихся в небе. В такое погожее утро не хотелось думать ни о чем серьезном. И вдруг широкоплечий старший лейтенант с волевым угловатым лицом, озаренным ясными серыми глазами, сказал, продолжая мысль, которая, видимо, не давала ему покоя:

— А что, если он потащит вниз?..

Летчики переглянулись.

— Ты о ком это, Саша?

— О ком? Конечно, о противнике! Представьте себе: они вступают в бой и уводят нас на низкие высоты. На семи тысячах метров наш «миг» — бог. А если придется драться на двух тысячах? На тысяче? На бреющем? А?.. Ведь мотор у нас высотный!..

Он говорил глуховатым голосом, волнуясь, отрывисто. Его лицо горело румянцем. От этого на переносице заметнее выделялась белая отметинка — давний след удара, полученного на боксерском ринге. Его спутники заулыбались:

— И охота тебе, Покрышкин, в эту погоду о таких вещах думать! Пусть начальство беспокоится. Тебе же говорили, что «миги» будут применяться во взаимодействии с другими машинами. Те будут внизу, а ты, как бог Саваоф,— над облаками.

Но Покрышкина трудно было урезонить, он стоял на своем:

— Где эти другие машины — я не знаю. А вот представь себе, что мы сегодня начинаем бой. На нашем аэродроме одни «миги» да устарелые «ишаки» и «чайки». Так что же ты прикажешь делать, Соколов, а?

Соколов пожал плечами.

— Если бы да кабы!.. Экий ты философ, Сашка! Прикажут — полетим. Полетим — будем драться. Ведь «миг» — зверь в сравнении с «ишаком». А было время, между нами говоря, в Испании и на «ишаках» «мессершмиттов» били!..

— Так-то оно так,— буркнул старший лейтенант,— ты думаешь, я «миг» хуже твоего знаю?

И он опять замолчал, уйдя в себя.

Двадцатishестилетний летчик, пришедший в полк в конце 1939 года, пользовался в полку своеобразной славой. Одни относились к нему с уважением, другие, услышав его имя, пожимали плечами. Он был неразговорчив, резковат, с людьми сходилcя не сразу, как-то исподволь прощупывал их, прежде чем подружиться. В то же время чувствовалось, что он тоскует по обществу и что ему хочется стать, как говорится, своим парнем в коллективе. Поэтому никто не удивлялся, когда вдруг Саша Покрышкин оказывался в компании лихих ребят, которые не лезли в карман за словом и любили покуролесить. Но так же внезапно он мог уйти, запереться в своей комнате и часами сидеть наедине с книгами.

Увлекался Покрышкин радио, возможностями использования его в бою. Некоторые ветераны истребительной авиации в то время пренебрегали радиосвязью. «Только

мешает этот лишний шум,— говорили они.— Летчик в полете должен сам все видеть вокруг. А тут тебе на ухо кто-то бормочет, что-то подсказывает, что-то приказывает. Внимание раздваивается, летчик теряет решительность. Нет, эта штука хороша для воздушных извозчиков, а не для истребителей».

Покрышкин решительно возражал: «Это глупо! В будущей войне наверняка нам придется воевать в строю, может быть, целыми полками, как же тогда без радиосвязи?» Майор Иванов назначил Покрышкина по совместительству начальником службы связи эскадрильи, и он с величайшей добросовестностью выполнял это поручение.

О себе Покрышкин рассказывать не любил. Только Соколов, Миронов да Фигичев — летчики, которым он доверял,— знали, что жизнь у него сложилась тяжело. Вырос в большой, бедной семье, рано ушел из дому и начал самостоятельную жизнь.

Упрямый паренек сибирских кровей был по натуре самолюбив. Он не терпел излишней опеки и старался дойти до всего своим умом, хотя так было гораздо труднее. Из наук в фабзавуче любил только математику, все что-то мастерил, выдумывал. Изобретения были самые неожиданные и не всегда являвшиеся предметом первой необходимости — например насос для фонтана... Но увлечение авиацией стало главным в жизни рабочего паренька. Как и тысячи его сверстников, он мечтал стать летчиком.

В 1932 году, когда Покрышкину исполнилось девятнадцать лет, райком комсомола послал его в Пермскую авиатехническую школу. Он был молод и слабо разбирался в авиационных терминах, поэтому слово «авиатехническая» скользнуло мимо его внимания. Когда же Покрышкин, прибыв в Пермь, узнал, что ему суждено не летать, а обслуживать самолеты на земле, он пережил это как большую трагедию. Но служба есть служба. По

окончании школы Покрышкин был направлен в Краснодар техником звена авиасвязи 74-й стрелковой дивизии и долго тянул там свою солдатскую лямку, регулярно два раза в год подавая рапорт о зачислении в школу пилотов и так же регулярно получая отказ: ему говорили, что техники нужны так же, как и летчики, а он — хороший техник...

Так уходили годы. Годы тоски по небу. Уже высоко взошла звезда Чкалова, уже прославились Громов и Коккинаки, уже поразили весь мир своими полетами советские арктические летчики, а безвестный техник Саша Покрышкин в потрепанной, замасленной гимнастерке по-прежнему дежурил у своих немудреных У-2 и Р-5, каждый винтик которых знал наизусть.

С горечью он вспоминал день и час, когда таким окрыленным, полным радужных надежд покидал Новосибирск, отправляясь в Пермь. Останься он тогда на Сибметаллстрое — наверняка бы уже закончил институт и стал бы инженером. А что теперь?

Друзья говорили ему: «Остепенись, пора бы тебе уже жениться, обзавестись семьей, осесть прочно в Краснодаре!» Покрышкин не хотел и слушать об этом. Он знал, чувствовал, что еще не все потеряно, что он еще может стать летчиком. Летом 1936 года, отдыхая в Хосте, Покрышкин познакомился с Супруном — впоследствии ставшим знаменитым героем, а тогда еще молодым летчиком-испытателем. Они сошлись характерами и долго беседовали по душам, сидя на берегу моря или заплывая далеко-далеко от берега. Супрун хорошо понимал Покрышкина и советовал ему ни в коем случае не оставлять своей мечты.

— Раз веришь в себя, значит, дело будет. А ты ведь боч какой здоровяк. Мамонт сибирский! Из таких вот летчики и получаются...

Молодая кровь бурлила у обоих. В шторм они тайком уплывали на лодке далеко от берега, чтобы там по-

мериться силами с волнами. Когда об этом узнавали, в санатории поднимался переполох. Снаряжали спасательную экспедицию, а друзья, усталые и довольные, выгребали к берегу и с виноватым видом выслушивали строгие нотации главного врача...

«Раз веришь в себя, значит, дело будет!» — Покрышкин потом часто вспоминал эти слова.

Он поступил в осоавиахимовский кружок планеристов и два года бегал в свободные от службы часы по летному полю, запуская веревкой неуклюжие самодельные планеры. Потом выпросил у летчиков «Курс летной подготовки», составленный Пестовым, разобрался в нем, выучил наизусть. Наконец упросил принять его в Краснодарский аэроклуб и пожертвовал учебе очередной отпуск.

Результаты оказались ошеломляющими: уже на третий день занятий после двенадцати полетов по кругу Покрышкину дали возможность летать самостоятельно, а на пятнадцатый день вручили свидетельство об окончании аэроклуба, и инструктор сказал ему:

— Будете истребителем...

Однако лишь в 1938 году Покрышкину разрешили наконец поступить в авиашколу. Он окончил ее отлично и был направлен вот сюда, в этот молодой авиаполк. Саша привык уже к тому, что ему не везет, и его не удивило, что ему достался самый изношенный, выдавший виды «ишачок».

Безропотно приняв старую машину, он долго возился с ней: не отходил от своего «ишака» до тех пор, пока не получил полной уверенности в том, что машина его не подведет в воздухе.

И все же первый полет принес огорчение. Когда командир увидел, что новичок уверенным жестом бросил свою ветхую машину в пике, а потом резко вывел ее горкой, у него подкосились ноги. Он был почти уверен, что машина не выдержит перегрузки и вот-вот грохнется

на землю. И хотя Покрышкин приземлился нормально, командир строго сказал:

— Отстраняю вас на три дня от полетов. Вот начнется война, тогда и будете головой рисковать. А сейчас я за вас отвечаю...

С тех пор прошло почти полтора года, Покрышкин многого добился. Он окончил курсы командиров звеньев, был назначен заместителем командира эскадрильи; одним из первых в полку пересел на новейший скоростной высотный истребитель «миг» и получил звание старшего лейтенанта. Все знали уже, что это умелый летчик. И все же Покрышкин нет-нет да и заставлял своих командиров поволноваться.

— Какой-то анархист! Рано или поздно он сломит себе голову,— говорил о нем полупрезрительно сухой, подчеркнуто подтянутый заместитель командира полка капитан Жизневский.

В самом деле, никогда нельзя было поручиться, что Покрышкин не выкинет какой-нибудь номер, идущий вразрез с наставлениями. Он пилотировал резко, упрямо, с какой-то особенной страстью, которую перенял у своего друга — летчика Соколова. Покрышкин сознательно шел на большие перегрузки, которых другой пилот, пожалуй, не выдержал бы.

Много шуму в полку наделали стрельбы Покрышкина. Вначале у него дело не ладилось, хотя он как будто бы по всем правилам атаковал полотняный конус, который тянул за собой самолет-буксировщик; в эту движущуюся мишень попадали всего две-три пули. Не удавалось поразить мишень и многим другим пилотам. Покрышкин принял свою неудачу очень близко к сердцу.

— Пойми же, Костя,— говорил он Миронову, который пробовал его утешить,— ведь мы с тобой только для того и существуем, чтобы убивать в воздухе врага. На черта нам и взлет, и посадка, и искусное хождение строем, если мы не сумеем, когда нужно будет, посадить

очередь зажигательных пуль в хвост самолету врага? Будь я командиром, я бы только стрельбам и учил молодежь...

Вечером он заперся в своей комнате, достал учебники, бумагу и стал вести сложные математические расчеты, вспоминая учебу в новосибирском вечернем техникуме. Надо было найти наивыгоднейший угол подхода к мишени, при котором попадание было бы гарантировано, и он его нашел. А чтобы избежать рассеивания пуль, он решил бить по конусу с предельно короткой дистанции, нажимая на гашетку лишь в тот момент, когда по всем правилам учебных стрельб полагается отваливать в сторону...

На утро снова были назначены стрельбы. Когда пришел черед Покрышкина, и он, набрав скорость, стал срезать угол, быстро сближаясь с мишенью, все на земле так и обмерли: Покрышкин почти вплотную прижался к буксировщику.

— Сейчас он врежется ему в хвост,— сказал со злостью Жизневский.— Хулиган!..

Послышался треск, словно в воздухе рванули огромное полотно. Конус трянуло. Покрышкин проскочил над буксировщиком, который резко спикировал, но затем выровнял машину и повел ее на посадку.

— Никак летчик буксировщика ранен,— в сердцах сказал заместитель командира полка.— Черт знает что!..

Но летчик буксировочного самолета, благополучно совершивший посадку, был невредим. Бледный, как бумага, он возмущался и кричал срывающимся голосом:

— Сумасшедший! Медведь! Чуть-чуть не убил...

Приземлившийся вслед за ним Покрышкин угрюмо косился на него из-под надвинутой на брови фуражки.

— Чуть-чуть не считается... Ты лучше сочти пробойны в конусе...

Конус был весь изрешечен, и это порадовало не только Покрышкина, но и его командира — опытного

29-летнего комэска Атрашкевича. Защищая Покрышкина, он говорил Жизневскому:

— Не всем же ходить по ниточке и быть паиньками! А как Чкалов начинал? Помните, как он под мостом пролетел?..

— Чкалов, Чкалов! — горячился заместитель командира полка. — Так ведь на то он и Чкалов! А кто такой Покрышкин? Ну? Кто он? Подумаешь, только вчера выскочил из техников и думает, что он теперь — бог! Один «миг» из тысячи!..

Атрашкевич подхватил:

— В этом я с вами целиком согласен. Вот именно — один «миг» из тысячи! Но ведь мы тем и сильны, что у нас сегодня тысячи таких, как он. Ни я, ни вы, ни сам дух святой не скажет — по каким аэродромам сейчас ходят будущие Чкаловы. А растить их мы с вами обязаны.

Жизневский поморщился:

— Ну вы, батенька, кажется, начинаете мне проповедь читать, а я сам ученый, тоже на Халхин-Голе воевал. Давайте кончим на этом. Имейте в виду: если вы будете и впредь поощрять такое поведение летчиков в воздухе, то и вам не поздоровится.

Капитан Атрашкевич, сам старый служака, отлично знавший технику и умело владевший самолетом, прекрасно понимал, что Покрышкину еще надо пройти серьезную школу, прежде чем он станет настоящим военным летчиком. Слишком долго и беспощадно била и трепала его жизнь, чтобы это могло остаться для него бесследным. Упрямство, своеволие, порою совершенно непонятная смена настроений — все это мешало Покрышкину втянуться в размеренный воинский ритм.

В Качинской летной школе Покрышкин увлекся ранним Горьким, выучил наизусть «Песню о Соколе», запоем прочел три тома «Жана Кристофа» Ромена Роллана, «Войну и мир» Толстого. Его влекли романтические об-

разы сильных людей, не боящихся одиночества. Он преклонялся перед Андреем Болконским, ему был близок и понятен мятущийся Кристоф. Ожесточившаяся от долгих неудач душа Покрышкина была закрыта на замок для всех посторонних, и нелегко теперь было убедить его в том, что в наше время нужно жить иначе — открыто и широко.

Атрашкевич был уверен, что в случае войны Покрышкин станет хорошим солдатом,— Саша был глубоко убежденным советским человеком, комсомол в юные годы привил ему искреннюю, негасимую веру в правоту того большого дела, которое творит народ, он ненавидел всей силой своей непосредственной, цельной натуры фашистов и глубоко завидовал тем из друзей, кому уже довелось помериться с ними силами в Испании. Готовясь к войне, которую он, как и большинство летчиков, считал неизбежной, Покрышкин много и серьезно работал над собой. Но своевольные индивидуалистические черточки могли серьезно подвести его в современном бою, требующем прежде всего слаженности и безукоризненной четкости в действиях коллектива, совершенного взаимодействия всех винтиков военного механизма. А ну как ему взбредет на ум в разгаре боя сделать что-нибудь свое — может быть, умное и интересное, но идущее вразрез с общими планами?

И все-таки комэск не был согласен с заместителем командира полка, требовавшим зажать этого летчика в ежовые рукавицы. Хорошо зная характер Покрышкина, Атрашкевич понимал, что это привело бы к результатам, противоположным тому, чего хотел добиться Жизневский: его нельзя было заставить, его надо было убедить. И он часто и подолгу разговаривал по душам с Покрышкиным, стремясь вызвать его на откровенность,— в воздухе пахло порохом, и здесь, на границе, о войне говорили как о чем-то близком и неизбежном, хотя страна в те дни еще жила привычной и шумной мирной жизнью.

В Москву съезжались со всех концов колхозники, спешившие на открытие сельскохозяйственной выставки. Белорусы начинали осуществление большой программы осушения болот, рассчитанной на пятнадцать лет. В Ленинграде заканчивалось печатание очередного тома собрания сочинений Ленина. Летчик Черевичный со своей гигантской летающей лабораторией совершал один за другим дерзкие прыжки в район великого белого пятна Арктики — за 80-й параллелью, в Вильнюсе состоялось первое собрание Литовской Академии наук. Москва тепло приветствовала участников декады таджикского искусства.

Но здесь, где-то совсем рядом, уже накапливались армии врага, готовившиеся к внезапному удару. Они передвигались на восток тайно, по ночам. Немецкие дипломаты в Москве еще вежливо улыбались на официальных приемах, немецкие газеты благожелательно писали об успехах советского народного хозяйства, а тут, у Прута, пограничники задерживали шпионов и диверсантов, и немецкие самолеты, словно по ошибке, то и дело перелезали границу.

Авиаполк получил боевое распоряжение — выставить засады. При появлении немецких машин в воздухе «миги» стремительно взмывали в небо и, не открывая огня, — это было строжайше запрещено! — заставляли непрошенных гостей удаляться. На аэродроме ускоренным темпом заканчивали сборку последней партии только что полученных машин. Их тут же облетывали и перегоняли в летний лагерь, оборудованный близ уединенного хуторка Семеновка. Там самолеты искусно маскировали в небольшой рощице, выращенной для защиты полей от суховея, и трудно было распознать, что здесь находится крупная полевая авиабаза.

Туда, в лагерь, уже переселилась большая часть летчиков и техников. Атрашкевич, Покрышкин, Соколов и некоторые другие должны были присоединиться к ним,

как только закончатся сборка и облет новых самолетов. Покрышкин любил испытывать собранные машины; каждая из них имела свои особенности, свой характер, и ему доставляло удовольствие каждый раз распознавать характер самолета в полете.

Как-то после полетов летчики улеглись на траве, ожидая попутной машины в город. Разговор опять вертелся вокруг войны. Толковали о недавнем вторжении гитлеровцев в Грецию, о жестоких боях на острове Крит, где немцы впервые применили массовую высадку парашютистов.

— Это репетиция. Уверяю вас, это репетиция! — горячо говорил Соколов. — Только вот вопрос: на какой сцене разыграется спектакль? На английской или на нашей?

— Ну, это не вопрос! — улыбнулся, сощутив глаза, Атрашкевич, копавшийся у своего мотоцикла. — Во всяком случае, не на английской. Там уже высажен один десант: Гесс...

Летчики посмеялись. Атрашкевич добавил:

— Помните, немцы сообщали: «Идеалист Гесс одержим роковой навязчивой идеей — ему хочется добиться соглашения с Англией». Кажется, вполне ясно, в чем тут дело...

— Да, — сказал Покрышкин, — все яснее ясного. Только одного хочется: поскорее бы, и чтобы не всплую! Драться так драться!..

Лежавший рядом с ним круглолицый веснушчатый младший лейтенант горячо откликнулся:

— И подеремся!

Это был совсем молодой пилот, недавно пришедший в полк из Пермского авиаучилища, Гриша Речкалов *. Ему недавно пошел двадцать второй год. Деревенский пар-

* Г. А. Речкалов, дважды Герой Советского Союза, ныне генерал-майор авиации в отставке.

нишка из села Худяково Зайковского района на Урале, он начал самостоятельную трудовую жизнь четырнадцати лет от роду. Учился в фабзавуче на Верх-Исетском заводе в Свердловске, мечтал стать металлургом, но по здоровью не подошел для работы у мартена. Стал электромонтером, в свободные от работы часы занимался в кружке планеристов, потом в аэроклубе. Поздоровел. В конце 1937 года по комсомольской путевке был направлен в военную школу летчиков. И вот он здесь...

Атрашкевич с легкой усмешкой глянул на Речкалова. Ему вспомнилась запись в аттестации младшего лейтенанта: «Курсант дисциплинирован, строевая подготовка хорошая. Усвоение летной подготовки хорошее. В воздухе смел, находчив и спокоен. Материальную часть знает хорошо. Однако над повышением своих знаний работает недостаточно. В работе находчив и работоспособен, но иногда ленив...»

Атрашкевич хотел умерить пыл юноши, но сго опередил сосед:

— Ишь какие петухи! — сказал вдруг негромко загорелый, круглолицый и сам, как мячик, старший лейтенант лет тридцати пяти с орденом Красного Знамени на груди. Добродушная отеческая улыбка осветила его лицо.— Петухи! — повторил он и продолжал: — А вот эту пословицу вы помните: не хвались, идучи на рать...

Речкалов покраснел:

— А что ж, Пал Палыч, разве мы хвалимся?

— А я и не говорю, что вы хвастуны. Я говорю — петухи! Потому говорю, что сам таким был. А попал в первый бой — крутился, крутился и ни черта не понял. Только потом на земле от других летчиков, которые раньше уже вели воздушные бои, узнал, что происходило. Деликатная вещь — человеческие нервы, да-с. И с этим считаться надо...

Молодежь придвинулась к старшему лейтенанту, и даже Атрашкевич, оставив мотоцикл, подсел к нему

поближе. Пал Палыч Крюков *, один из старейших летчиков в полку, пользовался большим авторитетом. Он начинал свою летную карьеру еще тогда, когда пилоты летали на зыбких и строгих самолетах первых советских конструкций, служил семь лет на Дальнем Востоке, воевал на Халхин-Голе. Рассказы его все слушали с огромным вниманием.

— Я к тому говорю,— продолжал он,— чтобы вы не думали, что это так же просто, как бить по конусу: попал — хорошо, не попал — можно второй заход сделать. А вот когда ты увидишь перед собой не мишень, а живого фашиста, который норовит первым в тебя очередь уложить, тут пойдет другой разговор! Вы уж к тому и готовьтесь. И имейте в виду: в первом бою вы попросту многого не увидите и не поймете. Потом, конечно, постепенно как-то привыкнете. Вот тогда и говорите: «Подеремся...»

Покрышкин попросил:

— Пал Палыч, расскажите, как вы самураям давали прикурить...

Крюков привычным движением расправил складки гимнастерки, плотно облежавшей его округлую фигуру, и улыбнулся. По правде сказать, он любил рассказывать о своих воздушных боях, и долго упрашивать его не приходилось. Да и командование поощряло такие беседы — они были очень полезны для летной молодежи.

Начинал Пал Палыч обычно издалека — с 1931 года, когда он учился в летной школе города Энгельса на Волге летать на древней машине Р-1, ужасно любившей весьма некстати сваливаться в штопор. Сейчас ее можно увидеть только на картине.

Когда Крюков стал истребителем, он летал уже на

* П. П. Крюков — к концу войны был командиром полка, затем командовал соединениями, Герой Советского Союза, генерал-майор авиации. С 1965 года был председателем совета ветеранов 9-й гвардейской авиадивизии. Умер в ноябре 1974 года.

И-3 с мотором водяного охлаждения; эту старинную машину тоже никто из молодых истребителей никогда не видал. Потом Пал Палыч был назначен в 51-ю истребительную эскадрилью в Сибирь. Там он уже летал на более или менее современной машине И-5. Правда, и это был самолет с коварным нравом — любил сваливаться в плоский штопор, и однажды Крюков чуть было не угодил на нем в озеро.

Когда японские войска в районе озера Буир-Нор вдруг углубились на сорок пять километров на монгольскую территорию, отряд из двадцати истребителей, в который включили и Павла Крюкова, был переброшен туда на помощь монгольским друзьям. Истребители прикрыли этот участок и помогли остановить захватчиков. В ожидании дальнейшего развития событий там пришлось временно и поселиться. Жили в юртах и землянках, было несладко, но что поделаешь — служба...

Японские милитаристы, как и следовало ожидать, не успокоились. В 1939 году они предприняли уже мощное военное вторжение в районе реки Халхин-Гол, и там закипела ожесточеннейшая битва. Советский Союз бросил в помощь Монголии танковые и авиационные части, и разгорелась самая настоящая война.

Павел Крюков и его друзья уже пересели на вполне современные для той поры истребители И-15-бис, и их эскадрилья была развернута в авиационный полк. Но и японцы ввели в действие отличные авиационные части. Их И-97 по скорости даже превосходил И-15-бис. Начались жестокие воздушные бои.

Вспоминая о том, что происходило два года назад, Пал Палыч был совершенно искренен, когда говорил, что в первом бою он ничего не увидел и ничего не понял. Заметил только, что чей-то самолет горит, подумал: «Черт возьми, так и сбить могут», — начал крутиться, метаться, гоняясь за японскими хвостами, стрелял с дальних дистанций, хотя отлично знал, что надо подходить

ближе, и сел совершенно расстроенный, думая, что никогда ему не стать настоящим истребителем.

На земле более опытные летчики рассказали: был острый бой, одного японца сбили, у нас потерь нет, Крюков серьезных ошибок не допустил, но надо учесть то-то и то-то...

Во втором бою все казалось яснее и понятнее. Атаковали японские И-97, легкие и верткие. Вели их, видимо, опытные лихие летчики; дрались японцы с шиком, переворачивая машину вверх колесами, атаковали в лоб и вели огонь, висая вниз головой. Подловив одного такого лихача, Крюков дал по нему из четырех своих пулеметов, и тот сгорел. За Крюковым увязался второй. Он от него увернулся. Стал действовать увереннее, смелее...

Потом Крюков сбил еще один японский самолет. Ожесточение военных сражений нарастало. В иных боях с каждой стороны участвовало до сотни истребителей. В одной из таких схваток Пал Палыч погнался за японцем, как вдруг увидел, как рядом с ним клюют его товарища. Бросил свою поживу, пришел на выручку другу, зажег японскую машину — это была третья победа Крюкова на Халхин-Голе. Но тут же почувствовал удар, и пламя хлынуло в лицо...

Как на беду, Крюков в нарушение правил летал в этот день без кожаного реглана и даже без обмундирования — было очень жарко, и он надел только матерчатый комбинезон на голое тело. Теперь пламя жгло руки, грудь, затронуло волосы... В голове мелькнуло: «Ну, Пал Палыч, слезай, приехали...» Все же кое-как отстегнул лямки, последним усилием толкнул ногой ручку управления вперед и вылетел, как головешка, из летящего костра.

Комбинезон еще тлел. Никак не удавалось нащупать кольцо парашюта. А земля приближалась... Рванул шланг парашютной тяги — пришит крепко. Опять начал нащупывать кольцо... И когда земля была уже близко, нашел

его наконец и изо всех сил рванул. В глазах потемнело от динамического удара. Приземлился почти в беспамятстве. Пришел в себя, огляделся — японцев нет. Рядом река. Понял: Халхин-Гол... На руках волдыри от ожогов. Тихо. Напился из реки, перевел дух. Куда идти? На запад... Брел час. Боялся остановиться: сядешь на песок — уже не встанешь... Солнце пекло нестерпимо. Когда силы уже совсем кончались, наткнулся на советский патруль...

Потом госпиталь. Двухмесячный отпуск, поездка в Москву, получение ордена Красного Знамени в Кремле; орден вручил и руку жал сам Михаил Иванович Калинин, — про это даже в «Правде» и «Красной звезде» было напечатано, красивая такая фотография. Ну, а потом вот 55-й истребительный авиационный полк — Кировоград, а теперь Бельцы...

Молодые летчики не раз слышали этот рассказ, но им нравилось снова и снова расспрашивать о всех деталях военных действий, в которых участвовал Крюков, — было и страшновато, и малость завидно, а главное — каждому думалось: придет же, придет такое время, когда и тебе доведется провести свой первый бой. Как же ты себя покажешь?..

— Вот я вам и говорю, — снова сказал Крюков, оглядывая своих слушателей, — петухи вы, пока в настоящем бою не побывали...

— Ну, а они? — запальчиво спросил Речкалов, и все поняли, кого он имел в виду.

— И они из того же теста слеплены, — ответил Крюков. — Но учтите одно: они уже два года воюют, а большинство из нас пока только учится по полотняным конусам пулять. Это их козырь. Решающий, конечно, козырь у нас есть — и получше, и поважнее. Но недооценивать врага нам с вами не следует...

Летчики помолчали. На аэродроме было тихо, только где-то на другом конце поля возились техники, звякая

железом. Солнце уже садилось, и небо на закате было густо залито малиновым светом.

Никто не мог сказать, когда придет то, о чем они так много думали и говорили в эти дни — завтра или через год. Но все понимали, что это страшное, неизбежное и злое настанет рано или поздно.

И скорее раньше, чем позже...

Обстоятельства сложились так, что в это утро они, как назло, оказались разбросанными по разным местам.

Скучнее всех встретил выходной день Гриша Речкалов. Ему чертовски не повезло: незадолго до этого он потерпел неожиданную аварию, посадил свою «чайку» на живот, и это так подействовало на его впечатлительную психику, что врачи констатировали у бедного малого общее нервное расстройство. Он был командирован на медицинскую комиссию в Одессу. Седые профессора долго осматривали его, задавали ему какие-то странные вопросы, стучали молоточками по суставам, и, наконец, добродушный председатель комиссии сказал Грише:

— Придется тебе, сынок, вернуться, так сказать, в первобытное состояние. Ты кем работал-то до призыва?

— Электромонтером на мукомольном заводе, — растерянно сказал покрасневший Гриша, и капельки пота выступили на его веснушчатом курносом лице.

— Вот и отлично! Чудесная квалификация... Бог с ними, с самолетами. Беспокойное занятие!

— Позвольте, но как же так...

Председатель поправил очки, укоризненно взглянул на Гришу, задерживавшего комиссию, и строго сказал:

— Следующий...

И вот теперь Гриша возвращался в полк с холодной казенной бумагой, в которой было сказано, что он, младший лейтенант Речкалов, подлежит демобилизации ввиду болезненного состояния. Он воспринимал это как величайшую несправедливость, так как чувствовал себя

уже совсем неплохо и там, на комиссии, отвечал невпопад на вопросы врачей, видимо, лишь потому, что волновался в непривычной обстановке.

Чтобы добраться в полк, надо было доехать до полустанка Чубовка. От волнения Гриша спутал поезда и сел в скорый Одесса — Ленинград, который в Чубовке не остановился; пришлось ночью сойти в Котовске. Ждать до утра встречного поезда ему не хотелось, и он упротил главного кондуктора товарного поезда, уходившего в Чубовку в четыре часа утра, взять его на тормозную площадку. Могло ли прийти ему в голову, что ровно через двадцать минут после его отъезда на Котовск посыпятся бомбы?..

В безмятежной степной Чубовке Гриша долго дожидаясь попутных машин, так и не дождался их и побрел пешком в Семеновку. Идти надо было километров около двадцати, и он шел неторопливым, размеренным шагом, любуясь густыми спеющими хлебами, перекликаясь с веселыми птицами, срывая васильки на обочине дороги. И вдруг впереди увидел пыливший по дороге бензозаправщик. Он спешил в Чубовку. Увидев знакомого летчика, водитель затормозил:

— Речкалов! Откуда?

— Из Одессы, с комиссии. Понимаешь, какое дело... Придется теперь перед Москвой хлопотать...

И поставив ногу на крыло машины, Гриша начал неторопливо рассказывать свою историю. Водитель с изумлением глядел на него, потом не вытерпел и перебил:

— Да ты что, Речкалов? Ничего не знаешь?.. Война началась!

Гриша поднял на него глаза и хитро усмехнулся:

— Брось трепаться! Какая война?

— Немцы напали! Бельцы сегодня бомбили...

— Врешь, не купишь!..

Водитель пожал плечами и включил мотор. Речкалов отшатнулся, и бензозаправщик рванулся вперед, обдав

его пылью и горячим бензинным перегаром. Гриша потерялся: неужели правда? Черт возьми, как все это глупо получается... В такой день получить белый билет! Нет, это немыслимо.

На счастье Гриши, его догнала пслутная машина, и он часам к одиннадцати добрался-таки в Семеновку. Здесь уже все было каким-то новым, непривычным. Под плащ-палаткой, раскинутой у молодого тополя, лежали связисты, перекликавшиеся непрерывно с постами воздушного наблюдения. В бараке развернулся медицинский пункт первой помощи, и сестра трясущимися от волнения руками бинтовала руку только что прилетевшему из Бельцов молодому пилоту Комлеву. Комлев еще весь жил ощущениями только что пережитой драки в воздухе. Глаза его лихорадочно блестели, и он непрерывно повторял, обращаясь к каждому, кто заходил в палатку:

— Нет, на «миге» воевать можно. Можно! Вот как немец от меня драпал...

Начальник штаба полка майор Матвеев *, замещавший командира, который совершил где-то вынужденную посадку, сидел над картой рядом с Пал Палычем Крюковым, одетым в меховой комбинезон. Лицо Пал Палыча было строгое, сосредоточенное. Он как никто другой в полку представлял себе значение и смысл начавшихся событий. Сдвинув жаркий шлем на затылок и смахнув крупные капли пота со лба, Крюков рассеянно поздоровался с Речкаловым и снова углубился в изучение карты.

Начальник связи полка капитан Масленников шепнул Грише:

— Сейчас полетят в разведку... В глубь Румынии. До самого Тыргу-Фрумуса...

Пал Палыч оторвался от карты, аккуратно свернул ее,

* А. И. Матвеев — после войны генерал-майор авиации, служил в войсках ПВО, в настоящее время на пенсии.

уложил под целлулоидный лист планшета, надел перчатки, сказал как-то не по-военному, запросто: «Трудновато будет, но сделаем все, что надо». И тут же выпрямившись, четко отрапортовал:

— Группа старшего лейтенанта Крюкова к выполнению боевой задачи готово. Разрешите идти?

— Выполняйте,— с волнением сказал начальник штаба. Он знал, что этот полет сопряжен со смертельным риском: идти днем трем самолетам в глубокий тыл врага, когда все небо кишит «мессершмиттами»... Но нужно во что бы то ни стало получить сведения о подтягивании войск противника к фронту.

Взревели моторы. Выскочив из-под ветвей молодых деревьев, три «мига» взмыли к небу и ушли на запад, не сделав традиционного круга над аэродромом: теперь следовало особенно тщательно его маскировать, и летчикам настрого запретили проводить над семеновским лугом хотя бы одну лишнюю секунду.

Только теперь Гриша осмелился подойти к начальнику штаба. Протянув ему злополучную бумажку, он растерянно сказал:

— Так что же мне теперь делать? Неужели...

— Что делать? — сердито перебил его майор Матвеев, скомкав заключение одесской комиссии врачей.— А вот что: видишь, вон там, под топодем, стоит «чайка»? Садись в нее и лети в Бельцы. Будешь там драться под командованием Атрашкевича...

Гриша растерянно замигал своими густыми, цвета спеющей ржи ресницами, схватил начальника штаба за руку и потряс ее. Тот нахмурился:

— Ну-ну, хватит. Некогда тут разводить телячьи нежности. Выполняйте!

Майор надел наушники, пытаясь настроиться на волну радиопередатчика Крюкова. Как на беду, связь была плохая, и сигналы Крюкова поймать никак не удавалось.

Речкалов бегом умчался к самолету и через минуту

уже был в воздухе. Он радовался, как ребенок, тому, что все так быстро и хорошо устроилось. И пусть ему не доверили «миг», он и на этой вот старой «чайке», выдавшем виды биплане, покажет фашистам, почем фунт лиха! Только бы встретиться с ними, только бы настигнуть, а уж там...

В сущности, Грише, конечно, очень повезло, что в то утро не пришлось встретиться с «мессершмиттами». Позднее, разбираясь в ощущениях первого дня войны, он понял, каким наивным, неоперившимся птенцом был тогда. Одинокая, тихоходная «чайка», пилотируемая молодым пилотом, легко могла стать жертвой опытного воздушного охотника. Но, к счастью, полет прошел без всяких приключений, и вскоре Речкалов увидел знакомую бетонированную полосу, бараки, коричневую извилину Реута и зеленый город за ней.

Уже издали он обнаружил страшные следы первых бомбардировок. Над аэродромом стоял густой черный столб дыма: горели цистерны с горючим. На поле чернели глубокие воронки от бомб. Посреди аэродрома распластался чей-то «миг», севший на фюзеляж. В стороне стояли две разбитые «чайки». Некоторые дома были без крыш. Там и сям взвивались длинные зловещие языки пламени, пожиравшего кварталы мирного города. Сердце у Гриши заныло — до сих пор он читал о таких вещах только в книгах и газетах, теперь же война пришла к нему в дом — здесь, в Бельцах, жила его молодая жена с семимесячным сынишкой. Что с ними? Где они сейчас?..

С трудом лавируя среди воронок, Речкалов кое-как остановил самолет. К нему уже бежали техники и летчики. Закопченные, измазанные грязью, в изорванных гимнастерках, они выглядели, как люди, побывавшие в страшной передрыге.

— Давай быстрее заруливай в укрытие! — хрипло крикнул Атрашкевич, — сейчас они опять придут...

Речкалов поспешно отвел свою «чайку» в земляной капонир, и техники начали забрасывать ее свежесрубленными ветками. Видя, что здесь происходит нечто необычайное, еще никогда не виданное, Гриша помогал им, работая с той же лихорадочной поспешностью, что и все, на бегу перебрасываясь с друзьями отрывистыми фразами. Как всегда в таких случаях, разговор шел вкривь и вкось, невпопад, и Речкалов сердился на себя за то, что не мог толком их расспросить о том, что здесь произошло.

— Как же это так они?..

— Да вот так, как видишь... Висят с утра!

— А вы?..

— Деремся! Одного такого зубра сбили — будь здоров... Два железных креста. На кладбище приземлился, с парашютом... Говорит — Лондон бомбил!..

— А... семьи-то, семьи как же? — отчаянно воскликнул вдруг Речкалов. Атрашкевич, непрерывно шаривший взором по горизонту, не слушая его, взмахнул рукой и воскликнул:

— Идут!.. Эх, черт, заправиться не успели...

И всех словно ветром сдуло. Растерянно оглянувшись по сторонам, Гриша, увидел, что Атрашкевич лежит в свежей воронке среди рыхлых и влажных комьев чернозема, и скользнул за ним. Атрашкевич, чуть приподняв голову, глядел широко раскрытыми глазами в сторону города и почти беззвучно шевелил губами:

— Три... Шесть...

Гриша скосил глаза в сторону, куда смотрел Атрашкевич, и холодная испарина покрыла его веснушчатый лоб: низко-низко, на высоте каких-нибудь пятисот метров, с нарастающим ревом моторов в четком строю шли к аэродрому ширококрылые толстые «хейнкели». По учебным описаниям он знал, что эти бомбардировщики поднимают солидный бомбовый груз. Почему-то вдруг вспомнился кадр из испанской кинохроники: нестерпи-

мый, скребущий сердце свист, разламывающийся шестиэтажный дом, и неподвижные дети в черной луже.

— А семьи-то как? — снова спросил Гриша, но тут уже послышался свист, в стократ более отвратительный и страшный, чем на экране, и он, втянув голову в плечи, еще плотнее прижался к земле, инстинктивно стремясь слиться с нею, и не было сейчас ничего дороже на свете, чем вот эта неглубокая яма в рыхлой, родной земле.

«Хейнкели» бросали не крупные бомбы, но зато сеяли их превеликое множество, норовя попасть в самолеты, бараки и перекопать весь аэродром. Последний «хейнкель», резко снизившись до бреющего полета, прошелся над аэродромом, словно любуясь результатами своей работы. Впрочем, любоваться было нечем: несмотря на то что над летным полем побывали мощные бомбардировщики, им не удалось поразить ни самолеты, ни летчиков. Но аэродром они исковыряли сильно, и теперь, как только восстановилась тишина, техники, бойцы и жители города, с утра пришедшие им на помощь, начали старательно орудовать лопатами.

— В вашем распоряжении примерно полчаса, — сказал Речкалову Атрашкевич, взглянув на часы, — быстрее проверьте свой самолет!

Гриша побежал к машине. Возле нее уже орудовали техник, моторист и оружейник. Работая, они коротко рассказали Речкалову, что произошло в Бельцах с утра.

Первая партия немецких бомбардировщиков приблизилась к городу на рассвете. Впереди шел разведчик. По тревоге поднялось ему навстречу дежурное звено. Наши летчики еще не знали, что принесет этот неожиданный визит. Действуя по инструкции, они хотели попросту отогнать немецкий самолет, но он открыл огонь. Летчики приняли бой и сбили его. Но основная бомбардировочная группа прошла стороной и обрушила бомбовый удар на аэродром. Так в Бельцах узнали о том, что началась война...

Налеты следовали один за другим в нарастающем темпе. Немцы не знали, что основные силы авиационного полка находятся не в Бельцах, а в лагере у Семеновки, и стремились смести с лица земли аэродром, нанесенный на их карты. Капитан Атрашкевич, младшие лейтенанты Фигичев, Комлев, Семенов, Миронов, Суров упрямо поднимались в воздух, сиюсь отразить их атаки, но сделать это было невысливо: слишком неравны были силы атакующих и обороняющихся.

Незадолго до прилета Речкалова погиб Суров. Это была первая жертва в полку, и все глубоко переживали смерть молодого скромного парня. Рассказывали, что он был ранен в воздушном бою после того, как сбил немецкий самолет. Рано выпустив шасси, Суров едва тянул к аэродрому. В это время откуда-то выскочили два «мессершмитта». Увидев их, Суров стал уходить со снижением и врезался в дом...

— Ну а семьи наши как? — в третий раз повторил свой вопрос Гриша.

— Семьи что... — хмуро ответил техник. — Семьи чуть свет погрузили в эшелон и повезли на Кировоград. Только вот вопрос: доедут ли? Говорят, он, злодей, здорово дорогу бомбит...

Гриша тяжело вздохнул. Когда-то теперь он увидит своих родных? И увидит ли вообще?.. Затеряется их след на дальних дорогах — ищи потом песчинку в реке! И каким-то странным, неправдоподобным, удивительным показался ему вдруг весь этот путаный, напряженный, полный страшных и роковых неожиданностей день. Трудно было сразу осознать, постигнуть все происшедшее, трудно было уяснить, что вот с этого самого утра начинается отсчет дней новой, незнаемой жизни, когда уже никто не может поручиться за следующую минуту, когда все вокруг становится загадочным, таинственным, и каждый бугорок, каждое облачко, быть может, хранит смертельную опасность для тебя.

А между тем солнце светит так же ласково, как и вчера, и жаворонки поют так же звонко, и вот этот куст шиповника, чуть покачнувшийся на краю глубокой воронки, все так же охотно поит пчел медом из своих розовых чашечек. Но густой, удушливый чад от горящей цистерны все ниже расстилается над аэродромом, от него першит в горле, и мохнатые лапы дыма все теснее охватывают несчастный город, уснувший вчера мирным беззаботным сном и проснувшийся на войне...

— Летный состав, ко мне! — скомандовал вдруг Атрашкевич, выбегая из землянки командного пункта. Фигичев, Семенов, Миронов, Речкалов со всех ног устремились к нему. Держа в руках карту, командир эскадрильи указал на район Стефанешти и коротко сказал: — Сейчас дадим им прикурить... Задача — штурмовка колонны. Машины у всех готовы? Отлично! За мной, в воздух...

Летчики торопливо надели парашюты, запустили моторы и вырулили на старт, поминутно оглядываясь на горизонт, — не настигли бы на земле немецкие бомбардировщики: они вот-вот могли вернуться с новым грузом бомб. Розовощекий Костя Миронов, которого все в эскадрилье ласково звали «сынком», положив на колени планшет, еще раз глянул на знакомый рельеф, вспомнил ориентиры на пути к Стефанешти: два ручья поперек большака, потом извилистый Прут и за рекой, почти у самого берега, румынский городок. Туда, от Ботошани, видимо, и подходят резервы фашистов, готовившихся штурмовать переправы.

Сердце колотилось учащенно. Костя знал: до Прута минут десять полета. Значит, через десять-двенадцать минут бой. Бой! Это короткое слово заслонило все, и как-то сразу, совершенно неожиданно голова стала холодной и ясной, и все дальнейшее отпечаталось в мозгу, словно на кинематографической ленте, — точно, во всех подробностях, навечно.

Атрашкевич повел машины на бреющем полете. Летчики шли звеньями, четко выдерживая строй, как учили их в мирное время. Холмистая бессарабская земля, виноградники, сады, хутора стремительно проносились под крыльями, и все сливалось в каком-то пестром мелькании. Потом все оборвалось, внизу, под крутым берегом мелькнул мутный Прут, за ним встало высокое бурое облако пыли, и сразу же в небе замелькали золотые звезды, тут же окутывавшиеся черными и белыми облаками: была немецкая зенитная артиллерия.

Миронов еще не вполне сообразил, что же, собственно говоря, здесь происходит, как вдруг Атрашкевич, ловко сманеврировав, прижался к самой земле, и летчики змейкой устремились за ним, прорываясь к пыльной дороге, на которой кишели танки, машины и повозки. Нескончаемая колонна тянулась насколько хватало глаз. Машинам было тесно на дороге, и они сползали на обочины, катили по полю, ломая стебли молодой кукурузы, распарывая аккуратные гряды огородов, подминая под себя еще неокрепшие саженцы фруктовых деревьев.

Все это огромное железное стадо завывало, застонало, заревело, стало плевать огнем и железом, завидев горсточку отчаянных советских летчиков, так смело устремившихся в атаку. Теперь сплошная плотная стена разрывов встала на пути истребителей, и, казалось, ни единой щелочки в ней не найти. Но Атрашкевич ухитрился-таки проскочить, и одна за другой четыре маленькие бомбы легли в самую гущу машин. Потом он стал строчить из всех пулеметов зажигательными пулями по автомашинам до тех пор, пока не вышли все патроны. А за ним уже мчался Валя Фигичев, молодой горячий командир звена, друг и приятель Саши Покрышкина, за Фигичевым — сосредоточенный и злой Семенов, за Семеновым — Миронов, а за ним Речкалов.

Речкалов, для которого это был первый боевой вылет, испытывал какое-то странное шальное ощущение.

Ему почему-то было очень весело и хотелось все время смеяться, и в то же время какой-то ком поднимался к горлу, и нервная дрожь пробегала по телу. Работал он в кабине, как во сне, автоматически повторяя заученные движения: вот сейчас надо чуть-чуть прижать машину. Сейчас в прицеле должны появиться танки. Есть! Теперь можно бросать бомбы. Так, теперь еще ниже. Еще... Пулеметы! Вверх — и разворот на сто восемьдесят градусов. Опять вниз. Опять пулеметы...

Густое черное облако висело над дорогой, когда Атрашкевич увел свою пятерку. Внизу, в гуще остановившихся немецких машин, что-то рвалось, что-то горело. На какое-то время летчики задержали эту страшную ползучую колонну и дали передышку пограничникам, изнемогавшим в неравной борьбе у Прута.

Когда самолеты пересекли Прут и приземлились на изрытом бомбами аэродроме, Речкалов почувствовал вдруг, что он страшно устал, словно проработал без передышки несколько суток. Гимнастерка и комбинезон насквозь пропитались потом. Отдохнуть бы! Но до вечера еще было далеко, и Атрашкевич, определив по свежим воронкам, что немецкие бомбардировщики снова наведались на аэродром, собрал летчиков, техников и торопливо сказал:

— Быстрее заправляйтесь и подвешивайте бомбы! Может быть, сумеем еще раз взлететь...

Через час пятерка отчаянных «чаек» снова устремилась к Стефанешти. Несколько раз поднимались в воздух в этот день летчики Атрашкевича, отправляясь на штурмовку колонны, упрямо подползавшей к Пруту и растекавшейся на север и на юг в поисках переправ. У них пересохло в горле, в глазах ходили темные круги, кружилась голова, но они, пересиливая себя, летали и летали.

Всего в первый день войны Гриша Речкалов совершил шесть боевых вылетов, последний раз он и его товарищи

сели уже в сумерках. Над Бельцами стояло багровое зарево. Где-то по-прежнему остервенело били зенитные орудия. Небо наполнялось раздражающим гулом моторов немецких ночных бомбардировщиков.

Летчики угрюмо брели в барак, где наскоро была оборудована столовая. И вдруг Речкалов резко рассмеялся.

— Ты что? — вздрогнул от неожиданности Миронов.

— Одесского профессора вспомнил, — ответил он. — Вот бы его сюда сейчас!..

И он рассказал приятелям, как вчера его чуть-чуть не демобилизовали из армии. История эта показалась всем забавной, и друзья тут же подняли кружки с кисленьким бессарабским вином за здоровье Гриши, чудом исцелившегося от своих болезней. Молодость брала свое, и долго еще в этот вечер они смеялись, пели песни, рассказывали анекдоты, вспоминали то, что еще несколько часов назад казалось страшным, а теперь выглядело забавным:

— А Тимка-то! Тимка Паскеев... Как «хейнкели» завыли — он в Реут. Бомбы вниз — он с головой под воду и сидит. Потом выглянет — и опять под воду. Как выдра!..

— А как ты сам хоронился? Лег на краю воронки, голову вниз, а ноги кверху. Вот бы он тебе по пяткам!..

Атрашкевич, самый старший в этой шумной команде, тихо усмехался, оглядывая зоркими внимательными глазами молодежь. В сущности, люди пережили сегодня страшное, небывалое событие. Теперь надо учиться жить по-новому. Пусть все личное, корыстное, индивидуальное уйдет далеко. Настало время больших чувств и свершений. Ожесточатся сердца и души, люди научатся хладнокровно убивать врагов, которые так подло и мерзко сегодня напали на сонные мирные города. Впереди еще месяцы, а может быть, и годы изнурительной войны, кровь и пот, увечья и гибель, борьба не на жизнь, а на

смерть. Сегодня погиб Суров. Кого лишится полк завтра?.. Никому не дано видеть завтрашний день, и в этом — солдатское утешение.

А Саше Покрышкину опять не повезло!

22 июня он случайно оказался далеко от Бельцов: со своим звеном перегонял машины в Кировоград, где предполагалось организовать курсы усовершенствования летного состава. Из-за дурной погоды летчики на целую неделю застряли на одном аэродроме близ Тирасполя. Скука там была смертная. Покрышкин никого из местных летчиков не знал, ни с кем не встречался, отсиживался в общежитии и мечтал только о том, чтобы этот затянувшийся извозчий рейс закончился как можно побыстрее.

В субботу вечером небо наконец прояснилось, тучи расползлись, и порывистый сильный ветер стал быстро подсушивать почву. Саша повеселел: завтра можно будет лететь! На рассвете его разбудил знакомый сигнал тревоги. Люди вскакивали с коек, торопливо хватали гимнастерки, одевались, обувались и мчались к выходу, на бегу натягивая шлемы.

Покрышкин недовольно повернулся под одеялом: тревога его не касалась, но сон прошел, и он, потягиваясь, ворчал про себя: ну и дотошный же здесь командир, даже выходные дни портит людям учебной тревогой! Не мог вчера ее провести... Саше не хотелось вставать так рано, но было как-то неудобно валяться в постели, когда все вокруг уже на ногах. Он окликнул своих летчиков, тоже проснувшихся от шума, медленно оделся и вышел. Небо было чистое. Солнце только что выглянуло из-за горизонта, вызолотив одинокое крохотное облачко. На траве еще не просохла роса. Приятно пахло свежей июньской степью. Неутомимый жаворонок уже пел свою бесконечную песню. Было так хорошо, что

Покрышкин примирился с воздушной тревогой, поднявшей и его чуть свет: грешно спать в такую пору!

Мимо Саши торопливо пробежал к самолетам какой-то запыхавшийся летчик. Он озабоченно бросил ему:

— Бомбят Бельцы и Кишинев...

Покрышкин улыбнулся: здорово, однако, этот парень вошел в свою роль! Военная игра, видимо, была в разгаре. Потянувшись, он сорвал веточку спелой черешни и неторопливо зашагал к столовой — позавтракать, да и можно лететь в Кировоград. И вдруг Саша заметил нечто невероятно подозрительное: в стороне курсом на Тирасполь шла на повышенной скорости шестерка незнакомых бомбардировщиков. За ними вертелись сопровождавшие их истребители — конвой. Что это — маневры с участием новых типов машин? Но вот самолеты приблизились, стали разворачиваться. На солнце отчетливо блеснули черные кресты, и Покрышкин сразу вспомнил учебные таблицы с изображением «юнкерсов» и «мессершмиттов».

— Война...— сдавленным голосом сказал он своим летчикам.— Ох и балбесы же мы с вами!.. А ну к самолетам...

Летчики бегом помчались к своим машинам, сами подтащили баллоны с сжатым воздухом, запустили моторы и взлетели. Покрышкин повел звено обратно, в Семеновку,— теперь уже незачем было гнать самолеты в Кировоград.

В Семеновку они прилетели часов около десяти утра. На командном пункте царило тревожное настроение: уже прошли все сроки для возвращения Крюкова, а его все не было, и куда ни обращался начальник штаба полка майор Матвеев, никто не мог сообщить, перелетело ли звено «мигов» обратно через линию фронта. Не верилось, что люди, которых вел опытный, боевой командир, могли погибнуть все вдруг, так вот сразу. Но надо было считаться с фактом: Крюкова не было...

Покрышкин доложил майору Матвееву о прибытии. Тот скользнул по нему взглядом, думая о своем, и сказал:

— Ага, очень кстати... Садитесь-ка на У-2 и летите вот сюда,— он ткнул пальцем в карту.— Здесь сейчас находится на вынужденной командир полка. Он вернется на вашем У-2, а вы посидите там, пока придут техники, и потом прилетите на его машине, когда они исправят мотор...

— Но...— заикнулся Покрышкин.— Я хотел бы...

Начальник штаба нервно встал и резко сказал:

— Какие могут быть «но», да еще в военное время? Выполняйте!..

Закусив губу, Покрышкин вышел и побрел в дальний угол аэродрома, где стоял связной У-2. Ему было очень больно: он так долго думал вот об этом именно дне, так явственно представлял себе, как одним из первых вступит в бой, как схватится не на жизнь, а на смерть с вражеским истребителем, и вот, пожалуйста, вместо всего этого — будь в первый день войны простым извозчиком!..

Командир полка майор Иванов не находил себе места, расхаживая у самолета, стоявшего на пашне. И надо же было случиться так, чтобы мотор отказал именно в первый день войны, и именно тогда, когда он возвращался в полк с облета пограничных засад! Пока он добрался до сельсовета и дозвонился в райисполком, пока оттуда сообщили в полк, прошло несколько часов, и кто знает, что случилось за эти часы в Бельцах и Семеновке?..

Когда на горизонте показалась наконец черная точка и послышалось характерное тарахтение стосильного мотора, майор с облегчением вздохнул. У-2 плюхнулся на пашню и подполз к совершившему вынужденную посадку самолету.

— Покрышкин?! Ну, как там дела?

Покрышкин коротко рассказал командиру полка все,

что знал. Вести о том, что звено Крюкова пока еще не вернулось, что Суров погиб, что немцам удалось сжечь цистерну с горючим и подбить несколько «чаек» на аэродроме в Бельцах, расстроили командира. Утешительным было только то, что немцам до сих пор не удалось нащупать главные силы полка, укрытые в Семеновке,— ведь полк теперь был большой силой: обстоятельства сложились так, что истребители не успели сдать свои «чайки» и И-16, которые они сменили на «миги». Поэтому полк теперь располагал в общей сложности целой армадой самолетов: несколько десятков скоростных и высотных «мигов» плюс тридцать-сорок истребителей старых марок — с таким самолетным парком можно воевать! Надо только с умом расходовать силы и получше маскировать технику на полевом аэродроме.

— Хорошо. Я лечу, а вы оставайтесь здесь, у самолета. Понятно?

— Есть оставаться у самолета,— глухо повторил Покрышкин, помня о стычке с начальником штаба. Майор Иванов уловил нотку горечи в его голосе и сказал:

— Хочется подраться? Эх, молодежь! — он любил называть молодежью всех, кто хоть на год моложе его.— Так неужели война всего один день продлится? Еще надоест летать, поверьте мне, Покрышкин! Завтра гарантирую вам боевой вылет. А сегодня покараульте самолет. Ясно?..

— Ясно,— ответил Покрышкин.— Только обидно все-таки: будут потом люди вспоминать, кто как войну начал, а мне сказать будет совестно — караульщиком, как дед на баштане...

Майор рассмеялся, легко вскочил на крыло У-2, уселся и привычно скомандовал:

— К запуску!

Покрышкин провернул винт.

— От винта! — сказал командир полка и быстро крутнул ручку индуктора. Мотор чихнул, неуверенно взмах-

нул лопастью пропеллера и потом вдруг зарокотал ровно и сильно. Майор Иванов приложил руку к шлему, кивнул Покрышкину и взлетел. Пожав плечами, Саша отошел к самолету командира, оглядел его со всех сторон и прилег на траву, мысленно чертыхаясь и проклиная свою незадачливую судьбу. В полк он вернулся только вечером, когда техники добрались наконец до совершившего вынужденную посадку самолета и сменили отказавшую деталь мотора.

День 23 июня начался трагическим эпизодом: погиб полковой инспектор по технике пилотирования, отличный мастер пилотажа Курилов, молодой днепропетровец.

В первый же день войны он показал себя лихим и горячим мастером воздушного боя: сбил над Кишиневом немецкий самолет, а летчика, пытавшегося ускользнуть с парашютом, после приземления наши пехотинцы взяли в плен.

Двадцать третьего июня в шесть часов утра Курилов поднялся со звеном на перехват немецкого разведчика. Успешно выполнив задачу, звено возвращалось, и вдруг у самого аэродрома, уже идя на посадку, самолет Курилова свалился в штопор и, сделав несколько витков, врезался в землю. Эта неожиданная и обидная утрата потрясла всех. Курилова похоронили тут же, у аэродрома. Играл оркестр, плакали колхозницы, пришедшие проститься со смелым, веселым летчиком, которого все успели полюбить, и друзья его, тесно сомкнув шеренгу, дали троекратный салют над могилой...

А через час Покрышкина вызвал командир полка:

— Ну, пришел и ваш черед, молодой человек. Гляньте-ка сюда,— и он показал на карте изгиб синей линии, обозначавший излучину Прута.— Здесь переправа. Немцы уже форсировали реку и возятся вот тут. Сегодня наша пехота должна отбросить их за Прут. Нужно разведать

устройство переправы, количество переправившихся и их огневые средства. Пройти, посмотреть и вернуться! В бой не ввязываться. Ваших сведений ждут большие командиры...

— Ясно!

— Кого возьмете с собой?

Покрышкин подумал и сказал:

— Семенова!..

Семенов с группой летчиков уже перелетел в Семеновку из Бельцов. Он вчера понюхал пороха, и на него можно было рассчитывать как на верного спутника в таком ответственном полете.

— Отлично! Проложите маршрут — и в воздух!..

К переправе они шли парой — Покрышкин чуть впереди, Семенов чуть сзади. На земле они договорились, что в случае вынужденного столкновения с противником бой примет Покрышкин, а Семенов будет охранять хвост его машины. Самолеты шли на большой скорости, и расстояние, отделявшее их от Прута, быстро сокращалось, но нетерпеливому Саше все казалось, что его машина едва ползет.

Наконец внизу замигали выстрелы — это была наша артиллерия. Потом мелькнули узкие ниточки окопов, бурые шапки разрывов над ними, и впереди блеснул Прут. Покрышкин едва успел отыскать глазом похожую сверху на соломинку переправу и какие-то черные точки на берегу, как вдруг впереди и по бокам начали рваться десятки зенитных снарядов. Какой-то леденящий холодок стиснул на мгновение грудь, потом стало жарко. Покрышкин почувствовал, что движения его стали какими-то скованными, напряженными. Труднее стало соображать.

Самолет уже вилял над рекой, уходя от зениток, — Саша и сам не заметил, как его рука начала заученным жестом переключать рули, осуществляя маневр. Каждая лишняя секунда пребывания над целью увеличивала риск. И Покрышкин внимательно рассматривал перепра-

ву, то забираясь повыше, то пикируя. Можно было уже поворачивать домой. И вдруг Покрышкин увидел перед собой пятерку «мессершмиттов».

Немецкие истребители шли прямо в лоб — три внизу, два вверху. Покрышкин помнил, что командир полка строго запретил разведчикам ввязываться в драку, но уйти от боя было невозможно. И он легким покачиванием крыльев дал знать Семенову, что принимает бой.

Встреча была неожиданной для обеих сторон. Сблизившись, противники торопливо нажали на гашетки, но пулеметные струи прошли мимо, и самолеты на бешеной скорости разминулись. Сделав резкий поворот, Покрышкин хотел было броситься в погоню за подвернувшимся «мессершмиттом», однако тут же, оглянувшись, заметил у себя за спиной еще одну пару немецких истребителей, уже ловивших его в прицел. Резко выхватив ручку на себя, он взмыл, развернулся вверху и огляделся, отдуваясь, — становилось жарко.

Немцы перестраивались для новой атаки. Семенов уходил со снижением: его мотор давал перебои. «Неужели подбит?» — мелькнуло в голове у Покрышкина, и внезапный приступ злобы удушьем подступил к горлу. Он на предельной скорости устремился к ближайшему «мессершмитту», атакуя его опять-таки в лоб: перед войной он много читал о Чкалове и восхищался его прямыми лобовыми ударами.

«Мессершмитт» перед самым носом Покрышкина сделал горку, показав на мгновение свои резко обрубленные желтые плоскости с черными крестами. Круто развернувшись, Саша вышел ему в хвост и с огромным наслаждением выпустил в упор очередь из крупнокалиберных пулеметов. Это был удар наверняка, и «мессершмитт» сразу же загорелся и начал падать. Забыв на мгновение обо всем на свете, Покрышкин, как замороженный, глядел на зловещие огненные языки, пожиравшие обшивку вражеского самолета. Казалось, что он

тает в воздухе,— так быстро продвигалось безжалостное жадное пламя.

Но вдруг страшный удар, потрясший всю машину, напомнил Покрышкину, что бой еще далеко не кончен. Его «миг» сразу же перевернулся на спину. Резким движением рулей Покрышкин вернул машину в нормальное положение, но она снова стала крениться. Только потом, уже на земле, Покрышкин понял, что произошло: второй немецкий самолет, близко подойдя к машине советского летчика, глазевшего на горящий «мессершмитт», ударил по ней в упор и страшно изувечил оба крыла: из правой плоскости был вырван огромный кусок, захватывавший всю звезду, на левой разбит бензиновый бак.

«Миг» плохо повиновался летчику, и продолжать бой теперь было бы равносильно самоубийству. Сделав переворот, Покрышкин прижался к земле и ускользнул от преследователя. Он шел теперь бредущим полетом над полями, по которым брели толпами понурые беженцы, уходившие от Прута. Машина качалась, клевала носом, и управлять ею было все тяжелее. Нестерпимая обида, боль и стыд жгли душу. Ему казалось, что сейчас все эти люди, бредущие на восток, глядят на него, тычат пальцами и говорят: «Смотрите, смотрите! Вот летчик, который бежит от немцев!»

С трудом дотянул он до аэродрома, с трудом выпустил шасси, с трудом подвел искалеченную машину к посадочному знаку и посадил ее, безвольную, шатающуюся, с зияющими дырами в плоскостях, на зеленый семеновский луг. Зарулив под сень молодой рощи, Покрышкин выключил мотор и откинулся на бронированную спинку сиденья. Ему вдруг страшно захотелось пить, в горле ощущалась нестерпимая сухость и горечь. Не было сил открыть фонарь и вылезти на крыло.

А к подбитому «мигу» уже бежали летчики и техники. Среди них был Семенов. Размахивая своим шелковым подшлемником, он кричал:

— Саша, Саша! Тебя ведь зажгли...

Оказывается, над полем боя ему показалось, что самолет Покрышкина загорелся. Он видел, как Саша пикировал на немецкую машину, и подумал, что немцы его сбили. Самому ему пришлось выйти из боя, так как мотор начал капризничать. Немцы гнались за Семеновым, но ему удалось ускользнуть от преследования. На душе у Покрышкина стало немного легче: все-таки его самолет можно было отремонтировать, а вот от «мессершмитта», которому он влепил порцию огня в хвост, осталась только горсточка пепла. Значит, счет один — ноль, как говорят футболисты.

Доложив командиру о полете и составив разведывательное донесение, Саша ушел в поле, лег в траву и долго лежал, стараясь восстановить в памяти прошедший бой до мельчайших подробностей. Многие детали как-то странно терялись, исчезали, другие растворялись в туманной дымке. Покрышкин вспомнил, как когда-то Пал Палыч Крюков предупреждал молодежь: «Имейте в виду, в первом бою вы попросту многого не увидите и не поймете»...

Да, Крюков был прав. Где-то он сейчас, бедняга? Покрышкин тяжело вздохнул: его, как и всех летчиков, глубоко волновала судьба таинственно исчезнувшего звена. Никто не хотел верить, что Крюков и его ведомые погибли.

— Не может быть! Вернутся... Ну, конечно же, вернутся! — поспешил он успокоить себя и, отгоняя горькие мысли, снова стал анализировать только что пережитый полет. Цельной картины того, что произошло там, над Прутом, он так и не смог воссоздать. Но основные этапы боя и главное — свои ошибки — припомнил хорошо.

Конечно, он поступил непростительно глупо, по-мальчишески, заглядевшись на этого проклятого горящего фашиста. И еще дешево отделался, мог поплатиться жизнью за свой зевок! Впредь — урок: никогда и ни за

что не отвлекаться от основного, главного в бою — глаза на противника! И еще урок: три раза бил по вражескому самолету, а попал только раз. Почему? Во-первых, рано открывал огонь. Во-вторых, небрежно целился. А еще гордился тем, что на учебных стрельбах брал первое место! Нет, теперь надо стараться воевать иначе — смелее, хладнокровнее, расчетливее. И бить только наверняка!..

Германский генеральный штаб, опираясь на опыт войны в Западной Европе, планировал вторжение в Советский Союз в темпах уже привычного для немецких генералов блицкрига — «молниеносной войны». Сосредоточив на границе СССР 190 полностью укомплектованных и отлично вооруженных дивизий и надежно прикрыв их авиацией, гитлеровское верховное командование полагало одним внезапным мощным ударом прорвать советскую оборону на всю глубину, сорвать развертывание Красной Армии, быстро занять Киев и Смоленск, выйти к Москве и парадом своих отборных дивизий на Красной площади закончить восточный поход.

Как стало известно много позднее, в войсках Гитлера, подготовленных к внезапному нападению на Советский Союз, было свыше трех тысяч пятисот танков и свыше сорока тысяч орудий и минометов. На Восточный фронт Геринг перебросил более трех тысяч девятисот самолетов — свыше шестидесяти процентов всего, что было у германских ВВС. Кроме того, он использовал тысячу румынских и финских самолетов. Таким образом, был создан подавляющий перевес.

Положение наших войск, прикрывавших границу, осложнилось тем, что в первый же день войны авиация Геринга нанесла тяжкий удар по шестидесяти пяти аэродромам приграничных советских округов. Уже к полудню двадцать второго июня 1941 года наша авиация

потеряла одну тысячу двести самолетов, в том числе свыше восьмисот были уничтожены на земле, а остальные погибли в первых воздушных боях.

И все же, хотя гитлеровским генералам удалось ловко использовать эффект внезапности, уже первые часы войны показали, что их расчеты были ошибочными,—они недооценили силу сопротивления советского человека, силу его души и сердца. Невзирая на то, что военные действия в соответствии с указанием фюрера были начаты без формального объявления войны и немецкие отборные армии, вооруженные самой современной техникой, вторглись на советскую землю внезапно, они натолкнулись на самое ожесточенное сопротивление и понесли большие потери.

В результате упорных и ожесточенных боев уже в первые семь-восемь суток гитлеровцы потеряли многие сотни танков, многие сотни самолетов, многие десятки тысяч солдат и офицеров. Но с каждым днем и с каждым часом становилось все яснее, что над страной нависает страшная угроза. Гитлеровцам удалось занять Белосток, Гродно, Вильно, Каунас и многие другие города; они наступали на Киев и Смоленск.

С Урала, из Поволжья, от Архангельска, из-под Москвы к фронту подходили свежие силы Красной Армии, хорошо обученные и вооруженные. В тылу формировались новые части. И все-таки военная обстановка складывалась очень серьезно: немецкая армия обладала большим численным превосходством, особенно в танках и авиации. Она была полностью отмобилизована, ее солдаты и офицеры обладали боевым опытом, они быстро продвигались вперед.

В последних числах июня военная обстановка на фронте рисовалась следующим образом. У берегов Баренцева моря наши войска вели ожесточенные бои с противником, преграждая ему путь к Мурманску. На виленско-двинском направлении немецкие мотомехани-

зированной части успешно продвигались на северо-восток, стараясь отрезать наши войска, оборонявшие Прибалтику, и выйти к Ленинграду. На минском направлении части Красной Армии отходили к Смоленску. В районе Ровно уже несколько дней продолжалось невиданное по размаху танковое сражение. Фашисты прорывались к Новоград-Волынскому и Шепетовке. И только на самом южном участке фронта, где сражался Саша Покрышкин со своими друзьями, гитлеровцы пока что не продвинулись так далеко, как на других участках,— там все еще шли упорные бои за переправы через реку Прут.

Пятьдесят пятый истребительный авиаполк был крохотным винтиком в огромной военной машине фронта. И летчики, видевшие в полете лишь маленький участок родной земли, уместившийся под крыльями их самолетов, имевшие лишь самое общее представление о том, что происходит дальше к северу, упрямо и стойко делали свое дело, сражаясь против сильнейшего врага.

В эти трудные дни многое приходилось делать совсем не так, как предполагалось в дни учебы. Внезапное нападение немцев помешало полностью завершить перевооружение дивизии новой материальной частью. Случилось то, о чем толковал как-то Саша Покрышкин в один из безоблачных весенних дней со своими друзьями: новые истребители, предназначенные для ведения боев на низких высотах, так и не прибыли, и высотным «мигам», сконструированным для воздушных боев на уровне семи-восьми тысяч метров над землей, подчас приходилось снижаться чуть ли не до бреющего полета, и они не могли полностью использовать мощность своих моторов. Из-за недостатка штурмовиков, производство которых тогда только начали осваивать наши авиазаводы, истребителей все чаще использовали для обстрела вражеских колонн и даже применяли их против танков.

Летчики понимали, что все это диктуется грозной неизбежностью, сознавали, что в такое страшное время

надо жертвовать всем ради общего дела, и, ожесточившись до предела, шли на самые рискованные действия, которые еще вчера показались бы им просто невероятными и даже безумными. Но на сердце отлагалась неизбывная горечь: как же так?.. Почему все это происходит?..

Ответ на эти и многие другие вопросы Александр Покрышкин получит в дальнейшем, когда будет осмысливать опыт войны, став одним из видных руководителей советской военной авиации. А пока что он лишь старший лейтенант, рядовой военный летчик, один «миг» из тысячи, и знает он только одно: как бы тяжело ни было, каким бы безвыходным положение ни казалось, надо драться, драться так, как обязывает присяга и повелевает долг советского солдата...

Еще не выработаны новые тактические приемы, отвечающие требованиям этой трудной войны, еще нет той слаженности, четкости и организованности, которые придут позднее, когда люди приобретут опыт, но зато через край бьет молодая энергия, горячие страсти бурлят в полку, и обжигающая душу злость восполняет недостаток умения.

Истребители летают на боевые задания все до одного, летают непрерывно, с рассвета до темноты, и техники валяются с ног от усталости, едва успевая заправлять, осматривать и ремонтировать самолеты. Капитан Масленников, сообразительный начальник связи полка, объехал на мотоцикле ближайшие районные центры и объявил телефонную связь мобилизованной для нужд противовоздушной обороны. Включив свой провод в сеть, он рассадил по всем сельсоветам добровольцев-наблюдателей, подобранных из колхозников, и теперь ему непрерывно звонят:

- Штук двенадцать с крестами пошли на Кишинев...
- Какой-то двуххвостый вертится над станцией...
- Бомбят Котовск...

Масленников докладывает командиру, и сразу же взлетают дежурные звенья...

Двадцать восьмого июня в полк позвонили из одного сельсовета:

— Восемь немцев летят. Наверно, в Котовск — прямо по-над дорогой!..

Оперативный дежурный выскочил из штаба и дал ракету. Посыльный и телефонист вытащили огромную белую стрелу, сшитую из полотна, и расстелили ее на траве — острое стрелы указывало на Котовск. Это было последнее изобретение начальника штаба: многие самолеты еще не имеют радиосвязи, и стрела наглядно поясняла летчику задачу.

Во всех концах аэродрома взревели моторы, и сразу же начали подниматься в воздух «чайки», «ишаки», «миги». Всего взлетело девять самолетов. Они устремились к Котовску, на ходу подстраиваясь друг к другу. Вел группу лейтенант Кузьма Егорович Селиверстов, быстро выдвигавшийся летчик, завзятый драчун в воздухе. Невысокий, коренастый, подвижный, он был одним из представителей старой школы истребителей, ставившей выше всего индивидуальный бой. В полк он пришел в первые дни его формирования, осенью 1939 года. До службы в авиации был рабочим — работал в Москве на автозаводе, потом строил метро.

Уже на пятый день войны, 26 июня, в районе города Бельцы Кузьма Селиверстов сбил первый немецкий самолет. Это был «Юнкерс-88». Он был назначен командиром эскадрильи.

На подходе к Котовску Селиверстов обнаружил в воздухе восемь мощных немецких бомбардировщиков. Они шли сомкнутым тесным строем к станции, рассчитывая сбросить бомбы на железнодорожные эшелоны. Покачав крыльями, Селиверстов устремился на них, рас-

считывая лобовым ударом разбить их строй. Но тут вырвался вперед младший летчик третьей эскадрильи Николай Яковлев. На полном газу со снижением его самолет мчался прямо на немцев, точно снаряд. Немецкие авиаторы открыли бешеный огонь. Все лобовое оружие «юнкерсов» било по машине Яковлева. Но он упрямо лез все вперед и вперед, не сворачивая с пути.

Опасаясь столкновения, строй бомбардировщиков начал рассыпаться, теряя взаимодействие. В этот момент Николай Яковлев был тяжело ранен. Напрягая остатки сил, он таранил немецкий «юнкерс» и вместе с ним рухнул на землю. Остальные немецкие самолеты, беспорядочно сбрасывая бомбы, бросились врассыпную, стремясь уйти от советских истребителей, нападающих так яростно, и тут они стали легкой добычей. Летчики Селиверстова гнали их, расстреливая из пулеметов. Одна за другой упали на землю семь горевших машин.

Дольше всех держался последний, восьмой «юнкерс». Его вел, видать, опытный пилот, умело уходивший из-под огня младшего лейтенанта Меметова. Темпераментный Меметов, разгорячившись, забыл обо всем на свете и видел перед собой только виляющий хвост хорошо защищенной немецкой машины. Он много раз смело атаковывал «юнкерса». Один крупнокалиберный пулемет уже отказал, но Меметов продолжал преследование, хотя немец успел перетянуть через линию фронта. Здесь, над румынской землей, он все-таки добил «юнкерса». Сделав от радости горку над догоравшим в кукурузе самолетом врага, Меметов набрал высоту и ушел к Семеновке.

Его товарищи уже приземлились. На командном пункте шел шумный разговор — люди наперебой рассказывали о пережитом. Уничтожить целиком всю бомбардировочную группу врага! Это был еще невиданный успех, и он окрылил людей. Одно лишь было горько: среди победителей не было Яковлева, который, жертвуя

собой, предрешил успех боя. Но за него отомстили: в этот же день летчики полка сбили еще три немецких самолета, а всего, таким образом, 28 июня было уничтожено одиннадцать вражеских машин...

Наутро летчики полка должны были провести новый полет, неслыханный по своей дерзости: капитану Атрашкевичу и младшим лейтенантам Дьяченко и Макарову предстояло уйти на «мигах» в глубь Румынии, чтобы там среди белого дня как снег на голову обрушиться на аэродромы противника — сначала в городе Бырлад, а потом в городе Роман. Расчет был сделан на внезапность: гитлеровцы, конечно, не предполагали, что советские летчики отважатся на такой шаг — у Атрашкевича и его ведомых были ничтожные шансы вернуться из такого рейда. И все-таки Атрашкевич, Дьяченко и Макаров добровольно вызвались выполнить это задание.

Саша Покрышкин тоже просился в спутники к Атрашкевичу, но капитан, мягко улыбнувшись, сказал ему:

— Не надо. Мы не имеем права все сразу идти на это...

Покрышкин вспыхнул и хотел что-то возразить, но Атрашкевич повторил:

— Не надо! Я обязан лететь — мой долг вести звено. Дьяченко и Макаров — хорошие ведомые. Зачем же нам расходовать еще одного ведущего?..

Покрышкин резко перебил капитана:

— Но ведь нельзя же подходить к людям, как к пешкам на шахматной доске! Разве мы оловянные солдатики? Вы же знаете, Дьяченко мой друг, а вы... Вы...

Он порывисто глотнул воздух, не находя нужного слова, и глухо сказал:

— Вы думаете о том, как я завтра буду смотреть в глаза товарищам, когда вы улетите?..

Атрашкевич пожал плечами и отвернулся в сторону. Он сам сильно волновался. Наконец пересилил себя и медленно заговорил:

— Послушайте, Саша. Вы не новичок в авиации и понимаете, на что мы идем. Так? Мы ведь до сих пор не знаем, что случилось с Крюковым, а у него было задание легче нашего. Ну, допустим, что мы полетим вчетвером. Допустим, что вам удалось бы зажечь на аэродроме пару немецких самолетов. Что добавит это к результатам налета? Важен сам факт появления наших истребителей у Романа и Бырлада, важно, чтобы фашисты там попадали мордами вниз и почувствовали, что их аэродромы уязвимы. Важно сбить с них спесь. И мы сделаем это втроем. А вы... вы еще повоюете. У вас впереди еще много-много возможностей свернуть себе шею...

Атрашкевич хотел улыбнуться, но улыбка у него не получилась. Он порывисто пожал руку Покрышкину, коротко бросил ему: «Пока!» — и зашагал в сторону.

Покрышкин плохо спал в эту ночь. Утром он вышел на старт проводить друзей. Атрашкевич, холодный, сосредоточенный, строгий, тщательно проверял свой самолет. Дьяченко и Макаров шутили и балагурили, стараясь скрыть волнение. Наконец они взлетели, и Саша долго-долго провожал их взором, пока три черные точки не растаяли в дымке, застилавшей горизонт.

К исходу расчетного времени в небе показались два самолета. У Покрышкина, который нетерпеливо поджидал возвращения друзей, сильнее застучало сердце. Кто?.. Этот вопрос жег его. Наконец «миги» пошли на посадку, и он прочел их номера. Не вернулась машина Атрашкевича...

Дьяченко и Макаров были смертельно бледны. Они глядели как-то отчужденно, словно все еще не верили, что пережитое ими осталось позади.

— Не спрашивай,— хрипло сказал Дьяченко, когда к нему подошел Покрышкин.— Когда-нибудь сам расскажу... Только не сейчас... А его — зениткой... В упор... У самого Романа...

...В архивном формуляре полка было записано:

«29.6.41 года штурмовым налетом на вражеские аэродромы сожжено на земле четыре самолета противника. При исполнении боевого задания погиб смертью храбрых командир эскадрильи капитан Атрашкевич. Капитан Атрашкевич * посмертно награжден орденом Красного Знамени. Командование эскадрильей принял старший лейтенант Покрышкин».

На рассвете третьего июля Покрышкин, как обычно, вылетел на Прут с заданием посмотреть, что делается у переправ. Теперь ему все чаще поручали вести разведку: командир полка высоко ценил его донесения, так как они были всегда правдивы и точны. У Покрышкина было уже тридцать боевых вылетов, и он чувствовал себя над полем боя гораздо увереннее, чем в первые дни.

У реки шел жаркий бой: немцам после многодневных тяжелых боев удалось форсировать Прут, и теперь они изо всех сил рвались вперед, расширяя захваченный плацдарм. «Надо будет вызвать сюда бомбардировщиков», — мысленно отметил Покрышкин, разглядывая переправу, как вдруг невольно зажмурился от яркого пламени, взметнувшегося прямо перед глазами, и почувствовал удар страшной силы: снаряд немецкого зенитного орудия разорвался у самого мотора.

Покрышкин инстинктивно отдал ручку от себя. «Сейчас буду в реке, — пронеслось в мозгу. — Какая глупая смерть!» Но тут он с удивлением услышал, что подбитый мотор еще чуть-чуть тарахтит — можно было дотянуть до посадки. Воспрянув духом, Покрышкин развернулся на восток. Он видел, как внизу замигали бесчисленные огоньки: гитлеровцы, стремясь добить советский самолет, вели огонь по нему из всех видов оружия.

* Именем капитана Ф. В. Атрашкевича назван пионерский отряд в одной из школ г. Бельцы Молдавской ССР. Капитан Атрашкевич — один из героических летчиков первых дней войны.

Добраться до своего аэродрома было немыслимо — самолет быстро терял высоту. Покрышкину пришлось снять очки — их стекла были залиты маслом и бензином. Стрелки указателей давления и температуры масла и воды быстро обошли циферблаты и остановились на нуле. Винт отяжелел. Мотор стучал, скрежетал и трясся. Покрышкин понимал, что он вот-вот откажет совсем. Надо было немедленно садиться.

Перетянув через бугор, он облюбовал полянку, на которой можно было сравнительно безнаказанно посадить самолет на фюзеляж, как вдруг, оглянувшись влево, обмер: метрах в трехстах по шоссе двигалась немецкая колонна. Увидев советский самолет, идущий на посадку, гитлеровцы побежали к нему, стреляя из автоматов. И вот в эту самую минуту мотор самолета в последний раз кашлянул и остановился.

Отчаянным резким движением Покрышкин дал ногу, поворачивая самолет в сторону от дороги. Под крылом мелькнул бугор, за ним речка, за речкой лес. «Миг» скользнул по макушкам деревьев. Покрышкин с силой уперся в приборную доску, зажмурился и втянул голову в плечи. Послышался страшный треск, самолет мотнуло в сторону, он накренился и тяжело упал на землю. Оглушенный, ослепленный, задыхающийся от бензиновых и масляных паров Покрышкин кое-как отстегнул ремни и выбрался на землю.

Прислушался. Откуда-то издалека доносились крики немецких солдат. Протер глаза, осмотрелся. Самолет теперь представлял собой груды лома: хвост от удара отлетел, центроплан был изорван, мотор разбит. Как быть? Стреляться? Рано! Надо попытаться уйти — гитлеровцам как-никак понадобится некоторое время, чтобы переправиться через речку, которую он так удачно проскочил. И Покрышкин, не задумываясь, бросился бежать на запад. Расчет был прост: фашисты обязательно будут

искать его в восточном направлении, и надо запутать следы...

Лес скоро кончился. От опушки начиналось широкое поле ржи. Вдали белел хуторок. Покрышкин нырнул в рожь и притаился. Вокруг было тихо. Только откуда-то издалека доносился отдаленный гром канонады. Фронт передвигался на восток, и надо было быстрее поворачивать туда, иначе Покрышкин мог застрять здесь, в тылу у немцев.

Лежа в траве, он нащупал в кармане пять ирисок «кола» и тепло улыбнулся, вспомнив заботливого доктора, который чуть не насильно всунул их ему на старте. «Пригодятся!» — сказал доктор. И в самом деле пригодились. Покрышкин осторожно отломил одну ириску и съел, разделив остаток на две порции — по паре на день...

Теперь надо было определить, где он находится. Оглядевшись, Покрышкин увидел на горизонте большое зарево. Вынув часы, он припомнил старинное школьное правило восстановления ориентировки без компаса, произвел несложный расчет и пришел к заключению, что большой пожар находится на юго-востоке от него, километрах в семидесяти. Судя по всему, это горел Кишинев. Развернув карту, Покрышкин наметил примерный маршрут и пошел, крадучись, на восток, избегая дорог и тропинок.

Он брел, не отдыхая, весь день и всю ночь, брел оврагами, полями, виноградниками, обходя хутора и села. На душе было тяжело — судя по всему, немцы стремительно расширяли прорыв. Конечно, на рубеже Днестра их должны задержать, но удастся ли ему опередить немцев?..

Зарево над Кишиневом разрасталось. Издалека слышался рев танковых моторов, фыркали автомобили, скрипели колеса повозок, ржали кони. Ориентируясь по звездам, Покрышкин все шагал и шагал на восток.

И тут случилось нечто непоправимое, задремав на ходу, Покрышкин оступился, свалился в глубокий ров, и вдруг адская боль пронзила все тело: он растянул коленный сустав. Стиснув зубы и пересиливая себя, Саша встал и начал карабкаться изо рва. Холодная испарина покрыла лоб, когда он наконец вылез из этой западни. Шатаясь, Покрышкин сделал еще несколько шагов и тяжело рухнул в пыль. Кусая губы, чтоб не закричать от боли, он отполз в сторону, лег среди лоз виноградника и... сразу же забылся тяжелым сном — нечеловеческая усталость сморила его.

Проснулся Покрышкин оттого, что кто-то внимательно глядел на него. Он схватился за пистолет и попытался вскочить на ноги, но не смог — колено распухло, и нога перестала повиноваться. Над ним стоял бедно одетый молдаванин, дергавший повод коня.

— Свой, свой! — сказал он успокаивающе.

Покрышкин опустил пистолет и быстро спросил:

— Где немцы?

— Слышать, близко. Разведка проскочила к железной дороге.

— Подвези в сельсовет!.. — сказал решительным тоном Покрышкин.

Крестьянин, подумав, вздохнул, потом кивнул головой и посадил его. Морщась от боли, Саша уселся на неоседланного коня. Молдаванин повел лошадь под уздцы, опасливо оглядываясь по сторонам. Покрышкин держал в руке пистолет, приготовившись подороже отдать свою жизнь, если попадет в западню.

Сельсовет уже был пуст. На полу валялись обрывки бумаг. Крестьяне, не успевшие покинуть село, сокрушенно глядели на изувеченного летчика. Бабы принесли ему яиц, творогу, хлеба. Пока Саша завтракал, молдаване о чем-то совещались. Потом высокий седой старик подошел к Саше и сказал по-русски:

— Останешься? Будем лечить...

Саша мотнул головой:

— Дайте мне повозку...

Молдаване опять начали совещаться. Саша с тревогой прислушивался к незнакомой речи. Они о чем-то спорили. Потом старик снова подошел к Покрышкину и сказал ему:

— Как хочешь. Твое слово — закон. Но имей в виду: рискуешь головой...

К крыльцу избы подъехала, гремя, телега. Крестьяне осторожно уложили Покрышкина, засыпали его сеном, и старик, усевшись сбоку, хлестнул пару сытых коней.

— Куда ехать? — спросил он вполголоса, выехав за село.

— Давай к железной дороге! — сказал взволнованно Покрышкин. — Только проселками...

Уже в сумерках старик остановил телегу у полустанка. Все здесь было мертво. Водокачка лежала в руинах. Скрученные силой взрыва рельсы спутались какими-то причудливыми узлами. Горький запах свежего пепла витал над остовом сгоревшего вокзала. Нигде ни живой души. С севера доносился грохот орудий. Над Кишиневом все еще стояло высокое зарево.

— Поедем на юг, — сказал Покрышкин, — там, должно быть, спокойнее...

На дороге старик окликнул случайного прохожего — босой подросток в длинных и узких белых панталонах шел, сгорбившись и волоча за собой длинный веревочный бич. Перебросившись с ним несколькими фразами, старик сказал Покрышкину:

— Пастух... Угонял стадо совхоза... Говорит, что слышал — на Болградской ветке гудел паровоз...

— А ну давай во весь дух! — крикнул Покрышкин.

Возница хлестнул коней. Покрышкин, высвободившись из-под охапки сена, тревожно всматривался в ночь. Что там впереди? Конечно, немцы не имеют сейчас в Бессарабии сплошной линии фронта. Они движутся вдоль

основных магистралей, стремясь быстрее выйти к Днестру. Судя по всему, самые жаркие бои сейчас на северном участке фронта. Но и здесь можно наскочить на немецкие танки. Ну что ж, кто не рискует, тот не выигрывает...

Была уже глубокая ночь, когда из мрака метнулись две какие-то фигуры в плащ-палатках и пилотках, схватили лошадей под уздцы, и кто-то зло и ожесточенно выругался длинным витиеватым ругательством. И сразу у Покрышкина отлегло от сердца: свои!.. Это был передовой отряд наших частей, прикрывавших подступы к переправе на тираспольском направлении.

Обласкав и накормив возницу, пехотинцы отпустили его домой, а Покрышкина отправили в Бендеры. Оттуда он добрался до Тирасполя. Опухоль на ноге немного спала, и Саша снова мог ходить, хотя и прихрамывал. После пережитого самые простые, вчера еще такие привычные вещи приводили его в состояние умиления. Можно было зайти в парикмахерскую и побриться. Можно было заглянуть в ресторан. Наконец можно было просто пройтись не спеша по тихой чистой улице, посмотреть на мирных прохожих в штатской одежде, купить конфет, поглядеть на воробьев, скачущих по мостовой.

Война уже была близка к Тирасполю, но дыхание ее в городе еще ощущалось слабо, и здесь можно было бы отдохнуть пару дней, но Сашу тянуло в полк. Только как туда добраться? Покрышкина выручил случай: на улице он встретил знакомого летчика, который сообщил, что здесь, в Тирасполе, находится командующий авиацией армии.

Явившись к командующему, Покрышкин хмуро рассказал свою историю. Настойчивый летчик приглянулся генералу, и он поощрительно сказал ему:

— Ничего, старший лейтенант, на войне всякое бывает... Самое важное, что вы живы и невредимы. А самолет мы для вас добудем. Злее будете драться!

И генерал распорядился доставить Покрышкина в полк...

В Семеновке Покрышкина ждала радостная встреча: пока он странствовал по Бессарабии, в полк вернулся Пал Палыч Крюков. Оказывается, его звено, вылетевшее в первый день войны на разведку, невзирая на огромные трудности выполнило задание, но на обратном пути летчиков перехватили гитлеровцы; уходя от преследования, звено рассыпалось, и летчики сели на разных аэродромах. После долгих скитаний они собрались наконец в Семеновке.

Возвращение Покрышкина еще больше подняло настроение в полку: счет потерь заметно сокращался. Фигичев, Дьяченко, Соколов, Комлев и другие приятели Саши, обступив его тесной гурьбой, требовали все новых и новых подробностей, и он шутливо отбивался от них.

Ему было радостно вновь очутиться в этой большой и шумной, беспокойной семье, с которой трудные фронтовые будни спаяли его еще крепче. И все-таки на душе у него лежал тяжелый камень: он ни на минуту не мог забыть виденного в Бессарабии. Самолет, распятый на сучьях старого дуба, страшное безмолвное зарево над Кишиневом, опустевшие деревни, растерявшиеся крестьяне, скрученные взрывом рельсы, серо-зеленые мундиры немцев, торопливо шагающих по шоссе на восток,— все это было словно страшный чудовищный сон, и мучительно хотелось думать, что вот сейчас проснешься, откроешь глаза, и все эти призраки рассыпятся...

За Днестром продолжались тяжелые, кровопролитные бои. В штабе Покрышкину говорили, что наша пехота наносит по немцам контрудары. Но война уже поставила свое страшное клеймо на лицо Бессарабии, и мысль об этом не давала покоя Саше Покрышкину, как и миллионам других бойцов и командиров, тяжело переживавших в те дни горечь первых военных неудач.

Вечером Покрышкин взял у парторга пачку газет и стал перелистывать их — за эти дни он, естественно, отстал от жизни, и ему хотелось узнать, что происходит на белом свете. И вдруг ему бросился в глаза крупный заголовок на первой странице «Правды» от третьего июля «Выступление по радио Председателя Государственного Комитета Обороны И. В. Сталина».

— Сталин...— сказал он.— Сталин говорил! Что ж вы, черти, мне до сих пор не сказали?

Фигичев покосился на него:

— Как?.. А разве ты не знал? — и тут же спохватился:

— Да, верно же, ты как раз в это время был сбит...

Но Покрышкин его уже не слышал. Он углубился в чтение — этого выступления ждали все с первого часа войны. Ждали, что в нем будет дана оценка того, что происходит, и будет сказано о том, что будет дальше. И вот Покрышкину открывалась в полной мере горькая правда этих первых, неимоверно трудных дней войны:

«Гитлеровским войскам удалось захватить Литву, значительную часть Латвии, западную часть Белоруссии, часть Западной Украины,— с волнением читал он.— Фашистская авиация расширяет действия своих бомбардировщиков, подвергая бомбардировкам Мурманск, Оршу, Могилев, Смоленск, Киев, Одессу, Севастополь. Над нашей Родиной нависла серьезная опасность...»

И тут же Сталин поставил тот самый вопрос, который все это время так мучил Покрышкина, и не только его, а всех советских людей, привыкших к тому, что говорилось так многократно в последние годы,— воевать мы будем не на своей, а на чужой земле — как могло случиться, что наша славная Красная Армия сдала фашистским войскам ряд наших городов и районов? Неужели немецко-фашистские войска в самом деле являются непобедимыми войсками, как о том трубят неустанно фашистские хвастливые пропагандисты?

Председатель Государственного Комитета Обороны не утешал и не успокаивал народ. Он говорил о том, что враг действительно силен, что внезапное вероломное нападение дало ему временную выгоду, которой он умело воспользовался, что впереди еще много трудных дней, что дело, в сущности, идет сейчас о жизни и смерти нашего государства, наших народов. Но в то же время он от имени партии весомо и решительно заявлял, что эта трудная, ни с чем не сравнимая борьба неизбежно должна закончиться нашей победой и полным разгромом врага.

«...Великий Ленин, создавший наше государство, говорил, что основным качеством советских людей должны быть храбрость, отвага, незнание страха в борьбе, готовность биться вместе с народом против врагов нашей Родины. Необходимо, чтобы это великолепное качество большевика стало достоянием миллионов и миллионов Красной Армии, нашего Красного Флота и всех народов Советского Союза...»

Саша дважды перечел эти слова и задумался. Он почувствовал вдруг, что за эти дни сразу стал старше, взрослее. Новое ощущение огромной ответственности заслонило многие чувства и переживания. И все пережитое давало уверенность и силу для того, чтобы не согнуться под бременем этой страшной ответственности, подняться над трудными, тяжкими днями и шагнуть вперед.

Теперь он глядел другими глазами на все происходящее. В новом свете представлялось ему все пережитое в эти дни. И хотя тяжесть мучительных воспоминаний о вынужденном отходе от Прута по-прежнему камнем лежала на сердце, но как-то легче дышалось при мысли о том, что сопротивление наступающему врагу крепнет.

«Наши силы неисчислимы,— сказал Сталин.— Знаящийся враг должен будет скоро убедиться в этом».

Покрышкин твердо верил, что именно так оно и будет.

ЧЕЛОВЕК СТАНОВИТСЯ СОЛДАТОМ

Дни тогда казались бесконечными.

Каждый из них приносил горькие известия, и было горя так много, что порой казалось — не вместить его сердцу.

Умирили друзья. Рушились города. Терялись семьи. Никли к земле срубленные снарядами рощи. Сама земля горела, и эти лысые, почерневшие и растрескавшиеся прогалины на полях, пораженных артиллерией, были страшны, как язвы проказы. Тошнотворный чад бензина и горелого мяса стлался над мертвыми полями, и некуда было от него уйти.

Надо было свыкнуться со всем этим. Надо было отрешиться от мягкосердечия и добродушия, ожесточиться, сжиться с беспощадной правдой войны, приучиться безропотно переносить то, что вчера еще показалось бы немыслимым. Без этого не хватило бы ни сил, ни нервов, чтобы дойти до конца тяжелой военной дороги.

И летчики затерянного в приднестровской степи пятьдесят пятого истребительного полка вместе со всеми терпеливо проходили этот нечеловечески трудный путь.

Гнетущее неотвязное ощущение губительного, быть может, рокового бедствия, непоправимо спутавшего люд-

ские судьбы, так сильно глушившее мозг в самые первые дни войны, сейчас понемногу теряло свою остроту. Только где-то глубоко внутри оседал тяжеловесный, давящий на сердце осадок, и с ним уже ничего нельзя было поделать — с этим грузом надо было прожить всю войну.

Оглядываясь на своих товарищей, Покрышкин вдруг замечал, что война, невероятно обострившая черты характера людей, как-то сразу обнажила души. Подчас то, что вчера казалось случайным, второстепенным в человеке, оказывалось главным, и наоборот, — то, что как будто бы определяло его характер, слетало, словно мишура.

Кто мог думать, что Д., этот лихой и бесшабашный парень, так часто получавший взыскания за недисциплинированность, станет так быстро одним из ведущих летчиков полка? И кто бы поверил, что Б., вчера еще считавшийся одним из солидных, авторитетных пилотов, станет волноваться, как мальчик, перед вылетом, оклеит кабину самолета портретами жены и детей, начнет собирать амулеты, якобы приносящие счастье, будет спрашивать у друзей стаканчик водки перед боем? Война явилась жестоким экзаменом, и Покрышкин втайне радовался тому, что сам он не осрамился перед товарищами и перед самим собой.

Конечно, и Саша больно ощутил жестокие толчки войны. И ему становилось тошно, когда в поле перед ним вставала стена нервно вздрагивающих ослепительных оранжево-черных вспышек или когда, обернувшись, он видел за хвостом своего самолета острый нос «мессершмитта», особенно после третьего июля, когда его сбили. Есть вещи, к которым никогда не привыкнешь, как бы ты ни вдавливал себе в голову, что они неизбежны. Надо всякий раз перед вылетом подавлять в себе какой-то тайный подленький голосок, нашептывающий тебе: «А вдруг тебя опять собьют? А вдруг тебя зажгут?» И Саша злился на себя и спорил с собой, и призывал все

свое упрямство, чтобы заставить этот тайный голосок умолкнуть.

Покойный Атрашкевич незадолго до своей гибели как-то сказал ему в минуту откровенности: «Каждому страшно. И тебе и мне. Но ты сумеешь голову холодной удержать. Сохранишь спокойствие — значит твое счастье. Потеряешь — значит конец». И, помня об этом разговоре, Саша изо всех сил старался удержаться в рамках полетной дисциплины, как бы трудно ни пришлось в бою.

Постепенно он понял: спасительное равновесие в полете наступает тогда, когда ты не думаешь о вещах, не относящихся к бою, не отвлекаешься ни на миг от управления машиной и огнем. В воздухе думай не о том, собьют тебя или не собьют, а только о том, как бы сбить противника. Расценивай свою боевую работу как труд — тяжелый, изнурительный, изматывающий, но жизненно необходимый и неизбежный, чувствуй себя в кабине самолета чернорабочим войны. Если тебе удастся сбить врага — значит ты поработал хорошо. Если сбили тебя — значит ты работал небрежно, неумело, что-то где-то прозевал, прошляпил. Будешь всегда работать хорошо — тебя никогда не убьют. И к черту слюнтяйские рассуждения об удаче, о судьбе, о том, везет тебе или не везет в воздухе!

Не сразу, далеко не сразу удалось Саше воспользоваться на практике этой извечной, несложной, но мудрой и спасительной солдатской философией. Но все же с каждым новым полетом Саша чувствовал себя чуть-чуть спокойнее, а когда на счету у него появилось три сбитых самолета, дышать стало легче; появилось новое, приятно щекочущее сознание собственного превосходства над гитлеровскими пилотами, которых ему удалось спроводить на тот свет.

Будучи от природы аккуратным, положительным человеком, любящим точность и порядок, Покрышкин по-

сле каждой воздушной схватки уединялся и учинял самому себе допрос с пристрастием, стремясь возможно полнее восстановить только что пережитые события и разобраться, так сказать, в технологии боя. Он придирчиво проверял каждый свой ход: а не лучше ли было бы поступить в этом случае не так, а вот так? А может быть, следовало бы зайти не отсюда, а оттуда?

Как всегда бывает на войне, практика боя заставляла критически пересматривать многое из того, что в мирное время, на ученьях и маневрах, казалось совершенным и законченным. И теперь летчики сами, каждый на свой страх и риск, вырабатывали опытом, практикой свои собственные методы атак и ухода от огня, собственные уловки, приемы, способы борьбы.

Опыт показал, например, что традиционный боевой порядок звена — клин, когда один самолет идет впереди, а два симметрично располагаются сзади — справа и слева, себя не оправдывает. Внимание летчиков, вынужденных следить за своими машинами, неизбежно рассредоточивалось и отвлекалось, что было на руку противнику. Применение современных скоростных самолетов, располагающих большим радиусом разворота, усложняло маневр звена, делало громоздким и неудобным построение клином. Практически же в ходе самого боя взаимодействовали только две машины, прикрывавшие друг друга. Третий самолет «выходил из игры», как выражались летчики, и беспомощно носился вокруг, предоставленный самому себе.

Толкуя об этом, летчики вспоминали, как в мирное время командиры вводили на контрольные учебные полеты молодежь неполным звеном — парой: один самолет шел впереди, а второй почти рядом, чуть-чуть отставая. Это был строй пеленга. Так командиру было удобнее следить за учеником. Но почему бы не применить такой порядок в бою? Летая на разведку, Фигичев, Покрышкин попробовали брать с собой только одного ве-

домого. И что же? Оказалось, что два самолета вполне заменяют в бою звено. Больше того — вдвоем работать было куда сподручнее. Когда же требовалось производить разведку в особенно сложной обстановке, Фигичев и Покрышкин вылетали двумя парами — вчетвером.

Тактика группового боя тогда еще не была разработана, и при встрече с самолетами противника летчики сразу же «рассыпались», ведя индивидуальные бои, но они уже начинали подмечать, что дело идет гораздо лучше, если заранее распределить обязанности и как-то организовать взаимодействие в воздухе.

Покрышкин, например, пробовал так договариваться с Комлевым, которого он чаще других брал с собой в разведывательный полет: если путь преграждают «мессершмитты», Покрышкин атакует их первым, а Комлев следит за тем, чтобы немцы не обстреляли его сзади, и отгоняет их от хвоста машины командира. В свою очередь Покрышкин в полете внимательно наблюдает за своим ведомым. Это значительно облегчало обоим решение боевой задачи.

Многие летчики, особенно молодые, часто ошибались, определяя расстояние до самолета противника. В мирное время их учили стрелять по полотняному конусу, который тащил за собой на длинном тросе самолет-буксировщик. Расстояние всегда определялось по конусу, но зрительная память подсознательно запечатлевала при этом и самолет, который тащил движущуюся мишень. И теперь, когда надо было бить по самолету, многие летчики невольно открывали огонь раньше времени — их подводил выработавшийся в дни учебы рефлекс.

Покрышкин, которому в дни учебы доставалось за то, что он слишком близко прижимался к самолету-буксировщику, расстреливая мишень, теперь оказался в более выгодном положении: ему было легче перестроиться. Но и он нередко обманывался и ловил себя на том, что нажимал гашетки пулеметов, когда до немецкого

самолета оставался еще километр, а отпускал их метров за двести до подхода к противнику. Это бесило его, и он часто ругал себя и давал себе слово не жечь зря патроны и стрелять только наверняка. Но для этого мало было одной решимости, нужен был опыт и еще раз опыт, а он давался только ценой длительного и упорного труда.

Собираясь после полетов, летчики много говорили о своих противниках. Они убеждались на опыте, что перед ними — опытные асы, уже два года бороздившие небо Европы. Как-то пара немецких летчиков, бравирюя своей ловкостью, долго кружила над аэродромом истребителей, гоняясь за устарелым советским самолетом И-15-бис из соседнего полка. Аэродром был хорошо замаскирован, и гитлеровские пилоты даже не подозревали, что именно здесь, под ними, посреди голой степи, у одинокого хуторка, и находится гнездо так сильно докучающих им «мигов». Взлететь на помощь товарищу было рискованно: немцы могли улизнуть и потом привести в Семеновку бомбардировщиков. Но и бездействовать, наблюдая, как два «мессершмитта» клюют наш бедный биплан, было бы грешно. И вот все, кто были на аэродроме, открыли бешеный огонь из ручных пулеметов, винтовок, автоматов, пистолетов по немецким самолетам, носившимся чуть ли не на бреющем полете над полем.

Массированный ружейный огонь по самолетам тогда был новинкой, и немцы с ним не считались. Это дорого обошлось им: один «мессершмитт» вдруг как-то странно дернулся, накренился и рухнул в кукурузное поле. Другой, увидев его гибель, резко повернул и ушел, бросив свою жертву.

Летчики побежали глядеть обломки «мессершмитта». На хвосте пестро размалеванной машины были аккуратно нарисованы двенадцать каких-то крестиков, си-

луэты корабля и английского самолета. На киль намотались стропы парашюта. Его владелец лежал чуть поодаль. Это был здоровенный рыжий детина с наглой мордой, одетый в щегольской гражданский костюм. В бумажнике у него были французские и греческие деньги и только что полученное, еще не распечатанное письмо из Бельгии. На шее болтался золотой медальон с надписью по-немецки: «Бог тебя сохранит».

— Все-таки подвел его бог,— мрачно сказал Кузьма Селиверстов, с ненавистью глядя на рыжего мертвеца,— отгулялся, разбойничек!..

— Да, погулял он немало,— согласился начальник штаба, внимательно рассматривавший документы немца.— Важную птицу сняли с неба!

Видимо, таких опытных летчиков у немцев было тогда немало. Они нападали на наши самолеты дерзко и умело, используя внезапность: заходили обязательно со стороны солнца, неожиданно выскакивали из облаков, старались где-нибудь в стороне набрать высоту и потом сверху обрушивались на наш самолет. Умело взаимодействуя друг с другом, немецкие истребители старались всегда вести групповой бой, обеспечивая себе количественный перевес.

Наши летчики успешно противостояли немецким асам своей безудержной смелостью, напористостью, дерзостью. В то же время они стремились как можно быстрее овладеть новыми тактическими приемами, научиться умело подходить к противнику, искусно атаковать его и бить наповал.

Покрышкин со своей эскадрильей в те дни еще прикрывал Бельцы, хотя немцы подходили к городу все ближе. Эскадрилья перелетала на городской аэродром ранним утром, весь день работала, базируясь на нем, а на ночь возвращалась в Семеновку. И вот однажды

Покрышкину пришла в голову такая мысль: а что если на обратном пути взглянуть на территорию, занятую немцами, пройти над ней вот так просто, без всякого задания? Горючего в баках хватит, крюк придется сделать небольшой, а между тем, если повезет, можно будет встретить кое-что любопытное...

И в сумерках, когда эскадрилья возвращалась в Семеновку, он резко отклонился от маршрута, набрал высоту в две тысячи метров и направился к переднему краю. Немцы привыкли к тому, что в такое позднее время советские летчики в воздухе уже не появляются, и их артиллерийские корректировщики, поднявшиеся над полем боя, были настроены довольно беззаботно.

Покрышкин заметил на фоне светлого пшеничного поля характерный силуэт «Хеншеля-126», прозванного пехотой «кривой ногой» за уродливо растопыренные шасси. Корректировщик медленно виражировал над полем боя, высматривая цели для своих артиллеристов. Саша снизился на тысячу метров, стремительно зашел в хвост немцу и подошел к нему вплотную так близко, что ему самому страшно стало: вдруг сейчас «миг» врежется в немца? Он нервно нажал гашетки и едва успел отвернуть свою машину. От «хеншеля» полетели во все стороны какие-то лохмотья. Покрышкину почему-то пришла в голову нелепая мысль, что немецкий летчик сбрасывает листовки. Но это были не листовки, а куски плоскостей и фюзеляжа.

«Хеншель» круто опустил нос. Покрышкин догнал его и добил. Только теперь он почувствовал, что по шее у него течет что-то теплое и липкое. Тронув подбородок рукой, он взглянул на пальцы и понял: кровь. В плоскостях было несколько дырок. Глянув вниз, Саша увидел сотни мигающих огоньков — это немцы били по самолету. Он взял ручку на себя и стал уходить вверх, лавируя, чтобы сбить своих противников с прицела. Подбородок саднило — шальная пуля оставила довольно глубокую

царапину. «Хорошо, что немец ошибся на сантиметр», — мелькнуло в голове.

Теперь, собственно, пора было бы уходить в Семеновку: сумерки сгущались. Но тут Саша заметил характерный силуэт польского истребителя ПЗЛ-24. Немцы широко использовали трофейные машины, и Покрышкину захотелось вдруг помериться силами с летчиком, владевшим малознакомой ему машиной. Он снова резко развернулся и устремился в погоню за гитлеровцем. ПЗЛ-24 обладал заметно меньшей скоростью, чем «миг», но был вертким, маневренным самолетом. Он ловко ускользал из-под ударов.

Разгорячившись, Покрышкин на перевороте так резко сманеврировал рулями, что от перегрузки на мгновение потерял сознание и очнулся только тогда, когда самолет его круто пошел книзу. В кабину сильно дуло: с самолета сорвало фонарь. Покрышкин, оглядевшись по сторонам, заметил уходившего на запад немца, дал полный газ и настиг наконец ПЗЛ-24. Всадив в него длинную очередь, он поспешил домой: уже наступила ночь, и он рисковал заблудиться и сесть в поле.

Командир полка похвалил Покрышкина за инициативу и приказал впредь при возвращении в Семеновку всей эскадрильей проходить над полем боя.

Однако это уже было совсем не то, что одиночный вольный полет, — терялся элемент внезапности. Немцы привыкли к тому, что в определенный час проходила большая группа советских самолетов, и заблаговременно принимали меры предосторожности. Поэтому такие налеты уже не давали эффекта, а однажды, после того как эскадрилья попала в грозу и самолеты разбрелись и сели в поле, этот «вольный поиск» отменили вовсе. Но Покрышкин часто вспоминал о своем лихом вечернем рейде, и опыт этот пригодился ему несколько лет спустя,

когда он вместе с другими летчиками начал практиковать полеты, получившие название «охота».

Месяц, целый месяц провоевал пятьдесят пятый истребительный полк, не трогаясь со своего полевого аэродрома! Наши войска, сражавшиеся в Бессарабии, долго держали фронт, изматывая гитлеровцев, и только тогда, когда с севера над ними стала нависать несметная туча немецких танков, прорвавшихся от Ровно на Новоград-Волынский, Житомир и дальше на Белую Церковь и Умань, им был дан приказ — начать отход на восток.

20 июля, за день до смены аэродрома, в полк прибыли семнадцать молоденьких сержантов, только что окончивших Качинскую авиашколу. Они ходили по полю в новеньких, еще топорщившихся гимнастерках, таких же новеньких пилотках и ремнях, и озорные, мальчишечьи глаза их горели любопытством — боевая обстановка им была внове, и каждый из них чувствовал себя по меньшей мере Колумбом, открывающим новый мир, полный опасных, но пленительных и увлекательных неожиданностей.

Старые летчики полка иронически улыбались, поглядывая на сержантов, державшихся обособленной стайкой. Покрышкин, сам сравнительно недавно окончивший ту же школу, был настроен снисходительно и с любопытством присматривался к этим юнцам.

Вечером, возвращаясь с ужина, он натолкнулся вдруг на сержантов, усевшихся возле барака на бревнах. Уже смеркалось, яркие звезды дрожали в небе, сильнее пахли цветы на забытой клумбе, возделанной в мирные весенние дни старательным садоводом совхоза. Сержанты покуривали, зажав папироски в кулаке, чтобы не были видны огоньки, и слушали, как один из них, долговязый

и нескладный, что-то с увлечением декламировал. Время от времени раздавались веселые взрывы смеха.

Саша прислушался. Сержант читал какую-то длинную юмористическую поэму о приключениях зверей, бежавших из зоопарка и попавших в пивную:

Все зашли, заняли столик.
Самый ярый алкоголик,
Престарелый лев морской,
Говорит друзьям с тоской...

Покрышкин улыбнулся. Было что-то детское, ученическое в невинной забаве сержантов, тем более трогательной, что в эти самые часы, теперь совсем уже близко, шла жаркая кровавая борьба, не утихавшая ни на час, и в Семеновке отчетливо слышалась стрельба. Снаряды рвались уже недалеко отсюда. Подойдя поближе, он спросил, когда сержант кончил читать стихи:

— Кто написал?

Сержант вскочил и ответил, немного замямвшись:

— Доморощенное, товарищ старший лейтенант...

Его приятели зашумели:

— Это он, он сам сочинил! Андрей Труд!..*

— Труд? Хорошая фамилия. Самая подходящая для летчика. Если будете трудиться над подготовкой к полетам так же, как над стихами, дело будет...

Саша узнал теперь этого долговязого парня, похожего на складывающийся перочинный ножик: он целый день толкался возле летчиков, жадно слушая рассказы о воздушных боях и вступая с наивными вопросами. Покрышкину запомнилось тогда его открытое смуглое лицо с большими серыми глазами. На губах у него вечно блуждала хитрая улыбка, словно он только что напрока-

* А. И. Труд, впоследствии Герой Советского Союза, сбил 24 самолета противника. Сейчас работает председателем областного совета ДОСААФ в Ростове.

зил и хочет вывернуться из беды.

Сержанты засмеялись. Саша спросил вдруг Труда:

— Ну как вас там, в Каче, с пляжа гоняли?..

Тот испуганно встрепенулся:

— А вы откуда знаете?

— А как же,— усмехнулся Покрышкин,— это ведь истари ведется. Мы, думаешь, не любили купаться? Возьмешь книги — под обрыв. А там часовые. Верно?

— Точно,— сказал Труд.

— Ну вот... А на чем летали?

— На И-16...

— Стреляли? Воздушные бои вели?

— Немного...— сказал неуверенно Труд.

Покрышкин свистнул:

— Ну, братцы, вам еще придется подучиться, прежде чем воевать!..

Сержанты запротестовали, доказывая, что они готовы к бою, что, во всяком случае, бить по наземным целям, штурмовать все умеют отлично, и что в случае чего каждый из них готов на все...

— Дело хозяйское, конечно, командир полка решит, но я бы вас пока что к полю боя не подпускал на пушечный выстрел,— серьезно сказал Покрышкин.— Вот овладеете новой материальной частью, научитесь стрелять, драться, тогда вы — люди. А сейчас — что? На один зуб «мессершмитту»!..

Саша нарочно так поддразнивал сержантов. Ему нравились горячность молодых летчиков и их стремление во что бы то ни стало побыстрее ввязаться в драку с немцами. Но в глубине души он признавал, что эту молодежь действительно рано вводить в бой,— ей нужна была еще серьезная учеба. Это понимали все, и прежде всего командир полка. И как ни сложна была обстановка, как ни дороги были люди,— майор Иванов решил отвести пополнение на тыловой аэродром и там начать его боевую подготовку. Начальником этой группы он назначил

своего заместителя капитана Жизневского, того самого, который в мирное время так безжалостно муштровал Покрышкина.

Жизневский, видимо, понял теперь, что он ошибался, когда пресекал любую попытку летчика нарушить букву устава, внести что-то свое, новое в тактику воздушного боя и рассматривал такие попытки, как хулиганство. Но ему трудно было переломить себя, и он остался все тем же сухим педантом. Летчики недолюбливали его за придирчивость к мелочам. Но, может быть, для молодого пополнения нужен был именно такой придирчивый и жесткий наставник? Сержантам следовало сразу же показать силу воинской дисциплины, и командир, раздумывая и взвешивая все «за» и «против», окончательно утвердился в своем решении.

Сержанты перелетели на тыловой аэродром — в Осиповку двадцать первого июля. В тот же день немцы заняли Бельцы, и летчики пятьдесят пятого полка получили задание штурмовать то самое летное поле, на котором еще совсем недавно дежурил с эскадрильей Покрышкин, а теперь расположились, как у себя дома, гитлеровцы. Было очень больно сознавать, что вот приходится бить по своему собственному аэродрому, где каждая землянка и каждый уголок стали родными. И люди штурмовали со страстью, со злобой, не щадя себя. Удар девяти «мигов», участвовавших в атаке, был таким ошеломляющим и смелым, что противник не успел ему ничего противопоставить, и «миги» бомбами и пулеметным огнем уничтожили четыре «Юнкерса-88» и восемь «Мессершмиттов-109», стоявших на летном поле.

Через день истребители повторили налет на аэродром в Бельцах. На этот раз гитлеровцы оказали ожесточенное сопротивление. Девятка «мигов» сумела совершить три штурмовые атаки и уничтожить еще девять вражеских машин. Но и она понесла потери, тяжелые и непоправимые: погиб Анатолий Соколов, учитель и друг Покрыш-

кина, погибли Степан Назаров * и Алексей Овсянников — храбрые летчики, замечательные товарищи...

С каждым днем напряжение борьбы нарастало. Девятая армия, прикрывавшая правое крыло фронта, вела кровопролитные бои, преграждая путь фашистской группировке, продвигавшейся от Каменец-Подольска к Кодыме и важной узловой станции Слободка. Гитлеровцы наступали на Котовск и угрожали тылам наших войск, отходивших с боями из Бессарабии за Днестр. Части девятой армии решительно контратаковали. Искусный маневр, быстрые фланговые марши, четкое взаимодействие, стальное упорство наших бойцов сорвали замысел гитлеровского командования. Тогда фашисты ввели в бой шестнадцатую танковую дивизию с той же задачей — выйти на коммуникации наших войск. Разгорелись ожесточенные танковые бои.

Пятьдесят пятый истребительный полк в числе других авиачастей был переброшен на Котовский аэродром. Оттуда летчики непрерывно атаковали колонны наступающей вражеской мотопехоты. Двадцать пятого июля был достигнут особенно успешный результат: девятка «мигов» у станции Слободка настигла и сожгла много гигантских слоноподобных семитонных грузовиков с боеприпасами. И сразу же вражеская артиллерия резко ослабила огонь. Как потом сообщили пленные, она на протяжении трех дней оставалась без снарядов. Там же, под Слободкой и Кодымой, летчики сбили пять артиллерийских корректировщиков «Хеншель-126», чем также помогли нашей пехоте: ослепленная фашистская артиллерия не могла вести прицельный огонь.

* Через много лет после войны юные следопыты Фрумушкской школы Молдавской ССР обнаружили останки летчика Степана Назарова. С помощью Флорештского райкома КП Молдавии была организована торжественно-траурная церемония захоронения останков. На могиле Степана Назарова установлен памятник.

Отчаянным сопротивлением частей девятой армии гитлеровские войска были остановлены, и угроза окружения наших армий, находившихся еще в Бессарабии, была снята, хотя положение на Южном фронте продолжало оставаться очень напряженным. Войска продолжали отходить за Днестр, и часть самолетов пятьдесят пятого полка, переброшенная в Осиповку, прикрывала переправы у Дубоссар и в Рыбнице.

Предприимчивый начальник связи полка капитан Масленников, приторочив к своему мотоциклу походную радиостанцию, разъезжал вдоль Днестра, поддерживая связь с аэродромом. Когда гитлеровцы появлялись в воздухе, он вызывал по радио дежурное звено, и истребители набрасывались на фашистские бомбардировщики. Такое оперативное использование радиосвязи тогда было новинкой и давало неплохие результаты. В частности, Селиверстову, вызванному Масленниковым, удалось настигнуть над Рыбницей и вогнать в воды Днестра «Юнкерс-88». Об этом факте много говорили в полку, и летчики стали с большим интересом относиться к своим радиостанциям, стараясь использовать их в полете.

Такие удачи ободряли летчиков, заставляли их увереннее глядеть в будущее. И все-таки общая обстановка оставалась крайне сложной, и летчикам приходилось работать с предельным напряжением. За этот месяц люди накопили немалый опыт, и даже Гриша Речкалов, который в первый день так плохо представлял себе, что же происходит в воздухе во время воздушного боя, теперь летал более уверенно и смело. Он сбил немецкий бомбардировщик «Юнкерс-88» и получил за это благодарности от командования.

В пору напряженных боев на Днестре, однако, Речкалова постигла тяжкая неудача, которая надолго вывела его из строя. Дело было так. Речкалов на И-16 полетел вместе с другими сопровождать «чаек», которые должны были бомбить гитлеровцев, пытавшихся переправить-

ся через Днестр. «Чайки» шли бреющим полетом, «ишаки» летели сзади с превышением.

Все шло как будто бы нормально. «Чайки» уже заканчивали штурмовку, и И-16 готовились вслед за ними обрушиться на переправу, как вдруг Речкалов почувствовал, что его самолет сильно встряхнуло. Послышался треск, откуда-то повалил дым. Растерянно глянув внутрь кабины, Речкалов увидел, что одна педаль сломана, под нею в фюзеляже зияет дыра, а из-под его сапога медленно расплывается красная лужица.

— Неужели ранен? — подумал он, и ему показалось странным, что боли не чувствуется. В мозгу пронеслось: «Надо уходить».

Оглянувшись, Речкалов заметил шедших за ним трех «мессершмиттов» и сразу понял, что произошло: в кабину угодил снаряд вражеского истребителя, атаковавшего его сзади снизу. Он тут же нажал на педаль здоровой ногой и бросил машину на переворот. Гитлеровцы не преследовали его: они были заняты воздушным боем с другими истребителями, и Речкалов, нырнув в извилистый овраг, шедший в направлении к аэродрому, умчался бреющим полетом к Осиповке.

Только теперь он почувствовал острую, ноющую боль. Красное пятно на дне кабины все увеличивалось. Прикусив губу, Гриша сосредоточил все усилия на посадке. Ему удалось выпустить шасси, правильно зайти и посадить машину. Но из кабины он вылезти уже не смог. Его вытащили под руки техники, почуявшие что-то неладное: летчик долго не появлялся на плоскости.

Подоспел врач. Он осмотрел раненую ногу. Ее можно было сохранить, но требовалась спешная хирургическая помощь. Речкалова уложили в санитарный самолет и отвезли в госпиталь. Техники быстро отремонтировали его машину, и в тот же день на ней ушел в бой молодой летчик Крейнин. На дне кабины еще оставалась несмытая кровь Гриши, и Крейнин дрался яростно.

Горечь неудач, воспоминания о погибших и раненых друзьях, стремление тут же, немедленно отомстить за них сливались в один обжигающий сплав, и люди воевали с каким-то исступлением, пренебрегая собственной жизнью. Неистовые, не укладывающиеся ни в какие рамки действия советских летчиков пугали фашистов сильнее, чем самая грозная боевая техника.

В один из самых трагических дней над селом Фрунзовка, расположенным близ Осиповки, где стоял полк, шесть «мессершмиттов» настигли машину командира полка. Он маневрировал с тем изумительным, артистическим блеском, который всегда внушал летчикам глубокое уважение к нему,— еще в мирное время командир славился как один из выдающихся мастеров высшего пилотажа. Но немцев было шестеро, и майору Иванову приходилось туго.

Увидев с аэродрома, что майор попал в беду, командир звена Дьяченко, приятель Саши, молодой крепыш, весельчак и любимец эскадрильи, молниеносно поднял свою машину в воздух и пришел к нему на помощь. Вдвоем драться было легче, но вскоре Дьяченко ранили. Силы его ослабли, сознание мутилось. Он резко спикировал и посадил самолет.

Задыхаясь от волнения, Дьяченко наспех перевязал рану и, откинувшись на бронированную спинку, поглядел в небо. Фашистские летчики опять надели на командира: Зажав его в клещи, они все время преграждали ему путь и не давали выйти ему из боя.

— Собыют... сволочи,— прохрипел Дьяченко и оглянулся по сторонам. Как на беду, аэродром был пуст: все самолеты ушли на задание.

— Гриша... тащи баллон! — приказал он топтавшемуся у самолета технику Чувашкину, которого прозвали «малышом» за его маленький рост и очень молодое ли-

цо. Подняв свои изогнутые дугами брови, Гриша недоуменно и тревожно уставился на Дьяченко.

— Куда... Добьют же вас...

— Молчать! — крикнул Дьяченко. — Устава не знаешь? Командира же бьют...

Лицо его покрыла смертельная бледность. Кровь проступила сквозь марлю, и сил с каждой минутой становилось все меньше.

Гриша притащил баллон со сжатым воздухом, подключил его. Дьяченко обернул к нему свое изуродованное судорогой лицо:

— Прилетят Селиверстов, Фигичев... Скажи... Если не встретимся, привет, мол, передавал... Чтобы помнили... Понял? Ну давай...

Зашипел воздух, мотор взревел, и Дьяченко, захлопнув фонарь, поднял машину в воздух. Он вел ее неуверенно, порой она клевала носом, но потом, видимо, Дьяченко собирался с силами и снова бросал самолет вперед.

Майор Иванов изнемогал в неравной борьбе, когда вдруг в гущу фашистских самолетов, облепивших его со всех сторон, врезалась машина Дьяченко. Она шла точно вслепую, не разбирая дороги, напролом, пренебрегая риском столкновения, и гитлеровцы стали шарахаться в стороны от страшного советского самолета. Приблизившись к командиру, он прикрыл его и принял удар на себя. Разыгралась короткая, ожесточенная схватка, и клещи разомкнулись. У гитлеровцев, видимо, запас горючего подошел к концу, и они круто повернули на запад. Командир полка и Дьяченко выскользнули и, прижавшись к земле, пошли на посадку. И в ту самую минуту, когда, казалось, все уже кончилось благополучно, самолет Дьяченко вдруг как-то вяло развернулся, накренился и упал...

Хоронили его во Фрунзовке под грохот разрывов снарядов. Гитлеровцы яростно штурмовали переправы

через Днестр, подавляя сопротивление нашей пехоты многократным численным превосходством. С часу на час можно было ждать новых неожиданностей. Повсюду в степи высаживались вражеские парашютные десанты. Отряды мотоциклистов, которым удавалось местами форсировать реку, тотчас же устремлялись на восток проселками и полями, стремясь навести панику стрельбой из автоматов и пулеметов. Фашистские самолеты, летая низко над землей, расстреливали машины, повозки, группы людей, шедших по дорогам.

Фрунзовку только что бомбили «юнкерсы». У разбитой церкви зияли свежие воронки. Остро пахло гарью, порохом и сухой пылью. Под ногами торопливых прохожих хрустело битое стекло. Откуда-то доносился неутешный женский плач. Жалобно ржали раненые кони. И только глупые воробьи чирикали что-то бестолковое и веселое, раздражая своей суетой угрюмых летчиков, бережно несших на носилках изуродованное тело своего товарища. Было решено похоронить его в центре деревни, над которой он провел свой последний бой.

Некогда было делать гроб, некогда было ставить памятник и говорить речи. И Селиверстов, Фигичев, Масленников и Чувашкин молча положили тело товарища на край могилы, молча поцеловали его твердо сжатые, обескровленные губы, так же молча опустили его на дно могилы и взялись за заступы. Когда над могилой вырос небольшой холмик, Селиверстов дрожащей от волнения рукой снял фуражку и глухо сказал:

— Прощай, друг... Отвоюемся, живы будем — вернемся, поставим памятник *. А пока не взыщи...

— Человек-то какой...— взволнованно проговорил Фигичев и закрыл глаза рукой.

Канонада за селом усилилась, и Селиверстов, прислушиваясь, мягко сказал, обняв его за плечи:

* Ныне младшему лейтенанту Леониду Дьяченко в городе Фрунзовка Одесской области поставлен памятник.

— Пора, Валя. Пора на аэродром!..

Гитлеровцы уже прорвались через Днестр, их танки устремились к Фрунзовке, и, как только летчики вернулись с похорон, Фигичеву было приказано немедленно подняться в воздух и просмотреть дорогу, ведущую от Днестра на восток. Он взлетел в ту же минуту. Его сопровождал один из молодых пилотов. Почти сразу же за Фрунзовкой над дорогой вставала высская желто-бурая стена пыли — то шли немецкие танки.

Покачав крыльями, Фигичев отпустил ведомого, чтобы тот доложил обстановку, а сам спикировал на село.

Во Фрунзовку уже входила головная походная застава немцев. Фигичев пронесся над нею, чуть не задев винтом за башню танка, взмыл, бросил бомбу и полоснул пулеметным огнем по мотоциклам. Ему ответили бешеным обстрелом из всех видов оружия, но он упрямо повторил заход, потом еще раз прошелся над колонной, и еще, и еще, пока были у него патроны.

Среди гитлеровцев возникло замешательство. Подбитый танк загородил узкую улицу. Автоматчики судорожно ползали вдоль плетней, пряча головы в подворотнях. Несколько машин загорелось, и теперь в них рвались боеприпасы. А Фигичев в какой-то неистовой ярости носился над селом. Казалось, он готов был сечь винтом проклятые фашистские танки, лишь бы не допустить их к могиле друга. И только тогда, когда у него не осталось ни одного патрона, он отвалил от вражеской колонны, прошел бреющим полетом над могилой Дьяченко, вернулся и вдруг начал выделять над нею самые стремительные фигуры высшего пилотажа.

Гитлеровцы, приподнявшись из-под плетней, ошалело глядели на крутившийся над ними советский самолет и даже перестали стрелять от удивления. А Фигичев, сделав последнюю восходящую бочку, выписал в небе прощальный росчерк и ушел в Осиповку. Он вернулся к своим постаревшим на десяток лет. На энергичном лице его

горели возбужденные глаза. Предательские слезинки прочертили борозды на запыленных щеках. Заикаясь от волнения, он повторял, словно в забытьи:

— Ну, это им дешево не пройдет... Это им дешево не пройдет...

И, склонившись на приборную доску, он вдруг глухо зарыдал. Товарищи тихо отошли от самолета, оставив Фигичева наедине с его горем.

Так начинался отход наш с запада, самое тяжелое время войны. Из Осиповки полк уходил в Ивановку, из Ивановки — в Чижовку, из Чижовки — в Тузлы, и, засыпая тревожным сном у самолетов, люди не знали, что ждет их завтра, и нужно было много душевной силы, чтобы сохранять присутствие духа в эти черные дни и драться, да так, чтобы каждое село давалось фашистам самой дорогой ценой.

По ночам все небо окрашивалось заревом пожаров, и порой начинало казаться, что сам небосвод стал кровоточить. Горели города, горели села, горели необъятные поля необранных хлебов, и в горле першило от неотступного запаха жженого зерна. Шевеля усталыми ногами толстый слой жирной, черноземной пыли, брели на восток женщины с каменными лицами, и дети, охрипшие от плача, цеплялись за их платья. Вязкий вишневый сок гроздьями выступал на свежих пеньках вырубленных садов. Интендант с красными от бессонницы глазами останавливал вдруг запыленных, смертельно усталых бойцов и умоляющим голосом упрашивал: «Возьмите! Возьмите хотя бы по ящичку шоколада. Сейчас будем жечь...»

Ничего нельзя было оставлять врагу, все надо было увезти на восток или уничтожить. Люди знали это. Но горько было видеть своими глазами, как гибнет наше добро, и еще горше было его губить. Гитлеровцы, которым удалось наконец прорваться под Белой Церковью

на юг, загибали фланг, устремляясь на Первомайск, Кривой Рог и Николаев, и теперь следовало как можно быстрее отходить на рубежи Днепра, чтобы там снова схватиться с врагом не на жизнь, а на смерть.

Полк стоял в Тузлах, когда пришли известия, что гитлеровские передовые отряды подходят к Николаеву и таким образом отсекают последний путь на восток. Правда, можно было еще присоединиться к Одесскому гарнизону, которому была задана трудная, но благородная задача — оттянуть на себя и перемолоть как можно больше вражеских сил. Но место пятьдесят пятого полка было в низовье Днепра, где вскоре должны были развернуться жаркие бои, и командир полка принял решение: летчикам лететь напрямик, а технике отходить на Одессу и оттуда плыть морем на соединение с полком.

В час этого торопливого расставания никто не мог сказать, когда теперь доведется свидеться, и тем крепче были молчаливые прощальные объятия. Один за другим отрывались от земли самолеты и уходили в сторону моря, чтобы незаметно проскользнуть к Херсону. Проводив последний истребитель, техники погрузили все хозяйство полка на семь грузовиков и укатили в Одессу...

После трудного и опасного пути самолеты полка совершили посадку на широком зеленом лугу у богатого таврического села Чаплинка. Их привел сюда Пал Палыч Крюков, исстрадавшийся в пути: ни у кого не было карт, и Пал Палыч летел по расчету времени, твердо придерживаясь курса, заданного в Херсоне. Его бросало то в жар, то в холод, когда он вспоминал, что за ним тянутся десятки самолетов. Если бы он ошибся, произошла бы непоправимая катастрофа.

К счастью, все обошлось благополучно, и летчики, выпрыгнув из кабин, бросились качать улыбающегося и счастливого Пал Палыча. Всеобщее уважение к его штурманским способностям возросло.

Началась битва за Каховский плацдарм.

Фашисты стремились как можно быстрее форсировать Днепр, выйти к Перекопу и ворваться в Крым, чтобы затем проложить путь через Керченский пролив к распалявшим их воображение богатствам Кавказа. Еще перед войной их газеты и журналы вдруг наполнились подробнейшими описаниями тучных полей Кубани, благодатных садов Черноморья, привольных высокогорных пастбищ, неистощимых нефтяных источников Грозного и Баку. И теперь вслед за танками, артиллерией и мотопехотой катили на мягких резиновых шинах походные консервные заводы, семитонные грузовики с пустыми мешками, клейменными знаком орла, комфортабельные легковые автомобили с экспертами по восстановлению нефтяных скважин, эксплуатации цитрусовых садов и разведению чая.

Путь к Крыму лежал через Каховку.

На рубеже Каховки оборонялись те же войска, которые преграждали путь гитлеровцам под Бельцами.

И гитлеровцам здесь, на Днепре, пришлось все начинать заново, с самого начала, как и на Пруте, и на Днестре...

Пятьдесят пятый истребительный авиаполк получил задачу — штурмовыми ударами преграждать путь вражеским резервам, подходившим к Днепру. Работать было трудно: многие техники застряли в Одессе и теперь пробирались в Таврию разрозненными группами по два-три человека, а самолеты нуждались в особенно тщательном уходе — за этот месяц они были основательно изношены и искалечены. Все чаще летчикам приходилось пересаживаться с «мигов» на «чайки» и И-16, которых пока еще хватало в полку.

Летать приходилось по шесть-семь раз в день. Подвесив под плоскостями по четыре бомбы, зарядив пулеметы и набрав в кабину запас ручных гранат, летчики уходили бреющим полетом за Днепр — группами по

восемь-девять машин — и атаковали автомашины противника. Пал Палыч Крюков приноровился летать в сумерках, когда было меньше шансов на встречу с вражескими истребителями. Он уводил свою эскадрилью за Херсон и просматривал дороги, ведущие на Николаев. Шоссе тускло блестело во мраке, и гитлеровские танки резко выделялись на нем. Добродушный, неторопливый на земле, Пал Палыч в воздухе становился сущим чертом. Завидев вражеские самолеты или танки, он забывал обо всем на свете, не считаясь ни с чем, бросался на врага и бил его, тормозил, клевал до тех пор, пока у него оставались патроны и бомбы.

Теперь и ему приходилось летать на легкой и утлой «чайке». Обнаружив в первом же полете фашистские танки у Херсона, он так разволновался, что спикировал на них, не считаясь с высотой и сбросил бомбы чуть ли не с бреющего полета. Взрывной волной «чайку» подбросило и перевернуло, и бедный Пал Палыч едва успел выровнять ее: еще немного — и он врезался бы в землю. Зато два гитлеровских танка застыли на месте...

Фашисты отчаянно отбивались от наседавших на них в эти неурочные часы самолетов. В воздухе становилось светло от огненных трасс. Но Пал Палыч, Фигичев, Селиверстов, Покрышкин и другие летчики совершали полет за полетом, и счет штурмовок у каждого уже перевалил за сотню. Вызывало у них досаду только одно обстоятельство: ни «миги», ни «чайки», ни И-16, в сущности говоря, не были приспособлены для штурмовых полетов и поднимали мало бомб. Они успешно боролись с немецкой мотопехотой, наводя на нее смертельный ужас, но против танков надо было иметь более мощное вооружение. И какое поднялось ликование в полку, когда командиру удалось где-то выхлопотать два новых штурмовика конструкции инженера Ильюшина!

Все летчики сбегались глядеть на эти тяжелые, неуклюжие с виду, хорошо бронированные машины, во-

оруженные двумя скорострельными пушками, двумя пулеметами и способные поднять солидный бомбовый груз. Немцы, испытавшие уже на себе это новое грозное оружие, успели прозвать его «черной смертью», и такое прозвище льстило нашим летчикам. Одно было плохо: пока что отличных этих самолетов было до крайности мало.

— Хорош конь! Хорош,— говорил Фигичев, хлопая перчаткой по броне штурмовика.— Теперь держись, немец!..

И с этого дня, пересев с «мига» на «ил», он начал делать по восемь-девять вылетов в день, охотясь за гитлеровскими танками, скоплавшимися на подступах к Бериславу и Каховке. Второй «ил» был передан младшему лейтенанту Петру Грачеву, только что прибывшему в часть из госпиталя. Он был ранен в первые дни войны. Это был молодой, старательный пилот, отлично зарекомендовавший себя, и командир полка не ошибся в выборе.

В эти же дни майор Иванов вызвал из Геническа, где теперь находились молодые пилоты, прибывшие двадцатого июля, троих сержантов: опытных летчиков в полку становилось все меньше, а тут еще надо было отправить в Москву десять человек за получением новых «мигов». Жизневский прислал Андрея Труда, с которым Покрышкин познакомился еще в Семеновке, Данилу Никитина, плотного, светловолосого юношу, неисправимого фантазера, поэта и фанатичного энтузиаста стрельб из пистолета, и немного мечтательного Сташевского. Курсанты одного выпуска, они были закадычными друзьями, и всюду их видели втроем.

По правде сказать, за эти двадцать дней они немногому сумели научиться: частые перебазировки мешали наладить нормальную учебу. Но все же Жизневский успел

выпустить всех сержантов в самостоятельный полет на «чайке», показал им основные приемы воздушного боя и провел несколько стрельб по движущимся мишеням. Труд, Никитин и Сташевский показались ему наиболее способными учениками, и он решил, что им можно уже дать боевое крещение.

Сержанты были недовольны тем, что им придется летать не на «мигах», а на «чайках», которым острый на язык Труд дал язвительную кличку «уйди-уйди», но они понимали, что скоростных истребителей не хватает, знали, как остро складывается обстановка на фронте, и молча мирились со своей судьбой.

Лежа на траве в ожидании полета и глядя в высокое синее небо, Никитин мечтательно говорил Труду:

— Вот если б выдумать самолет без плоскостей... Какая скорость была бы!..

Труд недоуменно возражал:

— Тю на тебя! А как бы ты садился?

— Как? — невозмутимо отвечал Никитин. — Придумал бы какой-нибудь парашют. Выключи мотор, распусти парашют и спускайся...

Труд сплевывал и говорил:

— Тоже мне, Циолковский!

Никитин вскакивал, хватал своего жилистого, долгового друга за шею, и они начинали барахтаться и возиться в траве, пыхтя и ругаясь до тех пор, пока у командного пункта не взвивалась ракета. Тогда они проворно надевали лежавшие наготове парашюты, прыгажи в кабины своих «чаек» и взлетали.

Семнадцатого августа разведчики принесли тревожное известие: фашистам удалось навести переправу у Берислава. Надо было немедленно разбить ее. И тотчас в воздух поднялся на своем штурмовике Грачев, а за ним Труд, Никитин и другие летчики — кто на «чайке», кто на И-16.

Гитлеровцы придавали большое значение этой пере-

праве и старательно прикрывали ее зенитным огнем и авиацией. Четыре «мессершмитта» сразу же обрушились на Грачева, но он, делая один заход за другим, упрямо продолжал штурмовать автомобили и танки, сгрудившиеся на переправе. Труд, не совсем ясно представлявший себе, что происходит, оглушенный и ослепленный всем виденным, понял только то, что Грачеву удалось уложить свои бомбы точно в цель,— над переправой поднялись густые клубы дыма, и багровое пламя охватило грузовик, поднявшийся на дыбы.

Никитин и еще несколько летчиков прикрывали Грачева, «мессершмитты» огрызались и продолжали атаковать советский штурмовик. Но сбить эту хорошо бронированную машину было не так просто, и Грачев, сделав последний заход, торжествующе покачал крыльями и ушел на свой аэродром. Спohватившись, Труд вспомнил, что и ему надо бомбить и штурмовать. Старательно рассчитав курс, как учили в школе, он спикировал на вражеские машины и сбросил бомбы, припоминая советы Грачева: «Дождись, пока цель сравняется с изгибом верхних плоскостей, чуть-чуть закрой ее носом и отпускай бомбодержатель!» Потом он стал стрелять по колонне из пулеметов. Закончив свою работу последним, Труд изрядно струхнул, обнаружив, что остался один над полем боя. Он дал полный газ и устремился к аэродрому, силясь догнать товарищей. Позади, у разбитой переправы, горели двенадцать грузовиков, зажженных летчиками пятьдесят пятого полка.

Некоторое время спустя гитлеровцы восстановили переправу. Надо было снова разрушить ее, и Грачев опять взял с собой Труда и Никитина, отругав их за некоторую нерешительность в первом боевом вылете. Андрей чувствовал себя виноватым и дал себе слово на этот раз отличиться. Когда восемь «чаек», следуя за штурмовиком Грачева, вышли к Днепру, у переправы поднялась суматоха. Бросив машины, гитлеровцы разбегались, ползали

по полю, прятались в канавах и воронках от бомб. Еще на земле Грачев условился с ведомыми, что они будут бить по переправе,— надо было во что бы то ни стало снова разрушить ее, а попасть в понтонный мост нелегко, тем более, что гитлеровцы еще больше усилили зенитное прикрытие, и теперь над мостом стояла сплошная завеса разрывов.

Андрей заколебался. Он увидел на спуске к реке сгрудившиеся машины и подумал: «В мост не попаду почти наверняка, а машины разбить, пожалуй, удастся». Первым проскочил к переправе Грачев. Он сбросил бомбы, но они прошли мимо моста, и только огромные всплески воды встали над Днепром.

За ним стали пикировать на мост «чайки», сваливаясь по очереди на крыло и устремляясь к переправе. Несколько бомб упало у самого моста, разбив автомобили, но переправа все еще была цела. Видя это, Труд совсем пал духом и окончательно решил не бить по узкой переправе, а спикировать на вражеские машины, сгрудившиеся у спуска, чтобы нанести хоть какой-нибудь ущерб противнику: уж если Грачев не попал в понтоны, так где же ему, мальчишке, справиться с такой задачей?

Нацелившись на скопление автомобилей, он сбросил сразу все четыре бомбы и стал выводить самолет из пике. Тут же он с волнением и надеждой оглянулся и... не обнаружил никакого следа от своего бомбового удара. Краска стыда залила его лицо. И вдруг, задев взглядом переправу, окаменел от неожиданности: мост тянулся с восточного берега только до середины реки, а дальше простиралась чистая вода. Случайно все бомбы Труда попали как раз по переправе!

С переднего края моментально сообщили, что последней из «чаек», пикировавших на мост, удалось разрушить переправу. Командир вызвал Труда:

— Вы пикировали последним?

— Я,— ответил, бледнея, Андрей. Он боялся, что

сейчас на него наложат взыскание за недисциплинированность.

— Молодец! — сказал майор. — Хвалю за меткость...

Андрей хотел было рассказать все, как было, но тут же прикусил язык, боясь, что над ним станут смеяться. Только два года спустя, когда ему было присвоено звание Героя Советского Союза, он открыл своим друзьям тайну сверхметкого удара, нанесенного им 20 августа 1941 года.

Так летчики пятьдесят пятого полка дрались за переправы через Днепр около трех недель. Один лишь Грачев за это время сумел уничтожить ударами своего «Ильюшина» шесть танков, четыре бронемашины, восемьдесят автомобилей, девять орудий, шестнадцать мотоциклистов и перебил до батальона пехоты. Неожиданное стойкое сопротивление русских в низовьях Днепра опять путало планы гитлеровского командования. Оно подтягивало в этот район все новые и новые части, силясь во что бы то ни стало проложить себе путь на просторы Таврии.

Сломить сопротивление советских войск фашистам было тем труднее, что в тылу у них стояла, ошетинившись пушками, Одесса, оттянувшая на себя всю румынскую армию и несколько немецких дивизий.

Одесса оборонялась мастерски. Об этом с восхищением рассказывал добравшийся наконец в полк капитан Масленников, старательный начальник связи, отходивший через Одессу вместе с техниками, заботясь о спасении имущества полка. Масленникову пришлось пережить много приключений на обратном пути. Из Одессы он плыл на пароходе «Райкомвод», до отказа загруженном снарядами. Предполагалось, что пароход успеет проскользнуть в Херсон, чтобы сдать боеприпасы, эвакуируемые из одесских складов, нашей артиллерии, готовившейся оборонять днепровский рубеж. Но вечером в Очакове пароход остановили: в Херсоне уже были гитлеровцы.

Старинный город горел. Фашисты безжалостно бомбили его. На рейде медленно тонул охваченный пламенем теплоход «Полина Осипенко», на котором пытались эвакуировать женщин и детей из Николаева и Очакова. Завидев новое судно на рейде, вражеские пикирующие бомбардировщики обрушились на него, и Масленников почувствовал себя очень худо при мысли о том, что трюмы «Райкомвода» забиты снарядами. Но зенитчики корабля, лихие, отлично натренированные артиллеристы, так ловко поставили огневую завесу, что у него немного отлегло от сердца.

Один за другим зенитчики сбили два гитлеровских самолета. Тем временем капитан «Райкомвода» приказал опустить шлюпки для оказания помощи горящему теплоходу. С борта «Полины Осипенко» доносились душераздирающие детские крики. Шлюпки, рыбацьи лодки, наспех сбитые плотки сновали между тонущим судном и берегом лимана, высаживая спасенных женщин и детей на пустынную Кинсбургскую косу. Эта страшная ночь, озаренная пожарами и наполненная грохотом орудий и свистом бомб, надолго запомнилась Масленникову.

Закончив спасение пассажиров погибающего теплохода, «Райкомвод» ушел на юг, чтобы разгрузиться в одном из крымских портов. Масленников же и его спутники остались на Кинсбургской косе, наняли у хуторян пару быков и потащились по зыбучим пескам искать свой полк, затерянный где-то на левобережье Днепра. В Геническе они встретили Жизневского с его питомцами и оттуда уже добрались в Чаплинку.

Теперь Масленников работал с утроенной энергией, стараясь наверстать утерянное время. Он опять налаживал связь с окрестными районами, стараясь организовать собственную службу наблюдения и оповещения. Стремление вынести посты наблюдения как можно ближе к переднему краю привело его в один из самых критических дней обороны на Днепре в Каховку.

Привольный степной городок вытянулся широкой бело-зеленой лентой вдоль Днепра. На улицах было пусто. Стекла дрожали от грохота взрывов — гитлеровцы били из-за реки прямой наводкой по чистеньким уютным домикам, окруженным густыми садами. По улицам с бестолковым гоготаньем металась стада гусей, брошенные хозяевами, ушедшими на восток. Кое-где к небу поднимались столбы дыма. В безветрии пожары разгорались медленно, но тушить их было некому.

Масленникову* вспомнилась песня о горящей Каховке, которую перед войной часто певали в полку, вспомнилось, как он на баяне подыгрывал голосистому Дьяченко, и горький ком шевельнулся в горле: мог ли думать он когда-нибудь, что вот и ему придется очутиться в горящей Каховке?

У кладбища его кто-то окликнул.

— Григорий Тимофеевич, ты?..

Капитан от неожиданности вздрогнул, обернулся и увидел перед собой начальника связи той самой пехотной дивизии, которая три недели подряд прикрывала Бельцы. Летчики тогда не раз выручали эту дивизию, и их принимали там, как родных. Друзья расцеловались. Потом начальник связи дивизии озабоченно спросил:

— Ты что, ошалел? Тебе-то чего здесь надо?

Масленников удивленно посмотрел на приятеля:

— Хочу ставить пост наблюдения...

— А ты знаешь, что фашисты уже на этом берегу?.. Поймай, а где ваши самолеты? Может, еще раз выручите? Пойдем-ка, пойдем к командиру...

И в это мгновение они оба упали в пыль: совсем рядом разорвались одна за другой три мины. Явственно слышался рокот пулемета. Приятели перебежали на

* Г. Т. Масленников — ныне подполковник в отставке, после войны живет в Кисловодске, занимается литературной и общественной деятельностью, пенсионер.

кладбище, где помещался командный пункт штаба дивизии.

Командир дивизии, почерневший от бессонницы, хмурый, с воспаленными глазами, сдвинул со лба каску и сердито сказал Масленникову, словно это он был виноват в том, что гитлеровцы так быстро форсировали Днепр:

— Вот здесь,— он показал пальцем на карте, лежавшей у него на коленях,— вот здесь сейчас тридцать пять немецких катеров высаживают десант. Их прикрывают минометы — это вы сами видите. Пусть ваши бросят сюда все, что могут...

Масленников козырнул, вскочил на мотоцикл и умчался в полк. Через пять минут в воздух поднялось все, что могло летать. К счастью, в этот день из Москвы уже вернулись Покрышкин, Фигичев, Селиверстов и другие летчики — они привели десять новых «мигов», и теперь на немецкие катера можно было обрушить мощный огонь. Летчики честно сделали свое дело, и гитлеровцы дорого заплатились за форсирование Днепра у Каховки. Но полностью очистить захваченный ими плацдарм уже не удалось: немецкий полк проник в район каховского кладбища и после неравной жестокой рукопашной схватки закрепился там. Теперь надо было ждать новых атак на этом направлении...

Вечером летчики сидели в вишневом саду у хаты, в которой помещался штаб. Порывы упругого, теплого и влажного ветра трепали в темноте податливые ветви деревьев. В иссиня-черном небе вспыхивали и гасли зеленовато-желтые зарницы. Глухо перекачивался артиллерийский гром. И, словно спугнутые этим громом, с неба срывались падающие звезды.

— Воробьиная ночь,— вздохнул Селиверстов,— не успеешь оглянуться, и осень подкатит. Грязь, слякоть... Паши ее носом в темноте. Эх!..

Летчики помолчали. Потом кто-то вдруг заговорил:

— Это что — тутошная темень. Тут дело простое, деревенское. А вот в Москве небось... В Москве-то горше!.. Москва к свету привыкла. Я вот в кино Москву видел, и то не забуду. А сейчас что?.. Хоть бы ты, Покрышкин, рассказал, а то сидишь — сова-совой!..

Саша недовольно пошевелился — он не любил, когда над ним подтрунивали. Но просьбу поддержало еще несколько голосов, и он заговорил:

— Что ж, Москва... Москва — всегда Москва!.. Конечно, трудно там... Ночью — бомбы, стрельба. Днем работа... А все-таки заговорил я с одной девчонкой с завода — злая она, и хоть невыспавшаяся, усталая, а как гаркнет на меня: «Что вы там с немцем чикаетесь? Небось до самой до Москвы доплететесь? Так мы здесь ему сами холку наломаем, а вам — вот!» — и язык показала. Вот так...

Кто-то засмеялся. Его не поддержали. Воцарилось тягостное молчание. Саша опять заговорил, медленно, отрывисто, взвешивая по своему обыкновению каждое слово. Он недолго пробыл в Москве, но она произвела на него неотразимое впечатление, и встреча с нею как-то ободрила его и душевно обогатила. Теперь, делаясь впечатлениями с друзьями, он ясно видел перед собой неузнаваемую и неповторимую Москву 1941 года с кремлевскими звездами, одетыми в защитные чехлы, с витринами, заложеными мешками с песком, с военными плакатами на всех заборах, с серебристыми аэростатами, дремлющими днем на бульварах среди тяжелых зенитных орудий, увитых зеленой листвой.

Он рассказал своим товарищам о памятнике Тимирязеву, обезглавленном фашистской бомбой, о родильном доме, разрушенном гитлеровскими летчиками, о храбрых саперах, которые у него на глазах вырыли из земли и увезли неразорвавшуюся бомбу, о мальчишках, коллекционирующих потушенные ими «зажигалки». Он говорил о том, что Москва эвакуирует свои учреждения и заводы

на восток и устраивает спортивные состязания, что она готовит премьеры в театрах и учится стрелять и бросать гранаты, и о многом другом.

— Москва — всегда Москва! — повторил он еще раз, и все молчаливо согласились с ним и от души позавидовали счастливым, которым удалось в эти трудные дни побывать в столице.

Седьмого сентября полк вынужден был покинуть Чаплинку: гитлеровцы, форсировав Днепр, быстро двигались по степи, стремясь с ходу прорваться в Крым и к Донбассу. Но в тылу днепровского рубежа уже были подготовлены новые оборонительные позиции. Одна из них была создана на Перекопе, другая — вдоль реки Молочной под Мелитополем. Туда, к Мелитополю, и отходил с боями пятьдесят пятый истребительный авиаполк.

Прикрывая отходящие войска, он в течение недели сменил три аэродрома. Шли жаркие воздушные бои. Капитан Жизневский, отправив из Геническа своих воспитанников морем на старой шаланде в Мариуполь, присоединился к полку, сел в штурмовик и дрался, как рядовой пилот, — самолетов по-прежнему было меньше, чем летчиков, их надо было беречь, и потому в воздух теперь выпускали только самых искусных пилотов.

В одном из этих трудных боев у большого приморского села Сивашского Жизневский был сбит. Тело его похоронили в жесткой, соленой земле, и летчики, вспоминая, как храбро дрался и умер этот сухой, педантичный человек, жалели, что при жизни часто спорили с ним по таким мелким и подчас вздорным поводам.

А завтра полк снялся из Сивашского и приземлился на полевом аэродроме у села Астраханка, неподалеку от Мелитополя. Здесь командира полка вызвали в штаб дивизии, и он с изумлением узнал, что части восемнадцатой и девятой советских армий, находившиеся на

рубеже реки Молочной, готовятся к наступлению. Весть эта была неожиданной после только что пережитых трагических дней; как-то даже не верилось, что вот, быть может, завтра же наши войска нанесут удар по врагу.

Тем не менее обстановка требовала нанести такой контрудар именно сейчас. Надо было во что бы то ни стало ошеломить гитлеровцев, сбить с них спесь и заставить задержаться вот здесь, под Мелитополем, чтобы дать возможность тыловым организациям демонтировать и вывезти на восток ценнейшее оборудование шахт и заводов Донбасса. И девятая армия генерала Харитонова, только что проделавшая мучительно трудный путь от Прута до реки Молочной, получила приказ — наступать в направлении на Каховку.

Быстро закончив перегруппировку, наши части внезапно устремились на юго-запад от Мелитополя.

Пятьдесят пятый истребительный полк поддерживал наступление, базируясь на аэродроме в Астраханке, находившейся в тридцати километрах восточнее города. Мелитопольский аэродром был минирован, и пользоваться им летчикам не рекомендовали. Однако Покрышкин со своей эскадрильей перелетел в Мелитополь и обосновался там — разница в шестьдесят километров была для истребителей весьма ощутимой, чтобы ею можно было пренебречь. Обозначив вехами узкую полосу, свободную от мин, Покрышкин строго воспретил своим летчикам нарушать намеченные им пределы, и эскадрилья приступила к работе.

Семнадцатого сентября Покрышкин получил приказ — поддержать штурмовым ударом наши части, атакующие железнодорожную станцию Акимовку. В этот день стояла сумрачная погода, которую до войны, пожалуй, сочли бы нелетной: по небу ползли низкие тяжелые облака, видимость по горизонту не превышала километра. Надо было идти на бреющем полете. Но положение у Акимовки складывалось тяжелое: гитлеровцы, засевшие в ка-

менных построениях, преграждали путь нашей пехоте, атака могла вот-вот захлебнуться, и Покрышкин повел звено самолетов в бой.

Под крыльями мелькали, сливаясь в одно пестрое полотно, сады, пашни, селения. Дождь заливал козырек. Видимость ухудшалась. Но Покрышкин точно вывел свои самолеты на цель и атаковал станционные построения. Внизу расплылись тяжелые грязные волны дыма, и сразу же в разных концах станции зажглись нестерпимо яркие огни: сброшенные летчиками зажигательные бомбы начали делать свое дело.

У гитлеровцев поднялась паника. Огонь выгонял их из укрытий. А самолеты с красными звездами на крыльях, развернувшись, уже били по станции из пулеметов. Наши пехотинцы вскочили с мокрой земли и устремились вперед. Станция была взята, и через час об этом уже знала вся армия.

Первая победа, одержанная над гитлеровцами, радовала и волновала всех — от командира до ездových обозов: фашисты, проклятые, высокомерные и наглые фашисты, повернулись спинами к нашим бойцам и трусливо бежали. Бежали, оставив окопы, которые они успели вырыть на железнодорожных путях. Бежали, бросив винтовки, пулеметы, пушки...

И долго в тот день бродили наши люди по путям разбитой станции и дивились первым трофеям, и глядели на пленных, понуро уходивших на восток, и толковали о том, что доживем же мы когда-нибудь до такого чудесного времени, когда вот так погоним гитлеровцев до самого Прута и дальше, дальше, до тех пор, пока не прикончим всю их армию...

Дерзкая наступательная операция, предпринятая частями восемнадцатой и девятой армий, спутала планы гитлеровцев и не только нанесла серьезный урон престижу их командования, но и причинила большой ущерб немецко-румынским частям в живой силе и технике.

29 сентября Советское Информбюро уже смогло с полным основанием заявить о разгроме второй и четвертой пехотных румынских бригад, усиленных немецкими подразделениями автоматчиков. Эти бригады оставили на поле боя свыше двух с половиной тысяч трупов солдат и офицеров. По предварительным данным было захвачено более трехсот пленных, сорок семь орудий, два танка, десятки пулеметов, минометов, свыше трехсот винтовок. Наши части освободили десятки населенных пунктов.

В последующие дни части девятой армии развили достигнутый успех. Укрепившись в одном населенном пункте, гитлеровцы установили там над окопами бронеколпаки. Однако наши части сумели прорвать и эту оборону. Только у одной деревни на кукурузном поле бойцы насчитали одну тысячу четыреста трупов немецких и румынских солдат. Гитлеровцы, подбросив из резерва первую горнострелковую бригаду, которую они берегли для штурма Кавказа, попытались восстановить положение. Но артиллеристы под командованием Героя Советского Союза Воеводина за один день разгромили и уничтожили до двух батальонов из состава этой свежей бригады и заставили ее отказаться от наступательных планов и перейти к обороне. На другом участке наши части захватили около пятисот автомобилей и двести пятьдесят мотоциклов.

В ходе дальнейших боев наши части нанесли тяжелый удар восьмой румынской кавалерийской бригаде и триста девяносто девятому немецкому пехотному полку. Противник потерял несколько сот солдат и офицеров убитыми. «Поля и дороги, где происходили ожесточенные бои, покрыты разбитыми вражескими танками, автомашинами и орудиями,— сообщало Советское Информбюро 4 октября.— Наши части захватили трофеи: три танка, двадцать орудий, более шестидесяти пулеметов, много минометов, автоматов, мотоциклов и автомашин, двести тысяч патронов, несколько тысяч артиллерийских

снарядов, пятьсот винтовок и большое количество другого военного имущества. Подсчет трофеев продолжается...»

Наше командование отдавало себе отчет в том, что гитлеровцы, все еще располагавшие подавляющим численным превосходством, рано или поздно предпримут новую наступательную операцию широкого масштаба. Правда, крупные силы гитлеровских войск в эти дни были отвлечены на московское направление — танковые и пехотные армии Гитлера рвались к столице, стремясь захватить ее в клещи. Но и здесь, на юге, немцы стремились во что бы то ни стало до зимы добиться решающих успехов. Мощная танковая группа генерала Клейста, отличившегося в недавних боях на Балканах, была нацелена на Донбасс и Северный Кавказ.

Внезапный и сильный контрудар, нанесенный советскими войсками под Мелитополем, заставил гитлеровское командование произвести значительную перегруппировку и ввести в бой новые резервы. На это потребовалось около трех недель. И только тогда, когда уже начиналась осенняя распутица, гитлеровское командование получило возможность возобновить наступательные операции, на этот раз значительно севернее — у Запорожья.

В один из этих дней, под вечер, командир вызвал Покрышкина и озабоченно сказал:

— Слтай к Запорожью! Есть сведения, что в том районе появились немецкие мотоциклисты. Надо проверить...

Через десять минут Покрышкин уже был в воздухе. Он шел вдоль шоссе, внимательно просматривая местность. Степь уже оделась в унылый осенний наряд. Косматые, грязные облака ползли низко, заставляя Покрышкина все теснее прижиматься к земле. Вокруг все было пустынно. Села словно вымерли — все, кто мог уйти, ушли на восток, все, кто остался, замерли в ожидании неминуемой грозной беды.

Под крыльями «мига» пронеслись черепичные крыши Большого Токмака, потом самолет прошел над Ореховом. И вдруг Покрышкин заметил что-то неладное: на земле взметнулась пыль от разрыва; потом на шоссе промелькнул пустой грузовик с открытой настежь дверцей кабины. Не успел Покрышкин сообразить, что происходит, как вокруг все стало черно от разрывов зенитных снарядов.

Привычным движением он направил самолет в облако, отошел под его прикрытием в сторону и на мгновение вынырнул. Под ним было большое село. Улицы его были плотно забиты вражескими танками и автомобилями. С севера по дороге сплошной черной тучей ползла нескончаемая колонна — совсем, как в первые дни войны у Стефанешти.

Все стало ясно. Покрышкин снова нырнул в облако, прежде чем гитлеровцы успели открыть огонь. Раздосадованные тем, что советский разведчик их обнаружил, они били вслепую, и Покрышкин, поднявшийся за облака, видел, как снаряды рвались над белоснежным пуховым покровом, застилавшим землю.

Дав мотору полный газ, Покрышкин ушел на юг и благополучно прибыл в полк. Его донесение немедленно передали командованию. Замысел гитлеровцев был ясен: они снова пытались внезапным ударом выйти на тылы Южного фронта, окружить наши части, прорвавшись к морю, и затем беспрепятственно триумфальным маршем пройти через Донбасс к Ростову.

Выбросив к Орехову заслон, командующий фронтом отдал приказ о немедленном отходе на новые оборонительные позиции, чтобы там, на рубежах Донбасса, снова преградить путь врагу. И в тот же вечер, уже в сумерках, пятьдесят пятый полк, выполняя этот приказ, перелетел на аэродром, наспех разбитый на косогоре у совхоза Володарское у Мариуполя. В этом совхозе еще месяц тому назад были оборудованы полевые авиама-

стерские, и теперь здесь люди работали день и ночь, торопясь вернуть в строй подбитые «миги», И-16, «чайки».

На рассвете следующего дня командир снова вызвал Покрышкина. Некоторое время спустя к нему позвали и Комлева, постоянного спутника Саши в сложных, ответственных вылетах. После долгого совещания Покрышкин и Комлев вышли от командира серьезные и озабоченные. На ходу сворачивая карту, Саша сказал поджидавшему его технику Чувашкину, который теперь обслуживал его «миг»:

— Летим на полный радиус. Как у тебя — все в порядке?

Чувашкин утвердительно кивнул головой. Аккуратный и исполнительный, он тщательно ухаживал за машиной номер 4473, которую Покрышкин пригнал из Москвы в Чаплинку. В этот месяц Покрышкин много летал, но он эксплуатировал свой самолет бережно и грамотно, и в то время, как на других «мигах» уже успели сменить моторы, Чувашкин рассчитывал, что ему удастся перекрыть расчетные нормы моторесурсов.

Покрышкин сам внимательно осмотрел самолет, проверил управление, настройку радиоприемника, убедился, что бензином баки залиты полностью, и стал пробовать мотор. Он долго гонял его на разных оборотах, допытываясь, не подведет ли какая-нибудь свеча. Но мотор работал ровно, без подозрительных шумов и стуков, и стрелки указателей температуры и давления масла и воды давали нормальные показания.

Захлопнув фонарь, Покрышкин положил поудобнее на коленях планшет с начерченным на карте маршрутом и дал полный газ. Следом за ним взлетел Комлев, так же тщательно выверивший свою машину. Им предстояло решить трудную задачу — уточнить направление движения вражеских моторизированных колонн, выяснить, ка-

кие силы противнику удалось переправить на левый берег Днепра, определить, как далеко они успели распространиться. Связь с передовыми пехотными подразделениями была затруднена, и воздушная разведка должна была дать командованию необходимые данные для принятия оперативных решений.

Было раннее утро. В балках и над реками колыхался легкий туман. Пара «мигов» шла высоко над землей, от облака к облаку, прячась от гитлеровских наблюдателей. Время от времени они отвесно пикировали, чтобы повнимательнее разглядеть вражеские колонны, двигавшиеся по всем дорогам, ведущим на юг и юго-восток, и потом снова набирали высоту.

На Ореховском большаке Покрышкин заметил одну особенно мощную танковую колонну. Судя по направлению, она спешила к району расположения штаба нашей девятой армии. Определив примерную скорость движения вражеских танков, он решил, что надо немедленно предупредить командование о грозящей опасности: танки могут выйти к штабу уже через несколько часов, если их не остановить. Качнув крыльями, он приказал Комлеву немедленно уйти домой и доложить обстановку.

Но в это самое мгновение на Покрышкина и Комлева свалилась целая группа «мессершмиттов», охранявших танки. Гитлеровцы поняли, что перед ними разведчики, и решили во что бы то ни стало сбить их. Замкнув кольцо вокруг двух советских самолетов, они отрезали путь им к аэродрому. Но Покрышкин смело и дерзко нанес лобовой удар по ближайшей машине, и фашист, опасаясь столкновения, резко свернул в сторону. Комлев, точно повторивший маневр своего командира, вслед за ним выскользнул из западни.

Теперь Саша стремился оттянуть гитлеровцев на себя, чтобы дать возможность Комлеву уйти. Но тот упрямо ходил за ним, не желая оставить своего ведущего в беде. Завязывался трудный неравный бой. Комлев был.

ранен и только тогда вышел из боя. Волнуясь за ведомого и нещадно ругая его, Покрышкин ловким маневром ушел от насевших на него истребителей и бросился на выручку к Комлеву — почувяв, что с ведомым советским самолетом что-то стряслось, за ним увязались три «мессершмитта».

Саша подоспел как раз вовремя — еще несколько секунд, и фашисты заклевали бы Комлева. Развивая скорость, Покрышкин обрушился на «мессершмиттов». Он работал в привычном резком и дерзком стиле, унаследованном им от погибшего Соколова. Удар по ведущему «мессершмитту»! Мимо, черт бы его побрал... Но Комлеву теперь легче: гитлеровцы разворачиваются на Покрышкина, и Комлев может ускользнуть. Вторая атака! Отлично, «мессершмитт» горит...

Теперь против Саши только двое. Но эти, видать, мастера своего дела — они зажимают Покрышкина в клещи. Вот уже справа и слева повисли в воздухе дымные трассы. Пуля пробила кислородную трубку. Немцы ближе и ближе. Как быть? Саша резко переломил машину, задрал ее нос к небу и полез вверх по восходящей спирали. Так он оказался выше заходившего ему в хвост «мессершмитта». Теперь на его стороне было преимущество в высоте.

Но в это время откуда-то сбоку вывернулся еще один «мессершмитт», которого Покрышкин в горячке боя не заметил. Пулеметная трасса рассекла целлулоидный козырек «мига», пули просвистели над головой Покрышкина, и тут он к своему ужасу услышал, что мотор начал захлебываться, а потом сразу обрезал. Наступила предательская тишина. Только ветер свистал в разбитой кабине.

Увидев, что советский самолет подбит, гитлеровцы еще яростнее атаковали его. Теперь Покрышкин отчетливо слышал рев их моторов и треск пулеметных очере-

дей. Отчаянно виляя на планировании, он кое-как довел машину до земли.

Не успел Покрышкин снять очки, как земля с неимоверной быстротой надвинулась на него, и последовал резкий толчок. Ударившись лицом о приборную доску, Саша на мгновение потерял сознание.

Очнувшись, он почувствовал, что глаза его залиты чем-то липким. Один глаз не видел совсем. Кровь... Он вспомнил: очки не были сняты. Значит...

«Все! Отлетался,— хлестнула по нервам догадка. И сразу же вторая мысль: — Немедленно вон из кабины! Расстреляют с воздуха...»

Тяжело перевалившись через борт, Покрышкин скатился по плоскости вниз, отбежал несколько шагов и втиснулся под какой-то мостик. Прислушался: тихо! Наверное, гитлеровцы улетели, решив, что советский летчик разбился. Было сыро и холодно. Нестерпимо болел глаз. Что будет дальше?.. Покрышкин вспомнил, как в первые дни войны в далекой теперь Бессарабии он вот так же был сбит и прятался, и спасался, и пробивался к своим. Тогда ему повезло. Но теперь?.. У него защемило сердце, когда он вспомнил то, что видел с самолета. Сумеет ли Комлев пробиться к своим? Успеют ли наши части произвести перегруппировку? Черт побери, как все-таки не повезло ему! Нет, он в самом деле какой-то неудачник! Саша болезненно усмехнулся: кажется, эта неудача будет последней,— какой из него летчик без глаза?

Но тут же он, мысленно обругав себя слюнтяем, решительным движением вытянул свое отяжелевшее тело из-под моста — не в его обычаях было оставлять надежды, пока есть хоть один шанс из тысячи на благоприятный исход дела. Оглядевшись по сторонам, Саша увидел поблизости железнодорожную будку. Какая-то старушка копалась у крыльца. В несколько прыжков Саша очутил-

ся возле нее и глухим от волнения голосом быстро спросил:

— Здесь немцы или наши?

Старушка обернулась, охнула и присела — этот залитый кровью коренастый детина в кожаном шлеме с разбитыми очками напугал ее. Но тут она вспомнила только что закончившийся воздушный бой и поняла, кто перед ней. Глаза ее потеплели, и она сказала:

— Наши, сынку, ще наши...

Покрышкин с облегчением вздохнул и попросил ведро воды и чистое полотенце. Ахая и причитая, старушка помогла ему промыть глаз. К счастью, осколки стекла не повредили глазное яблоко, и только веки и висок были сильно изрезаны. Разорвав полотенце, старуха тщательно забинтовала Покрышкину голову.

Саша вернулся к самолету и осмотрел его. Обрадовался, поняв, что после небольшого ремонта его удастся вернуть в строй. Но как эвакуировать машину отсюда? Мимо подбитого «мига» уже брели бойцы отходивших на юг пехотных частей. Они с тревогой говорили об окружении. Покрышкин знал, что слухи эти преувеличены, но обстановка действительно складывалась очень серьезная, и медлить было нельзя.

После полудня Саша набрел на командира одной стрелковой дивизии, готовившейся дать бой на промежуточном рубеже. Командир внимательно выслушал его рассказ, подумал и сказал:

— Даю вам двадцать человек и грузовик. Если сможете, погрузите самолет и уходите с ним. Не сможете — придется сжечь. Мы здесь продержимся только до утра...

Немцы подходили все ближе. Теперь уже у самолета рвались мины, и подойти к нему можно было только под покровом ночи. Когда стемнело, Покрышкин и пехотинцы, приданные ему, подъехали на грузовике к беспомощно распластавшемуся на пашне «мигу». Надо было поднять хотя бы метра на полтора нос самолета, чтобы

выпустить шасси, а затем, прицепив за хвост, увезти его в тыл.

Как ни бились бойцы, им не удавалось оторвать от земли грузную, весившую более четырех тонн машину. А гул канонады нарастал, и все небо пестрело огнями разноцветных ракет, освещавших поле боя.

— Придется, наверное, вам лишиться своего коня, товарищ летчик,— сочувственно сказал старшина, командовавший бойцами.

Покрышкина бросило в жар при одной мысли о том, что он может вернуться в полк без самолета. Как он посмотрит в глаза командиру, своим товарищам, Грише Чувашкину? Ведь сейчас каждая машина на дорогом счету. Тем более «миг»! И он снова и снова хватался за неподатливый мотор, силясь сдвинуть машину с места.

И вдруг уже поздней ночью, когда, казалось, все надежды на спасение самолета рухнули, его осенила счастливая мысль: а что, если лопатами подкопать землю под плоскостями, выпустить в эту яму шасси и потом выкатить самолет? Он поделился своим планом с бойцами, те охотно взялись за дело, и через два часа, на рассвете, провожаемый хлопками рвущихся мин, грузовик покатиł в тыл, таща за собой подпрыгивавший на ухабах самолет.

Обстановка за ночь еще больше изменилась к худшему — немцы вышли в тыл дивизии. Собрав все силы в кулак, пехотинцы прорвали кольцо, но впереди снова были немцы. Надо было опять и опять с боями пробивать путь на юго-восток, чтобы соединиться наконец со своими.

Дивизия вела бои по ночам, отсиживаясь днем в балках, чтобы не навлечь на себя удары вражеской авиации. Эти беспокойные трудные ночные бои, когда вся степь впереди, сзади и по сторонам озарялась мертвенным пламенем ракет и дрожащими светящимися трассами пуль, надолго запомнились Покрышкину. Думал ли он когда-нибудь, что ему придется стать пехотным команди-

ром? Но вот к нему подходили пехотинцы и полушутя-полусерьезно говорили: «Ну, авиатор, покажи пример!» И он со своим грузовиком, выезжая вперед, собирал бронемашины, ставил их в голову колонны и, взяв в руки винтовку и гранаты, вел ударную группу на прорыв, сметая с дороги немецкие заслоны.

Так они дошли до Володарского. Аэродром, с которого Саша начинал полет, окончившийся так печально, лежал немного в стороне, за лесом. Саша свернул туда. Там все было пустынно. Ветер играл пеплом сожженных документов. Здание мастерских было взорвано, все самолеты эвакуированы. Горькое, тоскливое чувство охватило Покрышкина: где и когда теперь он свидится со своими друзьями? И удастся ли вообще ему выбраться из этого проклятого окружения?

А полк в это время находился уже на Таганрогском аэродроме. Изрядно потрепанный в многодневных непрерывных боях, он по приказу командования отходил для отдыха и пополнения в Ростов. На его место выдвигались авиационные части, прикрывавшие до этого Ростов от налетов немецких бомбардировщиков.

В полку все были встревожены исчезновением Саши Покрышкина. И летчики, и техники успели полюбить этого большого и сильного упрямца. Он снискал всеобщее уважение своей настойчивостью, стремлением довести до конца всякое начатое дело и неустанной изобретательностью. Правда, некоторым все еще не по душе была какая-то его странная сухость, доходившая до неуживчивости; он нелегко сходился с людьми — был очень самолюбив и не терпел, когда вдруг его похлопывали по плечу или начинали подробно разъяснять ему какие-нибудь популярные вещи, которые сам он хорошо знал.

Особенно много хлопот доставлял он некоторым политработникам, привыкшим работать по шаблону. Иногда, не зная о том, что он много читает и постоянно следит за литературой, они вдруг начинали втолковывать

ему популярным языком то, что сам он изучил уже несколько лет тому назад. Покрышкин в таких случаях обрывал разговор, не желая тратить время попусту, и дело иногда доходило до скандала.

Зато уже если он сблизился с человеком, то дружба эта была крепче камня. Покрышкин готов был всем жертвовать ради товарища. И теперь, когда он так внезапно исчез, летчики с тоской вспоминали будничные и вместе с тем трогательные мелочи, по которым угадывается облик человека: как Саша отдал свой теплый комбинезон захворавшему Селиверстову, а сам полетел во рваном; как он, еще в мирное время, поколотил хвостуна, презрительно отозвавшегося об Атрашкевиче; как он выхлопотал у командира отпуск технику, у которого стряслось какое-то несчастье дома. Даже сержанты, совсем немного прослужившие в полку, жалели Покрышкина. И Трудю, и Никитину, и остальным этот летчик пришелся по душе...

Теперь наиболее ответственные разведывательные полеты поручались Пал Палычу Крюкову. Он привозил неутешительные вести: немцы, уже захватившие Мариуполь, продолжали наступление, пробиваясь к Таганрогу.

Это были критические дни кампании 1941 года. Гитлеровцы бросили на карту все, что имели, чтобы добиться решающего успеха до наступления морозов. На севере был блокирован Ленинград. Под Москвой опытейшие полководцы германских танковых армий Гудериан, Гот и Гепнер упрямо пытались обойти советскую столицу с севера и с юга, зажимая ее в клещи. На юге соперничавший в славе с Гудерианом Клейст стремился любой ценой проложить своими танками путь к нефтяным богатствам Майкопа. В предвидении жестоких боев в горах Кавказа гитлеровское командование направило на Южный фронт и специально обученный сорок девятый горнострелковый корпус Кюблера.

Противостоявшие фашистам на юге части Красной

Армии были измотаны трехмесячными непрерывными боями. Правда, в Донбассе они пополнились за счет шахтеров и металлистов, героически дравшихся за свои родные заводы и шахты, и гитлеровцы понесли там огромные потери. Но все-таки фашисты продвигались вперед, и вот уже смертельная угроза нависла над Таганрогом и Ростовом. Теперь надо было мобилизовать все силы для того, чтобы задержать врага на подступах к Северному Кавказу.

На фронте еще никто не знал, что с востока уже движутся свежие советские армии, которые через какие-нибудь полтора месяца потрясут мир своими успехами под Москвой. Никто не предполагал, что в Ставке Верховного Главнокомандования уже разработаны планы зимнего наступления Красной Армии. Никто не догадывался, что уже не за горами поворотный момент всей этой страшной войны. Но люди верили и знали: если командование требует, чтобы вот эти усталые, истрепанные боями полки держали фронт против вдесятеро сильнее врага — значит, так нужно. И они продолжали яростно обороняться, отвоевывая самые драгоценные рубежи войны — рубежи времени.

На Таганрогском аэродроме Крюков, Фигичев, Селиверстов познакомились с летчиками семьдесят третьей авиадивизии, прибывшей им на смену, — это были хорошо обученные молодые ребята. Правда, на вооружении у них были устарелые самолеты, но они не роптали. В боях над Ростовом эти летчики уже не раз встречались с гитлеровскими пилотами и довольно успешно отражали их атаки. Комиссар дивизии Мачнев, коренастый, подтянутый военный с четырьмя прямоугольниками в голубых петлицах, с интересом прислушивался к рассказам бывалых фронтовиков из пятьдесят пятого полка. Машинально приглаживая стоявшие ежиком черные, искрящиеся

сединой волосы, он поглядывал на собеседников своими круглыми ястребиными глазами и вдруг спрашивал, сухо покашливая:

— А как вы, радио пользуетесь? Гм... гм... Удастся держать связь между самолетами? Гм... А как сопровождаете бомбардировщиков? Где принимаете их и до какой точки потом доводите? Гм-гм...

Чувствовалось, что люди из семьдесят третьей авиадивизии основательно готовились к предстоящим операциям. Они пришли по сердцу Крюкову и его друзьям. И как ни устали летчики пятьдесят пятого полка, как ни нуждались хотя бы в кратковременном отдыхе, они чувствовали себя прескверно при одной мысли о том, что вот в такой напряженный момент им, обстрелянным, накопившим боевой опыт, приходится перелетать в тыл в то время, как молодые будут продолжать вести бой. Крюков даже попытался похлопотать: нельзя ли остаться в Таганроге с семьдесят третьей авиадивизией? Он подошел к Мачневу* и немного неуклюже, но с чувством заговорил:

— Извините, конечно, товарищ полковой комиссар, но, честное слово, как-то неудобно получается. Вы вот сюда, а мы — на восток... Прямо скандал! Может быть, вы там вверху скажете словечко: так, мол, и так — есть еще в пятьдесят пятом полку люди, давайте и их на передний край. Вот бы и повоевали вместе?..

— Мир тесен, товарищ старший лейтенант, может быть, еще и встретимся, — ответил, улыбаясь, Мачнев. — А начальству, знаете, виднее. Это уж пусть оно само решает — кого куда!..

Он откашлялся и протянул руку Пал Палычу. Самолеты пятьдесят пятого полка потянулись на восток, а

* Д. К. Мачнев — генерал-майор авиации, бессменный начальник политотдела дивизии в годы войны. После выхода в отставку ведет большую общественно-политическую работу в Сочи, а затем в Жданове. Почетный гражданин города Жданова.

семьдесят третья дивизия стала обживать аэродром — теперь она была единственным и полноправным его хозяином и основной военной силой Таганрога — подступы к городу прикрывали жидкие, сильно поредевшие за последнюю неделю цепи пехоты.

Командир собрал летчиков и объяснил им всю сложность сложившейся обстановки. Надо было обрушить на немцев серию внезапных массированных штурмовых ударов, чтобы создать у них представление, будто бы здесь они наткнулись на мощный, неприступный оборонительный рубеж, надежно прикрытый с воздуха. Тогда Клейст на три-четыре дня зароется в землю, а тем временем с востока могут подойти наши свежие части...

И в тот же день эскадрилья за эскадрилей, полк за полком пошли на взлет. На аэродроме непрерывно хлопотали потные, покрасневшие техники и оружейники, едва успевавшие питать горючим и боеприпасами этот невероятный конвейер — над дорогами, идущими к Таганрогу, над полями, над степью непрерывно кружили группы по двенадцать-восемнадцать самолетов, и не было часа, когда в воздухе не слышался бы свист бомб и треск авиапулеметов.

Уже встали до неба столбы дыма от горящих танков, уже расползлись по оврагам ищущие спасения от неожиданной беды гитлеровские мотоколонны, уже сотни солдат в серо-зеленых пыльных мундирах замертво распластались на полях, а самолеты со звездами на плоскостях все шли и шли, и ошалевшим гитлеровцам казалось, что им нет конца.

Только ночью они несколько пришли в себя и начали осторожно выдвигать вперед разведывательные отряды. Все еще находясь под психологическим воздействием дневных налетов, немецкие разведчики вели себя пугливо и поворачивали назад при первых же встречах с нашим немногочисленным охранением.

На Таганрогском аэродроме никто не спал. Комдив

нервно ходил по просторному блиндажу, прислушиваясь к ружейно-пулеметной перестрелке, то нараставшей, то затихавшей. Кто-кто, а он-то уж наверняка знал, что стоит сейчас немцам сунуть к Таганрогу мощный танковый кулак, и через полчаса танки ворвутся на аэродром и подавят самолеты. Тогда — катастрофа...

Он поднялся из блиндажа и обошел летное поле. Повсюду, как и было приказано, лежали в наскоро отрытых окопах бодрствовавшие всю ночь техники и оружейники с противотанковыми гранатами и бутылками с горючей жидкостью. Спать разрешалось только летчикам.

После полуночи в блиндаже раздался тревожный звонок: на правом фланге слышался шум танков. Командир дивизии приказал усилить дозоры, внимательно наблюдать, огня не открывать, пока танки не подойдут вплотную. Когда же подойдут, забросать их гранатами.

Немецкие танки двигались медленно, неуклюже, маневрируя в кромешной мгле. Время от времени они останавливались, и танкисты напряженно прислушивались. Мертвое молчание русских пугало их сильнее, чем самый сильный обстрел. Гитлеровцы не допускали и мысли о том, что Таганрог, который вчера днем так яростно обороняла авиация, сейчас почти без защиты. И вдруг из темноты донесся скрежет и скрип разворачивающихся танков — немецкая танковая разведка повернула на север.

Командир с облегчением вздохнул и вытер со лба пот — это было спасение. Он взглянул на часы. Близился рассвет.

— Теперь мы живем, — сказал он, обращаясь к телефонисту, сидевшему у порога с трубкой у уха. — Теперь живем!..

И через полчаса, едва посерел горизонт, на аэродроме взревели десятки моторов. Семьдесят третья авиационная дивизия начала еще один боевой день...

Невероятным напряжением всех сил наши части задержали немцев на подступах к Ростову. Генерал Клейст вынужден был снова запросить у фюрера подкрепления и начал перегруппировку своих частей, готовясь к новому удару — Берлин категорически требовал от него ключей от столицы Тихого Дона.

Ростов, израненный бомбами немецкой авиации, опоясанный валами наскоро сооруженных укреплений, оклеенный плакатами и воззваниями, приобрел фронтовой вид. По улицам проходили грузовые трамваи с пушками и боеприпасами. Проносились забрызганные грязью мотоциклисты в мягких матерчатых шлемах, проходили нестройным шагом колонны ополченцев с винтовками через плечо. На перекрестках студенты и домохозяйки строили баррикады. С вокзала один за другим уходили на север эшелоны, груженные заводским оборудованием, и санитарные поезда.

С Дона, мутного и сердитого, дул пронизывающий ветер. Холодное, закрытое тучами небо роняло на город хлопья мокрого снега. Как-то сразу стало сыро, тоскливо и неуютно. Люди перестали улыбаться, перестали шутить и даже разговаривали теперь негромко, словно боясь пропустить что-то особенно важное и значительное.

В один из этих серых октябрьских дней сержант Андрей Труд, приехавший по служебным делам в Ростов из села Султан-Салы, где стоял полк, медленно брел по проспекту Буденного, уныло поглядывая по сторонам. Ему никогда раньше не приходилось бывать в этом большом южном городе, но от товарищей он слышал, что до войны здесь жили шумно и весело, и сейчас ему было досадно, что вот и сюда докатилась проклятая военная чума. Невольно вспомнился родной Кривой Рог. Как далеко теперь до него, и приведет ли еще побывать дома! Теперь там хозяйничают фашисты. И в Киеве фашисты, и в Одессе фашисты, и под Москвой фашисты...

Андрей огорченно вздохнул — будучи по натуре человеком веселым и немного легкомысленным, он не любил утруждать себя длинными рассуждениями, но что плохо — то плохо, — это он твердо понимал и к тому же он фанатически ненавидел фашистов. В глубине души Андрей сожалел, что родился позже своих товарищей и потому не успел научиться так же хорошо летать и драться, как они: ведь он только в 1940 году, всего за год до войны, окончил десятилетку в Кривом Роге. Хорошо им, отслужившим по пять-шесть лет в кадрах авиации, воевать с немецкими асами! А вот попробовали бы они влезть в его, Труда, шкуру...

Так, погруженный в свои горестные и наивные думы, он брел по проспекту, машинально отшвыривая сапогом с дороги куски штукатурки и битое стекло. И вдруг рядом раздался удивительно знакомый глуховатый отрывистый голос:

— Эй, сержант! Что это вы так зазнались? Старшим положено честь отдавать...

Труд, вздрогнув от неожиданности, замер и вытянулся в струнку. Подняв глаза, он широко раскрыл их, зажмурился и снова открыл: не во сне ли это? Перед ним стоял улыбающийся Покрышкин. Кожаное пальто Саши было исцарапано и изодрано, сам он оброс бородой, грязная заскорузлая тряпка закрывала глаз, но это был он, Покрышкин, человек, которого в полку уже зачислили в список пропавших без вести. Прищулив здоровый глаз и улыбаясь своей несмелой, полудетской улыбкой, которая всегда так неожиданно освещала его грубоватое, резко очерченное лицо, он разглядывал смутившегося сержанта, радуясь, что нашел все-таки своего, а значит, и полк где-то здесь поблизости.

Ради этой встречи стоило две недели месить грязь Приазовья и драться в рукопашном бою, брести ночами куда-то наугад, ориентируясь по вспышкам выстрелов, и ползать днем под пулями, тащить по проселкам тяже-

лый застревающий грузовик с самолетом на буксире и рисковать жизнью, разведывая путь на восток для колонны.

— Ну, что же ты на меня так уставился? — Покрышкин еще шире улыбнулся, показывая свои ровные, крепкие зубы. — Живой! Ей-богу, живой!

Они завернули в первый попавшийся ресторан — у Покрышкина подкашивались ноги, он выглядел смертельно уставшим. Где-то у моста через Дон стреляли зенитки, отражая очередной налет гитлеровских бомбардировщиков. Одиноким, тощим официант, нервно вздрагивавший при каждом выстреле зенитного орудия, с удивлением и досадой глядел на странных посетителей, потребовавших по стакану чая и рассевшихся за столиком в пустом зале так, словно с неба сыпались не бомбы, а снежная крупа. Он несколько раз порывался подойти к летчикам и сообщить им, что согласно приказу штаба ПВО во время налетов ресторан полагается закрывать, но в глубине души побаивался сделать это. А гости по-прежнему неторопливо потягивали чай и о чем-то оживленно беседовали.

Труд, все еще не опомнившийся от неожиданной встречи, как замороженный, глядел на Покрышкина, приоткрыв свой широкий рот. А Покрышкин, прихлебывая жидкий чай, продолжал свой бесконечный рассказ. Чувствовалось, что груз пережитого давил на него, и он испытывал непреодолимую потребность сейчас же, сию минуту выложить все первому попавшемуся собеседнику.

— Ну вот... Подходим к железной дороге, — говорил он, — темнота! Колонна растянулась, машины буксуют. А немцы где-то здесь, близко: в воздухе трассирующие. Как светляки! Только и слышно: жик! жик! Двигаем вперед броневики. Постреляли — стихло. Теперь веду колонну по компасу, по расчету времени...

— Слепым полетом, в общем, — не утерпел Труд.

— Вот именно,— коротко улыбнулся Покрышкин.— Припоминаю: сейчас будет ветрозащитная посадка, а за ней дорога. Наверняка сейчас нам преподнесут сюрприз... Шлю двух бойцов в разведку. Ползали они, ползали, возвращаются, докладывают: «Все тихо». Поехали... А на сердце у меня все-таки кошки скребут. Не может быть, чтобы немцы не воспользовались таким удобным рубежом! Понимаешь...

Воодушевляясь все больше, он продолжал:

— Так и есть! Ка-ак полоснут они из посадки — ночь мне днем показалась. Ах ты, сучья лапа! Смотрю, у нас уже три машины горят... Крики, стоны, стрельба. Ну ладно, думаю, сочтемся, дайте только мне «миг» оседлать... Сворачиваем мы в сторону, кое-как по пашне, по проселку, по кочкам...

Лицо Покрышкина вдруг искривилось судорогой, посерело, и Андрею сразу бросилось в глаза: как он постарел за эти две недели! Саша положил голову на ладони своих огрубевших рук и глухо сказал:

— Пока жив буду, не смогу забыть... Ты пойми: я же летчик, соколами нас называли до войны, черт бы нас побрал, а тут... хуже зайца! Как крыса какая-то... Только бы в щель проскочить!..

— Успокойся, Саша,— встревоженно сказал Труд.— Ну ведь кончилось же все это, кончилось!

— Нет, не кончилось,— упрямо возразил Покрышкин, стукнув кулаком о мраморную доску так, что официант испуганно оглянулся,— не кончилось, а только начинается! Вот жжет мне душу, воротит. Стыд горит во мне, пойми ты... Куда зашли! Ты только посмотри — куда зашли! К Дону, к Кавказу прижали нас... Вы ведь ни черта не видели из того, что мне пришлось повидать,— с воздуха-то вся земля одинакова. А ты пройди-ка по ней пешком, ножками, отмерь-ка вот эти километры да погляди то, что я повидал. Раньше мы только в газетах читали: там немцы сожгли деревню, там старика танками

разорвали, там ребенка повесили. А я... я же все это своими глазами...

В его сухом воспаленном глазу заиграл недобрый огонек, и Андрею на мгновение даже стало страшно, когда вдруг Покрышкин улыбнулся и как-то буднично заметил:

— Ну ладно... Тебе же все равно пока этого не понять... Ты же еще ребенок. Верно?

Он задумался, с минуту помолчал. Потом, откинувшись на спинку стула, тихо сказал, как бы беседуя с самим собой:

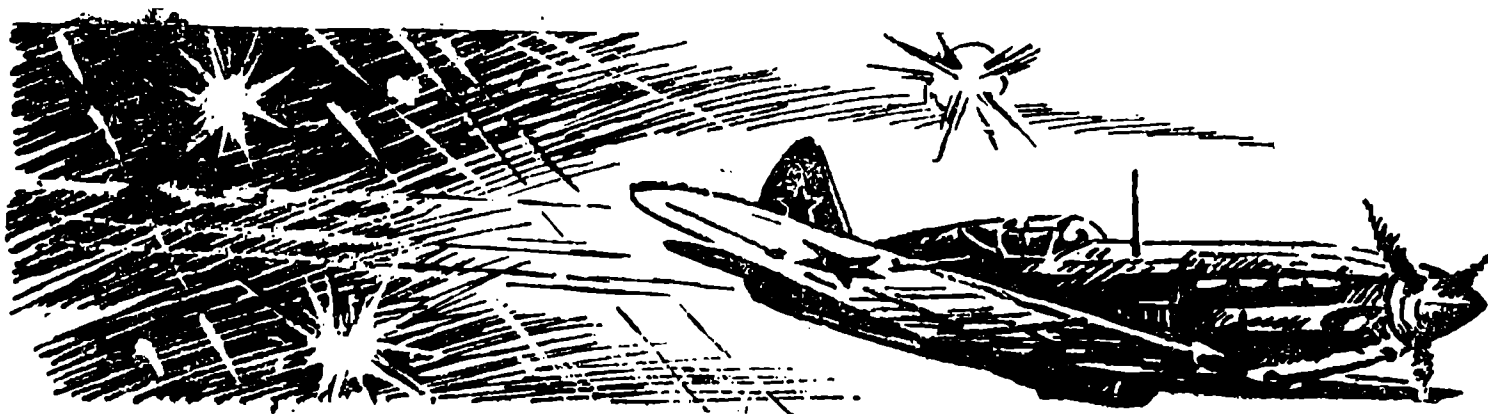
— Вот здесь, пока брел от Запорожья сюда, я и понял, что значит стать солдатом. Теперь я сам солдат, настоящий, не поддельный, девяносто шестой пробы... Ты говоришь, кончились мои мучения? Чепуха! Только начинаются. Я теперь все время это буду повторять... Пойми, победу мы выстрадаем, вымучим, она так просто нам не дастся, пойми это, дорогой Андрей,— так тебя звать, кажется? Мы трудные люди, слишком добрые души у нас были до войны. Нас надо разозлить, распалить, вот тогда нам как солдатам цены не будет...

Жестко улыбнувшись, он добавил:

— Ну а гитлеровцы, кажется, все делают, чтобы мы были злы, как дьяволы.

Он встал из-за стола, нахлобучил на голову шлем и медленно, вразвалку пошел к выходу. Андрей молча поплелся за ним, обдумывая этот необычный долгий разговор. Да, эти две недели сильно изменили Покрышкина. К худшему или к лучшему? Пожалуй, к лучшему. И Труд опять почувствовал себя несчастным человеком: ведь вот везет же людям, попадают на самые горячие участки борьбы, видят самые яркие события войны, а что он? Мальчишка, которому нельзя доверить ни одного ответственного задания. Только один раз удачно попал бомбой по мосту, да и то случайно...

И Андрей вздохнул, досадуя на свою молодость.

САМОЕ ТРУДНОЕ

Покрышкину были очень рады в полку: все меньше оставалось в строю летчиков, сражавшихся с первого дня войны, и те, кто принял на себя первый немецкий удар, теперь были как бы родные друг другу люди. Хотя война длилась всего четыре месяца, таких звали уже ветеранами: день шел за год в эту трудную пору. Многие уже находились в госпиталях, многие сложили головы на дальнем пути от Прута к Дону. Вот и теперь Сашу ждала еще одна горькая весть...

— А где же Кузьма Егорыч? — спросил он, когда кончились крепкие и грубоватые объятия, выкрики, похлопывание по плечам, — все эти неуклюжие знаки внимания, которыми обычно знаменуется встреча людей, связанных хорошей мужской дружбой. — Кузьма Егорыч где?..

И сразу же люди насупились, примолкли, и Покрышкин все понял, вспомнив, как переменился Селиверстов с того дня, когда он похоронил в далекой теперь Фрунзовке их общего друга Дьяченко. Кузьма не находил себе места на земле; когда же он поднимался в воздух, его самолет сразу узнавали по особой стремительности и дерзости маневра. Он бросался без оглядки на любую группу немецких самолетов, не задумываясь над соотно-

шением сил, и дрался с ними со столь неистовой, ошеломляющей и подчас просто безрассудной яростью, что даже Валя Фигичев, его ближайший друг и такой же бесстрашный боец, недоуменно пожимал плечами.

Уже сто пятьдесят боевых вылетов сделал Селиверстов, шестьдесят воздушных боев провел, сбил одиннадцать самолетов — по тем временам это был огромный счет. Первым в полку он заслужил звание Героя Советского Союза. Иногда друзья говорили ему: «Не психуй! Побереги себя хоть немного». На это Кузьма Егорыч сухо и едко отвечал: «А Дьяченко берегся? Ну вот...» И в очередном бою он опять устремлялся в самую гущу немецких самолетов, не заботясь нисколько о том, прикрывает ли кто-нибудь хвост его самолета...

И вот пятнадцатого октября Селиверстов вылетел в полет, которому суждено было стать его последним полетом. Он искал старшего лейтенанта Ивачева и сержанта Деньгуба, которые накануне пропали без вести. Ивачев был другом Кузьмы Егорыча. Этот тридцатилетний летчик, спокойный и умный татарин, по праву считался одним из лучших истребителей. Особую популярность в полку он приобрел после памятного дня двадцать третьего июля, когда девятка «мигов» трижды прорывалась сквозь ураганный зенитный огонь к аэродрому в Бельцах, расстреливая в упор немецкие самолеты, стоявшие на земле. Тогда, после гибели Соколова, учителя Покрышкина, он возглавил группу и блестяще завершил начатую операцию. Сержант Деньгуб, приятель Андрея Труда, еще совсем молодой пилот, шел ведомым у Ивачева. Они должны были произвести разведку и вот — не вернулись...

— Найду,— хмуро сказал Кузьма Егорыч,— хоть след их разыщу!..

И он ушел в полет. Ушел один, ушел на стареньком курносом «ишаке» — все «миги» были в те дни в ремонте. Ушел и тоже не вернулся. Только на другой день в

полк позвонили из пехотной части и рассказали, что произошло. Над передним краем четверка «мессершмиттов» надела на два советских истребителя устарелой конструкции. В этот момент на горизонте появился И-16. С ревом он пронесся над землей и стал набирать высоту, спеша на выручку товарищам по оружию.

Немцев было больше, а самолеты их по качеству значительно превосходили машины советских летчиков. Эта геройская, но безнадёжная схватка продолжалась долгих двадцать минут, и пехотинцы с замиранием сердца следили за ней, с болью сознавая свое бессилие чем-либо помочь нашим истребителям. Они видели, как самолет И-16 сбил «мессершмитт», потом вступил в бой с тремя другими, прикрывая отход двух наших стареньких самолетов. И тут на малой высоте у И-16 вдруг заглох мотор — как потом выяснилось, у него кончилось горючее. Прыгать с парашютом с такой высоты было нельзя. Оставалось одно: немедленно приземлиться. Три немецких истребителя в упор расстреляли И-16 и его пилота.

Бойцы бросились к самолету. Из документов мертвого летчика пехотинцы узнали, что это был Кузьма Егорович Селиверстов. Командир пятьдесят пятого авиационного полка, узнав о его гибели, примчался на своей эмке на передний край, бережно положил на сиденье мертвого комэска и привез его в Султан-Салы.

— Он похоронен здесь, у церкви,— глухо сказал Фигичев Саше,— ровно двести метров строго на северо-восток... Если немцы и сюда прорвутся,— они сровняют могилу. А нам над нею после войны — памятник ставить. Ну и вот... Засекли ориентир...*.

* Свое слово однополчане Кузьмы Селиверстова сдержали. После войны на его могиле поставлен памятник. Память об этом выдающемся летчике бережно хранят воины Ростовского гарнизона. Колхозники Султан-Салы с любовью ухаживают за его могилой. Туда приезжал маршал авиации А. И. Покрышкин. Ежегодно в Султан-Салы приезжают жена Селиверстова — Зинаида Ивановна и его дочь Серафима Кузьминична. Живут они в Москве.

Покрышкин тяжелой, медленной походкой побрел к церкви. У невысокого свежего холмика, аккуратно обложенного порыжевшем дерном, стояла скамеечка, сколоченная из грубых, нестроганых досок. Грузно опустившись на нее, Саша машинально поправил повязку на лбу и долго-долго задумчиво глядел воспаленным глазом на этот холмик.

Над станцией свистел холодный, октябрьский ветер. Грязные, клочковатые космы низких облаков цепляли за крест колокольни. Чешуйчатая рябь покрывала широкие мутные лужи — опоенная дождями донская земля не принимала больше влаги, и люди, как благодеея, ждали морозов, которые сковали бы наконец раскисшие дороги. Было серо, холодно, мрачно.

Но Саша, казалось, всего этого не замечал. Он сидел, сгорбившись, сняв шлем, и ветер трепал его темно-русые мягкие волосы. У него не было своего постоянного угла — полк и общество сослуживцев замыкали его тесный мир. Может быть, именно поэтому так больно было сознавать, что друзей за эти страшные четыре месяца почти не осталось. Нет больше Атрашкевича, нет Соколова, нет Дьяченко, а теперь вот нет и Селиверстова. Только Фигичев один остался в живых из той веселой и шумной, дружной компании, в обществе которой он так любил бывать в Бельцах, хотя, сказать по правде, сам не был большим весельчаком.

Что будет дальше? Как сложится жизнь в этой дьявольской, необыкновенной войне, совсем не похожей на все то, что представляли когда-то Саша и его друзья, фантазируя о будущих воздушных сражениях? Ясно одно: война будет еще долгой, очень долгой. Конечно, кончится она тем, что фашистов погонят прочь, — в этом Саша был твердо убежден — иначе не стоило бы жить. Но впереди еще самое трудное: надо найти в себе силы и выдержку для такой затяжной борьбы, надо выработать в себе умение хладнокровно, без потери самообладания,

принимать вот такие утраты, как эта, может быть, даже иногда сохранять вид каменного, бесчувственного человека, что бы ни творилось у тебя в душе. Не давать себе никакой поблажки, не жалеть себя, всегда и везде держать себя в железных рукавицах...

И еще: надо, чтобы молодежь быстрее входила в общую семью. Ведь именно ей придется вести решающие бои — летчиков старшего поколения к той поре останется в строю немного: война!.. Саша, вообще говоря, трудно сходилась с людьми. Но теперь надо было преодолеть в себе эту проклятую застенчивость и нелюдимость. Что из того, что вот этот Андрей Труд на целых восемь лет моложе его? Конечно, пока что он все еще остается учеником, и у них мало общих интересов и забот. Но кому, как не Покрышкину, Фигичеву, учить натаскивать эту молодежь? И разве каких-нибудь несколько лет назад сам Покрышкин не был таким же зеленым юнцом в авиации, хотя лет ему было больше, чем Труду?.. Сегодня это сержанты, а завтра, быть может, они опередят и тебя самого. Нельзя, ни в коем случае нельзя делить полковую семью на старших и младших...

И долго еще сидел Саша над могилой своего друга, как бы совещааясь и советуясь с ним. А вечером он пришел к командиру полка и попросил: «Пока нет активной боевой работы, прикрепите меня к сержантам, хочу кое-чему их еще подучить...» Майор Иванов охотно согласился. Учителем для молодежи Покрышкин мог стать неплохим.

— Возьмите УТИ и перебирайтесь с молодежью в зерноград, — сказал командир, — там в мастерских ремонтируют для нас одиннадцать «мигов». Девять из них перегоните сюда, а пару оставьте себе — будете выпускать на них сержантов...

Лет за десять до начала войны зерноград приобрел огромную славу не только в СССР, но и за границей, —

здесь, в широких степях Задонья, была создана первая в мире гигантская «фабрика зерна». Советские люди на практике осуществляли идею создания мощных механизированных зерновых хозяйств. Тогда-то здесь, в степи, и вырос этот поселок — с ремонтными мастерскими совхоза, с научно-исследовательскими лабораториями, просторными общежитиями и клубами. Покрышкин не раз видел Зерноград на снимках, в журналах, на экране кино, мечтал побывать в нем, но, конечно, ему и в голову не приходило, что когда-нибудь придется воевать в этих местах.

Теперь в Зернограде разместились работники полевых авиационных мастерских, перебравшиеся сюда из-под Мариуполя. На рыжем, щетинистом и колючем поле был разбит аэродром. Еще неделю назад им пользовалась авиационная школа; теперь он переходил в ведение Покрышкина. В поселке было пустынно и как-то неприятно — совхоз эвакуировался, многие дома опустели, и от этого запустения как-то нехорошо становилось на душе.

Стояла пасмурная, туманная погода. Но Покрышкин знал, что время не терпит, и потому, невзирая на плохую видимость, упрямо возил своих учеников на двухместном учебно-тренировочном истребителе, приучая их к скоростной посадке. Он никогда не работал инструктором, и преподавательского опыта у него не было. Но он так подробно и обстоятельно рассказывал сержантам об особенностях полета на скоростном истребителе, так наглядно показывал им, как надо управлять машиной, что Труд, Никитин и другие ученики его быстро входили в курс дела, и уже через несколько дней Саша рискнул доверить Труду «миг».

Андрей волновался перед первым вылетом, но делал беззаботный и даже несколько небрежный вид: он всеми силами старался показать своим сверстникам, что после памятных боевых вылетов у Днепра ему теперь все нипочем. Это коробило Покрышкина, и он, отзывая Тру-

да в сторонку, частенько поругивал его, но в глубине души Саша чувствовал, что из этого паренька будет толк,— он прекрасно видел землю, остро реагировал на каждое, чуть заметное отклонение машины, управлял ею решительно и властно.

Выпуская Труда в первый самостоятельный полет, Покрышкин строго сказал:

— Взлет и посадка нормально, высота по кругу — сто пятьдесят метров. Выше не лезь — влипнешь в облака. Шасси не убирай. Ясно? И чтобы никаких фокусов... Пошел!

Андрей кивнул головой, закрыл фонарь и дал газ. «Миг» побежал все быстрее, поднимая хвост. Ударившись раза два колесами о землю, что заставило Покрышкина поморщиться, Андрей оторвал самолет от земли и стал набирать высоту. Глядя опытным глазом на «миг», Покрышкин видел, какая внутренняя борьба идет сейчас в душе Андрея: ему нестерпимо хочется сейчас уйти вверх горкой, чтобы попробовать силу мотора, а заодно блеснуть перед приятелями техникой пилотирования. Вот уже нос машины чуть-чуть полез кверху. Но тут же Труд гасит подъем, он знает, что щегольство не приведет к добру: как бы этот строгий дьявол Покрышкин не отстранил от полетов.

Саша улыбается: он представляет, какую горестную гримасу соорудил сейчас Труд, сидя в своей кабине. Разворот... Самолет идет под самым облаком, сеющим унылый и холодный дождик. Саша мрачнеет: зальет козырек — плохо будет на посадке. А Труда, видимо, так и подмывает нырнуть на мгновение в облако. Самолет чуть качнулся... Но нет, опять все нормально.

Близится посадка. Теперь Покрышкин — весь внимание. Тяжелый «миг» быстро проваливается к земле. «Подтяни, подтяни же!» — шепчет Саша, словно Труд может услышать его. Труд вовремя спохватывается и дает газ. Так... Покрышкин облегченно вздыхает, но тут же

снова хмурится: Труд разогнал самолет, и теперь ему придется садиться на повышенной скорости. «Миг» летит уже по горизонтали, над самой землей, его несет, несет, словно он внезапно потерял вес. «Определенно промажет!» — ворчит Покрышкин. Хорошо еще, что впереди такое же чистое поле и нет никаких ям и канав.

Труд определенно не хочет уйти на второй круг. Это злит Покрышкина. Хорошо еще, что в эти последние мгновения. Труд действует умело — он грамотно сажает самолет, терпеливо выждав, пока погаснет скорость, и вот уже «миг», чуть-чуть опустив хвост, чиркает сразу тремя точками о землю и катится по полю. Глаза у Покрышкина зажигаются огоньком, и Данила Никитин, неразлучный друг Андрея, украдкой наблюдавший за старшим лейтенантом, готов биться об заклад, что он сейчас похвалит Труда.

Но Покрышкин неторопливо подходит к подрулившему самолету с каменным жестким лицом, ждет, пока Труд доложит о полете, и строго говорит:

— Слабак! — эта уничтожающая оценка, произведенная Покрышкиным от слова «слабо», всегда приводит учеников в уныние: человек, получивший ее, обычно отстранялся от полетов. — Слабак, — повторяет он, — разве так рассчитывают? Это же «миг», а не «чайка», — сколько раз это надо вам повторять? И потом интересно: для чего выкладывают «Т» на аэродроме? Специально для того, чтобы садиться в километре от него?..

Покрасневший, унылый Труд что-то бормочет, стараясь оправдаться. Ему уже ясно, что сегодня он позорно провалился и... Но тут Покрышкин вдруг говорит:

— Давай еще раз...

И неожиданная улыбка появляется у него на губах. Не так-то легко войти в роль строгого инструктора, черт побери, а как истребителю ему все-таки понравилась смелая, уверенная и четкая посадка Труда, хотя и за

чертой аэродрома. Спohватившись, Покрышкин снова хмурится и добавляет:

— Только смотри — расчет! Иначе — худо будет...

Так в трудах, волнениях и хлопотах прошли две недели. Жизнь шла размеренно, буднично, и однажды, вдруг оглянувшись на прожитое, Покрышкин с едкой иронией заметил про себя, что так, чего доброго, он может незаметно для самого себя войти в роль штатного инструктора летной школы. И тут же взглянув на себя со стороны, — он это обычно делал для самокритики, — Саша с удовлетворением отметил: здоров, спокоен, несколько беспечен, а в общем — опять может воевать. Повязку он уже снял — раны затянулись, глаз видел хорошо.

Теперь Саша чаще летал в полк. Он прекрасно понимал — вот-вот затишье кончится, и немцы возобновят наступление. Полк стоял в эти дни в Новошахтинске, маленьком горняцком городке. Новых самолетов он не получил, но зато удалось за эти дни починить, подлатать, привести в порядок старые машины. Люди были готовы к бою. Даже сержанты, которых Покрышкин с утра до вечера муштровал в Зернограде, теперь чувствовали себя уверенно. Каждый из них совершил уже по двенадцать самостоятельных полетов на «миге», и командир полка был доволен расторопностью старшего лейтенанта: ведь в его распоряжении были всего две старенькие машины, и погода к тому же стояла нелетная.

Вечером шестого ноября молодежь по обыкновению собралась к Покрышкину; шел обычный долгий сумеречный разговор о полетах, о разных случаях из летной жизни, о смешных приключениях.

Сержанты любили эти длинные вечера — собравшись у печурки, они садились теснее и уговаривали старшего лейтенанта рассказать что-нибудь интересное. Покрышкин — неважный рассказчик, но повидать и узнать он успел в жизни многое, и рассказать было о чем. Темы для бесед он выбирал самые неожиданные: то говорил

о приемах бокса и о том, как ловко ему удалось девять лет назад нокаутировать одного навязчивого мальчишку в Новосибирске, то толковал, как в 1939 году он ездил из Качи в Севастополь и осматривал панораму, то вдруг начинал рассказывать, какое удивительное и страшное ущелье имеется за Хостой, где ему когда-то довелось отдыхать. Сержанты жадно слушали, теребили командира, требуя новых и новых подробностей.

И вдруг в разгаре беседы Никитин * тяжело вздохнул и сказал:

— А все-таки свинство, что у нас нет приемника. Живем, как в лесу: ни радио, ни газет. Вот бы сейчас Москву послушать, а?..

Люди сразу притихли, поняв, о чем подумал Даня: как же можно было забыть, что сегодня шестое ноября? Хорошо тем, кто в полку: у них ведь мощный радиоприемник. Что-то сейчас происходит в Москве?

— Наверно, бомбят, сволочи! — с сердцем сказал Труд, и все поняли, о чем идет речь: конечно, немцы обязательно постараются испортить праздник москвичам бомбежкой...

— Ну, положим, это не такое простое дело сейчас — бомбить Москву, — возразил Покрышкин. — Им дешевле обошлось бы прямо на земле, еще до взлета, жечь свои «юнкерсы». Но праздник Москве сейчас, конечно, не в праздник...

Он вспомнил затемненные улицы столицы, безлюдные тротуары, мешки с песком в витринах, вспышки зенитных разрывов в небе, и беспокойное чувство овладело им — тяжело было вспоминать всякий раз, что немцы у ворот Москвы. Что-то сейчас, в этот вечер, творится там? А тут еще загалдели сержанты, наперебой вспоминая, кто как встречал праздник в прошлом году, где какие были вечера, как прекрасно были иллюминированы города, ка-

* Д. Е. Никитин погиб 5 мая 1942 года в воздушном бою в районе Матвеева кургана Ворошиловградской области.

кие балы устраивались на площадях, на каких пирушках кто гулял...

— Хватит! — сказал вдруг резко Покрышкин. — С вами в самом деле в детство здесь впадешь. Надо было хоть с мастерскими связаться, что ли. Наверняка у них праздничный вечер был. А мы тут... Как медвежата в берлоге, как дикари, честное слово! Объявляю на завтра торжественный вечер. Ясно?..

И он тут же приказал технику приготовить на утро УТИ к полету, решив слетать с утра пораньше в полк посоветоваться, — ему приходилось многое делать в жизни, но в роли организатора торжественного вечера он выступал в первый раз.

Утром, как назло, сел промозглый туман. Его едкие, тяжелые белесые волны без конца плыли над летным полем, сырость пронизывала до костей, и даже меховой комбинезон не спасал от холода. Лететь в такую погоду было явно неблагоразумно. Но упрямство Покрышкина взяло верх, и он взлетел. С трудом добравшись до Новошахтинска, Саша кое-как разыскал в густой мгле посадочную полосу и сел. Поеживаясь, отряхивая снятым шлемом осевшие на комбинезоне капли влаги и стуча бурками, Покрышкин вошел в помещение командного пункта. И сразу же к нему бросился с умоляющим лицом начальник связи.

— Ради бога... — прошептал он. — Тс-с-с!..

И он указал пальцем на приемник. Саша поднял глаза и увидел, что в помещении полно людей, жадно прислушивавшихся к какому-то неровному, глухому шуму, напоминавшему рокот далекого прибоя, — этот шум доносился из репродуктора. Он присел рядом с Крюковым и тоже стал слушать.

Вдруг чей-то голос явственно сказал:

— Слово для доклада о двадцать четвертой годовщине Великой Октябрьской социалистической революции предоставляется товарищу Сталину...

Крюков жарко зашептал на ухо Саше:

— Это запись на пленке... Заседание, оказывается, вчера вечером было... А сегодня на Красной площади был парад...

— Парад? На Красной площади? — изумился Покрышкин.

— Ну да... Парад!

Но в это время в репродукторе задребезжал звонок, и все зашикали на Крюкова и Покрышкина. Крюков осекся. После секундной паузы послышался голос докладчика...

Глядя в репродуктор, Покрышкин слушал жадно, напряженно, досадуя на атмосферные помехи. Он даже покраснел от волнения и как-то весь взъерошился. Все это было так неожиданно и так радостно: и то, что состоялось торжественное заседание в честь годовщины Октября в Москве, хотя фронт у самых ее стен, и то, что даже традиционный парад на Красной площади тоже состоялся назло всем чертям. Стало легче дышать, на душе стало теплее: Москва держится, Москва борется, Москва еще покажет себя! Значит, все будет в порядке, как бы тяжело ни было теперь...

Сталин анализировал события минувших четырех месяцев, таких сложных и тяжелых. Как и третьего июля, он предупреждал, что впереди — трудная борьба против сильного и коварного противника, располагающего временным превосходством. Гитлеровцев Сталин назвал захватчиками. Он привел цитаты из их собственных грязных и наглых писаний и с гневным сарказмом заключил:

— И эти люди, лишенные совести и чести, люди с моралью животных имеют наглость призывать к уничтожению великой русской нации, нации Плеханова и Ленина, Белинского и Чернышевского, Пушкина и Толстого, Глинки и Чайковского, Горького и Чехова, Сеченова и Павлова, Репина и Сурикова, Суворова и Кутузова!..

Покрышкин невольно выпрямился при этих, доходящих до глубины души словах. А Сталин продолжал:

— Немецкие захватчики хотят иметь истребительную войну с народами СССР. Что же, они ее получают.

В далеком зале все зашумело, загремело,— слышался плеск аплодисментов, и кто-то, по-видимому, находившийся неподалеку от микрофона, низким простуженным басом приговаривал: «Правильно! Правильно!..» Когда же снова воцарилась тишина, прозвучали слова, которым было суждено стать одним из самых популярных лозунгов в нашей стране на все время войны:

— Смерть немецким оккупантам!

Девятого ноября полк перелетел в станицу Новозолотовскую, широко раскинувшуюся на берегу Дона там, где в него впадает Северский Донец,— затишье кончилось, и битва за Ростов и Дон возобновилась с новой силой. В этот же день в Новозолотовскую перебрались из Зернограда и сержанты во главе со своим учителем Покрышкиным: теперь каждая машина была на счету, и надо было вернуть в строй оба «мига», на которых они учились летать. Один из этих самолетов Покрышкин привел сам, второй доверил Труду. Андрей был очень польщен этим, но вскоре его радость опять сменилась унынием: машин в полку становилось все меньше, и на боевые задания теперь летали лишь самые опытные летчики, а Труду, как и остальным сержантам, по-прежнему приходилось оставаться на земле.

Работу истребителей сильно затрудняли морозы и вьюги. Особенно тяжело доставалось техникам: изношенные, много раз бывавшие в боях самолеты часто выходили из строя, и их приходилось без конца чинить, работая на ветру, под открытым небом. Летать же надо было каждый день: полк теперь нес разведывательную

службу, и сведения, которые собирали летчики, были крайне необходимы командованию.

Чаще всего на старт выруливал теперь бурый, весь заплатанный «миг» с большой единицей на хвосте. Эту машину обслуживал техник Вахненко* — усталый, измученный бессонницей человек, про которого говорили, что по упорству он — ровня Покрышкину. «Единицу», как звали в просторечии его «миг», Вахненко принял еще тогда, когда Саша и его друзья пригнали из Москвы новые самолеты. В те дни на «единице» летал пилот Морозов. Потом, в разгаре битвы за Таврию, в моторе сломалась шестеренка. Немцы стремительно продвигались вперед. Полк отходил на восток. Как быть с самолетом? Вахненко прицепил его к грузовику и повез в Геничesk, рассчитывая там найти запасную деталь. В Геничesке поиски его не увенчались успехом. Немцы были уже близко. Ходили слухи, что пути на восток уже перерезаны. Вахненко все же потащил свой самолет дальше — в Володарку. Здесь удалось наконец разыскать нужную ему шестеренку, «миг» ожил, и Покрышкин перегнал его в Астраханку. Это было как нельзя кстати — машин в полку не хватало, и теперь на «единице» летали по очереди Фигичев, Барышников и Паскеев.

К сожалению, вскоре мотор опять сдал. Упрямый Вахненко снова стал искать, где бы отремонтировать его. Так со своим самолетом он протащился через все Приазовье, терпя всяческие мытарства и не раз подвергаясь опасности быть отрезанным от своих — он побывал в Обрыве, в Таганроге, в Ростове, в Злодейской и наконец в Аксае разыскал-таки новый мотор. Сейчас самолет был совершенно исправен, и летчики готовы были на руках носить вечно замасленного, грязного, обмороженного техника, оказавшего им неоценимую услугу.

* Техник И. Вахненко в дальнейшем переучился на летчика и успешно воевал в 16-м гвардейском авиаполку. После войны погиб в результате несчастного случая.

Трижды Герой Советского Союза А. И. Покрышкин

Начальник связи 16-го гв. иап Г. Т. Масленников

Парторг 16-го гв. иап С. А. Пыжиков

**Памятник Герою Советского Союза
В. И. Фадееву**

Герой Советского Союза Н. Л. Трофимов
(послевоенный снимок)

Летчики В. Бондаренко, В. Березкин, И. Руденко

Герой Советского Союза Г. У. Дольников
(послевоенный снимок)

**Герой Советского Союза
К. В. Сухов**

**Герой Советского Союза
А. Ф. Клубов**

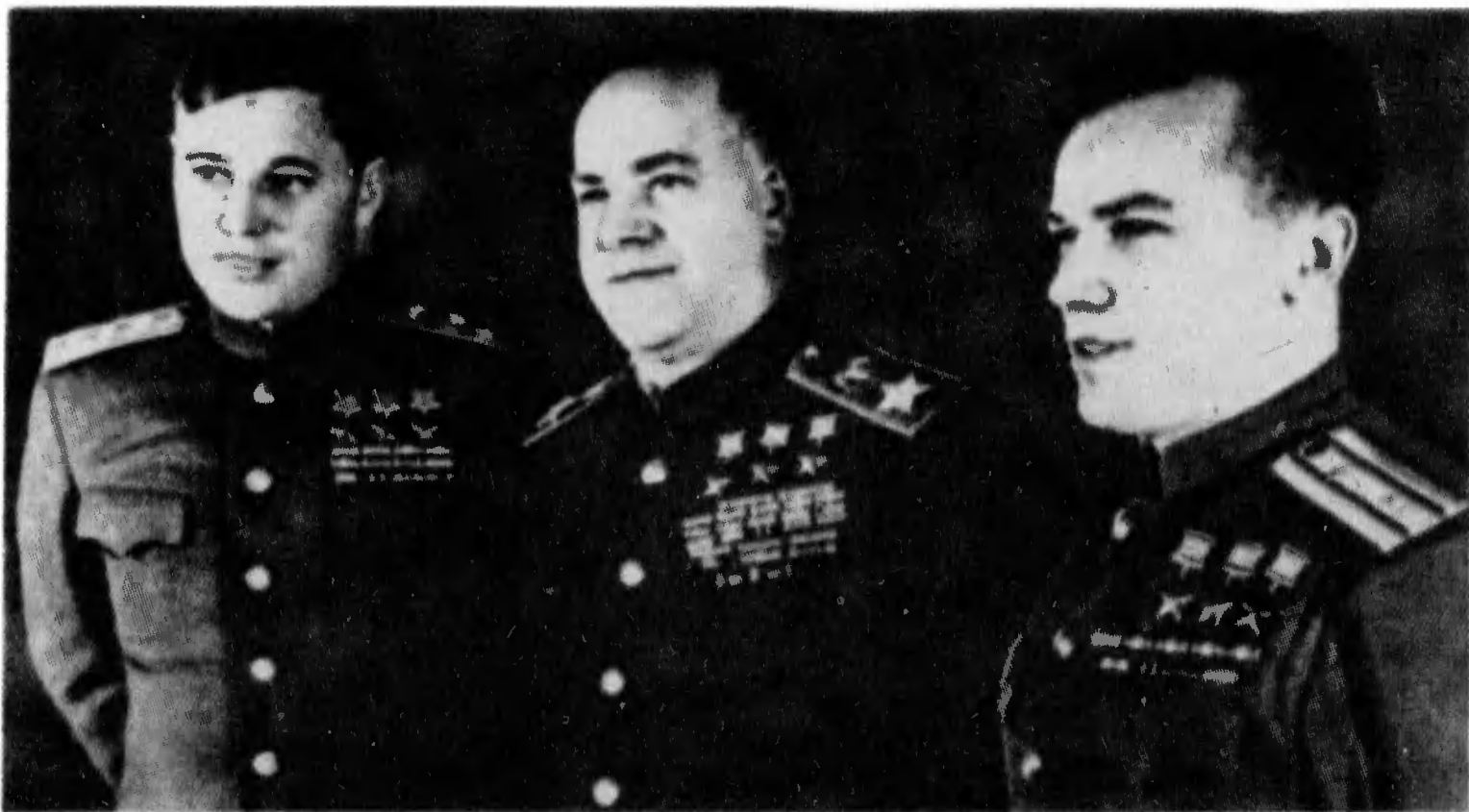

**Гвардии капитан
И. В. Дрягина**

**Герой Советского Союза
И. И. Бабак**

Трижды Герои Советского Союза, депутаты Верховного Совета Союза ССР А. И. Покрышкин, Г. К. Жуков, И. Н. Кожедуб. 1946 год

**Дважды Герой Советского Союза
Г. А. Речкалов**

**Герой Советского Союза
В. П. Карпович**

**Герой Советского Союза
А. В. Федоров**

**Герой Советского Союза
А. И. Труд**

**Герой Советского Союза
П. П. Крюков**

1943 год, Кубань. Слева направо: И. Руденко, А. Покрышкин, А. Сеченов, Г. Голубев, Н. Кудинов

**Штурман 104-го гв. иап
А. С. Закалюк**

**Памятник, сооруженный в честь подвига летчиков 9-й гв. иад
в городе Жданове**

Герой Советского Союза С. И. Лукьянов

**Бывший командир 9-й гв. иад Герой Советского Союза
И. М. Дзусов (послевоенный снимок)**

Оставался в строю и «миг» с голубой цифрой «пять» на хвосте. Голубую пятерку обслуживал Гриша Чувашкин* — тот самый техник, который когда-то провожал Покрышкина в полет к Запорожью. Этот «миг» был из той же партии, что и «единица». Он так же часто требовал ремонта, и Гриша после каждого полета долго возился у машины, проклиная войну и стылый металл, прихватывавший пальцы.

Летать приходилось в любую погоду. В снегопаде и тумане исчезал горизонт, занесенная снегом земля казалась мертвой белой пустыней, и ориентироваться на местности было чрезвычайно трудно. Машины обледеневали. И все-таки Крюков, Фигичев, Покрышкин продолжали делать свое ответственное и трудное дело. Воздушная разведка учила их точности, настойчивости и терпению.

Обстановка на фронте оставалась сложной. Перегруппировавшись и пополнившись, армии генералов Шведлера и Клейста яростно штурмовали нашу оборону, сиюсь завершить завоевание Донецкого угольного бассейна и завладеть Ростовом,— Шведлер и Клейст рассчитывали разместить там свои войска на зимние квартиры.

Все атаки противника с запада и со стороны Новошахтинска потерпели неудачу. Тогда Клейст, выбрав новое, более удобное по условиям местности направление, бросил на Ростов свою первую танковую армию. Танки прорвались к городу. Защитники Ростова упорно продолжали борьбу на улицах, встречая атакующие танки огнем пушек и противотанковых ружей. Но войска Клейста располагали огромным численным перевесом, и им удалось, потеряв пятьдесят пять танков и несколько тысяч солдат и офицеров, овладеть Ростовом. Это произошло двадцать первого ноября.

* Гр. Чувашкин, авиатехник самолета А. И. Покрышкина, умер после войны.

Гитлеровцы поспешили широко разрекламировать свой успех. Однако очень скоро им пришлось пожалеть об этом: общая обстановка на Южном фронте складывалась уже не в пользу Клейста и Шведлера.

Еще до того как фашистские танки ворвались в Ростов, советские войска, совершив перегруппировку, предприняли контрнаступление, нанося удары во фланги и в тыл гитлеровцам. Правда, техники и людской силы все еще не хватало, и наступление развивалось медленно, поэтому предотвратить захват Ростова не удалось. Но разведчики, постоянно летавшие над полем боя, отчетливо видели, что происходит что-то необычное. Покрышкин вспоминал контрудар, нанесенный летом под Мелитополем, — тогда наши войска тоже наступали, тоже громили фашистов и отбирали у них обратно деревни и железнодорожные станции, но в то время силенок у нас было совсем мало, и успех не мог быть прочным. А сейчас... Сейчас развертывалась операция крупного масштаба, в которой участвовало несколько армий, — тридцать седьмая, сформированная из дивизий, выведенных в резерв из Юго-Западного и Южного фронтов, девятая, прошедшая долгий и трудный путь от Прута до Дона, восемнадцатая и пятьдесят шестая отдельные.

Это контрнаступление было начато семнадцатого ноября — одновременно с наступлением гитлеровцев на Ростов. Вначале удар был нанесен по группировке генерала Шведлера, занявшей наспех подготовленную оборону в Донбассе. Здесь действовали сорок девятый горнострелковый корпус Кюблера и итальянский экспедиционный корпус, поддержанные дивизией СС «Викинг» и шестнадцатой танковой дивизией из состава группы Клейста.

За четыре дня наши части продвинулись на шестьдесят километров. Промерзшая донецкая земля была усеяна трупами немцев и итальянцев, обгоревшими танками и разбитыми орудиями. Горьковатый запах пороха

вита́л над полями сражений, и раскормленные, сытые вороны лениво перелетали от одной линии брошенных врагом траншей к другой. И хотя тем временем гитлеровцы ворвались в Ростов, настроение в их штабах было отнюдь не веселым.

Свыше десяти тысяч солдат и офицеров потерял Шведлер в эти дни. Наши войска захватили десятки танков, сотни автомобилей и орудий. Ошеломленные, ослепленные, обмороженные гитлеровцы пятились на запад и юго-запад, обнажая фланг группировки Клейста, цепко державшейся за Ростов.

Начинался второй этап операции. Части тридцать седьмой и девятой армий поворачивали на юг, угрожая ударом в тыл Клейсту. Надо было ожидать, что старая хитрая лиса Клейст, шестидесятилетний генерал-полковник, награжденный Железным крестом за успешные операции в Польше, Франции и на Балканах, попытается парировать этот удар. Но что именно он предпримет? Чтобы разгадать замысел гитлеровского генерала, надо было разузнать, где находится его основная танковая группировка, которую он держал в кулаке. К сожалению, обнаружить ее нашим разведчикам не удавалось — гитлеровцы искусно прятали свои танки, а погода, как назло, им благоприятствовала: стояли вьюжные туманные дни, которые в мирное время считались бы абсолютно нелетными. А ведь у гитлеровцев здесь — двойное превосходство в танках, и если они ими удачно сманеврируют, вся операция будет поставлена под удар...

Покрышкина вдруг вызвали к генералу. Что это могло означать? Саша понял, что речь пойдет о каком-то особо ответственном задании и захватил с собой планшет с навигационным снаряжением.

— Здравствуйте, капитан,— сказал генерал.— Поздравляю вас с новым званием...

Покрышкин выпрямился и взволнованно ответил:

— Служу Советскому Союзу...

Это было его первое повышение в звании с самого начала войны, и Покрышкину было вдвойне радостно получить его именно теперь, в разгар первого большого наступления Красной Армии.

— И неплохо как будто бы служите! — заметил генерал, улыбнувшись и подумав о том, что пора бы, в сущности, и наградить этого летчика.— А сейчас вам предоставляется возможность еще раз доказать это,— продолжал он.— Подойдите-ка сюда, поближе...

Глядя на карту, испещренную красными и синими стрелами, генерал задумался. Потом, помолчав, он сказал:

— Нам до зарезу нужно установить, наконец, куда же Клейст упрятал свои тринадцатую и четырнадцатую танковые дивизии. Они где-то здесь, близко. Пока игра идет втемную, мы можем ждать самых неожиданных сюрпризов. И вы должны помочь нам. Поищите танки вот здесь... Здесь... И, пожалуй, еще вот здесь. Только хорошо ищите!..

Покрышкин молча прикинул маршрут, подсчитал в уме расход горючего и сказал:

— К полету готов, товарищ генерал. Только погода...

Генерал пожал плечами и молча подал Покрышкину синоптический бюллетень. Синоптики не обещали никакого улучшения. Проследив за разочарованным взглядом Покрышкина, генерал подошел к окну и побарабанил пальцами по стеклу — на улице все было бело от снега, смешанного с туманом.

— Муть,— отрывисто сказал он.— Муть! А время не ждет. Ведь так, капитан?

Покрышкин отрапортовал:

— Будет сделано, товарищ генерал! Разрешите идти исполнять?

— Счастливого пути,— сказал генерал, участливо глянув вслед плечистому, крепко скроенному пилоту,— ему предстояло выполнить труднейшую задачу.

Взлетел Покрышкин на бурой «единице» техника Вахненко. Мотор работал ровно, и за машину он был спокоен. Но погода ухудшалась с каждой минутой, и Покрышкин с трудом выдерживал маршрут, напрягая зрение, чтобы различить в этой белой мути ориентиры. На крыльях оседал предательский ледок. Саша вел свой «миг» на низкой высоте по приборам, «прочесывая» заданный генералом район последовательными четкими бросками.

Танков нигде не удавалось обнаружить. Земля молчала, словно внизу была мертвая пустыня, а не территория, занятая гитлеровской армией. Но именно это мертвое молчание вызывало у Покрышкина подозрение: фашисты не стреляли неспроста. Они наверняка притаились именно потому, что боятся себя обнаружить! Но где же танки, где они?

Время шло. Усталый, продрогший летчик упрямо кружил над степью, над деревнями, над лесными посадками. Нигде — нигде! — ни единого следа пребывания в этом районе крупных воинских частей. Только однажды он заметил полузаметенный метелью след гусеницы, да какая-то одиночная машина мелькнула на дороге.

И вдруг в ту минуту, когда Покрышкин уже готов был отчаяться в своих поисках, он совершенно внезапно нашел то, что искал: в лощине у стогов сена и среди кустарников вырисовывались характерные угловатые силуэты немецких танков. И в то же мгновение грянули десятки пушечных выстрелов. Зловещие огненные трассы со всех сторон потянулись к самолету Покрышкина. Гитлеровцы пришли в бешенство оттого, что советскому разведчику удалось их обнаружить. Но было уже поздно. Покрышкин, резко сманеврировав, ушел из-под огня, и через полчаса в штабе было принято его донесение. Наземные войска быстро совершили контрманевр и обрушили на танковые дивизии Клейста сокрушительный удар.

Теперь операция разворачивалась стремительно. Двадцать седьмого ноября части пятьдесят шестой отдельной армии, находившиеся за Доном, форсировали реку в таком месте, откуда Клейст никак не ждал удара. Выйдя на правый берег, они решительной атакой заняли станцию Аксайскую и, не давая противнику передышки, устремились к Ростову, достигли его окраин и завязали уличные бои.

Тем временем тридцать седьмая и девятая армии, громя отборные эсэсовские части, подходили к Ростову с севера и северо-запада, угрожая армии Клейста полным окружением. Оставив в городе две дивизии и несколько пехотных полков, Клейст начал отводить часть своих сил к Таганрогу. Умелыми и дерзкими маневрами наши части обходили узлы сопротивления, внезапно преграждали путь отступавшим фашистам, атаковывали и били их на дорогах.

Гитлеровские части, остававшиеся в Ростове, оборонялись с неистовым остервенением. Ведь это был первый за всю войну, начиная с 1939 года, случай, когда их гнали прочь из крупного европейского города. На карту был поставлен престиж германского оружия, и, понимая это, гитлеровцы цеплялись за каждую улицу. И все-таки им удалось продержаться в городе всего два дня.

В этих боях было нанесено поражение четырнадцатой и шестнадцатой немецким танковым дивизиям, шестидесятой мотодивизии, дивизии СС «Викинг». Кроме того, потерпели поражение тринадцатая танковая дивизия, моторизованная дивизия СС «Адольф Гитлер», семьдесят шестая, девяносто четвертая и девяносто седьмая пехотные дивизии группы генерала Шведлера.

Утром двадцать девятого ноября 1941 года Ростов был очищен от фашистских войск, и весть об этом немедленно разнеслась по всему миру. Через день пятьдесят пятый истребительный полк перелетел в город Шахты — Красная Армия уходила вперед, и, чтобы быть

ближе к переднему краю, надо было сменить аэродром. Впервые за всю войну самолеты перелетали не на восток, а на запад, и летчики бурно радовались этому.

— Хоть не стыдно людям в глаза посмотреть! — откровенно говорил Покрышкину Фигичев. — А то прощаешься с хозяевами — не знаешь, куда себя девать. Хоть сквозь землю провалились со стыда...

Все были рады первой большой победе над гитлеровцами. И все же не только Саша Покрышкин и его друзья, но и самые старшие из их начальников даже не подозревали тогда, какую бурю вызвали в ставке Гитлера известия об успехах Советской Армии. Только два десятилетия спустя, когда он станет уже генерал-лейтенантом, Александр Иванович Покрышкин с интересом прочтет прелюбопытнейшие выдержки из дневника начальника генерального штаба сухопутных войск фашистской Германии генерала Гальдера, который будет к тому времени найден в гитлеровских архивах и опубликован в Москве.

И вот что узнает тогда Покрышкин — мы приведем здесь эти интереснейшие записи, которые фашист Гальдер тайно делал только для себя, не подозревая о том, что они когда-нибудь станут достоянием его заклятых врагов — советских офицеров:

«Большое беспокойство, — озабоченно записал он тридцатого ноября, назавтра после освобождения Ростова советскими войсками, — вызвала сегодня обстановка на фронте группы армий «Юг»... Беспокойство касается первой танковой армии. Превосходящие силы противника атаковали ее новые оборонительные позиции, пытались охватить армию с флангов, и вынудили ее уже днем ввести в бой свой армейский резерв (четырнадцатую танковую дивизию). Несмотря на это, нашим войскам не удалось избежать новых вклинений противника. Вследствие этого наши войска оказались вынуждены отойти еще дальше в тыл.

Это вызвало большое возбуждение (!) у фюрера. Он запретил отход армии на рубеж Таганрог — река Миус — река Бахмутовка и потребовал не допускать отхода восточнее этого рубежа. При этом была высказана мысль о наступлении семнадцатой армии на Ворошиловград. Люди,— осторожно писал Гальдер, имея в виду Гитлера,— не имеют никакого представления о состоянии наших войск и носятся со своими идеями в безвоздушном пространстве.

Главнокомандующий сухопутными войсками **(генерал Браухич)** был вызван к фюреру на 13.00. По-видимому, произошел более чем неприятный разговор, в течение которого говорил один фюрер,— **забыв об осторожности, Гальдер, обидевшийся за своего главнокомандующего, теперь уже открыто писал: — Он (Гитлер) осыпал главнокомандующего упреками и бранью и давал необдуманные (!) приказы.**

Главнокомандующий, следуя желанию фюрера, к сожалению, отдал приказ не отходить одним скачком на вышеупомянутый рубеж. Фельдмаршал фон Рунштедт **(командующий группой армий «Юг»)** ответил, что он не может выполнить этот приказ, и просил изменить приказ или освободить его от командования. Ввиду того что фюрер оставил за собой право окончательного решения по этому вопросу, ответ Рунштедта был передан ему дословно...

Полковник Хойзингер **(тот самый Хойзингер, который два десятилетия спустя будет пригрит американским военным командованием и сделан одной из самых главных фигур в антисоветском военном блоке НАТО!)** доложил об обстановке на фронте группы армий «Юг». Происходили неоднократные переговоры по телефону с верховным главнокомандованием вооруженных сил...

В 2.00 первого декабря фюрер приказал фон Рунштедту сдать командование группой армий «Юг» и пере-

дать командование Райхенау, который должен выполнить данный им **(фюрером!)** приказ...»

Взбешенный Гитлер бушевал, и послушные ему генералы спешили выслужиться перед ним. Тот же Гальдер, прекрасно сознавая, что спланированный Хойзингером план «Барбаросса», предусматривающий молниеносный захват Москвы и покорение Советского Союза, трещит по всем швам, продолжал гнать все дальше на верную гибель немецкие армии. В своем тайном дневнике он еще двадцать четвертого ноября, до ростовской катастрофы, коротко записал, что генерал-полковник Фромм в беседе с ним с глазу на глаз охарактеризовал общее военно-экономическое положение Германии как «падающую кривую» и что он «думает о необходимости мира»! И все же Гальдер даже первого декабря снова и снова требовал от фельдмаршала фон Бока, возглавлявшего группу армий «Центр», которая шла на Москву: «Нужно попытаться разбить противника, бросив в бой все силы до последнего...»

Свежеиспеченный командующий группой войск «Юг» генерал фон Райхенау, также выслуживаясь перед Гитлером, заявил первого декабря Гальдеру, что «возможный риск в операции он берет на себя» и «считает правильным приказ об удержании промежуточной позиции обороны, несмотря на то что Клейст доложил ему, что его войска будут разбиты на этой промежуточной позиции».

Это было в одиннадцать часов утра. А четыре с половиной часа спустя тот же фон Райхенау позвонил по телефону Гальдеру и доложил, что участок, занимаемый отборной эсэсовской дивизией «Адольф Гитлер» уже прорван советскими войсками, и попросил «дать ему разрешение на отход сегодня в ночь на рубеж по реке Миус». И Гальдер с горечью записал в своем секретном дневнике:

«Ему был разрешен такой отход. Итак, мы находимся там, где мы должны были находиться вчера. В жертву

были принесены время и силы, и, кроме того, потерял фон Рунштедт. Состояние здоровья главнокомандующего сухопутными войсками из-за постоянных нервных переживаний и волнений опять пошатнулось...»

Узнав о том, что Райхенау не удалось удержать указанную им линию обороны, Гитлер окончательно взбесился. Даже не известив главнокомандующего сухопутными войсками Браухича о своих планах, он тут же сел в самолет и сам полетел под Ростов в первую танковую армию Клейста наводить порядок в войсках. Но там, где были бессильны его лучшие генералы, фюрер, конечно, не мог ничего поделать, и Гальдер не без скрытого ехидства отметил третьего декабря в своем секретном дневнике:

«Фюрер, находясь в группе армий «Юг», заявил командующему группой армий, что он и командование танковой армией не виновны в том, как развернулись события. Войска сражались исключительно упорно и смело. Он отдал целый ряд указаний в отношении проведения отдельных мероприятий».

Эх, если бы знали наши летчики в те дни, что где-то здесь, рядом, в неописуемом хаосе отступления армии Клейста суется и визжит осатанелый от горечи переживаний Гитлер! С каким удовольствием они пригвоздили бы его своими бомбами к донской земле... Но обо всем этом они узнают лишь много лет спустя, а пока что Покрышкин и его друзья, охваченные великолепным настроением по поводу первого в их жизни большого наступления, успешно воюют уже в Донбассе.

А над Гитлером и его вооруженными силами уже нависает тень еще более грозной катастрофы. Командующий группой армий «Север» фон Лееб и возглавляющий группу армий «Центр» фон Бок шлют в ставку верховного главнокомандования панические донесения. Пока Гитлер, находящийся под Ростовом, требует от Браухича **«возможно скорее»** перебросить по железной дороге в

армию Клейста сто пятьдесят шесть танков и приказывает **«возможно скорее перейти в наступление»** в Донбассе, советские войска наносят один за другим удары под Тихвином, потом под Ельцом и наконец под Москвой.

Гальдер едва успевает записывать в своем секретном дневнике новости — одна тревожнее другой:

«Второго декабря на фронте группы армий «Север»... противник готовится предпринять большое наступление... Создается впечатление, что командование группы армий не полностью осознает возможность такой угрозы в настоящее время.

Третье декабря. В районе южнее Тима и Ельца обстановка обостряется. Нажим, оказываемый противником с направления Каширы, вынуждает семнадцатую танковую дивизию к отходу. Противник атакует с востока, севера и запада... Окружение отдельных немецких частей...

Четвертое декабря. Противник усилил сопротивление... В районе Ельца контратаки противника...

Пятое декабря. Гудериан решился на отвод своих войск от Тулы. Намеченное наступление третьей и четвертой танковых групп должно быть отменено. Противник прорвал наш фронт в районе восточнее Калинина... Фон Бок сообщает: силы иссякли...»

Советские войска уже начали свое мощное наступление под Москвой. А Гитлер, вернувшийся из-под Ростова, все еще пребывает в упоении своими мнимыми подвигами. Он снова и снова требует послать Клейсту танки и начать наступление в Донбассе, а пресмыкающиеся перед ним генералы вермахта поддакивают ему: все идет отлично!

В своем дневнике Гальдер шестого декабря коротко записывает:

«Во второй половине был доклад фюрера. Он остановился на анализе соотношения сил. **Превосходство над противником.** Ближайшей задачей признается пополнение войск. В силе остаются ранее поставленные задачи. На

фронте группы армий «Юг» захват района излучины реки Донец, как подготовительное мероприятие для захвата Майкопа. На фронте группы армий «Север» — ликвидация противника в районе Ладожского озера. Соединение с финнами — это задача, которая должна быть выполнена в течение этой зимы».

И здесь же рядом:

«Вечерние данные об обстановке: в результате наступления противника на северный фланг третьей танковой группы создавалась необходимость отвода наших войск, находящихся южнее Волжского водохранилища... Положение у Тихвина заслуживает самого серьезного внимания. Командиры корпусов считают, что обстановка очень серьезная...»

Назавтра в своем дневнике Гальдер записал еще более горькие слова: **«События этого дня опять ужасающи и постыдны»**. И наконец восьмого декабря он признается наедине с собой, что планы вермахта потерпели крах и что отныне гитлеровская Германия стоит перед страшной перспективой:

«Если мы примем решение на отход, то мы потеряем при этом большое количество вооружения и материальной части. Но если противник начнет большое наступление, то последствия этого даже трудно сейчас предусмотреть. Следовательно, если мы не сможем создать резервы, то нам грозит опасность быть разбитыми...»

Несколько дней спустя, тринадцатого декабря. Покрышкин, Фигичев, Труд и другие летчики, собравшись тесным кружком на командном пункте у радиоприемника, внимательно слушали подробное сообщение Советского информбюро о провале гитлеровского плана окружения и взятия Москвы. Тринадцать танковых, тридцать три пехотные и пять мотопехотных дивизий бросил Гитлер в бой, начав шестнадцатого ноября свое второе генеральное наступление на столицу. Потеряв свыше восьмидесяти пяти тысяч солдат и офицеров, одну тысячу четыреста

тридцать четыре танка, пять тысяч четыреста шестнадцать автомашин, сотни орудий, войска Гудериана, Гота и Гепнера покатились на запад.

И хотя путь к победе оставался еще очень долгим, но отдаленный ее отблеск уже осенил подернутые изморозью знамена советских войск. У людей начало пробуждаться бодрящее сознание превосходства над противником, и сам ход мышления стал иным: теперь они думали о наступлении.

Девять дней спустя в полку был получен приказ о награждении отличившихся летчиков. Иванов, Лукашевич, Покрышкин и Карпович* получили по ордену Ленина, а Крюков — орден Красного Знамени. Их тепло поздравляли, приветствовали. Ходили слухи, что полк представляется к гвардейскому званию, — в те дни уже создавалась советская гвардия. Год заканчивался хорошо. Вспоминая пережитое, Покрышкин признавался себе, что в июне и в июле трудно было даже мечтать о таких итогах: фашисты остановлены, фашисты пятятся, полк идет вперед, и с какими успехами идет!

В штабе Саша видел любопытную табличку, составленную командиром. Это был итог работы полка. С двадцать второго июня летчики сделали три тысячи пятьсот восемьдесят три самолетовылета и провели четыреста воздушных боев. Они израсходовали пятьсот девяносто пять тысяч двести девяносто патронов и двадцать тысяч сто пятьдесят килограммов бомб. Полк уничтожил восемьдесят два немецких самолета, тридцать три танка, триста семьдесят девять автомобилей, пятьдесят шесть орудий, более двух тысяч двухсот солдат и офицеров. За отличное ведение разведки в ходе Ростовской операции полк получил благодарность Военного совета девятой армии.

* В. П. Карлович закончил войну Героем Советского Союза, в настоящее время — полковник в отставке, ведет общественную работу в городе Краснодаре.

Покрышкину было приятно чувствовать, что им сделан солидный вклад в этот счет: он произвел уже триста шестнадцать боевых вылетов, участвовал в двадцати шести воздушных боях и сбил четыре вражеских самолета. Командир полка доверял теперь ему самые трудные и ответственные задания. И все-таки он испытывал некоторую неудовлетворенность достигнутым. Ему хотелось чаще драться в воздухе. Он понимал, как важны и ответственны полеты на разведку, выполнял их дисциплинированно и добросовестно, но его неотразимо влекла стихия воздушного боя. Хотелось самому каждый день настигать, ловить и бить самолеты противника и очень трудно было всякий раз заставлять себя уходить от встречи с «мессершмиттами», соблюдая инструкцию командования: разведчикам не драться.

— Неисправимый истребитель! — говорил, подшучивая над Сашей, Фигичев, но тому было не до шуток, и он, сердито огрызаясь, уходил в сторону.

Маленький шахтерский поселок Дарьевка жил в ту морозную зиму суровой, трудной жизнью. Все вокруг было мертво. Еще в августе остановили свой извечный бег гигантские шкивы шахтных копров, погасли огни в кочегарках, застыли компрессоры, день и ночь гнавшие раньше на поверхность потоки рыжей подземной воды, остро пахнувшей серой и колчеданом. Под эстакадами валялись измятые, ржавые вагонетки. Мрачные серые пирамиды отработанной породы высились, как надгробные памятники над умершими шахтами.

Горняки ушли в армию, и теперь, когда немцев прогнали отсюда, восстанавливать шахты было трудно. Лишь древние старики, еще помнившие немецкого барона, которому в старину принадлежал этот рудник, да шахтерские жены с малыми детьми копались помалу в неглубоких шурфах, которые раньше звали презрительно «мы-

шеловками». Теперь эти «мышеловки» стали основным источником топлива. Люди работали молча, с натугой, зло, без лихих песен и соленых шуток, которыми славились когда-то острые на язык откатчицы. Недолго побыли фашисты в этих местах, но успели и здесь оставить свой страшный след.

На окраине поселка поселились летчики. Это был разведывательный отряд, выдвинутый вперед пятьдесят пятым истребительным полком. Теперь полк вел разведку на широком фронте. Эскадрилья, возглавляемая Крюковым, работала с Нахичеванского аэродрома, держа под контролем таганрогское направление, а этот отряд регулярно просматривал с воздуха дороги, ведущие в район Сталино. Штаб полка помещался довольно далеко отсюда — на шахте номер шесть, близ города Шахты.

В Дарьевке работала молодежь — Андрей Труд и Дания Никитин, получившие наконец первое офицерское звание и необычайно гордившиеся своими малиновыми кубиками и золотыми кантами на петлицах, их ровесник Степан Супрун, черноволосый, плотный тавричанин, который до сих пор не мог забыть, как ему под Мелитополем довелось штурмовать свою родную Громовку, занятую немцами, и другие. Молодых водили обычно на разведку опытные истребители Лукашевич и Шульга.

Разведчики летали на поизносившихся самолетах. Техники, среди которых был и неутомимый Гриша Чувашкин, каждый вечер молча утаскивали эти самолеты в мастерские, принадлежащие раньше какому-то совхозу, раскрывали капоты, зажигали факелы и до утра возились, стараясь как можно дольше продлить век своих машин. Летчики знали, каких трудов стоит техника подготовка каждого боевого вылета. Они видели, с каким волнением и надеждой всякий раз провожают их взглядами одетые в грязное, замасленное тряпье шахтерские жены и матери. И истребители старались вкладывать всю душу в каждый полет.

Летать было нелегко. Приходилось уходить далеко в тыл врага, пробиваться сквозь густую завесу заградительного огня, ускользать от назойливых «мессершмитов», которые стаями вились над своими железнодорожными узлами, прикрывая их от советских самолетов. Подвесив под плоскостями бомбы, Труд и Никитин забирались на высоту шесть тысяч метров и, держась выше разрывов зенитных снарядов, пересекали линию фронта. Идя заданным маршрутом, они время от времени снижались, присматриваясь к тому, что делается на земле, и снова набирали высоту.

Когда рейс подходил к концу, разведчики заглядывали на гитлеровский аэродром близ Донецка, пересчитывали стоявшие там самолеты, пикировали, сбрасывали бомбы и, набрав на пикировании бешеную скорость, уходили бреющим полетом, отчаянно виляя над землей. Труд в шутку называл этот маневр «не я — не я, не мы — не мы». Выскакивая наконец за свой передний край, Андрей отдувался и вытирал перчаткой лоб. Ему было жарко, словно он только что вышел из бани.

Пока что разведчикам везло. Ни один их самолет ни разу не был подбит, хотя по сути дела каждый полет был связан со смертельным риском: фашисты, готовясь к новым операциям, старались наглухо закрыть свои тылы от советских разведчиков и с каждым днем усиливали противовоздушную оборону. Но вот тринадцатого марта приключилось несчастье: фашистский зенитный снаряд пробил мотор «мига», на котором летел Лукашевич, и разведчику пришлось совершить вынужденную посадку; хорошо еще, что дотянул до расположения наших войск. Теперь в распоряжении отряда осталось всего три машины.

Больше всех был удручен Гриша Чувашкин, обслуживавший «миг» Лукашевича: мотор был совершенно новый, его достали с большим трудом и поставили на машину только накануне. Грише удалось поставить свое-

образный рекорд — работая на морозе, он сменил мотор за десять часов. И вот все пошло прахом!

Поохав и поворчав, он все же кончил тем, что поехал к подбитой машине, зацепил ее грузовиком за хвост, утянул в мастерские и снова начал колдовать над мотором — авось как-нибудь удастся его оживить. Дыша на красные, иззябшие руки, он в десятый раз осматривал перебитые, изломанные части, думая о том, как и чем их заменить. Раздумья Гриши были прерваны каким-то шумом и криком. Он обернулся и увидел у входа молоденького оружейника. Только теперь он сообразил, что парень обращается к нему:

— Да ты что, оглох, что ли, чертушка? Зову-зову, свищу-свищу, молчит, как гроб!.. Гвардейцы! Понимаешь, мы — гвардейцы... Пойми же, Гришка...

И оружейник, перепрыгивая через груды каких-то деталей, ящиков и бидонов, подбежал к Грише и стал трясти его за плечи.

— Гвардейцы, говорю! Ну... Прилетел Саша Покрышкин, привез телеграмму Вершинина... Гвардейское звание! Пойдем, пойдем, сейчас читать будут.

Чувашкин понял. Они оба помчались в хату, где помещалась столовая разведчиков. За столом, накрытым старенькой клеенкой, сидел Покрышкин в меховой куртке, в унтах и шлеме с задранном ухом. Его окружала толпа летчиков, техников, мотористов. Положив на стол телеграмму текстом вниз, он говорил Лукашевичу:

— А где же яства? Не вижу гвардейского шика! Ну-ка, живее, чтобы все было, как в лучших домах...

Повариха, стуча кованными сапогами, уже тащила на стол чугуны с вареной картошкой, миску с крупно нарезанным хлебом, моченые яблоки, связку тарани. Труд бережно поставил заветную бутылку с разведенным спиртом, припасенную втайне для торжественного случая.

— Банкет по всем правилам военно-полевого этикета,

согласно традициям БАО *,— сказал он, скорчив серьезную мину, и все дружно засмеялись.

Покрышкин вдруг встал и официальным тоном проговорил:

— Попрошу всех пройти на командный пункт.

В просторной избе все выстроились и замерли по команде «смирно». Покрышкин оглядел знакомые лица и сказал:

— Командир полка приказал мне сообщить вам, что с сегодняшнего дня наш полк — гвардейский. Вот...— Саша не умел и не любил говорить речи и теперь решительно не знал, как быть дальше.— Вот...— повторил он.— Так что я думаю, вам должно быть понятно, что это значит и как теперь нам воевать дальше... А самое главное, конечно, написано вот здесь, в телеграмме командующего. Сейчас я вам ее прочитаю.

Он бережно развернул телеграфный бланк и стал медленно, с выражением читать:

«В соответствии с постановлением Президиума Верховного Совета Союза ССР Ставка Верховного Главнокомандования приказывает: за проявленную отвагу в боях за Отечество с немецкими захватчиками, за стойкость, мужество, дисциплину и организованность, за героизм личного состава преобразовать пятьдесят пятый истребительный авиационный полк в шестнадцатый гвардейский истребительный полк.

Сердечно поздравляю весь личный состав полка с этой высокой честью. Уверен, что в дальнейшей борьбе с фашизмом ваш полк так же беспощадно, по-гвардейски будет громить врага до полного его уничтожения.

Быть гвардейцем — великая честь. Держите свою сла-

* БАО — батальон аэродромного обслуживания, в обязанности которого входит и обеспечение питания летчиков.

ву высоко. Пусть боевое гвардейское знамя вдохновляет вас на новые подвиги. Вперед, дорогие соколы!..

Командующий военно-воздушными силами
Южного фронта генерал-майор авиации
ВЕРШИНИН.

— Ясно? — неожиданно сурово спросил Покрышкин, сворачивая телеграмму. — Ну, вот... В общем, командующий тут так говорит: если вы там, в Дарьевке, проморгаете хоть один немецкий эшелон, с вас три шкуры будет спущено. Ясно? Чтобы ни одна мышь к переднему краю без вашего ведома не проскочила! Вот какой теперь гвардейский разговор...

Ему льстила доверенная командиром полка роль вестника столь знаменательной новости, и он старался держаться возможно солиднее. Конечно, не мешало бы по такому случаю сказать настоящую громкую речь, — вот покойный Дьяченко, тот наверняка сумел бы блеснуть. Но ведь не каждому суждено быть оратором! И Саша, вздохнув, сказал вдруг Лукашевичу:

— Ну что ж ты! Зови гостей к столу...

Обед проходил шумно, весело. Были тосты, песни. Труд, осторожно обогнув стол, вдруг вышел на середину и отбил такую звонкую чечетку, что в окна задребезжали стекла. Покрышкин сидел молча, думая о чем-то своем. И вдруг он сказал Грише Чувашкину, сидевшему рядом:

— Выпьем-ка за руки техника...

Чувашкин конфузливо отдернул со стола свои распухшие и растрескавшиеся, пропитанные маслом и грязью руки.

— Да, да, вот за эти самые, сто раз обмороженные и двести раз обожженные, дубленные бензином лапы! Вот... Думаешь, я забыл, как ты летом по всем совхозам возил бак от моего «мига» варить? Тут уже немцы на

подходе, а он, черт бы его побрал, с этим дырявым баком по дорогам колесит...

Гриша покраснел. Он хорошо помнил эту историю. Тогда и в самом деле он чуть-чуть не попал в окружение из-за этого бака. Заварить пробойну так и не удалось, но техники ухитрились накрепко залатать бак перкалем и эмалитом. Так с этой латкой «миг» и дожил до конца своих дней.

— Так вот, товарищи,— сказал, повысив голос, Покрышкин,— пью за руки техника, которые помогли нам заработать гвардейское знамя. Ясно? А тебя, Чувашкин, как только получим новые машины, я заберу в свой экипаж. Идет?..

Гриша хотел было что-то ответить, но тут на противоположном конце стола молодежь опять затянула песню, и Покрышкин улыбнулся,— случайно ли, нет ли, но Даня Никитин завел любимую песню Саши:

Коль жить да любить,
Все печали растают,
Как тают весною снега...
Цвети, золотая,
Звени, золотая,
Моя дорогая тайга...

Саша погрустнел. Ему вспомнилась дальняя, теперь уже полузабытая Сибирь, вспомнился Краснодар, где до войны молодые техники пели вот эту самую песню, усевшись на сочной зеленой траве у реки Кубани, вспомнились мятежные искания той поры. И как-то обидно стало, что вот ему уже скоро тридцать лет, а за хлопотами и трудами своими он так и не успел устроить свою личную жизнь, и только старушка мать в далеком Новосибирске помнит и поджидает его. А Никитин снова запевал:

И пусть не меня, а его за рекою
Любая минует гроза,

За то, что нигде не дают мне покоя
Его голубые глаза...

Песня плыла, звенела... И Саша, глядя на распевшуюся молодежь, немного ревниво и, пожалуй, даже завистливо думал о том, что вот они — Труд, Никитин, Супрун, если им повезет в боях и они уцелеют, кончат войну еще совсем молодыми, и жизнь у них будет иная...

А Гриша Речкалов, парень с Урала, которому так не повезло в Бессарабии, все еще не возвращался в полк. Проклятый фашист всадил ему тогда, пятнадцатого июля, в ногу целую горсть металлического хлама, и потребовалось три операции, чтобы его выудить. Восемь месяцев провалялся Гриша на койке, ворча на свою несчастную судьбу и ругая врачей, которые снова и снова обнаруживали где-то в глубине раны то микроскопический кусочек подметки от пробитого сапога, то крохотный осколок металла.

Из газет Речкалов узнавал новости одна другой разительнее: Красная Армия отбросила гитлеровцев от Москвы, выбила их из Тихвина, облегчив тем самым положение блокированного Ленинграда, вышла на рубеж Северского Донца, освободила Лозовую и Барвенково, врезавшись глубоким клином в тыл гитлеровской группировки, оборонявшейся в Донбассе, заняла позиции на подступах к Таганрогу. Мысленно Речкалов представлял себе сияющие физиономии своих приятелей, которые бьют отступающих фашистов, — теперь работать куда веселее, чем было в июне и июле! Но где они? И как найти полк?..

А ходить все-таки было больно, хоть рана и зарубцевалась. Где-то там, в глубине, еще сидели предательские крупцы металла. Конечно, благоразумнее было бы лечь на четвертую операцию и разделаться, наконец, с

этим подлым дополнительным грузом. Но Гриша наотрез отказался сделать это и, поскандалив с врачами, добился выписки из госпиталя. Так, прихрамывая, и явился он в свердловскую гарнизонную комиссию:

— Лишь бы только в полк добраться, а там долечусь!

Седой военврач пожал плечами и, делая вид, что он не слышит, что говорит хромой летчик, бросил через плечо председателю, вытирая руки полотенцем:

— Пожалуй, в тылу еще можно будет его использовать. На легких самолетах, конечно...

Речкалов запротестовал, но председатель, протянув ему листок с заключением комиссии, сухо отрезал:

— Здесь не местком и не детский сад, а военное учреждение. Понятно? Назначение получите в штабе УралВО. Кру-угом!..

Речкалова послали в Ижевск, в школу первоначального обучения, где с утра и до вечера мирно трещали медлительные У-2. Ему стало там тошно, и он опять взбунтовался. После долгих разговоров с работниками штаба округа удалось добиться перемены назначения — теперь Речкалова отправили в запасный авиационный полк, стоявший в Моршанске. Там летчиков учили летать на новых скоростных самолетах-истребителях конструкции Яковлева.

Гриша заинтересовался новыми машинами и прилежно взялся за учебу. Дело быстро пошло на лад, и вскоре он сдал все зачеты. Но командир полка и слушать не хотел об отправке Речкалова на фронт: на ноге у него опять открылась рана и начали выходить осколки. Гришу уложили в санчасть.

Лежа на койке, он обдумал хитрый, рискованный план. И как только осколки были удалены, он встал, приковывая к костылю к командиру и со смиренным видом попросил у него недельный отпуск:

— Разрешите к жене съездить. Хочу сынишку повидать...

Командир подумал-подумал и дал согласие. А Гриша, доехав до Сызрани, пересел на первый попавшийся поезд, шедший на юг. Сказать по правде, он чувствовал себя совсем неважно в эту минуту, думая о том, к чему может привести такой авантюрный шаг. Трудно было рассчитывать, что ему удастся за одну неделю добратся до фронта и вернуться. Хорошо, если полк он найдет. А если нет — что тогда? Его могут счесть дезертиром. И все-таки он двинул на юг.

У него не было ни малейшего представления о том, где искать полк. Под Лозовой или у Барвенкова? На Северском Донце или на Миусе? А может быть, его сейчас и вовсе нет на том фронте, может быть, он где-нибудь в тылу, на переформировании? Чем дальше на юг пробирался Гриша, тем грустнее он становился. Свой отпуск он просрочил уже на пять дней и теперь старался избегать патрулей, которые могли его задержать. К счастью, его жалкая щуплая фигурка с костылем под мышкой ни у кого не вызывала никаких подозрений — мало ли раненых ездит по железным дорогам!

Так Гриша доехал до Новочеркасска. Что делать дальше? В раздумье он набрел на какого-то летчика, старшего лейтенанта, и поделился с ним своими горестями. И тут случилось то, что бывает обычно только в приключенческих романах, — летчик вдруг улыбнулся, хитро подмигнул и сказал:

— Браток! Так это же наши соседи! Они стоят на шахте номер шесть. Только ты отстал от жизни: они теперь не пятьдесят пятый полк, а шестнадцатый гвардейский. Во как!..

Речкалов даже растерялся от неожиданности. Теперь он был спасен — можно было не сомневаться, что в полку его возьмут под защиту и помогут легально оформить возвращение в часть. Встреченный им летчик рассказал, что шестнадцатый гвардейский полк прославился своими разведчиками, что сейчас одна его эскадрилья работает

с Нахичеванского аэродрома, а другая стоит, кажется, в Дарьевке, где-то возле Ровеньков в Донбассе. Он не знал, кто сейчас воюет в полку и кого нет, но командир как будто бы остался старый — Иванов, только теперь он, кажется, уже подполковник.

В Ростов добраться было легче, и Речкалов решил явиться прямо в эскадрилью, а оттуда уже связаться с полком. Его ждала радостная встреча,— на аэродроме случайно собралась целая компания ветеранов полка: Крюков — он-то и командовал эскадрильей, работавшей из Нахичевани,— с ним Покрышкин и Фигичев, прилетевшие туда зачем-то с шахты номер шесть, где помещался штаб полка.

Увидев прихрамывавшего младшего лейтенанта, путавшегося в полах своего коричневого кожаного реглана, летчики сначала не поняли, кто он и что ему здесь нужно. Но, приглядевшись, узнали и встретили радушно — ведь Гриша вернулся словно с того света. Никто уже и не думал, что этот сорванец выживет и вернется в часть.

— Гвардейцы!.. Капитаны!..— ворчливо и немного ревниво сказал Речкалов, косясь на ордена своих друзей и на шпалы в петлицах их гимнастеров.— Вот бы вас инструкторами в школу первоначального обучения, как меня...

Все засмеялись и начали расспрашивать Гришу, требуя от него полного отчета за все эти восемь месяцев. Потом коллективно сочинили телеграмму командиру полка:

«Прибыл Гриша Речкалов зпт сбежал запасного полка тчк немного хромает но летать может тчк умоляет простить оставить иначе жизни нет».

— Простит! — уверенно сказал Покрышкин.— Своих в обиду не даст.

Весь вечер Гриша рассказывал о своих злоключениях и расспрашивал о друзьях. Его потрясло известие о том, что Дьяченко, Селиверстова и других, с которыми он

был близок, уже нет в живых. Он так рассчитывал на встречу с ними!.. Покрышкин, Фигичев, Крюков неохотно и скупно рассказывали о гибели друзей — в полку уже установился суровый молчаливый уговор не тревожить память об ушедших бесполезными разговорами, они лишь напрасно растравляли душу. Любые слова казались плоскими и фальшивыми, когда речь заходила о мертвых. Погибших помнили все время, они как бы присутствовали незримо среди живых. За них мстили, с их именами уходили в бой. Но вслух говорить об этом и сетовать об утратах... Нет, это не по-солдатски!

Ответа с шахты номер шесть долго не было. Гриша струхнул и снова пал духом: а ну как не примут в полк? Что тогда? Попутных самолетов как на грех не было, и на шахту номер шесть пришлось добираться опять-таки поездом. Счет просроченных сверх отпуска дней угрожающе возрастал.

Командир полка встретил Речкалова сурово. Гриша стоял перед ним ни жив, ни мертв, ожидая приговора.

— Значит, сбежал? — резко сказал Иванов.

— Сбежал,— тихо откликнулся Гриша, мигнув густыми ресницами, и побледнел так, что веснушки еще гуще выступили на его лице.

— А вы знаете, молодой человек, что полагается за дезертирство?

— Товарищ командир! — пролепетал Речкалов.— Товарищ командир, ведь жизни нет без полка...

— Жизни, жизни!..— резко оборвал его Иванов.— Вам такую жизнь следовало бы устроить за эти штучки, что вы своих не узнали бы!

Он опустил глаза, и у Гриши вдруг мелькнула затаенная надежда: может быть, все-таки еще не все потеряно — он заметил, что в глазах у командира блеснула веселая искорка.

— Пять суток ареста,— сказал командир.— Пять суток ареста, понятно? А потом поедете в Дарьевку. Буде-

те ходить в разведку. И чтобы впредь фокусов не было. Партизанщины не потерплю...

— Разрешите идти? — дрогнувшим от радости голо- сом спросил Речкалов. Его оставляли в полку, и это было главное. Он был готов хоть месяц просидеть на гауптвахте, лишь бы его не прогнали обратно, в захолустный и тихий Моршанск.

Доверие, которое ему оказали в полку, Речкалов полностью оправдал: за короткий срок он сбил четыре немецких самолета.

В конце апреля в Дарьевке собрался весь полк. Прибыло новое пополнение. Гвардейцы получили бесценный по тем временам дар: им дали целую эскадрилью новеньких истребителей «Яковлев». Эти самолеты обладали более мощным мотором, чем «миги», меньшим весом, они могли развивать большую скорость на низких высотах и гораздо легче маневрировали.

Руководство освоением «Яковлевых» было поручено Крюкову, и он с группой пилотов уединился в тихом шахтерском поселке Краснодоне близ Ворошиловграда — там на небольшом, но удобном аэродроме они учились летать и драться на новых самолетах. Остальные летчики тем временем продолжали вести усиленную разведывательную службу и прикрывали свои войска от немецких разведчиков — назревали крупнейшие сражения второй летней кампании.

Скупая донецкая земля уже надела свой недолговечный праздничный наряд. Пока не вошло в силу злое летнее солнце, буйно зеленели травы, поспешно выгнал вверх свои метелки пырей, потянулся к небу лисий хвост, медоносный донник спорил за место с клевером, а над всеми торжествовал колючий татарник, уверенно выбрасывавший свои большие жесткие, беловато-паутинистые листья. Засуетилась в траве живучая степная мелкота, за-

свистали суслики, запели жаворонки. На пригорках уже расцвели неяркие, целомудренные степные цветы, и тонкий медовый аромат витал над степью.

Теперь летчики с утра до вечера просиживали на аэродроме, у своих машин, замаскированных соломой и сеном. Лежа на скирде и греясь на солнце, Труд и Никитин коротали время в ожидании полета, делясь воспоминаниями, фантазируя и распевая песенки, до которых оба они были охочи. Иногда к ним присоединялся Супрун, и тогда все шло вверх дном — молодые, здоровые парни боролись, тузили друг друга, рассказывали анекдоты, поддразнивали кого-нибудь, пока не придет черед лететь.

Утром пятого мая Труд и Никитин были увлечены сочинением новой песенки — Даня вспомнил лихой цыганский мотив, и им захотелось подготовить новый юмористический номер для самодеятельности. Песенка посвящалась описанию одной из встреч Никитина с немецкими истребителями. Дело помаленьку продвигалось вперед — два куплета уже были готовы, и Труд с удовольствием и гордостью мурлыкал:

Как-то раз я над Харцызском
«Мессеров» двух повстречал...

Даня вмешивался и низким тоном выпевал припев:

Пушечный взгляд,
Желтый наряд!

Труд делал встревоженное лицо и продолжал:

М-35 *1 Тебя я умоляю —
Подтяни хоть пять минут...
Авторитетно заявляю —
Сейчас я в хвост ему зайду...

* М-35 — марка мотора, которым был оснащен «миг».

— Пойдет! — солидно сказал Даня, когда оба куплета были спеты раз пять подряд.— Теперь надо сказать, как делаю горку, потом иммельман и с разворота...

— Никитин! — слышалось вдруг снизу.— К командиру!

Даня кубарем скатился со скирды, бросив на ходу: — В общем, ты там подумай...

Через пять минут «миг» Никитина ушел в воздух. Проводив его взглядом, Андрей стал думать над рифмой к слову иммельман. Кроме слова «ранверсман», он ничего подобрать не мог, а «ранверсман» тут явно был ни при чем. Ему стало скучно, и вся затея потеряла для него интерес: мыслимое ли дело — описать целый полет в стихах? Хорошо было Пушкину — ни «мессершмиттов», ни автоматических пушек. Знай, пиши про ядра и картечь!

Андрей тяжело вздохнул и поглядел на горизонт — пора бы уже Дане возвращаться. И вдруг он заметил нечто такое, что заставило его вскочить на ноги и забыть обо всем на свете, кроме того, что в эту минуту происходило там, в небе. Со стороны переднего края летел, растопырив свои голенастые ноги, немецкий корректировщик артиллерийской стрельбы «Хеншель-126». Он шел со снижением, и сзади стлалась густая черная струйка дыма — гитлеровец насиловал мотор, стремясь во что бы то ни стало уйти от преследования. А в хвосте у него летел «миг», меткими ударами своих пулеметов предостерегавший своего противника от соблазна свернуть с прямой. Это был Никитин. Видимо, он хотел заставить немецкого разведчика сесть на нашем аэродроме.

Летчики и техники, задрав головы, следили за маневрами своего товарища, восторженно приветствуя его криками и швыряя кверху от восторга свои шлемы. Казалось, замысел Никитина был уже близок к осуществлению. Но тут случилось нечто непредвиденное: из облака

вывалились три «мессершмитта», спешивших на выручку к своему разведчику.

— Данька!.. «Мессы», — завопил Труд, словно Никитин мог услышать его.

Но Никитин уже заметил надвигавшуюся опасность. Подойдя ближе к «хеншелю», он в упор прострочил его длинной очередью, отчего тот, задрав кверху растопыренные ноги, камнем полетел к земле, а сам круто развернулся и дерзко устремился навстречу «мессершмиттам», применяя любимый прием атаки — лобовой удар.

Труду вдруг вспомнились строки недопетой песенки:

М-35! Тебя я умоляю —
Потяни хоть пять минут...

Он тепло улыбнулся: старый мотор «мига» честно делал свое дело, и расстояние между самолетами быстро сокращалось. Дерзость советского летчика удивила гитлеровцев — они ожидали, что он предпочтет уйти от удара. Развернувшись в стороны, «мессершмитты» снова нырнули в облака и, перегруппировавшись, выскочили сразу с трех направлений, стремясь зажать Никитина в клещи.

Сделать это было не так просто: девять месяцев пребывания в полку не прошли для Никитина даром, и теперь он был зрелым истребителем. Резко сманеврировав, Дания опять загнал двух немцев в облака, а третьего отколол и стал яростно клевать короткими, но точными очередями. На глазах у всех «мессершмитт» сначала задымился, потом окутался пламенем и огненным клубком свалился на землю.

Летчики зааплодировали, но тут же притихли: одному из двух уцелевших немецких истребителей удалось наконец подбить машину Никитина. «Миг» резко накренился и как-то неуверенно закачался.

— Собьют, сволочи... Собьют! — прошептал Труд, не отрывавший глаз от самолета своего товарища.

Никитину все же удалось развернуть свой самолет. Теперь он шел прямо в лоб на один из «мессершмиттов», не ведя огня,— видимо, у него кончились боеприпасы. «Мессершмитт» не сворачивал — разгоряченный и злой от неудач, немецкий летчик не хотел уступить дорогу русскому.

— Таран!.. Таран!..— закричали летчики. И впрямь, «миг», стремительно сблизившись с «мессершмиттом», ударил его плоскостью, и вниз посыпались щепки, лохмотья перкаля и куски изуродованного металла. «Мессершмитт» падал отвесно,— видимо, летчик потерял сознание. «Миг» еще пытался выйти в горизонтальный полет: изуродованный, полуразбитый, он судорожно дергался в воздухе.

— Прыгай! Г-горит, прыгай же! — кричал Труд, глядя расширенными глазами на то страшное и неотвратимое, что происходило в эти последние роковые секунды в воздухе. Мотор «мига» еще работал, и его рев, приближаясь и нарастая, заглушил все звуки. Еще рывок... Еще... Труд инстинктивно закрыл глаза. Послышались два взрыва, и сразу же все смолкло.

Летчики и техники, не разбирая дороги, прыгая через какие-то канавы и рытвины, бежали туда, где только что упал «миг». Ни у кого не было надежды на то, что Никитин останется жив,— слишком силен был удар. Но все же люди безотчетно торопились, как это бывает всегда в таких случаях,— трудно разобраться в сумятице ощущений и трудно повиноваться голосу рассудка, когда у всех в представлении он, Данька, еще живой, подвижный, с хитровой смешинкой в глазах, с недопетой песенкой. И вот...

Труд, задыхаясь от быстрого бега, чувствовал, что по щекам его катятся предательские слезы. Размазывая их, он шмыгал носом, совсем как мальчишка, и, быть может, было что-то именно мальчишечье, детское в том остром отчаянии, которое охватило его. Андрей уже не был но-

вичком на войне и многое видел и пережил. Иногда он даже бравировал некоторой показной лихостью и равнодушием. Но сейчас все это куда-то ушло, и все увидели настоящего Труда — вчерашнего десятиклассника, простого парнишку из Криворожья.

У края неглубокой ямы, от которой шел острый запах бензина, все остановились. Нигде не было видно ни щепы, ни куска металла — тяжелый, четырехтонный «миг», врезавшись в рыхлую землю на полном газу, ушел на несколько метров вглубь, похоронив Никитина.

Техники сбегали за лопатами, начали рыть землю. Труд, задумчиво глядевший вниз, сказал вдруг:

— Не надо, ребята, его тревожить. Зачем? Пусть это и будет его могила...

Друзья оглянулись по сторонам. Широко расстилалась степь. В небе звенели жавсронки. Медвяный запах цветов настойчиво пробивался сквозь бензинный чад. И все молчаливо согласилось с тем, что именно здесь и надо оставить навек Никитина.

А чтобы надолго осталась память о нем и чтобы знали люди, кто лежит здесь, в степи, техники придумали поставить ему самый лучший памятник: отгородив широкий участок степи вокруг могилы, они ровными рядами посадили над ней молодые деревья.

Покрышкина в эти дни в полку уже не было — командующий военно-воздушными силами фронта поручил ему ответственное и интересное задание: надо было провести в Новочеркасске испытание трофейных «мессершмиттов». Там, на полевом аэродроме, он спокойно занялся новым для него, любопытным, но небезопасным делом.

Управляя трофейной машиной, Покрышкин работал как бы за двоих: ставя себя на место советского летчика, мысленно атаковал немца и тут же требовал ответа от

пилота «мессершмитта»: как тот будет реагировать на эту атаку? Потом Покрышкин заставлял воображаемых летчиков меняться местами. «Мессершмитт» нападал, а советский самолет оборонялся. Он вел этот допрос с страсти целыми часами, переключая машину из одного виража в другой, разгоняя ее и делая горки и боевые развороты, круто пикируя, выполняя фигуры вертикального маневра.

Один из таких полетов чуть-чуть не окончился трагически. Разыгрывая условный бой, Покрышкин решил попробовать, как «мессершмитт» выполняет резкий скоростной контрманевр. Он разогнал машину до предела и потом с силой налег на управление. Советский истребитель обычно выполнял эту фигуру довольно легко, словно переламяваясь из одного положения в другое. Но «мессершмитту» она не удалась. Что ни делал Покрышкин, немецкий самолет продолжал тяжело нестись вниз, словно он взбунтовался и хотел во что бы то ни стало сбросить и убить чужого седока. Земля надвигалась с катастрофической быстротой, и только в последнее мгновение, когда Покрышкину казалось, что все уже кончено, ему удалось одолеть машину и вывести ее в горизонтальный полет над самой землей.

Саша долго думал над этим случаем, стараясь доискаться причин такого поведения машины. Неужели он попросту ошибся в чем-либо? Может быть, более умелому летчику удалось бы успешно выполнить задуманный им маневр? На другой день Покрышкин снова ушел на «мессершмитте» в зону. На этот раз он из предосторожности набрал предельную высоту и повторил все с самого начала. И опять самолет не подчинился ему.

Будучи человеком упрямым, капитан в третий раз набрал высоту, снова повторил маневр и снова потерпел неудачу.

Это обстоятельство глубоко заинтересовало Покрышкина: из него можно было извлечь существенную выгоду

в бою. Кажется, удалось нащупать уязвимое место «мессершмитта». Чтобы проверить правильность своих предположений, Саша тотчас после посадки пересел на советский истребитель, поднялся на нем в воздух и проделал несколько раз подряд задуманную им фигуру. Как обычно, машина послушно повиновалась управлению.

Вечером Саша, уединившись, положил перед собой летные характеристики советского и немецкого самолетов и начал внимательно их изучать. Он сравнивал графики поведения обоих самолетов в воздухе на разных режимах полета. Полученные выводы свидетельствовали о том, что «мессершмитт» должен уступить в маневренности советскому самолету и в некоторых других положениях. Теперь ясно было, в каком направлении надо вести дальнейшие опыты.

Так постепенно Покрышкин распознавал все стороны поведения немецкого истребителя. Он видел, что перед ним хорошая, современная, сильная машина, но при всем том — не столь всемогущая, как это казалось некоторым летчикам в первые дни войны. И уж во всяком случае Саша не променял бы на нее новый советский скоростной самолет. Теперь, когда ему стали ясны все слабые места немецкой машины, он обрел еще большую уверенность в себе. Скорее бы снова помериться силами с «мессершмиттами»!

Говоря по правде, у него был и гораздо более важный стимул, толкавший его побыстрее сразиться с противником: летом 1942 года ему предстояло сражаться уже коммунистом. Этой военной весной его приняли в партию; и произошло это событие в небольшом шахтерском поселке Краснодоне, который впоследствии вошел в историю: там разыгралась героическая трагедия «Молодой гвардии».

В своих записках «Крылья истребителя», которые выйдут в свет после войны, Покрышкин, вспоминая об этом, напишет:

«Кто знает, может быть, проходя по Краснодону, я не раз встречал и Олега Кошевого, и всех его друзей — комсомольцев, не зная еще, какая непреодолимая сила была заключена в этих вихрастых пареньках и девушках с косичками, перевязанными ленточкой. Сколько раз потом, когда мы на фронте узнали о славных делах комсомольцев-краснодонцев, вспоминал я дни, проведенные в Краснодоне, стараясь воспроизвести в памяти все детали, которые могли бы дополнить, дорисовать образы героев-ребят, близких сердцу каждого советского человека.

Мне, может быть, особенно близки они еще и потому, что Краснодон для меня явился тем местом, где началась моя новая жизнь — жизнь члена Коммунистической партии. Партийный билет, врученный мне возле боевого самолета, — был документом, звавшим на новые боевые дела, документом, требовавшим новых, еще более целеустремленных усилий в борьбе за свободу и независимость нашей Родины. Это чувствовал я сам, эту мысль в теплых, проникновенных словах выразил и член нашего партийного бюро летчик Крюков, поздравивший меня с таким серьезным событием.

— Помни, Саша, — сказал он, — теперь ты не просто летчик. Теперь ты летчик-коммунист...

Свою роль коммуниста я понимал так: быть во всем впереди — в боях и в учебе. Моя преданность партии и советскому народу должна выражаться не только в личной отваге. Без этого, конечно, я бы не мог считать себя коммунистом. Мой партийный долг — не только быть храбрым и умелым, не только показывать личный пример в бою, но и вести за собой других, воспитывать в них то боевое мастерство, которое в сочетании с жгучей ненавистью к врагу в конечном счете должно было принести победу...»

Но время для решающих воздушных сражений еще не пришло. Лишь в мае начали формироваться заново авиационные дивизии, призванные стать основными боевыми единицами.

Двадцать второго мая 1942 года шестнадцатый гвардейский полк включили в состав вновь созданной двести шестнадцатой истребительной дивизии, командование которой принял Герой Советского Союза генерал-майор Владимир Илларионович Шевченко, комиссаром дивизии был назначен Мачнев — тот самый полковой комиссар, с которым нынешние гвардейцы повстречались за полгода до этого в Таганроге в памятных всем трагических обстоятельствах. Он был все такой же — сухопарый, подтянутый, с жесткими чертами лица. Только в густой черной шевелюре прибавилось серебряных нитей.

Шевченко и Мачнев были довольны тем, что шестнадцатый гвардейский авиаполк вошел в состав дивизии, которой им предстояло руководить, — они были наслышаны о его боевых делах. Гвардейцам предстояло стать ударной силой этого соединения: ведь в подчинении у гвардии подполковника Иванова было двадцать восемь обстрелянных в боях летчиков.

Посещая эскадрильи, комдив и комиссар старались поближе познакомиться с людьми. Впечатление складывалось благоприятное. Воинская закалка, дисциплина, боевой опыт выгодно отличали этот полк. Особенно хорошо шли дела у Крюкова, которого Мачнев помнил по встрече в Таганроге, — летчики его эскадрильи в совершенстве овладели «Яковлевыми».

После некоторого затишья бои разыгрались с новой силой. Уже одиннадцатого мая гитлеровцы перешли в наступление на Керченском полуострове. Двенадцатого мая начались кровопролитные бои на харьковском направлении.

Саша Покрышкин в эти дни часто склонялся над картой, задумываясь о том, как сложится новая военная кампания и какое место в ней будет отведено Южному фронту. Хотелось думать, что лето 1942 года будет совсем не таким, каким было лето прошлого года, и что линия фронта начнет наконец быстро передвигаться на запад. Хотелось бы!.. Но сводки с фронта, которые вначале порадовали было Покрышкина и его друзей, снова становились тревожными.

После того как наши армии, начав наступление на харьковском направлении, прорвали фронт гитлеровцев и ушли вперед, сжимая клещи вокруг Харькова, начались новые неудачи, и это были страшные неудачи: гитлеровцы, также готовившие большое наступление в районе Харькова и сосредоточившие для удара мощные силы, быстро провели перегруппировку, отсекли прорвавшиеся на запад советские войска и начали контрнаступление.

Второй фронт, обещанный союзниками, так и не был открыт. Гитлеровцы все еще располагали огромной военно-технической мощью и хорошо обученными резервами: летом 1942 года они смогли сосредоточить на восточном фронте до двухсот тридцати дивизий. Притом на этот раз около сорока процентов пехоты и кавалерии и более половины всех танковых и моторизованных соединений они направили на южное крыло фронта: Гитлер решил нанести главный удар не в районе Москвы, где были созданы мощные оборонительные позиции, а на юге. В ставшей известной гораздо позднее гитлеровской директиве номер сорок один говорилось: «Первоначально необходимо сосредоточить все имеющиеся силы для проведения главной операции на южном участке фронта с целью уничтожить противника западнее реки Дон и в последующем захватить нефтяные районы Кавказа и перевалы через Кавказский хребет».

Немецкий генерал Цейтцлер впоследствии так определял далеко идущие замыслы своего командования на лето 1942 года: «Планируя летнее наступление 1942 года, Гитлер намеревался прежде всего захватить Сталинград и Кавказ. Осуществление этих намерений, безусловно, имело бы огромное значение. Если бы немецкая армия смогла форсировать Волгу в районе Сталинграда и таким образом перерезать основную коммуникационную линию, идущую с севера на юг, и если бы кавказская нефть пошла на удовлетворение военных потребностей Германии, то обстановка на Востоке была бы кардинальным образом изменена и наши надежды на благополучный исход войны намного возросли бы...»

Всего этого, конечно, не знал и не мог знать рядовой истребитель советских Военно-Воздушных Сил, молодой коммунист Саша Покрышкин. Ведь этого не знали даже его самые большие начальники. Но сердцем, душой, молодым умом своим Покрышкин и его друзья чувствовали приближение новых грозных испытаний. Они прекрасно понимали, что вот-вот придется возобновить самую ожесточенную борьбу с превосходящими силами противника, накопление которых они явственно видели во время своих дерзких разведывательных полетов в тылы гитлеровских армий.

За себя и за своих соратников Покрышкин был спокоен: они встречали второе военное лето во всеоружии накопленного боевого опыта, да и молодежь уже понюхала пороху и была готова к боям. Тревожило другое: все еще маловато было боевой техники, хотя, вообще говоря, вооруженность наша значительно возросла по сравнению с 1941 годом, да и техника теперь была лучше. Двести шестнадцатая истребительная авиадивизия пока что располагала лишь тридцатью семью самолетами. Это были три МиГ-3, семь скоростных Як-1, восем-

надцать ЛаГГ-3 и девять стареньких самолетов И-16. Между тем дивизии было поручено выполнение больших и сложных задач. Истребители генерал-майора Шевченко обеспечивали разведкой все правое крыло Южного фронта, контролируя площадь около пяти тысяч квадратных километров.

Летчики теперь летали в разведку по четыре-пять раз в день, прорываясь с боями к Артемовску, Краматорску, Константиновке, Дебальцеву, Славянску, Красному Лиману и другим донецким городам. Иногда в разведку приходилось снаряжать группы до десяти самолетов — так сильно было противодействие немецких истребителей.

Кроме того, летчикам двести шестнадцатой дивизии часто приходилось сопровождать штурмовиков и бомбардировщиков, прикрывать свою пехоту на переднем крае обороны и штурмовать атакующие немецкие войска. Основную тяжесть боевой работы дивизии выносили на себе гвардейцы 16-го полка.

События развертывались в нарастающем темпе. Гитлеровцы, стянув мощные резервы, сильными таранными ударами прощупывали советскую оборону на разных участках, готовясь к новому большому наступлению.

В один из этих напряженных дней Пал Палыч Крюков, теперь тоже капитан, вылетел, как обычно, в разведку, чтобы посмотреть, что делается в районе Изюма. Немцы преградили ему путь более сильным, чем обычно, зенитным огнем и выслали на перехват группу «мессершмиттов». Крюкову удалось перехитрить гитлеровцев: прячась за облаками, он все-таки сумел пробраться к Изюму. Здесь он спикировал на Славянское шоссе и обмер от неожиданности: от Изюма через Каменку и Голую Долину на Славянск и дальше — на Краматорск — тяну-

лась сплошная колонна немецких автомобилей, танков и артиллерии.

Фашистские истребители, патрулировавшие над колонной, устремились наперерез Крюкову, но он все-таки ушел. Приземлившись на своем аэродроме, он трясущимися от волнения руками расстегнул ремни, сбросил парашют и со всех ног устремился на командный пункт. Узнав о том, что гитлеровцы перебрасывают в Донбасс крупные силы, командование выслало в район Славянска новую, усиленную разведку; колонну сфотографировали, и вся бомбардировочная и штурмовая авиация фронта в течение двух суток непрерывно обрабатывала ее. Все же гитлеровцам удалось перебросить в район Лисичанска большое количество войск, и надо было ждать, что немцы в ближайшие дни предпримут новую наступательную операцию.

Советское командование произвело некоторую перегруппировку. 16-й гвардейский полк был переброшен в маленький пыльный поселок, носивший громкое название Смелый,— летчики невесело острили, что теперь под таким прикрытием им не страшны никакие опасности. И как только завязались бои под Лисичанском, гвардейцы снова приняли на себя всю тяжесть боевой работы на направлении главного фашистского удара.

В эти жаркие дни Покрышкин, как и все «старички», летал на «Яковлеве». Эскадрилья, в которой он служил, почти непрерывно с утра до позднего вечера находилась в воздухе: самолеты садились только для зарядки горючим и пополнения боеприпасов.

Постепенно начала выдвигаться молодежь. Андрей Труд, который совершил уже семьдесят девять боевых вылетов и провел восемь воздушных боев, был награжден орденом Красной Звезды. Неплохо дрался Супрун. Командование поставило всем в пример его благородный поступок: в неравной схватке с группой «мессер-

шмиттов» Супрун заслонил своим самолетом подбитую машину Труда и дал ему возможность выйти из боя...

Полтора месяца держали наши войска оборону на Северском Донце. Две тысячи семьсот девяносто шесть боевых вылетов сделали за это время летчики двести шестнадцатой истребительной дивизии, хотя были у них считанные самолеты, да и те все чаще нуждались в ремонте. Истребители вели разведку на широком фронте, штурмовали войска противника, сбивали гитлеровские самолеты. Фашисты, наступавшие по широкой дуге — от Волчанска через Россошь и Кантемировку на Богучар и Миллерово, — уже нависли над тылами частей, стойко оборонявшихся на берегу Донца под Лисичанском, и летчикам часто приходилось теперь летать на восток, чтобы штурмовать вражеские колонны.

В своей записной книжке командир дивизии для памяти записал табличку:

22.5 — 10.7 Уничт. и поврежд.:

автомобилей	— 570	49 возд. боев;
танков	— 6	сбито 39 самолетов;
зенитных точек	— 110	подбито 7;
пехоты	— 3000	на аэродромах 14.

Итого уничтожено 53 самолета.

Потеряли 16 самолетов (9 летчиков).

Баланс был неплохой, и генерал Шевченко внутренне гордился тем, что молодая дивизия сумела выдержать свое первое и притом такое жестокое испытание.

Одиннадцатого июля дивизия получила приказ отойти в район Шмидт — Буденновка — Краснодон. Общее военное положение обострилось еще больше. Фронт дивизии

значительно расширился. Теперь она должна была вести разведку на значительном расстоянии — от Старобельска до Морозовского. Только за четыре дня летчики сделали триста пятьдесят три боевых вылета на разведку и штурмовку. Гитлеровцы быстро продвигались вперед, и уже шестнадцатого июля 1942 года дивизия вынуждена была снова отойти к Ростову.

Напряжение борьбы достигло наивысшей точки. Обстановка на фронте непрерывно менялась. Все находилось в движении. Надо было неослабно, час за часом, следить за положением войск противника и своих частей. Гитлеровцы буквально заволокли небо, бросив в бой многие сотни самолетов. И все-таки гвардейцы мужественно делали свое дело. Только за один день девятнадцатого июля Крюков, Фигичев, Покрышкин, Труд и другие летчики охватили разведкой площадь свыше шестидесяти тысяч квадратных километров!

В районе Ростова гвардейцы пробыли неделю, но неделя эта показалась им годом. Когда потом Саша Покрышкин вспоминал Нахичеванский аэродром, перед его глазами вставали пылающие здания, черные, зловеще искривленные крылья немецких пикировщиков, сбрасывающих бомбы на аэродром, пламя взрывов, кровь на траве, дымящиеся воронки... Гитлеровцы блокировали наши аэродромы, и все-таки наперекор всему истребители ухитрялись взлетать, вести разведку и бить фашистов.

В записной книжке командира дивизии появилась после этих дней новая лаконичная запись:

15.7. — 21.7. Уничт. и поврежд.:

переправ	— 6	570 вылетов;
авто	— 200	
танков	— 30	из них на штурмовку — 392;

батарей ЗА — 4
пехоты — 800

сбито 5 немецких самолетов.

Потеряли 24 самолета (14 летчиков).

Двадцать первого июля летчики отошли за Дон. Гвардейский полк, непрерывно участвовавший в боях, таял на глазах. Пополнений взять было неоткуда. Вскоре был ранен командир полка. Подполковника Иванова заменил штурман полка, бывший политработник Исаев. Он так и не успел получить строевого звания и принял остатки полка как батальонный комиссар. Вскоре Исаев стал майором, потом подполковником, и провоевал с шестнадцатым гвардейским полком до весны 1944 года. Но тогда, в июле сорок второго, Исаев был не рад своему назначению — уж больно тяжка была обстановка, да и численность полка резко сократилась. В строю оставалось совсем мало самолетов и летчиков — уцелела лишь небольшая группа ветеранов, которые, не щадя себя, летали из боя в бой...

То была, пожалуй, самая трудная, критическая пора войны. Забыть ли солдатам пыльные кубанские дороги, забитые толпами уходящих на юг и на восток людей?

Забыть ли разрушенные нефтяные промыслы Майкопа и пожары Армавира?

Снова, как и в прошлом году, мчались по русским степям гитлеровские мотоциклисты, снова ревели немецкие танки. Правда, на этот раз фашисты уже не были в силах наступать одновременно по всему фронту — от Баренцева до Черного моря. Они не решились повторить лобовую атаку на Москву. Но их натиск все еще был силен. Настолько силен, что им удалось-таки завладеть Доном, прорваться к самой Волге, раскинуть свои походные палатки на северных склонах Кавказских гор.

Казалось, надо было иметь железное сердце и нечеловеческие нервы, чтобы выдержать это все заполонившее гитлеровское нашествие. Но где набраться железных

сердце? И вот рядовые советские люди со всеми своими обыденными чертами — хорошими и плохими — творили великое множество поразительных военных дел, какие, казалось, были бы не под силу самым могучим из былинных богатырей.

Люди шестнадцатого гвардейского полка, как и тысячи их собратьев по оружию, меньше всего рассуждали в те дни о том, по силам им или не по силам задача, выпавшая на их долю. Не мудрствуя, они летали в бой по четыре-пять раз в день; горько сетовали на военные неудачи, воспринимая потерю Кантемировки и Богучара, как собственное поражение, хотя стояли они далеко от тех мест; люто ругали проклятого Гитлера; тужили, что в полку маловато самолетов; экономили бензин; ворчали на нерасторопных интендантов из БАО, которые не могут обеспечить летчиков хорошими папиросами; а в час удачи шутили и рассказывали анекдоты.

Самолюбивый и немного замкнутый Покрышкин, лихой и бесшабашный Фигичев, сосредоточенный и деловитый Крюков, бойкий и порывистый Труд — они все были разными, совсем не похожими друг на друга людьми, каждый со своими достоинствами и слабостями. Но они стояли в строю локоть к локтю и вместе делали общее дело. Взятые вместе, они составляли боевой коллектив, крепкий и сильный, уверенный в себе, обладающий теперь уже солидным военным опытом. Да и не только военным — они приобрели за эти четырнадцать месяцев большой жизненный опыт. Война заострила черты человеческих характеров. Она безжалостно сломала и раздавила в людях все слабое, напускное, но зато сильным чертам дала закалку.

И теперь, вспоминая в редкие свободные минуты пережитое, капитан Покрышкин с удовлетворением отмечал, что самое трудное, по-видимому, осталось уже позади. Притупилась боль утрат, ожесточилась душа, холоднее стала голова, тверже рука.

Конечно, было больно, мучительно думать и помнить о том, что фашисты снова идут вперед, что они теснят нас к Волге, к астраханским пескам, к ущельям Кавказа. Но спасала упрямая, неистребимая вера в то, что все это — временное, что фашистам недолго осталось радоваться и что где-то там, в таинственных, сокровенных далях Урала и Сибири формируется несметное советское войско, которое в назначенный час — вернее всего зимою — опять погонит гитлеровцев на запад.

И в ожидании этого часа гвардейцы дрались люто и необыкновенно упорно.

КТО ИЩЕТ, ТОТ НАХОДИТ

Где-то под обрывом вздыхает море, лениво пережевывая гальку. По стене перебегают круглые светлые зайчики — теплый южный ветер ерошит листву старого сада. Через открытое окно льются острые, терпкие, пестрые запахи: морская соль, рыба чешуя, спелые яблоки, цветущий табак. Тихий рыбацкий поселок, прилепившийся над берегом Каспия, дремлет в лучах ласкового сентябрьского солнца.

Можно сойти вниз, к морю, на пляж, где лежат забытые рыбаками старые сети, переплетенные рыжими волосатыми водорослями. Можно посидеть на камнях увитой зеленым плющом полуразвалившейся романтической крепости. По преданию, здесь когда-то жили солдаты Петра I. Можно полежать на берегу ледяной горной речки, орошающей виноградники, — согретые солнцем гроздья матово-синих ягод сами просятся в руки. Здесь мир, тишина и спокойствие, кажется, разлиты в самом воздухе.

Но нет, не хочется к морю, не тянет в старую крепость, не радуется душа говорливой речке и богатому, нетронутому винограднику. Тонкая рука девушки с точным профилем и копной золотых волос лежит на смятом

газетном листе с кричащими тревожными заголовками. Задумчиво перечитывает она проникнутое страстью и болью солдатское письмо, напечатанное в «Комсомольской правде»:

«Девушки! Хорошие, чудесные, милые наши девушки! Мы знаем — трудно вам сейчас, очень трудно. Какими словами выразить боль расставания? Как рассказать о дружбе, нити которой растянуты на тысячи километров? Если бы не фашисты, вы учились бы в школах и вузах, а после работы ходили бы в парки и на каток. Мы не простили бы вам ни одной пропущенной лекции. Мы не позволили бы вам работать, по двое суток не выходя из цехов. Но сейчас нам не обойтись без ваших рук. Руки ваши, заботу, ласку мы чувствуем везде: в письме, в противотанковом патроне, в банке консервов, в моторе танка, в славном полушубке. Красноармейское спасибо вам! После войны вернемся, погладим ваши маленькие руки. После войны долюбим, допоем, догуляем. А теперь надо работать, работать и воевать».

Девушка вздохнула, подняла голову, прислушалась. Все было тихо, только назойливые цикады звенели в саду. Никто не шел сегодня на прием, и дежурной сестре нечего было делать. Она снова склонилась над этим, не раз уже читанным письмом:

«Мы все свои, мы все советские по крови и убеждениям. Но есть еще среди нас люди, которым легко живется, которые хотят уйти от войны и порхают, как мотыльки, приговаривая: «Война все спишет». Нет, война ничего не спишет, запомните это, пожалуйста. Война только припишет: одним славу и бессмертие, другим — позор. После войны мы рассчитаемся на первый и второй. Мы укажем, кто должен пройти первым перед Мавзолеем Ленина в праздник победы и кто в этот день останется в тени...»

Девушка задумчиво сложила газету, встала, расправив складки своего аккуратного черного платья, сшитого

из двух перекрашенных солдатских гимнастеров, и прошлась по комнате маленького домика санчасти БАО. Двое выздоравливающих техников, накинув халаты и свесив с коек ноги, играли в шахматы. Сияли белизной свободные койки. Нигде ни пылинки. Цветы на подоконниках политы, стекла в шкафу с инструментами протерты до блеска. Нет, поистине невыносима эта спокойная, размеренная жизнь в такое трагическое время! Об этом ли мечтала Мария, добровольно поступая на военную службу?

Где-то далеко-далеко остался родной Харьков, разбрелись, растерялись друзья, погибли в огне любимые книги, потускнела мечта об институте. Там, в Харькове, теперь немцы. Через линию фронта просачиваются лишь редкие, скупые весточки о том, что там творится. И так они невероятны, страшны и дики, что мозг отказывается понять и поверить, хоть и многое уже теперь известно о фашистах.

Здесь, у Каспия, пока тихо — война гремит по ту сторону гор, где-то там, у стен безвестного городка, который раньше и знали-то по одной фразе поэта: «В Моздок я больше не ездок». А теперь этот Моздок каждый день фигурирует в сводках. Вот бы попасть туда, а не в этот злосчастный поселок. У, как все-таки не повезло Марии!..

Конечно, и в этой глуши нужны люди. Здесь, на узкой полоске земли, между скалами и водой сейчас растянулась длинная цепочка аэродромов. Выскакивая из самого пекла битвы, измотанные нечеловечески трудной, затяжной борьбой, авиационные полки садились здесь, чтобы переформироваться, принять пополнение, отремонтировать старые и получить новые самолеты, наконец, просто немного перевести дух. Тишина, солнце, море ошеломили фронтовиков. Запах цветов, пение птиц, блески луны на морской воде — все это доходило до сознания не как реальность, а как далекое, неясное и дорогое воспо-

минание. Люди успокаивались, начинали ровнее дышать, веселее глядеть.

Надо было создать все условия, чтобы летчики, попадающие сюда с фронта, не только успешно сделали свои дела, но и хорошо отдохнули. И работники БАО старались держать свое хозяйство в образцовом порядке. Марии доставляло истинное удовольствие глядеть, как посвежевшие, окрепшие люди с шутками, с песнями улетали обратно на фронт. И все-таки это было совсем, совсем не то, на что она рассчитывала, добровольно вступая на службу в БАО...

Мария еще раз горько вздохнула, достала из шкафчика томик Гюго и села дочитывать «Отверженных».

— Опять читаешь? — Мария оглянулась и увидела Нину — хохотушку и певунью, вечно занятую своими сложными романтическими историями, мешавшими ей работать. Скорчив гримасу, Нина подошла к зеркалу и начала сосредоточенно пудрить нос. Изредка оборачиваясь в сторону Марии, она недоуменно пожимала плечами: и охота же этой глупой девчонке корпеть над книгой? Можно было бы гораздо веселее коротать свой досуг...

— Да, ты знаешь, Маша, — вдруг деловито сказала она, — сегодня новенькие прибыли. Шестнадцатый гвардейский полк! — И зажмурившись, она потянулась: — Гвардейцы! Ты представляешь?

Мария с досадой пожала плечами:

— Не все ли равно, какой полк прилетел...

Нина обернулась:

— Ну как знаешь! — сказала она с оттенком жалости и выбежала из санчасти.

Опустив книгу, Мария опять задумалась. Легко жить таким, как Нина! Но как забыться, как отвлечься от мысли о том, что сейчас происходит там, откуда прилетели эти гвардейцы? И как смириться с тем, что ты жи-

вешь сейчас совсем не так, как твои подруги, которым удалось попасть на передний край?

В соседней палате завели патефон. Чей-то высокий и сильный голос пел:

Коли жить да любить, все печали растают,
Как тают весною снега...
Цвети, золотая,
Звени, золотая,
Моя дорогая тайга...

Послышались шаги, с шумом открылась дверь, и на пороге встали двое летчиков — широкоплечий, лет под тридцать, с упрямым, резко очерченным лицом капитан и долговязый, совсем еще молоденький лейтенант с большими серыми глазами и мягким широким ртом. На груди у капитана был орден Ленина, у лейтенанта — Красная Звезда.

— Ого! — сказал хриловатым, немного невнятным голосом капитан. — А здесь мою любимую песню слушают... — и он с любопытством посмотрел на Марию.

— Вы что, на прием? — спросила та без лишних слов.

— Никак нет, сестрица, — ответил за капитана лейтенант, видимо, не привыкший за словом лезть в карман, — обозреваем незнакомые местности...

— Тогда пройдите к морю или в сад, — холодно сказала Мария, — а здесь — санчасть...

— Зачем же так строго? — спросил капитан и, подойдя поближе, взял со столика книгу и начал перелистывать ее. — Может быть, дадите почитать?

Мария ответила, что книга не ее, но капитан стал просить так настойчиво, обещая завтра вернуть, что она уступила.

— Ну ладно, — вздохнул капитан, — раз нас встречают так сурово, пойдем отсюда.

Лейтенант поднял фуражку, галантно раскланялся, и они удалились. Мария проводила летчиков взглядом и

вдруг поймала себя на мысли о том, что ей стало жалко,— почему они так скоро ушли. Это было тем более странно, что, в сущности, они не успели познакомиться,— она даже не узнала, как их зовут. Ей не понравилось, как разглядывал ее капитан, но было что-то в нем такое, что заставило ее как-то восторговаться,— наверное, это был человек большой силы воли.

Назавтра капитан не пришел, и Мария пожалела, что дала книгу незнакомому человеку: где теперь ее искать? Не пришел он и на третий день. И вдруг некоторое время спустя, регистрируя больных, пришедших к врачу, Мария увидела капитана. По его лицу она заметила, что у него жар. Рука у Марии почему-то дрогнула. Не желая показать, что встреча эта чем-то ее тронула, она безразличным тоном спросила, записывая его на прием:

— Фамилия?

— Покрыш...— капитан сказал это быстро, словно чего-то стесняясь, и Мария не разобрала окончание.

— Простите, я не поняла.

— По-крыш-кин,— обиженно протянул он по слогам.

У капитана оказалась температура около сорока градусов, и его уложили в малую палату, в которой лежал уже один летчик, страдавший жестоким приступом малярии. Доктор сказал, что у капитана острая форма гриппа.

Покрышкин лежал неподвижно на спине, уставив взгляд в потолок. В ушах не стихал тихий, настойчивый звон. Толчки пульсирующей крови болезненно отдавались в висках. Во рту высохло. Он терпеть не мог болеть и за всю войну ни разу не прибегал к помощи врачей. Надо же было случиться такой неприятности именно здесь, в теплом, солнечном крае!

Саша не хотел признаться себе, что белокурая сестра в черном платье чем-то задела его, вывела из состояния привычного душевного равновесия. Он уже свыкся с

мыслью о том, что на роду у него написано остаться бо-былем, и подобные встречи обычно нисколько не трога-ли его, а тут вдруг, как мальчишка, расчувствовался. И он, стараясь отвлечься от этих непривычных и стеснительных ощущений, в сотый раз ворошил в памяти пережитое за минувший трудный месяц.

Какой, в сущности, страшный, тернистый путь прой-ден гвардейцами! В разгоряченном усталом мозгу Саши мелькали с лихорадочной быстротой обрывки воспоми-наний. Горестный отход из горящего Батайска. Отчаянный воздушный бой над станицей Гетмановской, когда По-крышкин с пятеркой истребителей атаковал группу из пятнадцати «Мессершмиттов-110», которые шли на бом-бежку соседнего аэродрома,— тогда пятерка Покрышки-на на глазах у всего полка сбила пять «Мессершмиттов-110». Ранение командира полка. Бесконечные переброс-ки с одного аэродрома на другой. Горящие города и села. Угрюмый Хасавюрт. Тщетные попытки продлить жизнь окончательно отказывающихся служить самолетов. Гибель Супруна: в Беслане на взлете обрезал мотор...

Дивизия осталась там, среди скал на Тереке. Сдав последнюю девятку самолетов подошедшему на смену со своими двенадцатью самолетами сорок пятому истре-бительному авиационному полку подполковника Дзусо-ва, гвардейцы девятого августа отбыли сюда, на берег Каспия, на переформирование,— им предстояло освоить новый скоростной истребитель, появление которого на фронте должно было явиться большим неприятным сюрпризом для гитлеровских летчиков.

Сколько продлится период переучивания? Наверное, долго. Ведь надо не только освоить новую материальную часть, не только в совершенстве овладеть новым самоле-том, но и найти принципиально новые методы примене-ния его в бою. Новый самолет — новая тактика!

Для Покрышкина, как и для всех, было большой не-ожиданностью, что командование снимает с фронта гвар-

дейский полк в критическое время. Казалось, теперь, когда там, на Тереке, все поставлено на карту, каждый летчик, тем более опытный,— на вес золота. Садиться за книги и чертежи в такой момент было как-то неловко и стыдно. Так прямо, начистоту, гвардейцы все и выложили сопровождающему их Мачневу.

Бригадный комиссар поглядел на возбужденных летчиков, устало усмехнулся и сказал:

— Сверху все-таки виднее, товарищи!.. Помните, в прошлом году, когда вас отводили в тыл из Таганрога, Крюков ко мне приходил с такими же рассуждениями... На что уж Пал Палыч Крюков спокойный человек, а и он тогда думал, что на Таганроге свет клином сошелся. А что получилось?.. Конечно, нам трудновато тогда пришлось, но выдержали. Выдержим и теперь. Вас сменяет полк Дзусова, подойдут и другие... А потом, кто знает,— может быть, и опять встретимся. Война-то ведь долгая...

За этот месяц гвардейцы успели близко познакомиться с комиссаром. Летчики привыкли к нему, и хотя он был строг и суховат в обращении, но постепенно люди начали понимать, что то, чего он добивается, действительно необходимо. Раньше кое-кому казалось, что дело политработников — проводить собрания, читать лекции, раздавать газеты, интересоваться, хорошо ли накормлены люди,— вот, пожалуй, и все. Но жизнь показала, что комиссар, как и сами летчики, живет главным, что сейчас является вопросом жизни и смерти,— воздушными боями. И хотя сам он не летает, но в душе летчика и его переживаниях разбирается подчас не хуже, а даже лучше, чем те, кто в одной пятерке или паре вылетает с ним на выполнение боевого задания.

Больше того, оказалось, что он, регулярно встречаясь и беседуя с глазу на глаз с человеком, который вдруг в сложной обстановке приуныл или просто захандрил, может поднять его боевой дух, дать ему, что называется, правильное направление.

И еще: после двух-трех собраний, на которых Мачнев сам выступал с докладами, оказалось, что и собрания эти, на которые раньше кое-кто смотрел скептически,— нужны ли они в боевой обстановке? — могут быть важным делом, помогая воевать. Комиссар умел взять людей за живое, разогреть их, заинтересовать.

Покрышкин долго присматривался к комиссару как бы со стороны. В приятельских беседах с ним кое-кто высказывал недовольство придирчивостью Мачнева: к чему эти постоянные напоминания о строевой дисциплине, требования, чтобы пуговицы на гимнастерках всегда были застегнуты, чтобы люди не забывали отдавать честь друг другу, чтобы рапортовали по форме?

Вначале некоторые ветераны полка повиновались этим требованиям нехотя, лишь бы избежать неприятных объяснений с начальством. Однако постепенно воинская подтянутость, о которой забывали в первые месяцы войны, снова входила в привычку. И Покрышкин почувствовал, что эта привычка благоприятно сказывается и на боевой работе летчиков. Стало быть, комиссар был прав...

Покрышкин заворочался на койке. Он почувствовал, что щеки горят еще сильнее,— наверное, температура опять поднялась.

— Сестра! — хрипло позвал он.— Сестра...

В палату скользнула Нина. Увидев ее фарфоровое личико, Саша нахмурился.

— А где та... Ну, которая меня записывала?.

Нина немного обиженно сказала:

— Мария? Она окончила дежурство...

Саша закрыл глаза. Мария... Какое хорошее русское имя! Ему почему-то захотелось сейчас увидеть эту девушку, и он, приподняв голову, упрямо сказал:

— Все равно... Позови Марию...

Нина пожала плечами и вышла. Через несколько минут она вернулась и сказала:

— Она говорит: «Я не дежурю, и нечего мне там делать». И не пошла...

Саша молча отвернулся к стене и натянул одеяло на голову.

Мария приняла дежурство утром. Нина, зевая, сказала ей:

— Чудачка ты! Гвардеец, капитан, орденоносец... А она нос дерет. Подумаешь, царевна-недотрога! Он, можно сказать, ночь не спит...

— Хватит,— оборвала разговор Маша, подняв брови.— Давай карточки... Что, истории болезней опять не заполнены?

Нина искательно улыбнулась:

— Ну, Марусенька, ты уж сама...

Мария взяла градусник, часы и блокнот и начала обход палат. Капитан Покрышкин спал. Ей не хотелось его будить, и она, осторожно приподняв руку, поставила термометр под мышку спящему. Капитан открыл глаза. Взор его на мгновение блеснул, но тут же он потушил его и с деланной сердитостью сказал:

— Чего ты мне спать не даешь?..

Мария молча дождалась, пока термометр нагреется, записала его показания и ушла.

После завтрака она села что-то писать. Через открытую дверь увидела, что сердитый капитан сел бриться. Он перехватил ее взгляд и покраснел. Мария склонилась над письмом. Покрышкин порезался и проворчал:

— Сестра! Ты зачем на меня смотришь? Мешаешь бриться.

Мария вздохнула и перешла на другое место. Ей казалось, что этот странный, грубоватый фронтовик смеется над ней. Она была бы рада вовсе не разговаривать с ним, но Нина оставила незаполненным бланк истории болезни, и надо было идти к капитану.

Увидев в руках Марии казенный бланк, Покрышкин вздохнул:

- Опять будешь писать?..
- Имя, отчество? — спросила Мария.
- Александр Иванович...
- Год рождения?
- Девятьсот тринадцатый...
- Ваш домашний адрес?
- Новосибирск, улица Лескова, 43а...

Покрышкин усмехнулся самому себе: сколько лет прошло с тех пор, как он в последний раз прошел по улице Лескова? Мария почувствовала вдруг, что у нее часто-часто заколотилось сердце: у него есть домашний адрес, он, наверное, женат... И дети, может быть, есть... Кто же в двадцать девять лет живет без семьи?.. Она чувствовала, что капитан неотрывно смотрит на нее, и это волновало ее еще больше: много их таких — домой небось нежные письма пишет, а здесь на чужих девушек засматривается. И книгу взял... Небось и читать не будет, только ради знакомства унес томик Гюго...

День прошел скверно, тоскливо. Вечером доктор назначил капитану банки. Эту процедуру поручили Марии.

Пока нагретые банки оттягивали кровь, Мария молча сидела рядом с койкой больного. Капитан, повернув к ней лицо, разглядывал ее тонкий строгий профиль, озаренный коптилкой, стоявшей на столе. В полумраке светлые волосы сестры, красиво обрамлявшие голову, светились, словно пух, и она вся казалась Саше какой-то удивительной, необычайной, словно привидевшейся во сне.

Он задал ей несколько неуклюжих вопросов, потом вдруг стал рассказывать о себе, о Сибири, о широкой Оби, о Краснодаре, о Бессарабии, о том, как дрался в воздухе. Вначале Мария слушала его рассеянно, пропуская слова мимо ушей, но потом заинтересовалась. Капитан говорил неуклюже, скороговоркой, подчас теряя слова, но было в его рассказах что-то неотразимо при-

влекательное — они были насыщены живыми, полнокровными деталями.

Когда Мария собрала банки, капитан, взяв ее за руку, осторожно и настойчиво посадил на стул и попросил:

— Посиди еще немного. Ведь у тебя сейчас совсем немного работы...

Мария хотела встать со стула, но не смогла. Так она и просидела возле капитана до ночи, слушая его рассказы. Когда же прозвучал отбой, пожелала ему спокойной ночи, взяла коптилку и ушла в комнату дежурного врача. Щеки горели, и ей трудно было сосредоточиться.

29 сентября 1942 года Покрышкин выписался из санчасти и вернулся в полк. Уже начиналась углубленная, серьезная учеба. Пока не были получены новые самолеты, люди вспоминали теорию полета, изучали и продумывали накопленный опыт, решали тактические задачи.

Товарищи сразу заметили, что Покрышкин резко изменился, вернувшись из санчасти. Он стал как-то приветливее, веселее, общительнее, словно помолодел лет на восемь. Андрей по секрету рассказал кое-кому об очаровательной сестрице из санчасти БАО, но никто не смел обидеть Сашу каким-нибудь намеком, — все знали, как остро он воспринимает шутки на свой счет. И только Андрей позволил себе сказать:

— А здорово тебя вылечили в санчасти! Вот бы мне к этой кудеснице!..

Против обыкновения, Саша не насупился, а весело улыбнулся:

— Да, брат, лечение мировое!..

И в самом деле, Покрышкин чувствовал себя необыкновенно хорошо. Испытывая огромный прилив энергии, он работал, как вол. Пожалуй, именно теперь он впервые почувствовал, как много сил накопилось в нем за эти годы. До сих пор он лишь непрерывно впитывал в себя

наблюдения, опыт, знания, впитывал жадно, постоянно, непрерывно. Теперь пришло время этот опыт реализовать.

Особенно остро запоминаются летчику неудачи. На всю жизнь остаются в памяти приглушенный ревом мотора треск рвущихся над ухом чужих снарядов, зловеющая струя пламени, облизывающая внезапно обнажившийся призрачный скелет крыла, резкий рывок машины от потери управления. Война есть война, и даже самому искусному летчику не избежать таких неприятностей.

Покрышкину, как и любому, эти воспоминания причиняли досаду и боль. Но уйти от них невозможно — они обычно становятся частью человеческого существования. И Саша с присущим ему упрямством заставлял себя мужественно признаваться: вот здесь ты был не прав, вот тут твою машину подбили потому, что ты совершил такую-то ошибку, вот там можно было бы сманеврировать удачнее, и результат был бы совсем иным.

Он припоминал не только свои неудачи — в памяти его жили последние атаки Атрашкевича и Соколова, Дьяченко и Селиверстова, Жизневского и Никитина. Потери на войне неизбежны — это старая-престарая истина. Но разве Соколов был менее искусным летчиком, чем Покрышкин, а Никитин — слабее Труда? Что же — им просто не повезло? Бывает и так. Но объяснять все неудачи, совершившиеся в полку за год, одними случайностями было бы наивно. Гитлеровских самолетов больше в воздухе, чем наших? Да, пока что, к сожалению, это так. Но опять-таки дело не только в этом — сколько раз наши летчики выходили победителями из неравного боя! Может быть, причина неудачных боев в недостаточной организованности их участников, в том, что они отдавали предпочтение индивидуальному бою, не заботясь о взаимодействии? Бесспорно, и это вредило делу. И все-таки нельзя все объяснять только этим!..

Было что-то такое, что перекрывало все эти причины,

представлявшие собою лишь частные детали одного общего явления, и Покрышкин снова и снова искал подступы к нему. Теперь он старался переходить от воспоминаний об отдельных боях к какому-то общему представлению о них, от множества картин, ярких и пестрых, к сухой и жесткой схеме, свободной от подробностей, мешающих обобщать и делать выводы.

Испытательные полеты на трофейных «мессершмиттах» дали ему не только уверенность в своей силе — теперь он, конечно, отлично знал уязвимые места немецкой машины и явственно ощущал превосходство новой советской техники. Но, стараясь разобраться в том, что больше всего поразило его в этих полетах, он, как сказано выше, вдруг испытал какое-то странное удивление, смешанное с досадой: ему казалось раньше, что «мессершмитт» гораздо сильнее.

Это старое, укоренившееся в первые месяцы войны представление не было только психологической реакцией на пережитое. Покрышкин отлично помнил, с какой стремительностью, с каким ревом и свистом проходили всегда над нашей территорией «мессершмитты», с какой бешеной скоростью они начинали атаку. Именно это постоянно повторявшееся зрительное ощущение невольно оставляло впечатление о «мессершмитте» как о первоклассной скоростной машине. И вдруг оказалось, что технические возможности немецкого истребителя довольно ограничены — наш «Яковлев-1» по скорости был равен «Мессершмитту-109».

В чем же было дело? В том, что немецкие истребители с первых дней войны эксплуатировали над полем боя свои самолеты на предельном режиме, заботясь о том, чтобы к моменту начала схватки обладать превосходством в скорости. Скорость — сила истребителя! Скорость дает возможность уверенно встретить противника и не только удачно ответить на любой его маневр, но перехватить инициативу и прочно ее удержать.

И еще: умей набрать и сохранить высоту! Хозяин неба тот, кто выше всех. Но для того, чтобы свободно применить вертикальный маневр, надо опять-таки владеть скоростью. Опыт подсказал Покрышкину, что резкое переламывание машины на вертикаль удастся совершить успешно только тогда, когда самолет идет с максимальной скоростью: маневр совершается в считанные секунды.

К сожалению, до той поры в частях еще не придавали такого решающего значения скорости. Считалось, что летчик вправе использовать полную мощность мотора только в момент атаки. Но опыт учил, что воздушные бои при современных скоростях самолетов разыгрываются внезапно и скоротечно, а для разгона требуется известное время. В результате некоторые летчики погибали только потому, что не успевали заблаговременно набрать максимальную скорость.

Нет, надо отказаться от крейсерских скоростей, надо во что бы то ни стало переходить — над полем боя — на скорости, близкие к максимальной, когда самолет в любую секунду готов совершить боевой разворот, горку, иммельман, — любую самую трудную фигуру высшего пилотажа! Вот самолет идет на предельной скорости, врезаясь в упругую массу воздуха. Именно теперь летчик оправдывает чаяния конструктора, который напрягал все свои творческие силы, чтобы заставить холодный неподатливый металл выжать, вытолкнуть еще тридцать, еще сорок километров в час сверх того, что было ранее достигнуто. Каждая жилка, каждый нерв машины напряжены. Она — в полной боевой форме, и достаточно легко, едва ощутимого давления на ручку, чтобы самолет встал на дыбы и сделал все, что требует от него летчик. Сравнить ли этот грозный, стремительный полет с той расслабленной, бесхарактерной походкой, которой бро-

дит над полем боя самолет, мотор которого загружен полезной работой лишь на три четверти своей мощности?..

У Покрышкина всегда захватывало дух от волнения, когда он вспоминал полеты на максимальных скоростях, которые он несколько раз пытался применить при патрулировании с полгода тому назад,— он чувствовал себя уверенно в эти минуты. Но... тут возникало несколько проклятых «но», которые всякий раз выдвигали противники максимальных скоростей. Во-первых, полет на таких скоростях требовал повышенного расхода горючего, а следовательно, время пребывания самолета над полем боя автоматически сокращалось, что всегда вызывало естественное недовольство общевойсковых командиров; всякий раз с передовой звонили в штаб и требовали объяснений — почему истребитель ушел раньше срока. Во-вторых, такие полеты требовали высокой культуры пилотажа — когда самолеты мчатся так стремительно и притом выполняют сложные маневры, очень трудно выдерживать заданное построение, и многие молодые летчики могут отстать, сбиться с толку в сложной обстановке... В-третьих, быстрее изнашивается мотор, а моторов у нас мало...

И все-таки навязчивая мысль о переходе на режим максимальных скоростей не давала покоя Покрышкину. Не может того быть, чтобы нельзя было преодолеть эти противоречия! Сама по себе практика использования самолета на три четверти его возможностей казалась ему настолько отсталой, что мириться с нею он не мог,— бунтовала душа истребителя. Вновь и вновь мысленно возвращаясь к тем огорчительным «но», которые останавливали летчиков, пытавшихся перейти на максимальные скорости, он отбрасывал второе и третье возражения как непринципиальные — сегодня летчики еще не освоились с повышенным режимом эксплуатации самолета, а завтра, когда жизнь потребует от них этого,

они освоятся. Что же касается быстрого износа мотора, то ведь опять-таки война есть война, и редкий самолет выживает в боях теоретически положенный ему срок; больше того — тот, кто, стремясь продлить жизнь мотора, будет летать не на максимальной, а на крейсерской скорости, имеет еще больше шансов быть сбитым. А вот первое возражение оставалось очень существенным...

Как же сделать так, чтобы и самолеты ходили на той скорости, для которой рожден истребитель, и чтобы поле боя было прикрыто как можно дольше? Ответ на этот сложный и трудный вопрос, как это обычно бывает, пришел случайно. Покрышкин вдруг вспомнил аварию на горном шоссе, когда гвардейцы катили на грузовиках с фронта в Махачкалу. Разогнавшись под уклон, грузовик, на котором он ехал, легко взлетел на пригорок, вильнул задом на повороте и чуть-чуть не скатился в пропасть. Покрышкин и Труд отделались легкими ушибами, а несколько человек получили серьезные ранения. Сейчас, когда Саша вспомнил эту историю, его внимание остановила не сама авария — она была случайностью. Ему мгновенно вспомнилось, с какой легкостью набравший скорость на спуске грузовик преодолел крутой подъем и взлетел на гору.

Самолет с боевым снаряжением весит три-четыре тонны. Не только на пикировании, но даже на планировании с газом он моментально набирает скорость, значительно превышающую максимальную. Значит... Черт возьми, но ведь это значит, что если пустить его не по прямой, а вот по такой волнообразной линии, как по горному шоссе, он даже на среднем режиме мотора сможет держаться больших скоростей! Конечно, известная доля скорости будет теряться вследствие лобового сопротивления воздуха. И все-таки... все-таки мощная сила инерции самолета, которой летчик подстегнет мотор, даст возможность гораздо шире использовать возможности машины!

При первом же удобном случае Покрышкин, вылетев в тренировочный полет, попробовал поводить самолет в новой манере. Летчики с земли с любопытством глядели, как ушедшая в зону машина Покрышкина с глухим ревом описывала в небе кривые, то опускаясь, то взвиваясь. Это было похоже на размеренные качания маятника. В совершенстве владея искусством пилотажа, Покрышкин ухитрялся, не теряя высоты, выводить машину в верхнюю точку подъема с таким запасом скорости, что мог тут же перейти в любой боевой маневр.

Результаты проверки одновременно и удовлетворили его и озаботили: он увидел, что расчеты его целиком оправдываются, но в то же время убедился, как трудно будет на первых порах ведомому принаравливаться к ведущему. Надо было добиваться той высшей степени слетанности, когда летчики угадывают замыслы друг друга по каким-то совершенно неуловимым признакам и моментально на них реагируют. Иначе все пошло бы прахом — самолеты, непрерывно маневрируя по вертикали, могли бы разбрестись, растерять друг друга...

Добиться такой слетанности трудно, но не невозможно. Убедившись в этом после нескольких полетов в зону с лучшими летчиками своей эскадрильи, Саша немного успокоился и начал думать о том, как применить на практике новые возможности. Было совершенно ясно, что та скоростная машина, которую вот-вот получит на вооружение полк, потребует и новых методов боевого применения. Стало быть, необходимо, чтобы люди отрешились от устарелых, консервативных, раз и навсегда заученных приемов.

Военная наука, как и любая другая, не терпит застоя творческой мысли. Действительность всегда опережает инструкции, и самое лучшее наставление не поможет, если слепо следовать букве вместо того, чтобы истолковывать его творчески, в соответствии с требованиями сегодняшнего дня. Надо было критически разобраться в

жадно нахватавшем за этот год богатстве опыта, разложить его по полочкам, пересмотреть, отряхнуть от пыли, отбросить ненужное, устаревшее, выудить из этой хаотической груды впечатлений самое важное, основное и привести свои выводы в строгую систему. Именно теперь, перед решающими боями, надо было сделать это, чтобы потом, когда полк получит новые самолеты, выступить на них во всеоружии новых тактических приемов!

И где бы ни бродил Покрышкин, чем бы он ни занимался, голова его была занята одним: он продумывал день за днем, шаг за шагом все эти пятнадцать месяцев — каждый полет, каждый бой. Он обладал чудесной памятью, специфической памятью летчика, способной хранить трудно выразимые словами представления, ощущения и еле уловимые движения, из которых складывается маневр самолета. Вспоминая и сопоставляя их, он постепенно отбирал то, что следовало отшлифовать и закрепить.

Говорили, что новая машина, которую предстояло освоить гвардейцам, хорошо набирает высоту. Эта особенность ее живо интересовала Покрышкина: опыт подсказывал ему, что в современном воздушном бою особенно большую роль должен играть вертикальный маневр. Еще в мирное время на истребителе И-16 он много и упорно тренировался в исполнении восходящей бочки. Это пригодилось ему в памятном бою 6 октября 1941 года у Запорожья: тогда он, резко перевернув машину, ушел из-под удара восходящей спиралью.

В дальнейшем Покрышкин и его товарищи, которым он рассказал об этом маневре, не раз пробовали пользоваться им, коллективно дорабатывая его в воздушных боях. Особенно удачно он получался на «Яковлеве» — улучшенные летно-тактические данные этой машины открыли новые возможности вертикального маневра.

До войны истребители учились драться главным образом на виражах, в горизонтальной плоскости. Но опыт

показал, что такой бой при современном состоянии авиационной техники неминуемо приобретает характер пассивной обороны. А советские летчики хотели не обороняться, а наступать; и для этого был необходим вертикальный маневр — боевой разворот, вертикальная спираль, горка с переходом в вираж.

Испытывая трофейные «мессершмитты», Покрышкин уже убедился, что немецкий истребитель в силу своих аэродинамических особенностей плохо делает иммельман. Поэтому гитлеровцы, выходя горкой вверх, нередко сваливали машину, теряя при этом высоту. Это лишний раз убеждало Покрышкина в необходимости шире применять вертикальный маневр...

Однажды летчики соседней части получили партию новых «Яковлевых». На радостях, проходя над аэродромом гвардейцев, они приветствовали их головокружительным каскадом фигур высшего пилотажа. Один из летчиков пошел на горку и крутнул бочку. Скорость была маловата, поэтому самолет зарылся носом и пошел вниз, теряя высоту. Второй «Яковлев», шедший за ним, мгновенно проскочил мимо.

— Шляпа! — пренебрежительно сказал Фигичев. — Разве ж так бочки делают?

Покрышкин промолчал. Он был захвачен мыслью, вдруг осенившей его: второй самолет проскочил! А что если!.. Что, если в бою, когда противник у тебя в хвосте, нарочно сделать вот такую неправильную фигуру — ну, назовем ее хотя бы так: «полубочка с зарыванием и потерей высоты»? Гитлеровец обалдеет от неожиданности: только что советский самолет был перед самым носом у него — и вдруг исчез, уйдя из поля зрения под его мотор. Пока он соображает, что случилось, ты даешь газ, ручку чуть-чуть на себя — и вот уже не он у тебя, а ты у него на хвосте! Получается, что ты как будто бы слегка притормозил свой самолет...

Саша «заболел» этой фигурой. Иногда он ловил себя

на том, что ладонями рук машинально делал полубочку, разыгрывая воздушный бой. Он вычертил схему маневра и показал ее Фигичеву. Тот пожал плечами:

— Ерунда! Детская фигура...

Все же Покрышкин решил испытать этот необычный маневр. Вначале он потренировался в зоне, делая одну «полубочку с зарыванием» за другой. Непосвященные летчики смеялись, думая, что это маневрирует молодой, неопытный пилот, которому никак не удастся сделать бочку. По радио с КП Саша услышал чей-то озабоченный голос, советовавший ему: «Скорость! Следи за скоростью!» Он улыбнулся и продолжал делать свое дело.

В ближайшем бою Покрышкин вспомнил о полубочке. Он дрался с тремя «мессершмиттами». Методическими, последовательными ударами они прижимали его к земле, не давая вырваться ни вправо, ни влево, ни вверх. Покрышкин яростно отбивался, но немцы наседали все нахальнее. И вдруг по радио он услышал: «Покрышкин! «Месс» сзади... Уйди!..»

Почти инстинктивно он сделал движения, отработанные во время тренировочного полета, и в ту же долю секунды его самолет, зарывшись носом и теряя высоту, оказался сзади, внизу немецкой машины, которая пулей пронеслась вперед, стреляя из пушек.

«В белый свет, как в копеечку!» — мелькнуло в голове у Покрышкина, и радость охватила его: маневр удался!

В другом бою Саша упростил маневр. Когда группа немецких истребителей надела на него, он вдруг резко свалил машину в скольжение, убрав газ, и получил тот же результат: его самолет ушел под трассу и оказался в хвосте у немецкой машины. Теперь можно было бить «мессершмитта» сзади, снизу, пока тот не опомнился...

Сколько таких находок было сделано летчиками за пятнадцать месяцев войны! И теперь, вспоминая их и критически разбирая, Саша вновь и вновь убеждался в том, что, освоив новые скоростные и маневренные самолеты,

гвардейцы сумеют стать настоящими хозяевами неба. Надо было только добиться, чтобы каждый летчик усвоил новейшие, проверенные на практике приемы боя.

Забота об этом, конечно, не входила в обязанности командира эскадрильи — а именно эту скромную должность занимал тогда капитан Покрышкин. Но потребность работать творчески, с тем хорошим азартом, который никогда не дает успокаиваться, не только не угасла в нем в годы войны, но наоборот — стала еще более острой. И Саша, оклеив стены своей комнаты схемами маневров, применявшихся уже в боях, с увлечением принялся за работу.

Ему хотелось создать наглядный альбом тактических приемов истребителя, которым каждый летчик мог бы пользоваться как справочником и учебным пособием. Он сшил из плотной бумаги большую тетрадь и день за днем стал заполнять ее страницами рисунками и чертежами, используя для этой работы каждый свободный час.

На обложке своего самодельного альбома Покрышкин тщательно изобразил советский истребитель и написал крупными буквами: **«Истребитель! Ищи встречи с противником. Очищай воздух от фашистской мрази!»** Дальше, лист за листом, в строгом порядке разворачивался показ боевых построений истребителей и индивидуальных маневров, выработанных практикой. Здесь были показаны строи звена, приемы перестроения и группового маневра, боевые порядки.

Основой боевого порядка теперь уже была общепризнана пара самолетов. И Покрышкин особенно подробно разрабатывал приемы применения пары в бою, показывая на схемах, как должны действовать ведущий и ведомый.

Кое-где Саша для большей наглядности разбросал забавные рисунки. Выполненные наспех, они выглядели, быть может, наивно, но зато были очень наглядны. Так, лучи, расходившиеся от самолета, означали наиболее

опасные секторы, за которыми должны взаимно следить ведомый и ведущий. Это, так сказать, учебный материал. Но тут же к лучам Саша пририсовал черепа со скрещенными костями и приписал сбоку: **«Истребитель! Чтобы тебя не сбили, как куропатку, чаще смотри назад, назад вверх и назад вниз! Маневрируй так, чтобы хорошо просматривалась задневерхняя полусфера!»** Рядом были нарисованы еще две назидательные картинки. На одной из них был изображен горящий самолет, и надпись гласила: **«Он проявил беспечность в воздухе и плохо осматривался. В особенности — назад вверх!»** На другой красовалась пара самолетов, в которых сидели смеющиеся летчики. Надпись поясняла: **«Нас не купишь! Мы смотрим за хвостом друг друга!»**

Дальше шли строгие, деловые схемы свободного поиска группой, прикрытия и поиска в условиях облачности, разведки пикированием, боевых порядков при штурмовке, сопровождении бомбардировщиков...

Наиболее обстоятельно и методично разрабатывал Покрышкин раздел **«Индивидуальный маневр в бою с истребителями противника»**. Идея скорости и вертикального маневра безраздельно владела им теперь. Он твердо знал, что на большой скорости его машина сделает все, что от нее потребуют, и смело, дерзко набрасывал схемы труднейших эволюций.

Одно время многие летчики считали, что в современном воздушном бою, когда самолеты сближаются с головокругительной скоростью, — не до эволюций. Они полагали, что маневр в таком скоротечном бою должен стать примитивным и однообразным: боевой разворот, горка, разворот... Но опыт показал, что повышенные скорости не только не отрицают маневра, но наоборот — требуют умения выполнять самые сложные боевые фигуры.

Высота — скорость — маневр — огонь! Так складывалась формула современного воздушного боя. Надо было

даться так, чтобы всегда и всюду, при любых обстоятельствах, оказываться выше своего противника, сохранять скорость большую, чем у противника, иметь возможность открыть огонь с минимальной дистанции и притом по самым уязвимым местам противника.

На самом видном месте в альбоме красовался излюбленный маневр Покрышкина — **«соколиный удар»**: пунктирная линия, круто опускающаяся вниз и выходящая в хвост силуэту «мессершмитта», показывала, как истребитель должен атаковать противника сверху сзади. Были показаны развороты на противника, полуперевороты, лобовые атаки, различные способы ухода из-под огня противника.

И, конечно же, несколько страниц он отвел вертикальным маневрам. Чего только здесь не было! Тщательно вычерченная схема показывала уход из-под огня горкой с переходом в вираж — красноречивое примечание, помещенное рядом, гласило: **«Резкое переламывание с потемнением в глазах»**. Наглядно были изображены уход с последующей атакой с разворота, выход в атаку управляемой восходящей бочкой, выход с горки на атаку разворотом и полупереворотом, атака с восходящей спирали и много, много других, таких же сложных и интересных фигур.

Покрышкин отдавал себе отчет в том, что далеко не каждому пилоту окажется под силу этот каскад головокружительных эволюций. Но он хотел наглядно показать всем летчикам своей эскадрильи, какие великолепные возможности заложены в современном скоростном самолете. И всякий раз, вылетая в зону, он старался продемонстрировать эти возможности на практике. В его умелых руках истребитель становился сущим чертом и выделял такие фигуры, что даже Фигичев пожимал плечами и восхищенно восклицал: «Вот это да!..»

Иногда Покрышкин объединял несколько фигур в один комплекс. Так, одним из любимых приемов его

была редкая комбинация полупереворота с выходом в боевой разворот. Когда самолет противника атаковал его сзади, а большой разницы в скоростях не было, Покрышкин уходил от огня полупереворотом, оказывался в хвосте у немца, тут же за счет сохранившегося запаса скорости закладывал машину в боевой разворот и набрасывался на противника. Получалось нечто вроде обратной петли — только начало ее выполнялось вниз, а не вверх. Покрышкин предпочитал эту комбинацию маневров другим, потому что она давала возможность сохранять высоту.

Покрышкин все время помнил, что гитлеровцы пока еще располагают количественным перевесом в воздухе. Поэтому он старательно коллекционировал в памяти удачные бои, когда наши летчики в групповом бою побеждали противника, располагая меньшими силами. И теперь, приступив к разделу **«Групповой воздушный бой»**, он открыл его суворовским лозунгом, осовременив его: **«Истребитель! Спрашивай — не сколько противника, а где он! Побеждают не числом, а умением!»**

Опыт показал, что групповой воздушный бой, как правило, проходит удачно тогда, когда ведущий и ведомый, четко соблюдая строй пары, взаимно выручают друг друга. Воздушный бой следовало всегда вести агрессивно, парализуя волю врага и не давая ему никакой возможности перехватить инициативу. Перебирая в памяти проведенные за эти пятнадцать месяцев бои, Покрышкин все больше и больше склонялся к мысли, что надо прежде всего стремиться зажать противника в клещи. **«Клещи приводят противника к неуверенности его в бою, что обеспечивает нападающим победу,—** записал он в своем альбоме.— **Истребители! Чаше применяйте клещи в бою!»**

Он вычертил схемы клещей при разных вариантах боя: когда пара атакует одиночный самолет, когда пара

дерется против пары. Рядом он поместил шуточный рисунок: два очеловеченных советских самолета держат ручки огромных столярных клещей, зубьями которых зажат «мессершмитт» с вытаращенными от страха глазами.

Немцы также широко применяли метод клещей в групповом бою. Поэтому Покрышкин предусмотрел в своем альбоме и способы ухода из клещей противника и тут же показал, как при этом сподручнее сразу же перейти в атаку.

Большое преимущество в бою давали различные хитрые уловки, которые сам Покрышкин и его товарищи теперь применяли все чаще. Хорошо, например, выйти в атаку со стороны солнца, внезапно вывалиться из облака и спланировать на колонну противника с приглушенным мотором. С умом следовало и выходить из боя — оторваться от противника на большой скорости, нырнуть в облако, сманеврировать ножницами и уйти на бреющем полете, маскируясь под цвет земли. Если у противника подавляющее превосходство в силах, стоит применить старый прием, которым пользовались Покрышкин и его друзья еще там, за Днестром: стать в круг и так, цепко связанным клубком, постепенно оттягивать немцев на свою территорию, в зону сильного зенитного огня...

Уже многие десятки схем, чертежей, рисунков, записей были внесены в альбом, а в памяти всплывали все новые и новые бои, интересные и даже изумительные случаи. В каждой из этих аккуратных схем жила грубая и суровая правда войны. Саше явственно представлялись хищные контуры немецких самолетов, стремящихся прижать его к земле и убить, надрывной рев перегруженного мотора, резкие удары пушки, навязчивый запах бензиновых и масляных паров, осушающая мозг и выворачивающая душу стихийная сила перегрузки при крутом маневре, когда ты видишь в ста пятидесяти метрах от

себя клубок пламени и космы белого и черного дыма, охватывающего пятнистые плоскости вражеского самолета. Стихия боя не оставляла его...

Но было еще нечто, не совсем осознанное и не до конца понятое, что заставляло Покрышкина в эти дни работать так напряженно. Саша из самолюбия не хотел признаваться себе в этом, но определенно, с тех пор как он побывал в санчасти тихого захолустного БАО, у него появилось горячее стремление сделать что-то необычное и большое, как-то блеснуть. И, черт возьми, теперь ему определенно было бы приятно, если бы вот та сестра улыбнулась ему не из любезности, а от души, сказав при этом что-нибудь такое теплое и уважительное.

Эти переживания были новы и непривычны для Саши, и он сердился на себя, ругаясь втихомолку и ворча: что за мальчишество! В конце концов, это совсем несолидно: опытный, серьезный летчик, командир эскадрильи, человек с устоявшейся репутацией, вдруг начинает вздыхать на луну, словно еще не совсем оперившийся Андрей Труд. Но вот оказалось, что в жизни не всегда можно руководствоваться только голосом рассудка, и Саша все чаще ловил себя на том, что в разгаре работы перед ним вдруг вставало знакомое улыбающееся девичье лицо с широко открытыми синими глазами, вопросительно глядевшими на него.

Саша сердился, чертыхался, потом вдруг звал Труда и угрюмо говорил ему:

— Живем, как медведи! Хоть бы ты подумал насчет досуга летчиков. Танцы организовали бы, что ли... А то ведь молодежь наша скучает...

Труд, изображая на лице высшую степень исполнительности, вкрадчивым голосом отвечал:

— Конечно, хорошо было бы потанцевать. Но где найдешь партнерш?

— Вот еще! — недовольно ворчал Покрышкин. — Разучился искать? Ну хоть в санчасть сходил бы...

— А ты бы сам туда сходил, Саша, — возражал Труд. — У тебя внешность авторитетнее...

И вот однажды теплым лунным вечером к Марии, освободившейся от дежурства, подошла Нина и сказала:

— Там тебя твой капитан спрашивает... Такой важный, сердитый... — Она усмехнулась. — Понимаешь, я иду сегодня с пляжа, а он ко мне... И так это неловко заговаривает — все на тебя, все на тебя поворачивает — кто, мол, такая эта Мария, откуда она и все такое прочее... Такой смешной! А сейчас торчит там, на лестнице, и ждет. Не хочет, чтобы кто-нибудь здесь его видел...

Мария вспыхнула и быстро сбежала по лестнице, ведущей к морю. Внизу на ступеньке, ссутулившись, сидел Покрышкин. Он рассеянно швырял камешки в черную, усыпанную лунными блестками воду и то и дело поглядывал вверх. Услышав легкий стук каблучков, Саша порывисто встал и сделал несколько шагов навстречу Марии.

— Ну вот, — сказал он грубовато, — я пришел, а ты даже выйти не хочешь?..

Мария протянула руку:

— Здравствуйте, товарищ капитан...

— Здравствуйте, — ответил он, смутившись: ведь в самом деле полагается сначала здороваться, а потом уже вести разговор, да тем более на «ты». Мария с интересом глядела на широкоплечего, сильного и на вид неловкого летчика. Ей было приятно и то, что вот наконец он пришел, и то, что он так ревниво расспрашивал о ней Нину. Только одно по-прежнему коробило и как-то нехорошо волновало ее: ведь там, в Новосибирске, на улице Лескова у него наверняка осталась семья. И какое право имеет она, девчонка, нарушать чье-то устоявшееся, привычное счастье?

На языке у нее вертелся вопрос: «Что пишут вам де-

ти?» Но она боялась показаться бесцеремонной и потому молчала. Молчал и Покрышкин, вдруг почувствовавший себя безнадежным увальнем. Наконец, он заговорил, путая «ты» и «вы» — в полку он отвык от обращения на «вы»:

— Тут наши ребята танцевальную площадку организовали... Недалеко... Ну, знаете, скучно же так, без дела вечером... Ну вот, пойдешь?.. У нас ведь парни вот какие! Помните, со мной один лейтенант заходил? Ты небось хорошо танцуешь?..

При свете луны Мария увидела, что капитан улыбнулся — брови приподнялись, глаза как-то потеплели, блеснули ровные белые зубы, и все лицо его стало каким-то другим — ласковым, приветливым. Это было настолько неожиданно, что Мария даже растерялась немного и, запинаясь, ответила:

— Немного танцую... В Харькове училась. Но это, кажется, было давно, давно...

Они зашагали вдоль берега. Под ногами похрустывала галька, ритмично плескалось море, с обрыва доносился надоедливый звон цикад. Сильнее пах отцветавший табак. Где-то поблизости вздохнул и запел баян.

— Это наши,— сказал Покрышкин,— Григорий Тимофеевич Масленников, есть у нас такой начальник связи... Тут и танцевальная площадка будет...

Труд и его приятели поработали на славу. Облюбовав уютный уголок на самом берегу моря, под сенью старых чинар, они расчистили и выровняли отличную площадку, и теперь здесь можно было задавать балы. Григорий Тимофеевич, поставив баян на колени, играл старинные, берущие за душу вальсы. Труд, сдвинув фуражку на затылок, распоряжался:

— Кавалеры выбирают дам! — кричал он.— Раз, два, три...

— Пойдемте? — немного застенчиво спросил Покрышкин.

Мария кивнула головой, и они вступили в круг. Покрышкин танцевал легко и точно, но в движениях его чувствовалась напряженная подтянутость, словно он делал какую-то работу, сложную и ответственную. Длинный, нескладный Труд, неуклюже шаркая ногами в тяжелых кирзовых сапогах, лавировал, согнувшись под прямым углом над маленькой смущающейся официанткой. Успешнее шло дело у Речкалова: он до войны был завсегдатаем танцевальных площадок. Но больше всех, пожалуй, веселился Пал Палыч Крюков — он плясал по-старинному, с приседаниями, с прищелкиванием каблуков на поворотах, вертясь юлой вокруг своей дамы, солидной, неразговорчивой связистки, и на лету вытирая платком лоб.

Мария невольно улыбалась, присматриваясь к этой пестрой компании. Она давно уже не ходила на танцы, ей как-то казалось даже неудобным развлекаться в такое трудное время. Но теперь, когда она увидела, какое искреннее наслаждение доставляют эти танцы летчикам, ей показалось, что она была не совсем права.

Расходились с площадки поздно. Покрышкин опять шел рядом с Марией, стесняясь взять ее под руку. И снова они молчали. Так дошли до лестницы, ведущей к санчасти. Саша хотел подняться вслед за Марией, но она погрозила ему:

— Ни в коем случае! Только на три ступеньки...

И добавила:

— У нас врач строгий...

Кивнув головой, Мария взбежала по лестнице.

— Послезавтра придете? — крикнул ей вслед Покрышкин.

— Приду, — послышалось сверху, и все стихло.

...Теперь они встречались регулярно. Мария стала постепенно привыкать к тому, что по вечерам там, внизу у моря, всегда можно найти капитана. Он сидел на камне или лежал, растянувшись на теплой гальке. Мария ви-

дела, что ее присутствие приятно Покрышкину, и сама чувствовала, что ее начинает тянуть все чаще к морю по вечерам. Встречаясь, они либо шли на танцевальную площадку, либо просто усаживались на берегу и начинали разговаривать.

Покрышкин иногда терялся, когда требовалось поддержать разговор, но зато уж если он сам начинал рассказывать, то слушать его было очень интересно. Мария почувствовала это уже в первый вечер их знакомства. Но еще больше он любил слушать — в нем жила неистребимая потребность постоянно узнавать что-нибудь новое. И теперь, сидя у моря, они часами рассказывали друг другу разные истории из жизни, вспоминали прочитанные книги — Мария тоже была большим книголюбом — говорили о своих планах.

Покрышкину было приятно узнать, что она не белоручка, не маменькина дочка. Жизнь ее сложилась сурово — у нее был слепой отец, и ей приходилось и учиться и работать, чтобы помогать семье. Саша по себе знал, как трудно с юношеских лет самостоятельно пробивать себе дорогу в жизни, и теперь он проникался еще большим уважением к знаниям, накопленным девушкой, — она так много успела!

Мария мечтала стать хирургом. Что касается Саши, то подобные интересы были далеки и непонятны ему, но, здраво рассудив, он решил, что для женщины медицина — вполне подходящее дело. Не всем же быть летчиками! В свою очередь Мария втихомолку признавалась себе, что трудно понять — как можно увлекаться авиацией до такой степени, что все остальное в жизни отходит на второй план. Но она понимала Сашу — ей нравилась его целеустремленность, и внутренне она даже гордилась тем, что с нею дружит умелый летчик, человек, столь фанатически преданный своему делу. Не всем же, в конце концов, быть медиками!

И Мария не уставала слушать рассказы Саши. Со сту-

денческой скамьи у нее выработалась привычка быстро схватывать основную нить рассуждений. Может быть, именно поэтому ей удавалось разбираться даже в сложных профессиональных летных проблемах, которые иногда вдруг выкладывал перед ней Саша. Конечно, ей оставались неясны детали, подробности, но она понимала, к чему стремится, чего добивается этот сильный, упрямый человек. И, видя это, Покрышкин еще крепче привязывался к Марии.

Убедив себя в том, что у капитана в Новосибирске осталась семья, она твердо решила держаться от Александра на определенной дистанции. Но в то же время Мария чувствовала, что капитан чем-то дорог и близок ей. «Мы товарищи, мы просто товарищи», — повторяла она про себя, слушая рассказы Саши о том, как давно он ищет новых, непроторенных путей и как трудно эти пути прокладывать. А он, увлекаясь, начинал сыпать сложными летными терминами, пока, наконец, не спохватывался:

— Ну вот.... Совсем заморочил вам голову... — и вздыхал. — Трудное у нас ремесло! Вот пишут: «Орлы, короли воздуха!» Какие, к дьяволу, короли? Мастеровые мы, вот кто. Или еще точнее: ломовые лошади... Говорят, летное искусство рождено вдохновением. Даже кое-кто из нашего брата щеголяет: взлетел, мол, увидел немцев, закипела душа, ринулся и сбил! Черта с два, тут одной кипящей душой не возьмешь. Сначала пуд соли съешь за учебой, потом второй пуд соли — за работой, а тогда уж иди сбивай... Если, конечно, сможешь.

Покосившись на Марию, слушает ли она, он продолжал:

— Главное, искать надо... Сегодня так летаешь, а завтра надо уже иначе, ведь завтра немец будет знать, как ты летал сегодня, и обманывать его нужно будет опять по-новому.

И, снова вздыхая, он крутил головой:
— Трудно! Очень трудно...

Учеба в полку шла своим чередом. Покрышкин, увлеченный своими идеями, ревностно заботился о том, чтобы вооружить ими всех летчиков эскадрильи. Комната ветхого рыбацкого барака, в которой они размещались, была превращена в настоящий учебный класс. На стенах Покрышкин развесил чертежи маневров, силуэты немецких самолетов с указанием их наиболее уязвимых мест, таблицы наивыгоднейших дистанций стрельбы. Где-то раздобыли столы, скамьи и даже школьную доску, на которой Покрышкин во время занятий чертил мелом свои схемы.

Занятия он чаще всего проводил в виде острых, полемических бесед. Когда все рассаживались за столами и раскладывали перед собой карты, он вдруг отрывисто и резко говорил:

— Ну вот ты, Голубев и Степанов, сэйчас патрулируете вот здесь,— он тыкал пальцем в карту.— Голубев — ведущий. Задача — прикрытие наземных войск. Ясно? Учтите: облачность — шесть-семь баллов, высота ее — две тысячи метров... Видимость... Ну, что-нибудь около шести километров. Что вы делаете?

Голубев *, светловолосый парень богатырского сложения и удивительного хладнокровия, отвечал, медленно поглаживая ладонью шершавый воротник своего свитера:

— Хожу курсами девяносто-двести семьдесят. Солнце у меня сбоку. Высота — тысяча пятьсот. Полет маятником: то вниз, то вверх.

— Так...— жестко говорил Покрышкин.— Значит, вы-

* А. Ф. Голубев — старшина, погиб 9 апреля 1943 года в воздушном бою в районе Крымской на Кубани.

сота тысяча пятьсот? Ладно! — И он выпаливал громко:— Слева между облаками блеснула пара «мессеров»! Что вы делаете?

Голубев спокойно отвечал:

— Разворот, перехожу в атаку...

Покрышкин медленно спрашивал:

— Степанов, а вы что?

— Я — под него, перехожу и перестраиваюсь...

— А команду он вам дал?

Степанов смущался:

— Ну, дал...

Голубев медленно начинал краснеть:

— Конечно, дал, товарищ капитан. Я ему по радио сказал: «Слева — «мессеры», разворачиваемся, атакуем...»

— Это вы только сейчас сообразили,— говорил Покрышкин,— а тогда вы забыли о ведомом. Ясно? Забыли и потеряли его! Всем понятно? Ведущий Голубев, увидев, что в разрыве облаков блеснули два «мессера», растерялся и повернул сам в атаку, забыв предупредить ведомого. Результат: ведомый оторвался и погиб. «Мессеры» его съели...

В классе воцарялась напряженная тишина. А Покрышкин безжалостно, со всеми подробностями, рассказывал о том, как в одном из прошлогодних боев покойный Жизневский вот так же потерял ведомого и немцы не только сбили отставшего, но и подбили машину ведущего. Голубев стоял красный, как мак. Теперь Покрышкин не сомневался, что впредь он уже не забудет дать команду ведомому. Но этого было мало. И он так же жестко продолжал:

— Это — урок номер один. А теперь самое главное. Вы, говорите, атаковали?

— Да,— тихо ответил Голубев.

— Не слышу! Атаковал?

— Атаковал.

— Куда атаковал? Где «мессеры»?

— Так они же блеснули слева, товарищ капитан... Значит, я сейчас же на них, чтобы не дать им уйти... Я — в облако, выскакиваю и прямо в хвост...

— Ну, ну,— крутил головой Покрышкин.— Какой быстрый! В облако и потом в хвост? Все слышали? Теперь слушайте, Голубев, что у вас получилось. Во-первых, если Степанов после вашего внезапного разворота еще и не оторвался каким-то чудом от вас, то на этот раз он наверняка потеряется. Во-вторых, вы вслепую ходить пока еще не умеете, а толщина облака вам не известна. Вот вам шанс угробиться самому. В-третьих, пока вы облако пробивали, у вас скорость погасла, вы еле-еле трепыхаетесь. А выскочили из облака — прямо на вас двенадцать «мессеров». Ведь вы только одну пару заметили, как она между облаками блеснула, а всего их там за облаками дюжина. Вот вас и тряхнули. Ясно?..

— Ясно,— смущенно отвечал Голубев.

— Ну вот... А я бы на вашем месте поступил иначе. Во-первых, с самого начала я ходил бы не на полутора тысячах метров, а на двух тысячах — когда головой цепляешься за облако, всегда безопаснее и удобнее: и вверх быстрее проскочишь, если понадобится, и внизу все видно. Во-вторых, я все время оглядывался бы на ведомого и сообщал бы ему о каждом своем маневре... Это, конечно, не значит, что сам Степанов может ворон ловить — он тоже должен за мной все время следить. В-третьих, увидев, что между облаками блеснуло что-то подозрительное, я с ведомым тут же отошел бы чуть в сторонку, на солнышко, выглянул бы через просвет и посмотрел бы, что там делается, за облаками. Увидел, где «мессеры», рассчитал бы удар так, чтобы они на сближении меня не увидели,— тогда атака! Ясно? Вот, помню, под Кировском...

У Покрышкина был неисчерпаемый запас примеров к любому тактическому положению, и летчики слушали

эти занимательные истории с особым удовольствием. Когда же он убеждался, что все поняли, как должен был поступить Голубев, увидев, что в просвете между облаками блеснули два «мессершмитта», Покрышкин переходил к наиболее сложной и важной части урока — к разбору самого воздушного боя.

— Так,— говорил он, вооружаясь мелом.— Продолжаем. Поднявшись за облака, Голубев и Степанов увидели шестерку немецких пикировщиков, которые быстро приближаются к окопам нашей пехоты в сопровождении четырех «мессеров» — одна пара «худых» вьется кругом шестерки, вторая идет сверху...

Он рисовал силуэты самолетов на доске и указывал:

— Вот здесь пикировщики, здесь «мессеры», а вот — вы, Голубев и Степанов. Через минуту немцы лягут на боевой курс. Что вы делаете?..

Голубев мнетя. На языке у него опять слово «атакуем», но он боится, как бы опять не попасть впросак. Покрышкин, держа на ладони часы, говорит:

— Осталось пятьдесят пять секунд... Сейчас бомбы начнут падать...

— Атакую! — решительно говорит Голубев.— Атакую в лоб снизу вверх головную машину шестерки. Передаю по радио Степанову: «Бей по левому ведомому!» Сообщаю на КП: «Веду бой против шести «лаптежников» * и четверки «худых» **, прошу помощи!..»

— Так. Хорошо...— одобрительно говорит Покрышкин.— Только решение надо принимать мгновенно. Тут уж пан или пропал. Пока есть снаряды, патроны, пока палка вертится, держись, и все тут. И прежде всего — бей по бомбардировщикам. Ясно? В лоб или в хвост —

* Пикирующие бомбардировщики Ю-87, колеса которых были прикрыты обтекателями, напоминавшими лапти.

** «Худыми» на фронте называли «Мессершмитты-109», у которых был довольно длинный и сравнительно тонкий фюзеляж.

все равно, бей по ведущему. Убьешь вожака — вся стая разбежится.

Он стер на доске силуэт немецкого ведущего, быстро нарисовал его чуть пониже с язычком пламени у хвоста и продолжал:

— Ладно... Голубев ведущего сбил, Степанов пока промазал. Бой продолжается. Голубеву повезло: передовой пост наблюдения своевременно известил наш капэ о приближении немецкой бомбардировочной группы, и командир, зная, что Голубев и Степанов * еще не асы, поднял в воздух четверку...

Летчики облегченно вздохнули, но Покрышкин неожиданно скомандовал:

— Мочалов! ** Вы ведете четверку. Ведущий второй пары — Науменко. Подходя к полю боя, вы видите: на землю падает горящий Ю-87, один «лаптежник» повернул на запад, но четверо, вытягиваясь в кильватер, ложатся на боевой курс. Один наш истребитель атакует их с хвоста, а второй зажат в клещи четырьмя «мессерами». Ваше решение?

Саша Мочалов, маленький смуглый парень из Симферополя, неразлучный друг Андрея Труда, встал и растерянно заморгал. Было от чего растеряться! Такую задачу и бывалому летчику нелегко решить. Но постепенно, с помощью командира, он выкарабкивался и вдруг обнаруживал, что, в сущности говоря, безвыходных положений нет; если действуешь смело, напористо и решительно, всегда сумеешь перехитрить противника.

Так они занимались изо дня в день. Покрышкин добивался, чтобы каждый летчик быстро и четко находил

* И. Степанов погиб 21 мая 1943 года в бою над Кубанью.

** А. Мочалов — командир звена, на исходе одного из воздушных боев совершил вынужденную посадку, пропал без вести.

решение в бою и чтобы решение это было не шаблонным, а свежим, оригинальным, творческим. Ради этого он готов был часами возиться с людьми, приводя новые и новые примеры из своей практики, рассказывая поучительные истории из опыта товарищей. Эта работа была логическим продолжением того, что делал он в памятные ноябрьские дни 1941 года в Зернограде. Труд, Голубев, Мочалов и другие летчики многое успели за этот год, и все-таки он все еще не был удовлетворен достигнутыми результатами: требования к истребителям все время возрастали, техника быстро шагала вперед, и летчикам, чтобы не отстать, надо было постоянно и много работать над собой.

Еще год назад, например, многие самолеты не были оборудованы радио. Теперь же радио стало таким же неотъемлемым и обычным спутником летчика, как и пушка. И Покрышкин, затащив в эскадрилью Григория Тимофеевича Масленникова, выпросил у него аппаратуру для практических занятий по радиотехнике. Покладистый начальник связи охотно согласился в свободные часы провести ряд уроков о том, как надо пользоваться передатчиком и приемником, как быстро настраиваться в полете, как устранять помехи.

Таковыми же завсегдатаями в эскадрилье стали инженеры. Покрышкин требовал, чтобы каждый летчик в совершенстве изучил мотор нового скоростного самолета, который совсем не походил на те, какими были вооружены старые машины. Сам в прошлом техник, он всегда с большим уважением и интересом относился к мотору — совершенство техники, созданной человеческим разумом, вызывало у него неизменное восхищение. Уважения к технике он требовал и от своих подчиненных.

Люди понимали, что впереди еще долгая, упорная борьба, и занимались сосредоточенно, серьезно. Понуканий не требовалось. С фронта по-прежнему поступали безрадостные вести, — северо-восточнее Туапсе и под

Владикавказом шли затяжные, кровопролитные бои. Но было что-то, заставлявшее людей с надеждой смотреть вперед: недаром в приказе Верховного Главнокомандующего от 6 ноября 1942 года как бы ненароком была обронена фраза, которая тронула сердца всех, словно искра электрического тока: «Будет и на нашей улице праздник!»

Эти слова повторяли теперь повсюду. И как ни тяжело было здесь, в прикаспийском районе Кавказа, почти отрезанном от центра, люди напряженно ждали каких-то новых, больших и ярких вестей с фронта. Ждали, что примерно в декабре, как и год назад, Красная Армия снова перейдет в наступление. Летчики надеялись даже принять участие в этом наступлении — они думали, что полк к нему и готовится.

Но праздник наступил гораздо раньше, чем его ждали. Уже вечером 19 ноября начальник связи полка принял по радио сенсационное известие. «В последний час!» — громко и ликующе сказал он и прочел заголовок экстренного сообщения Совинформбюро: «Удар по группе немецко-фашистских войск в районе Владикавказа». Летчики, сбегавшись к Масленникову, читали и перечитывали это сообщение, досадуя, что, в то время как другие уже наступают, полк все еще стоит здесь и ждет у моря погоды.

Командиры урезонивали молодежь: всякому овощу свое время, придет и очередь шестнадцатого гвардейского авиационного полка. Сначала надо как следует овладеть новой материальной частью, а потом уже идти в бой. Но эти уговоры слабо действовали на пилотов: они хандрили и жаловались на свою судьбу.

А еще через несколько дней — 23 ноября — было передано по радио новое экстренное сообщение Совинформбюро: «Успешное наступление наших войск в районе Сталинграда».

«На днях наши войска, расположенные на подступах

Сталинграда,— читал ликующим голосом Масленников,— перешли в наступление против немецко-фашистских войск. Наступление началось в двух направлениях: с северо-запада и с юга от Сталинграда. Прорвав оборонительную линию противника протяжением тридцать километров на северо-западе в районе Серафимович, а на юге от Сталинграда — протяжением двадцать километров, наши войска за три дня напряженных боев, преодолевая сопротивление противника, продвинулись на шестьдесят — семьдесят километров. Нашими войсками заняты города Калач на восточном берегу Дона, станция Кривоузинская (Советск), станция и город Абганерово. Таким образом, обе железные дороги, сообщающие войска противника, расположенные восточнее Дона, оказались прерванными...»

— Здорово! — тихо сказал Фигичев.— За три дня семьдесят километров!

— Постой, постой,— прервал его Покрышкин.— Дело ведь не только в этом. Припомни-ка карту! Калач, Кривая Музга, Абганерово... Ты понимаешь, что выходит? Выходит, что немцев там окружили... Ну да, окружили! Ты понимаешь, что это значит?..

— Обе железные дороги перерезаны! — крикнул вдруг Труд, до сознания которого тоже дошло, что совершилось нечто еще небывалое.— Обе дороги! А сколько их там осталось в кольце?.. — И вдруг занял: — Ну вот, а нам опять здесь сидеть!..

— И посидишь! — неожиданно сурово сказал вдруг Покрышкин.— И посидишь, ясно? Пока ты не станешь настоящим истребителем, пока не изучишь новую машину на все сто, кому ты на фронте нужен? Имей в виду, теперь летчиков хватает... Раз такое дело пошло — тут уже все!.. Тут таких, которые только на «ишаках» да на «чайках» летать могут, по боку!.. Нет, ты сиди и зубри. Теперь, брат, другая война пойдет, попомнишь мое слово...

И он тут же объявил летчикам своей эскадрильи, что с завтрашнего дня за счет свободного от занятий времени набавляет лишний час на учебу.

В самом разгаре этих хлопотливых дел в полку появилась новая, несколько необычная фигура, которую заметили сразу все: это был двадцатилетний старший лейтенант Вадим Фадеев по кличке Борода. Сама внешность его была поразительной: высоченный, плечистый,— о таких людях в старину говорили, что у них в плечах косая сажень,— с густой русой шевелюрой и длинной бородой, отпущенной из озорства.

Фадеев невольно обращал на себя всеобщее внимание, тем более что следом за ним ходили двое его приятелей — маленькие ростом, щуплые — Соловьев и Чесноков,— словно они были подобраны специально для того, чтобы подчеркивать колоссальные объемы их покровителя. На груди у Фадеева был орден Красного Знамени.

Явившись к командиру полка, Борода отрапортовал густым, рокочущим баритоном, которому позавидовали бы многие певцы:

— Разрешите представиться, звено пилотов ищет пристанища: Фадеев, Соловьев, Чесноков,— он галантным движением руки указал на себя и своих спутников,— по причине кризиса тягловой силы низвергнуты, так сказать, из райских куш в горестное чистилище...

— Говорите по-русски! — холодно сказал командир.— И покажите ваши документы...

Документы были в полном порядке. Командира поразила лишь одна справка, подписанная самим командующим воздушной армией: в ней было сказано, что старшему лейтенанту Фадееву Вадиму Ивановичу ввиду особых свойств его организма предоставляется право

питаться по двум аттестатам. Еще раз взглянув на него, командир с удивлением подумал: «Эк его вымахало!»

— Из-за недостатка материальной части откомандированы к вам на переформирование,— сдерживая раскаты своего баритона, сообщил, теперь уже по всей форме, Фадеев.

— Ну то-то же,— сказал командир.— И впредь прошу обращаться согласно установленной воинской терминологии!

— Есть, обращаться согласно установленной воинской терминологии! — серьезно пророкотал Фадеев, поднял руку под козырек, но в глазах его, спрятанных под дремучими светлыми бровями, мелькнул такой шальной огонек, что командир только головой pokrutil. Но справки, наведенные им, характеризовали Фадеева и его спутников с деловой стороны хорошо.

Фадеев воевал с 1941 года. Он бывал во многих переделках и рассказывал о них так искусно, что самая печальная история могла превратиться в его изложении в увлекательный юмористический рассказ. Казалось, он был начинен анекдотами, и стоило ему появиться среди летчиков, как поднимался хохот.

Покрышкин поначалу настороженно присматривался к Фадееву: он не любил вертопрахов и несерьезных людей. Но после нескольких тренировочных полетов Александр убедился, что в полк прибыл незаурядный летчик: он маневрировал напористо, дерзко, с той изобретательной тонкостью и легкостью, по которой сразу угадывался мастер пилотажа. Это примирило его с эксцентричными манерами новичка, и они подружились.

Вот что напишет уже после войны А. И. Покрышкин о Вадиме Фадееве в своей книге «Небо войны»: «Богатырь, щедро наделенный добротой и искренностью, душевной чистотой и юношеским задором, он за недолгое пребывание в полку оставил в памяти людей яркий, неизгладимый след. А для меня Вадим был боевым това-

рищем, с которым я вместе жил и воевал. Нас связывала с ним крепкая дружба».

О том, как жил и воевал Фадеев, я расскажу в следующей главе, а сейчас отмечу только, что Покрышкин с особым уважением стал относиться к нему тогда, когда узнал историю его ордена. Не будучи от природы хвастуном, Фадеев умалчивал о ней, но история эта была настолько необычна, что как только его личное дело попало в строевую часть полка, писари сразу разнесли ее по всем эскадрильям.

Мне рассказали эту историю осенью 1944 года, когда я встретился с ветеранами полка в польской деревушке близ Вислы. За два с половиной года она обросла множеством живописных деталей, и трудно поручиться сейчас за точность каждого слова. Но я уверен, что она абсолютно правильно передает дух, настроение, которыми жили летчики тех лет,— и потому воспроизведу здесь историю фадеевского ордена такой, какой я записал ее на фронте, хотя А. И. Покрышкин, прочитав в 1962 году рукопись этой книги, сделал своим карандашом осторожную пометку на полях: «История была несколько другая».

Так вот, рассказывали мне, дело было глубокой осенью 1941 года, когда шли бои за Ростов. Фадеев, служивший разведчиком в корпусной авиации, был подбит над передним краем и приземлился за бугорком у самых окопов. Поломка была пустяковая, и он сам быстро справился с ремонтом. Теперь оставалось достать бензин и перелететь на аэродром. В поисках горючего Фадеев забрел в расположение пехотной роты. Летчика встретили приветливо.

— Что ж вы тут сидите, как кроты? — спросил, разгорячившись, Фадеев.— Фашисты небось в хатах греются, а вы тут мерзнете!

— У него сила...— возразил молоденький лейтенант,— там и артиллерия и минометы...

— А у нас с вами что — артиллерии нет? — разошелся еще больше Фадеев.— У меня — вон какая пушка! А у вас пулеметы...

Отойдя за бугорок, к самолету, он дал очередь из авиапушки, потом перебежал обратно, и не успели пехотинцы опомниться от неожиданности, как этот верзила в зеленом комбинезоне, в шлеме, с поднятыми на лоб очками, с планшетом, болтавшимся у бедра, выскочил на бруствер окопа и закричал во все свое богатырское горло:

— За мной! Бей фашистов!..

Потрясая пистолетом, он вдруг запел залихватскую песню:

Как по нашей речке
Плыли три дощечки...

Всем стало смешно, и всякий страх пропал. Карабкаясь по мерзлому откосу, бойцы восхищенно ругались. Этот гость, свалившийся с неба, был так удивителен, так забавен, что они теперь пошли бы за ним хоть в самое пекло. И хотя вокруг них сразу же начали рваться мины, они бежали и бежали вперед, прямо к деревне, где было тепло, где можно было хорошо отдохнуть,— вот только выбить бы оттуда фашистов...

Командир дивизии, стоявшей в обороне, ничего не понимал: что происходило на переднем крае? Кто подал сигнал атаки? В бинокль с наблюдательного пункта он видел, что небольшая группа пехоты стремительно продвигалась вперед. Ее возглавлял какой-то чужой командир — не то танкист, не то летчик — пожалуй, скорее летчик: у него, кажется, подвешен сбоку планшет.

Атака, предпринятая так внезапно, имела неожиданный успех: немецкие офицеры никак не ожидали, что русские попытаются их выбить из деревни, и оставили в окопах лишь небольшую группу наблюдателей, отпустив остальных солдат греться в избах. Пока они пришли в

себя, русские, миновав траншеи, уже ворвались в село и начали глушить гитлеровцев гранатами. После короткой рукопашной схватки рота закрепилась в деревне, представлявшей собой немаловажный узелок дорог.

Только тут Фадеев вспомнил, что ему давно пора было бы возвратиться в часть и что он, в сущности, занялся вовсе не своим делом. Ему могло еще влететь за самовольство. И он, никому не сказавшись, потихоньку убрался из роты, где-то раздобыл бензин и улетел...

К вечеру начались розыски: кто из летчиков совершил днем вынужденную посадку у переднего края? Фадеев погрустнел: кажется, он попал в нехорошую историю. Но делать было нечего — приходилось признаваться, и он пришел в штаб с повинной головой. Каково же было его удивление, когда командир сообщил ему, что по представлению пехотинцев летчик, возглавивший атаку при захвате деревни, награждается орденом Красного Знамени...

Покрышкин по собственному опыту знал, что ходить в атаку на земле — вовсе не простое дело: в его памяти были еще свежи воспоминания о тех боях, которые ему приходилось вести в пешем строю по пути от Запорожья к Ростову. Может быть, именно поэтому он сблизился с Фадеевым, хотя ему далеко не все нравилось в этом человеке.

Очень быстро Вадим со всеми в полку сошелся на короткую ногу, стал разговаривать на «ты». Как и следовало ожидать, он оказался незаменимым человеком на всех вечеринках. Сын интеллигентных родителей, Вадим прошел долгий и извилистый путь, пока стал летчиком. В детстве у него обнаружили прекрасный слух, и мать хотела сделать его музыкантом. Она купила ему скрипку и наняла учителя. Но Вадиму быстро надоели гаммы. Гораздо больше интересовали его книги и спорт. Уединясь в комнате, он клал перед собой книгу и, глядя в нее, машинально пиликал что-то невообразимое, лишь

бы родители думали, что он готовится к музыкальному уроку.

Книг прочел он множество, и Покрышкин отмечал про себя, что Вадим знает литературу лучше, чем он. А так как Фадеев к тому же был изумительным рассказчиком, то своим слушателям он заменял библиотеку. Фадеев мог соревноваться с Покрышкиным и в спорте — говорили, что до войны он был чемпионом Перми по борьбе.

Одним словом, это был разносторонне одаренный юноша, и если бы родители сумели совладать с его своевольным буйным характером, из него, быть может, действительно вышел бы незаурядный музыкант, писатель или ученый. Но мир семьи ему казался тесен, и подростком он бежал из дому, стал грузчиком где-то на Волге, бродяжничал, пел песни и плясал с такими же отчаянными беспризорными ребятами, как он сам, и немного утихомирился только тогда, когда ему посчастливилось попасть в летнюю школу.

Воинская дисциплина пошла Фадееву впрок — он привык к порядку, научился доводить начатое дело до конца. Но нет-нет да и прорывалось в нем старое буйное озорство, и тогда никакие взыскания не могли заставить его смириться. Многим нравилось это своеобразие натуры Фадеева — в нем видели лихого, компанейского парня. Еще больше располагал он к себе людей неистощимой изобретательностью на самые смешные выдумки.

В полку вдруг начали увлекаться организацией вечеров самодеятельности — Вадим был неизменным режиссером и конферансье на этих вечерах. Люди покатывались со смеху, когда на самодельных подмостках вдруг появлялась его высокая фигура, и он начинал сыпать шутками да прибаутками. И вдруг, церемонно раскланявшись, Фадеев объявлял:

— А сейчас перед вами выступит лауреат международных и межпланетных конкурсов чечеточников, всемирно знаменитый танцовщик Андрей Труд...

И, хитро поведя косматой бровью, он доверительно сообщал:

— Труд — это псевдоним. Специально для начальства! Но никто все равно не верит...

Под гром аплодисментов на подмости поднимался Андрей и лихо отстукивал «сербиянку». Потом выходил сам Пал Палыч Крюков и, немного конфузясь оттого, что ему приходится выступать в роли декламатора, читал длинную поэму собственного сочинения «Отомстим».

Вечера проходили шумно и заканчивались танцами под музыку неизменного баяниста — начальника связи полка.

Дни летели быстро: учеба, формирование, повседневные заботы воинской жизни. В конце декабря командир полка объявил: уезжаем дальше на юг, будем принимать новые самолеты. Освоим их и — на фронт...

Александр Покрышкин снял в летной столовой свой фотопортрет — там были вывешены фотографии лучших истребителей под надписью «Воздушные следопыты» — и отнес его Марии. Она вспыхнула от радости, но тут же сникла: догадалась, что это неспроста, наверное, скоро разлука... А Саша потоптался на месте и хмуро, неумело скрывая свое волнение, сказал:

— Вот улетаем... Война! Если будешь любить, береги этот портрет, а если забудешь — не бросай, пошли его лучше матери. Адрес-то не забыла? Новосибирск, Лескова, 43а...

Глаза Марии наполнились слезами:

— Как тебе не стыдно? Разве...

— Ну ладно, — Покрышкин по-медвежьи сгреб хрупкую подругу и крепко обнял ее. — Знаю, все знаю. Это я так...

Утирая слезы и улыбаясь, Мария говорила:

— Не буду говорить красивых слов, а подойдет время, приедешь — сам увидишь, и люди скажут, какая я была без тебя...

Назавтра утром они съездили за четырнадцать километров в ближайший город, разыскали фотографа и снялись у него вдвоем.

Когда полк уже отбывал на вокзал, Покрышкин снова прибежал к Марии. Запыхавшись, он протянул ей томик «Отверженных» Виктора Гюго, с которого когда-то началось их знакомство. Внизу уже гудела машина. Александра торопили. Он обнял и поцеловал Марию, хотел что-то сказать. Но снизу снова раздался отчаянный гудок, и он, махнув рукой, сбежал по лестнице.

Мария начала лихорадочно листать книгу — может быть, Саша догадался вложить хоть какую-нибудь записочку, но и записочки не было. Тогда она села на табуретку и заплакала навзрыд, по-бабьи, размазывая слезы по щекам. «И так больно мне стало,— рассказывала она мне много лет спустя, вспоминая эту тяжелую минуту.— Думаю — неужели не увижу его больше? Ведь у истребителя жизнь бывает так коротка...»

Но судьба оказалась милостива к этим двум хорошим молодым людям, и не далее как через пять месяцев снова свела их, в этот раз на Кубани...

Однако не будем забегать вперед. Вернемся к текущим делам шестнадцатого гвардейского истребительного авиационного полка, летчики которого уже передвигаются к месту назначения самым банальным образом — по железной дороге. Едут в пассажирских вагонах, словно и войны-то никакой нет и едут они куда-нибудь на курорт или в командировку.

Настроение у истребителей хорошее, приподнятое, немного возбужденное: ведь скоро снова в бой. Но до этого предстоит освоить новый скоростной и маневренный самолет, на котором еще никто из них не летал. Инженеры рассказывали, что это хорошая машина, но с нею придется повозиться, пока она не станет столь же привычной, как «миг» или «Яковлев».

А эшелон как назло двигался очень медленно. Так

в вагонах и пришлось встретить новый, тысяча девятьсот сорок третий год. Выпили за Новый год, за победу, за то, чтобы дожить до встречи с родными. Устроили даже вечер самодеятельности — Масленников сыграл на баяне, Крюков опять прочел стихи. Фадеев изо всех сил старался поднять настроение. Но, в общем-то, большого веселья не получилось: люди мысленно уже жили будущим — фронтом...

Новые самолеты пришлись всем по душе. Пока что на всех дали семь машин — их было еще мало, и летали на них по очереди, но командиру обещали к тому времени, когда полк освоит новую технику, дать достаточно самолетов. Чаще всего летали на машине с номером тринадцать — она досталась неутомимому технику Чувашкину, который, как обычно, ухаживал за самолетом, словно за малым ребенком, и можно было не сомневаться, что номер тринадцатый взлетит в любую минуту. Тут же родилась шутка: число тринадцать стало приносить счастье...

Сашу Покрышкина теперь все реже называли на службе Сашей — он был утвержден командиром первой эскадрильи. Полагалось подойти к нему и сказать: «Разрешите обратиться». Но сам он субординации не любил и даже сердился, когда вдруг между ним и летчиками эскадрильи возникали какие-то официальные отношения.

Летчики первой эскадрильи жили в общежитии, наскоро оборудованном в двухэтажном домике, где до войны помещался гражданский аэропорт. Покрышкин устроился на частной квартире. На столике у его кровати стояла фотография, на которой он был сфотографирован с Марией. Но бывал он на квартире редко — почти круглые сутки пропадал на огромном аэродроме, где тренировал своих летчиков.

Место это показалось на первый взгляд довольно

привлекательным: аэродром на берегу большого озера, поблизости — река, обильная рыбой; зима совсем не чувствовалась, было тепло. Но травы не было — голый, твердый суглинок, солончаки. Люди начали страдать от малярии. Кое-кто начал поднывать, жаловаться: это, мол, тебе не курорт... Покрышкин резко обрывал таких: «Не на курорт приехали! побыстрее обучиться — и на фронт!..»

На своем тринадцатом номере он выпустил в самостоятельный полет почти всю эскадрилью. Хозяйственный Чувашкин подсчитал, что его машина налетала более сорока часов.

Пришло время подводить итоги. Командир полка Исаев придирчиво проверил каждого, учинил экзамен и по технике, и по тактике воздушного боя. Приезжала комиссия. Сочли, что полк готов к бою. Каждому дали по новому самолету, теперь полк снова становился грозной боевой единицей.

Покрышкин после раздумья оставил за собой машину с номером тринадцать — она ему определенно нравилась, хотя друзья, посмеиваясь, советовали ему: «Ты поручил бы Чувашкину номер перекрасить», «Добавь, на всякий случай, нолик».

Покрышкин отшучивался: «Тринадцать — число счастливое!» Так он и вылетел на фронт на машине номер тринадцать.

НАД КУБАНЬЮ

Восьмого апреля 1943 года, после полудня, капитан Покрышкин привел свою эскадрилью на Краснодарский аэродром. Под началом у него были командиры звеньев Речкалов и Паскеев.

Город, с которым было связано так много в его жизни, лежал перед ним все такой же просторный, широкий, по-весеннему яркий. Сады уже оделись легким зеленым пухом. Коричневая лента своевольной быстрой реки огибала город. На полях, хранивших свежие следы боев, уже работали казачки, и жирные ленты вспаханного кубанского чернозема лоснились на солнце.

Пять лет прошло с тех пор, как упрямый техник звена связи семьдесят четвертой стрелковой дивизии добился наконец разрешения на поступление в школу летчиков и уехал из Краснодара в Крым, в Качу, чтобы стать истребителем. Мог ли думать тогда Покрышкин, что ему придется воевать над этими улицами, домами, над этими парками, над этим аэродромом, где стояли в 1937 году тяжеловесные бипланы Р-5, за которыми он тогда ухаживал?

Из газет он знал, как страшно разрушили фашисты Краснодар. Подолгу всматривался в снимки знакомых

домов, изуродованных и разбитых, глядел на фотографии расстрелянных. За годы войны многое стало привычным, многое примелькалось. И все же теперь, взглянув на проносившиеся под крылом дома без крыш, фасады, облизанные языками пламени, перекрестки, заваленные битым кирпичом, он почувствовал, как что-то заныло в груди. Но уже пора было делать четвертый разворот, и Покрышкин сосредоточил все внимание на посадке.

Знакомый аэродром с бетонированной взлетной полосой был уже приведен в порядок. Бойцы заровняли воронки, восстановили землянки. Летчики, спрыгивая с плоскостей своих новеньких самолетов и расстегивая шлемы, с наслаждением вдыхали влажный весенний воздух, настоенный на молодых апрельских травах. Андрей Труд и трое других молодых ребят, не успевших побриться в городе, заторопились в землянку, чтобы успеть привести себя в порядок до встречи с новым начальством. Покрышкин по-хозяйски, не спеша обошел стоянку своей эскадрильи, дал указания о маскировке машин и тоже спустился в землянку, чтобы посмотреть, как размещаются пилоты.

Вдруг снаружи затарахтел и смолк мотоцикл, и послышалась команда «Смирно». Летчики вскочили. По ступенькам в землянку спустился седой военный в фуфайке, закрывавшей знаки различия. Из-за плеча его выглядывал командир полка, делавший отчаянные знаки не успевшему побриться Труду. Андрей, выхватив платок, хотел стереть мыльную пену, но человек в фуфайке, улыбнувшись, сказал:

— Заканчивайте, заканчивайте.

И, присев на табуретку, он как-то сразу начал непри-
нужденный разговор с летчиками, словно был уже давно знаком с ними. Его быстрые, острые глаза замечали все: и складки на неглаженной гимнастерке молодого пилота, и орден Красной Звезды на груди у покрасневшего, смутившегося летчика чуть-чуть постарше, и стопку книг,

которую Покрышкин только что вынул из чемодана. Разговаривал он просто, непринужденно.

— Ну как долетели? Нормально? А что же это вы, товарищи офицеры, все еще кубики и шпалы носите? Вот вы, товарищ командир, и вовсе без петлиц, это уже совсем нехорошо! А там на месте вам еще погон не вручали? Ну, мы это быстро поправим... А вы, молодой человек, почему прихрамываете? Небось, раньше срока из госпиталя удрали? Чувствую, чувствую...

Это был Борман, генерал-майор, новый командир двести шестнадцатой истребительной дивизии, старый опытный летчик и тонкий знаток людей. Он успел по документам познакомиться с историей гвардейцев и был доволен, что полк, только что получивший двадцать семь отличных скоростных самолетов, возвращается в дивизию именно теперь, в разгаре битвы за Кубань. Сейчас ему хотелось получше узнать людей полка. Вот этот плечистый, немного неуклюжий, неразговорчивый командир первой эскадрильи производит впечатление волевого человека. Свой орден Ленина он, видать, заслужил упорным трудом. Широколицый, веснушчатый старший лейтенант с орденом Красного Знамени, немного прихрамывающий, наверное, лих в бою. Повадка у него бойкая. Но надо будет сказать командиру полка, чтобы присматривал за ним — нет ничего опаснее для летчика, чем самоуверенность. А вот тот, что не успел побриться, пока еще зелен, но при случае не растеряется. На язык боек. Это хорошо. В каждой эскадрилье нужен вот такой вострый парень, чтобы людям не давал скучать...

Так незаметно прощупывая людей и делая заметки в памяти, генерал толковал с летчиками о том, о сем минут пятнадцать. Потом резко переменял тон и командным, властным голосом заговорил:

— Итак, в бой вступаете с завтрашнего дня. Наша задача — прикрытие наземных войск в наступательных операциях. Учтите: противник сосредоточил здесь мощные

авиационные силы, лучших своих летчиков. Он пытается любой ценой удержать таманский плацдарм и Новороссийский порт. Идет упорная борьба. В прошлом месяце только одна наша дивизия провела пятьдесят один воздушный бой и сбила шестьдесят пять самолетов. В апреле я жду еще более напряженных боев. Новые самолеты, которыми вооружили и вас, прекрасно зарекомендовали себя. Стало быть, теперь все зависит от вас самих, от того, насколько умело вы примените свою технику. Традиции у вашего полка неплохие, опыт есть. Поэтому я не сомневаюсь, что вы и теперь поработаете неплохо.

Он сделал небольшую паузу и добавил:

— Прошу учесть: с послезавтрашнего дня я — на переднем крае, на станции радионаведения. Оттуда буду наблюдать каждый вылет. Помните об этом и знайте: колебаний, нерешительности — не терплю. Увидел противника — атакуй немедленно! Атаковал — бей наверняка! Сбил — донеси по совести и чести. Не сбил — доложи также откровенно. Понятно? Ну а практические указания получите от командира полка. Желаю удачи, товарищи летчики!

Генерал встал, поднес руку к козырьку выгоревшей на солнце фуражки и вышел. Тотчас же затарахтел мотоцикл: Борман укатил во вторую эскадрилью.

Полк действительно прибыл на Кубань в самый разгар важных событий. Именно теперь, когда начали немного подсыхать дороги и аэродромы, борьба за прикубанье стала особенно ожесточенной.

Пока гвардейцы переформировывались и осваивали новые самолеты, наши войска, сломив оборону гитлеровцев на Тереке, двинулись вперед, освободили Северный Кавказ и большую часть Кубани и вышли к Тамани. В то же время завязались упорные бои у стен Новороссийска.

В первых числах марта на узком участке фронта, пра-

вый фланг которого упирался в разлившуюся Кубань и ее притоки, а левый — в северо-западные отроги Большого Кавказского хребта, заняла оборону потрепанная в предыдущих боях, но все еще сохранявшая боеспособность семнадцатая армия гитлеровцев. Фашистское командование отдало приказ любой ценой сохранить этот плацдарм на Таманском полуострове как возможную исходную базу для нового наступления на Кавказ. На плацдарме все еще были сосредоточены пятьсот тысяч солдат и офицеров противника.

Гитлеровские войска находились в трудном положении: их коммуникации, проходившие через Керченский пролив, были весьма уязвимы. В этих условиях спасти таманский плацдарм могло только полное господство в воздухе — авиация Геринга должна была прикрыть своими крыльями лихорадочно зарывавшиеся в раскисшую от весенних дождей землю дивизии семнадцатой немецкой армии.

С этой целью сюда были переброшены основные силы четвертого воздушного флота гитлеровских вооруженных сил, насчитывавшего около полутора тысяч самолетов, — больше половины всей немецкой авиации, действовавшей в то время на Восточном фронте. Все аэродромы Тамани, Крыма, Приазовья и Донбасса, находившиеся в руках гитлеровцев, были заполнены немецкими бомбардировщиками, истребителями и штурмовиками.

На Кубань Геринг послал свои лучшие авиационные части, в том числе третью истребительную эскадру «Удет» и пятьдесят первую истребительную эскадру «Мельдерс». Наконец, он направил сюда особую группу отличных мастеров воздушного боя, которые летали на самых лучших самолетах-истребителях, какие только были тогда у немцев, — «Фокке-вульф-190».

Но и советская военная авиация к этому времени окрепла и закалилась. Правда, командование Северо-Кавказского фронта все еще имело в своем распоряжении

меньше самолетов, чем противник. Но, во-первых, в значительной части это были уже современные, скоростные, хорошо вооруженные самолеты, а во-вторых — и это самое главное — их водили в бой замечательные летчики, обладавшие большим боевым опытом.

Здесь действовали четвертая воздушная армия генерал-майора Науменко, которого вскоре сменил генерал-лейтенант Вершинин, и пятая воздушная армия генерал-майора Горюнова. Кроме того, на этом участке работали группа авиации дальнего действия генерал-лейтенанта Скрипко и авиация Черноморского флота под командованием генерала Ермаченкова.

Всего к тому моменту, когда на фронт прилетели Покрышкин и его друзья, советские Военно-Воздушные Силы имели здесь пятьсот пятьдесят — шестьсот самолетов. Правда, пятая часть их нуждалась в ремонте, но сюда уже спешили новые крупные пополнения из резерва Ставки — на Кубань направлялись свежие дивизии и корпуса истребителей, штурмовиков и бомбардировщиков. Таким образом, соотношение сил в воздухе быстро уравнивалось. И хотя у нас все еще не хватало бомбардировщиков, но по штурмовикам наша авиация уже имела абсолютное превосходство, а по истребителям — двукратное. Это предвещало острые воздушные бои, причем следовало ожидать небывалых еще по своей массовости сражений в воздухе. Ведь военные действия велись на сравнительно небольшом плацдарме!

Летчики соседнего истребительного полка, которыми командовал старый знакомый Покрышкина и его друзей подполковник Дзусов, рассказывали о том, как начиналась битва за Тамань. Вначале казалось, что наши войска, развивавшие свое наступление, быстро сбросят гитлеровцев в море. Но ранняя южная весна усложнила их задачу. Невероятная, ни с чем не сравнимая кубанская распутица сковывала маневр сухопутных войск. Раскисший чернозем засасывал пушки по ступицу. Сотни грузови-

ков, зарывшихся в грязь, жалобно выли на разбитых дорогах. Тогда на выручку машинам приходили люди.

Тысячи бойцов брали на руки ящики с боеприпасами и, тяжело переступая по грязи, брели за десятки километров к переднему краю.

В пути к солдатам присоединялись черноокие кубанские девчата, вихрастые хлопцы, седые старики. Они молча брали из рук утомленных бойцов тяжелые снаряды, взваливали на плечи и шли, шли, не останавливаясь, туда, где день и ночь гремела канонада. И часто, подойдя к огневой позиции, на которой орудовали сердитые, закопченные, пропахшие пороховым дымом артиллеристы, усталая босоногая казачка любопытным и восхищенным взором глядела, как снаряд, натрудивший ей плечи, исчезает в пасти орудия. Звучала резкая команда, орудие рывкало, подпрыгивая на колесах, лязгал замок, и гильза, дымясь, падала на землю. Столько трудов, столько мучений, и все это лишь ради вот этой одной секунды!..

Вот в какое время над Кубанью появились в большом количестве новые скоростные советские истребители. Они ошеломили своими ударами гитлеровских летчиков и надежно прикрыли крыльями истомленную трудными боями советскую пехоту. В первых же схватках с немецкой авиацией отличилась и дивизия генерала Бормана, в том числе полк командира Гарбарца, сражавшийся на новых самолетах конструкции Яковлева.

Скромный, простой в быту, летчик Горбунов, темпераментный кавказец Конкошев, деловитый, вечно озабоченный Наумчик сбивали один за другим немецкие истребители самого последнего выпуска — «мессершмитты» серии «Г». В один из дней Горбунов, вызванный по радиостанцией наведения в район, где ходил немецкий разведчик, прикрытый двумя истребителями, сбил последовательными, точными ударами сначала разведчика, а затем обоих «мессершмиттов». В другом бою он шестеркой «Яковлевых» атаковал в лоб большую группу в составе

ста немецких бомбардировщиков, сбил несколько самолетов и заставил остальных сбросить бомбы на свои собственные войска, что вызвало бурное восхищение у нашей пехоты.

— Я Горбунов! Иду я, Горбунов! — передавал он иногда по радио, вылетая на патрулирование, и немецкие летчики, услышав страшное для них имя, уступали ему дорогу, опасаясь встречи с истребителем, не знающим промаха.

Рядом с полком Гарбарца второго марга встал полк под командованием подполковника Дзусова, горячего осетина, давнего соратника генерала Бормана: еще в мирное время в Баку тот командовал истребительным полком, входившим в состав бригады, заместителем командира которой был Борман. Теперь в его полку зарекомендовали себя с наилучшей стороны летчики Лавицкий и братья Глинки. Они уже в марте приобрели широкую популярность как смелые и дерзкие истребители.

Гитлеровцы в те дни еще обладали превосходством в воздухе. Однако наши летчики не только не давали гитлеровцам возможности использовать это численное превосходство, но сами крепко удерживали инициативу и наносили врагу удар за ударом, надежно прикрывая с воздуха части пятьдесят шестой, тридцать седьмой и девятой армий.

В первой декаде апреля упорные бои шли на левом крыле фронта, под Новороссийском. К тому моменту, когда шестнадцатый гвардейский истребительный авиаполк прибыл на Кубань, гитлеровцы отошли на мощный оборонительный рубеж, построенный по берегам рек Курка — Кубань — Адагум — Вторая Псиж и далее — через Балку Адамовича к Станичке и западным скатам Мысхако. Из-за бурного разлива рек нашим частям, действовавшим в центре, не удалось полностью решить поставленную перед ними задачу. На левом фланге оборо-

не гитлеровцев благоприятствовал гористый рельеф местности, стеснявший маневр наших подвижных войск.

В этой обстановке возрастало значение действий авиации, и естественно, что прибытие гвардейского полка, вооруженного истребителями последнего образца, было как нельзя более кстати.

— Мы вас хорошо помним, товарищи, по прошлогодним делам и рады, что вы вернулись в дивизию,— сказал начальник политотдела полковник Мачнев при встрече с гвардейцами.— Традиции наши вы помните хорошо, и агитировать вас я не буду. Скажу только, что у нас теперь боевая задача: добиться, чтобы вся дивизия стала гвардейской, и я думаю, что вы нам в этом крепко поможете.

После обеда Покрышкин попросил у командира полка автомобиль и уехал в город. Ему не терпелось поближе увидеть Краснодар. Сидя за рулем, он медленно вел машину, лавируя среди завалов камня, срубленных деревьев, воронок, зиявших посреди знакомых улиц. Непередаваемое острое чувство возвращения в разоренное гнездо томило душу. Вот здесь была библиотека — сколько раз он брал тут книги! Здесь помещалось кино — помнится, молодые техники с волнением глядели в нем специальные выпуски кинохроники о боях в Испании. Какой далекой казалась тогда война, и как близко все же принимала ее к сердцу молодежь... А вон там за углом, в парке, танцевали...

Покрышкин с трудом узнавал улицы: полуразбитые, обожженные дома все были на одно лицо — несчастье равняет дома, как и людей. На улице Красной Покрышкин остановил свою машину у дома, на фасаде которого уцелела вывеска «Парикмахерская». Он усмехнулся, вспомнив, что пять лет назад был здесь частым гостем, сошел с машины и отворил дверь. У разбитого зеркала дежурил знакомый парикмахер. Он похудел, постарел,

сгорбился. Увидев посетителя, равнодушно скользнул по нему потускневшим взглядом и заученным тоном спросил:

— Постричь? Побрить?

— Нет, поговорить,— лукаво сказал Покрышкин, и в глазах парикмахера проснулось изумление. Он внимательно посмотрел на летчика и в замешательстве вымолвил:

— Как вы сказали? Постойте, постойте... Поговорить?

И узнав наконец посетителя, он всплеснул руками:

— Боже мой! Бывают же такие встречи! Так вы теперь летчик? Ну, садитесь, садитесь же...

Покрышкин сел в кресло и приготовился слушать. Он помнил, что парикмахер всегда был словоохотливым человеком и все городские новости узнавал первым. Но пережитое сильно изменило хозяина этого чудом сохранившегося заведения. Вспышки возбуждения от неожиданной встречи ему хватило ненадолго, и он как-то сразу сник, угас, замолчал и потом глухо сказал:

— Боюсь, что у вас будет немного встреч со знакомыми. В Краснодаре все еще больше мертвых, чем живых...

И он медленно начал рассказывать о тех страшных и диких вещах, которые некоторое время спустя стали известны всему миру из отчетов о краснодарском суде над гитлеровскими военными преступниками — о виселицах в парке, о трупах в противотанковом рву, о страшных автобусах, в которых людей душили окисью углерода,— народ называл их «душегубками». Парикмахер говорил как-то отчужденно, хрипловатым, надтреснутым голосом. Кругом было непривычно, до жути тихо. Покрышкину стало не по себе. Проведя рукой по лицу, словно силясь отогнать от себя дурной сон, он оборвал собеседника на полуслове, сказал: «Да, да, до свидания», повернулся и выскочил на улицу. Мастер растерянно глянул ему вслед и снова прислонился к косяку разбитого зеркала в ожидании клиента.

А Покрышкин погнал свою машину к большому сто-квартирному дому, составлявшему некогда гордость краснодарцев. Там, на пятом этаже, он жил в тридцать восьмом году, и ему вдруг захотелось взбежать, как бывало, по крутой лестнице, распахнуть двери широкой солнечной комнаты, выйти на балкон и подставить лицо весеннему свежему ветру. Как хорошо думалось и мечталось в молодые годы на том балконе!

На перекрестке он резко затормозил. Стоквартирный дом-гигант, как и большинство крупных зданий Краснодара, был разбит. Мощная немецкая бомба сбрила фасад здания. Вверху, на пятом этаже, Покрышкин увидел половину своей комнаты: знакомая стена, часть потолка, кровать, повисшая над бездной, стол, все еще державшийся на краешке пола у стены, и огромная груда битого кирпича, извести, обломков мебели внизу.

У Покрышкина заняло сердце. Развернув машину, он медленно поехал вдоль улицы без цели и маршрута. Время от времени тормозил, вглядывался в изможденные, незнакомые лица прохожих, потом снова давал газ и двигался дальше. Так проехал через весь город, потом повернул и на полной скорости укатил к аэродрому. На душе лежала гнетущая тяжесть, и чувствовалось, что только в бою удастся от нее избавиться.

Весь вечер Покрышкин беседовал с летчиками соседнего полка, самолеты которых также пока стояли на Краснодарском аэродроме. Они рассказывали, что появление скоростных советских машин заставило гитлеровцев искать новые ухищрения, менять тактику воздушного боя. В единоборство с советскими истребителями они теперь не вступали, а старались повести бой так, чтобы добиться подавляющего количественного превосходства в воздухе.

Фашистские летчики стремились завлечь наших истребителей в глубь своей территории, высылая для при-

манки одиночные машины; пробовали затягивать наших летчиков на высоты до семи тысяч метров; применяли непрерывное наращивание сил в ходе воздушного боя; маскировали налеты своей бомбардировочной авиации, прикрывая ее усиленными нарядами истребителей сопровождения.

Все это заинтересовало Покрышкина, но не вызвало у него тревоги. Он знал: новейшие «мессершмитты» серий «Ф» и «Г» лучше прежних, и скорость, и огонь у них сильны, «фокке-вульфы» изворотливы, и все-таки — он был в этом глубоко убежден! — ни одна из этих машин не страшна нашему истребителю, если он хорошо владеет своим самолетом. Уж если наши летчики били гитлеровцев на И-16 и «чайках», то что говорить теперь!

Ночью Покрышкин раскрыл при свете мигающего светильника свой самодельный атлас и в тысячный раз углубился в него. Конечно, многое здесь противоречит общепринятым положениям. Как воспримут его предложения в дивизии? Он-то готов поклясться, что каждый штрих в этих схемах — истина. Но что скажет командование? В конце-то концов — что он за птица? Подумаешь, никому не известный капитан, каких тысячи, и вдруг берется перестраивать тактику истребительной авиации...

Может быть, его поддержит генерал? Кто знает!.. Борман пришелся ему по сердцу: видно, что он знает и ценит летчиков. Но поймет ли он Покрышкина? Ему хотелось подойти к нему и вот так, просто, по душам рассказать и выложить все, что так долго мучило и тяготило его. Но он боялся показаться навязчивым и смешным со своими самодельными чертежами. А времени для разговоров больше нет, завтра утром бой. Нет, будь что будет, а драться он станет по-своему!

В восемь часов сорок минут утра капитан Покрышкин повел шестерку самолетов на прикрытие наземных час-

тей в район станицы Абинская. В паре с ним шел старшина Голубев, молодой богатырь, любитель рискованных и трудных воздушных драк, неизменный ведомый Покрышкина, не раз глядевший смерти в лицо. Второй парой летели Речкалов и Степанов, третьей — Паскеев и Козлов — все бывалые летчики, на которых Покрышкин мог положиться. И все же перед полетом он долго беседовал с ними, разъяснял, как надо вести патрулирование, как поступать при встрече с противником, как осуществлять взаимодействие.

Наконец он повел свою машину на взлет. Техник Чувашкин с волнением проводил взглядом стремительно оторвавшуюся от земли красивую красноголовую птицу своего командира с крупным номером «13» на хвосте. За Покрышкиным поднялись в воздух остальные летчики его группы. Построившись в боевой порядок, они шли парами, развернутым фронтом, располагаясь лесенкой над полем боя.

На станции наведения заметили, что истребители, против обыкновения, ходят на повышенной скорости. Их строй раскачивается в воздухе наподобие гигантского маятника — на скорости вниз, потом горкой вверх, потом разворот и снова вниз. Солнце оставалось у них все время сбоку, и они чертили в воздухе треугольник, дважды разворачиваясь на солнце и только один раз подставляя ему хвост.

— Здорово задумано! — сказал, обращаясь к пехотному командиру, майор авиации, дежуривший на станции наведения. — Это кто-то из новеньких. Хитрый! Во-первых, у них большой запас скорости за счет вот этого движения маятника. А во-вторых, они отлично видят в сторону солнца и их трудно поймать на внезапность.

Над полем боя мелькнули четыре точки. Майор в бинокль разглядел характерные тонкие хвосты «мессершмиттов» и поднес к губам микрофон, чтобы предупредить патруль. Но ведущий уже резко развернул всю шес-

терку, и майор услышал по радио короткую властную команду:

— Речкалов, за мной! Паскеев, прикрывайте!..

Четверка истребителей, используя запас скорости, обрушилась на «мессершмитты». Те метнулись на запад, но Покрышкин, совершив резкий вертикальный маневр, повторил атаку, и в воздухе вспыхнули сразу два факела — один самолет сбил Покрышкин, второй — Степанов. Два других «мессершмитта» успели ускользнуть.

— Вот это да! — сказал майор, опустив микрофон. — Хватка! От такого не уйдешь...

А четверка истребителей уже вернулась в свой квадрат, и снова шесть машин, соединившихся в единый патруль, стали мерно раскачиваться над полем боя, словно гигантский маятник...

После обеда Покрышкин со своей шестеркой опять летал прикрывать войска и опять действовал по-своему. Но на этот раз он не встретил противника и вернулся с полным боекомплектom. На разборе объяснил всем летчикам эскадрильи, что впредь они должны патрулировать только так, как он учил, а бой вести преимущественно на вертикалях.

Первый успех вселял уверенность.

Вскоре, как-то вечером, к Покрышкину подошел командующий воздушной армией генерал Вершинин, захвативший по пути из штаба фронта в недавно прибывший полк, чтобы посмотреть, как люди втягиваются в боевую жизнь. Он сказал:

— Мне доложили о вашем недавнем бое, когда ваш патруль сбил два самолета. Хвалю. Но вы увеличиваете скорость патрулирования за счет сокращения срока прикрытия поля боя. Не так ли?

Его ясные глаза с лучиками мелких морщин строго и испытующе глядели на капитана. Покрышкин упрямо нагнул голову:

— Да. Но зато мы сбили двух «мессеров»!

Генерал сдержанно улыбнулся:

— В старину действительно говорили, что победителей не судят. Но времена меняются, и некоторые традиции стареют...

Покрышкин еще больше насупился. Командир продолжал:

— План есть план. Патрулирование на больших скоростях влечет за собой увеличение количества самолето-вылетов. Так?.. Стало быть, нужны новые расчеты, нужна перестройка графика. Выходит, начинать следовало бы не с сюрпризов командованию...

Генерал внимательно следил за капитаном. Он видел, что Покрышкин начинает сердиться, и это ему нравилось: значит, человек глубоко уверен в своей правоте. Командующий уже слыхал, что этот летчик давно мудрит над тактическими приемами и даже завел какой-то альбом схем и чертежей. Ему сообщили, что на счету у Покрышкина свыше трехсот боевых вылетов и что этот летчик, стало быть, располагает солидным опытом. Поэтому генерал тут же сказал:

— Приезжайте ко мне завтра. Побеседуем...

И вот они вдвоем. Генерал понимал капитана с полуслова и многое, над чем тот бился месяцами, решал тут же, на ходу, несколькими точными и логичными ходами мысли. Это внушало глубокое уважение к высокому художавому генералу, в котором Покрышкин увидел зна-тока авиации.

Вершинин, тем временем, по своему обыкновению, исподволь изучал собеседника, все ближе и ближе присматриваясь к нему. Конечно, Покрышкин предлагает много такого, что уже давно известно. Работая на крайнем левом крыле огромного фронта, который в силу сложившейся обстановки был надолго отрезан и жил своей, можно сказать, обособленной жизнью, Покрышкин не мог знать, что там, на севере, одновременно с ним дру-

гие, такие же ищущие, творчески мыслящие летчики думали над теми же острыми тактическими проблемами. Но это отнюдь не умаляет его заслуг.

Слушая Покрышкина, генерал невольно вспоминал, как в трудные дни лета сорок второго года на Юго-Западном фронте некоторые летчики, летавшие на самолетах ЛаГГ-3, уже пытались применять построение парами, выравнивали их фронтом над полем боя, эшелонировали патрули по высоте; как уже тогда, пользуясь еще не совершенной техникой, они удачно применяли вертикальный маневр. Сама жизнь учила летчиков, и часто они, работая порознь, на разных фронтах, одновременно приходили к тому же выводу.

Теперь назрело время собрать воедино все эти отдельные, разрозненные крупицы опыта и объединить их в стройную систему тактических приемов. И Вершинин, обдумывая планы предстоящих сражений, внимательно слушал тридцатилетнего капитана. Он чувствовал, что этот летчик прошел большую жизненную школу и не привык бросать слова на ветер. Тем больший интерес для генерала представляли его предложения. Задумчиво перелистывая самодельный альбом Покрышкина, он всматривался в схемы и говорил:

— Вот эта этажерочка нам пригодится... Только превышение я бы дал поменьше. Представьте себе: если нижней паре потребуется прийти на помощь верхней, она потеряет слишком много скорости при наборе высоты... Треугольник хорош... Но вот здесь, на третьем развороте, я ставлю пока вопросительный знак: хвостик вы здесь все-таки подставили солнцу, а?..

Так он шел от схемы к схеме. Покрышкин не испытывал той напряженности, какая подчас сковывала его во время бесед с начальством.

Особенно подробно они толковали о применении радио в бою. Вершинин узнал, что Покрышкин неизменно пользовался радио с первых дней войны, невзирая на то,

что тогда аппаратура, которой были оснащены самолеты, была еще несовершенна, и некоторые летчики попросту обрезали шнур, ведущий от шлема к приемнику, полагая, что радио только мешает им своим треском и шумом. Покрышкин же серьезно изучил технику радио и постоянно, к удовлетворению начальника связи полка, держал с воздуха связь с командным пунктом.

Вершинин сам был энтузиастом радио. Он ценил комдива Бормана за то, что тот еще за несколько лет до войны, служа командиром истребительной авиабригады в тихом украинском городке Василькове, настойчиво проводил опыты управления самолетами по радио. Борману доставляло тогда огромное удовольствие видеть, как летчик, принявший его команду, меняет курс самолета, ложится в вираж, делает переворот. Проницательный командир, он уже в то время видел, что эти опыты сулят огромное будущее авиации.

Теперь в голове у командующего зрели планы широкого применения радиосвязи в бою, и он запросто советовался о многих деталях с опытным командиром эскадрильи: он привык не только учить подчиненных, но и учиться у них.

Время уже перевалило за полночь, когда он встал из-за стола и сказал, улыбнувшись, Покрышкину:

— Ну, кажется, я окончательно замучил вас, а вам завтра летать. Всего вам хорошего...

Он пожал руку капитану, и Покрышкин вышел из избы. Полк в это время уже стоял на аэродроме станицы Поповической, куда летчики перелетели девятого апреля, чтобы быть ближе к переднему краю. Оттуда отчетливо доносилась гулкая канонада, и в избах позвякивали уцелевшие кое-где стекла. Ночной небосвод лизало пламя пожаров. Где-то совсем близко шел упорный бой, и Покрышкину не терпелось дожидаться рассвета, чтобы подняться в воздух и принять участие в этой драке.

Ему вспомнилась почему-то большая карта, висевшая

на стене хаты, в которой принимал его Вершинин. Тогда, во время беседы, ему было не до нее, но теперь он вдруг совершенно отчетливо увидел перед собой красный изгиб линии фронта у Крымской и то неимоверно далекое расстояние, которое отделяло его от синеватой пограничной черты вдоль Прута.

Гитлеровцев далеко отогнали этой зимой. Но ведь это только начало! И потом — ведь до сих пор мы наступали только в зимние месяцы. А как будет этим летом? Какая судьба ждет полк?..

И Покрышкин долго еще мерил шагами грязную станичную улицу, гадая о будущем. Туман, словно марля, бинтовал сады, израненные снарядами. Шумели камыши над рекой. Галки, испуганные разрывом, бестолково галдя, металась над пашней, облитой малиновым светом ближнего пожара. С аэродрома уже доносился сердитый рев моторов — бессонные техники готовили машины к вылету.

Воздушные бои разгорались. Летать приходилось по два-три раза в день, и редкий вылет проходил без встречи с противником. Деятого апреля шестерка Покрышкина дралась с десятью «мессершмиттами» и сбила один из них, не понеся потерь, одиннадцатого вела бой с восемью самолетами и опять сбила «мессершмитт». В этот же день Пал Палыч Крюков — теперь уже майор и штурман полка! — вступил в единоборство с четырьмя немецкими истребителями и сбил три из них. За этот бой Крюков был представлен к званию Героя Советского Союза. Двенадцатого апреля Покрышкин с восьмеркой самолетов провел в течение часа два крупных групповых боя: один бой против десяти, другой — против восьми «мессершмиттов». В этих двух схватках группа Покрышкина сбила восемь немецких самолетов, в том числе сам он — три «мессершмитта»...

Дрался Покрышкин азартно, с какой-то особой злой яростью, нетерпеливо выискивая в небе самолеты противника. Люди на переднем крае начали узнавать его в воздухе. Он со своей группой всегда внезапно сваливался на немецкие самолеты, заходя со стороны солнца и атакуя на повышенной скорости. Его любимыми приемами стали «соколиный удар» и «клещи» — их он разработал еще у берегов Каспия.

— Скорость плюс высота — вот что нужно для успеха. Ясно? — твердил он летчикам.

Осуществляя групповой маневр в воздушном бою, он строго соблюдал единство пар. Когда приходилось атаковать бомбардировщиков, выстраивал всю группу во фронт и наносил врагу лобовой удар, стараясь разбить его строй. После первой атаки, проскочив строй вражеских бомбардировщиков, истребители либо все разворачивались в одну сторону, либо расходились парами, если было решено брать бомбардировщиков в клещи.

Встречаясь же с группой истребителей, Покрышкин перестраивал боевой порядок так, чтобы гитлеровцы, уходя от атаки одной пары, попадали под огонь второй. Этого он добивался правильным эшелонированием пар на высоте. В индивидуальном воздушном бою он все чаще применял вертикальный маневр, заботясь о том, чтобы после атаки непременно выйти сзади и выше противника. И каждый бой приносил теперь победы. За одну лишь неделю капитан сбил шесть «мессершмиттов», а вся группа, которую он водил в бой, двадцать девять! Теперь весь полк говорил о Покрышкине, и генерал Борман, вручая погоны гвардейцам, поставил его всем в пример.

Семнадцатого апреля пятьдесят шестая армия, несколько продвинувшись вперед и отбив все контратаки, закрепились на достигнутых рубежах. Началась подготовка к трудной и сложной операции — предстояло штурмовать станицу Крымскую, превращенную врагом в важ-

нейший узел обороны. На этом участке фронта установилось кажущееся затишье. Но битва в воздухе не ослабла. Наоборот, напряжение ее еще больше усилилось. Дело в том, что гитлеровцы, пользуясь временной передышкой на центральном участке фронта, решили подправить свои дела на южном крыле — у Новороссийска.

Там, у самого города, уже длительное время на крохотном клочке земли Мысхако — впоследствии известная как легендарная Малая земля — держался, словно вросший в землю, десант советской морской пехоты. Для гитлеровцев он был словно нож, приставленный к горлу; и теперь они обрушились на него, чтобы сбросить моряков в воду. Одновременно фашисты перешли в наступление и на других участках фронта под Новороссийском, сиюсь оттеснить части восемнадцатой армии, полукольцом охватившей город и порт.

С обеих сторон в действие были введены крупные воздушные силы.

Вначале численным перевесом на этом участке располагали в небе гитлеровцы. К тому же их истребители базировались в пятнадцати — двадцати пяти километрах от переднего края, а нашим летчикам приходилось летать издалека. Наша пехота оказалась в тяжелом положении: на нее сыпался град бомб, самолеты расстреливали ее из пушек и пулеметов. Тогда советское командование бросило сюда основные силы четвертой и пятой воздушных армий. И сразу же на крохотном участке фронта протяжением в несколько десятков километров закипели ожесточенные воздушные бои, продолжавшиеся с утра до вечера.

Только двадцатого апреля здесь было сбито свыше пятидесяти немецких самолетов, а всего с семнадцатого по двадцать четвертое апреля советские летчики уничтожили в районе Новороссийска сто пятьдесят два самолета, да еще тридцать было сбито зенитчиками. Наши потери были вдвое меньше...

В первый же день этой большой воздушной битвы у Новороссийска разыгрался бой, который надолго запомнили все летчики полка. Покрышкин особенно гордился им потому, что в схватке победили его ученики и среди них Андрей Труд.

Дело было после обеда. Вадим Фадеев, командовавший эскадрильей, повел восьмерку истребителей в район Мысхако. Его ведомым был Труд. Ударную группу возглавлял сам Фадеев, а прикрытие было поручено Речкалову. Усиленный патруль был послан не случайно: немцы непрерывно массировали бомбовые удары, и теперь над Новороссийском надо было ждать ожесточенного боя.

Перевалив через горы, патруль набрал высоту около пяти тысяч метров. Впереди, насколько хватало глаз, стлалось безмятежное синее небо. Тонкая желтая нить пляжей уходила далеко на юг и на север. Новороссийск — угрюмый, страшный, в дымах пожаров, был распластан на склонах гор, круто спускавшихся к бухте. Над Станичкой, где стойко держались советские моряки, висела сплошная черно-желтая пелена разрывов. Бесчисленные огненные искры пушечных залпов мигали с обеих сторон — пушки били почти в упор.

Со стороны Геленджика появились три «Юнкерса-88». Они шли беспечно на небольшой высоте, без всякого прикрытия. Труду это показалось подозрительным. Одинокая тройка «юнкерсов» в разгаре битвы? Тут какой-то подвох! Но Фадеев решил все же для начала взять эту добычу. Андрей услышал в наушниках его могучий голос: — За мной, браточки!

Как дисциплинированный ведомый, Труд последовал за Фадеевым. Но в ту же секунду, оглянувшись в сторону Анапы, он увидел, что с моря, со стороны солнца, несколькими волнами шли немецкие пикирующие бомбардировщики, а над ними комариной стаей вились «мессершмитты». Звено «юнкерсов» явно было выпущено для того, чтобы отвлечь истребителей от этой армады.

— Фадеев, Фадеев! — закричал Труд, нажав кнопку радиопередатчика.— Смотри вправо, смотри вправо...

В наушниках раздалось в ответ:

— Понял, Труд, понял. Все за мной!

Фадеев резко развернул шестерку истребителей и увел ее в сторону, набирая высоту. Речкалов также пошел со своим напарником вверх, чтобы в решающую минуту боя поддержать ударную группу.

Первыми к району Мысхако подошли десять пикирующих бомбардировщиков и девять «мессершмиттов». Они еще набирали высоту и потому шли на минимальной скорости: немецкие летчики были уверены, что трем «юнкерсам» удастся отвлечь советских истребителей. Но тут со стороны солнца сверху на них свалились восемь скоростных машин с красными носами и красной чертой на руле поворота. Эти знаки гвардейцев были хорошо знакомы гитлеровским летчикам. Они явно встревожились и вызвали подмогу.

Патруль Фадеева действовал по плану, разработанному Покрышкиным перед вылетом: четверка истребителей атаковала «лаптежников», еще одна пара истребителей смело врезалась в гущу «мессершмиттов» и связала их боем, не давая вступить за бомбардировщиков. С первой же атаки Фадеев зажег один бомбардировщик, остальные начали рассыпаться в стороны, наспех освобождаясь от бомб, чтобы побыстрее уйти.

Разбившись на пары, истребители Фадеева стремительно атаковали гитлеровцев, не давая им опомниться. Бой шел с явным преимуществом на стороне гвардейцев. Один за другим упали в воду два горящих «мессершмитта». Но вот подошла вторая волна фашистских самолетов — еще восемь «мессершмиттов» вступили в бой, спустившись с высоты в шесть тысяч метров. Фадеев подал команду «Сомкнуть строй», и все пары вновь соединились. Став в кольцо, они продолжали бой, оберегая хвосты друг друга.

Гитлеровцы все больше наращивали силы. Теперь против каждого советского самолета были два-три фашистских. У Андрея пересохло в горле и все чаще темнело в глазах при выполнении резких маневров, но он старался не отстать от ведущего и непрерывно отгонял от него гитлеровцев. На двадцатой минуте боя с моря подошла группа каких-то новых фашистских самолетов. Андрей догадался: «Фокке-Вульф-190»! С описанием этого нового немецкого истребителя летчики знакомились у Каспия.

Опытный летчик Искрин развернул свою пару самолетов против новых пришельцев. «Фокке-вульфы» вели огонь из пушек, и их снаряды оставляли густой дымчатый след. Искрин и шедший с ним в паре Сутырин держались стойко, и вскоре Труд услышал по радио радостный возглас Сутырина: «Есть почин!» Тотчас же он увидел, как в море падает горящий «фокке-вульф».

Но численное превосходство гитлеровцев сказывалось, и нашим летчикам пришлось бы туго, если бы Фадеев не приберег в резерве до последней минуты прикрывающую пару. Когда фашисты, добившись превышения по высоте, начали атаками сверху прижимать к воде группу Фадеева, на них из поднебесья ринулась пара Речкалова, находившаяся в верхнем эшелоне. Теперь бой шел как бы в два этажа.

Уже девять немецких самолетов упало в воду Цемесской бухты. Горючее в баках подходило к концу. Труд условным словечком напомнил об этом:

— Фадеев, Фадеев! Я голодный! Я голодный!..

И Фадеев скомандовал:

— Домой!

Он резко сделал переворот, прижался к воде и перешел на бреющий полет. Повторяя маневр, Труд неожиданно заметил прямо над собой пятнистое брюхо «мессершмитта». Он, не рассуждая, нажал гашетки, огненное полотно трасс мгновенно протянулось к немецкому

самолету, и, когда Труд закончил фигуру, еще один «мессершмитт» уже падал в воду. Выровняв самолет, Андрей пристроился к Фадееву. Следом за ним шли остальные летчики. Не хватало только одного: в разгаре боя молодой сержант Сапунов оторвался от ведущего и его подбили гитлеровцы.

Андрей оглянулся.

Влажное, темнеющее небо над Новороссийском было исчерчено белыми полосами — следами самолетов. С профессиональным удовлетворением он отметил про себя, что многие следы повторяются дважды — параллелями. Это значило, что летчики вели бой строго попарно.

Сражение на подступах к Новороссийску продолжалось.

Гвардейцы очень уставали. Спать приходилось мало: на аэродром, расположенный неподалеку от станицы, где они ночевали в отведенных для них домиках, приезжали на автобусе в три часа утра и летали до темноты. Это был тяжелый и напряженный труд, и лишь Вадим Фадеев со своим богатырским здоровьем неизменно сохранял бодрость духа. Как только сонные, плохо выспавшиеся летчики усаживались в автобус, тотчас же раздавался его могучий бас. Он объявлял «утро самодеятельности» открытым и всю дорогу до самого аэродрома чудил: то рассказывал анекдоты, то пел волжские песни, то со всеми подробностями излагал какую-нибудь невероятную историю из собственной биографии, пересыпая ее такими красочными деталями, что все хваталось за животы со смеха. Сон как рукой снимало, и люди прибывали на аэродром в веселом настроении.

Но к вечеру усталость давала о себе знать, и, вернувшись из последнего полета, некоторые засыпали прямо под плоскостями своих самолетов, едва успев зарулить в капониры.

Покрышкин похудел, под глазами у него легли тени, резкая морщина прорезала лоб, но усталость не угнетала его. В нем жила какая-то упрямая уверенность, что в критическую минуту он всегда сумеет на полмгновения опередить гитлеровца. А в авиации решают именно эти неуловимые доли секунды. Он еще раз доказал это в бою у того же Мысхако двадцать первого апреля.

Восьмерка истребителей под командованием Покрышкина сопровождала наших штурмовиков. Неожиданно справа от себя Александр заметил воздушный бой: кто-то из его летчиков, не дождавшись приказа, уже ввязался в драку с неизвестно откуда свалившимся немецким истребителем. Раздосадованный, он хотел было ругнуть ведомого за то, что тот не предупредил его по радио, как вдруг, оглянувшись назад, увидел в тридцати — сорока метрах от себя рыло трехпушечного немецкого истребителя.

Он резко дал ручку влево и до отказа сунул правую ногу, убрав газ. В то же мгновение услышал сильный грохот за спиной. В голове мелькнуло: «Все!», но самолет остался послушным. Теперь Покрышкин видел гитлеровца прямо перед собой. Он тут же дал полный газ и устремился за ним.

Гитлеровец был уверен, что советский самолет сбит, и с ходу погнался за другим истребителем, как вдруг увидел у себя в хвосте «воскресшего» Покрышкина. Он бросил машину в переворот — Александр в точности повторил его маневр. Гитлеровец вывел свой самолет в горизонтальный полет у самой воды, и тут Покрышкин с огромным наслаждением вlepил ему в хвост три очереди из крупнокалиберных пулеметов и пушки.

Только потом, уже на земле, внимательно анализируя полет, Покрышкин детально разобрался в том, что произошло. У него в полете отказал приемник, — вот почему он не слышал сигнала ведомого. Затем, заметив гитлеровца в хвосте у себя, он тут же свалил свой самолет

в скольжение и вышел из него полупереворотом, опередив на какую-то долю секунды рефлекс противника.

Грохот, который он услышал, не был грохотом разрыва: «мессершмитт» подошел так близко, что до Покрышкина донесся звук выстрелов его пушек, что, вообще говоря, в бою случается крайне редко. Снаряды же прошли мимо. Покрышкин привез только одну пулевую пробоину в крыле. Опоздай он хоть на миг, и очередь из трех пушек «мессершмитта» уничтожила бы его. Но уход из-под огня противника скольжением и полупереворотом был излюбленным маневром Покрышкина, и он отработал его так совершенно, что выполнял не думая, молниеносно. Вот что спасло его!

Назавтра, после этой встречи с «мессершмиттом», Покрышкина наградили орденом Красного Знамени. О нем написали в армейской газете. Но сам он, поглощенный своими расчетами и планами, казалось, не замечал ничего вокруг себя. Чувствовал только, что какой-то большой, сильный поток подхватил его и несет, несет все быстрее куда-то вперед. И он заботился теперь только о том, как бы не забыть, не упустить чего-то и полностью использовать все возможности истребления вражеских самолетов, открывшиеся перед ним. Никогда еще не было у него так светло и спокойно на душе и никогда он не испытывал так остро хорошей творческой неудовлетворенности достигнутым.

Покрышкин не любил копаться в своих переживаниях и всегда старался думать только о реальных, деловых предметах. В былые дни, когда ему приходилось туго, он всегда силился отвлечься от будничных дразг и садился с карандашом за лист бумаги. Рисуя в сотый раз схему какой-нибудь новой, сложной фигуры, постепенно восстанавливал душевное равновесие. И теперь, когда он порой начинал ощущать, что приятно щекощущая сознание атмосфера почета начинает действовать на него рас-

слабляюще, Покрышкин старался загрузить себя до предела работой, чтобы не дать мозгу успокоиться.

Своими собственными воздушными боями он был все еще недоволен. Хотя они, как правило, заканчивались успешно, ему казалось, что в них нет еще той отработанной законченности, когда буквально каждая секунда заполнена полезной работой, когда все идет последовательно и четко, и весь механизм боя работает слаженно. Война представлялась ему именно механизмом, большим и сложным. И сам он на войне именно работал — так же обстоятельно и серьезно, как когда-то на заводе, где изучал лекальное дело.

Теперь, когда выношенные им замыслы и планы наконец воплотились в жизнь, его раздражали вечные неполадки, недоделки. Все еще не было законченной четкости во взаимодействии внутри пар и между парами. Ведомые иногда теряли ведущих, а ведущие, завидев противника, забывали о ведомых и сами бросались в погоню за добычей. Все еще хромало взаимодействие групп — появится вражеский самолет, и все скопом бросаются за ним, нарушая порядок, строго обусловленный разработанным на земле планом боя. Многие стремились прежде всего атаковать истребителей вместо того, чтобы обрушиться всей мощью огня на бомбардировщиков. В эфире подчас царил полный хаос — все разом кричали вместо того, чтобы молча выслушивать приказания ведущего и коротко докладывать о противнике.

Командование с удовлетворением следило за ростом Покрышкина. Генерал-лейтенант Вершинин, уделявший много внимания воспитанию летчиков, все чаще встречался и подолгу беседовал с капитаном. Вершинину нравилось упрямое стремление этого командира внести железную систему в стихию воздушного боя, подчинить ее нерушимым законам. Нравилось ему и то, что капитан так требователен к людям и к себе. Командир дивизии рассказал командующему, что Покрышкин еще ни разу за

все время не перехвалил никого из своих подчиненных. Напротив, выслушав рапорт об удачно проведенной схватке, он мог вдруг строго сказать:

— Нормально. Только вот на развороте зря высоту теряешь. Думаешь, я не видел? И за скоростью не всегда следишь. Понятно?

Летчик безропотно принимал замечание и впредь никогда уже не забывал чуть-чуть опустить нос машины при развороте. Он знал: стоит повторить хоть маленькую погрешность — и Покрышкин взыщет еще строже. Но каждый летчик знал и то, что в любых условиях командир не даст своих людей в обиду и во что бы то ни стало добьется и своевременного ремонта самолетов, и хорошего снабжения, и нормального размещения на отдых.

Командарм приглашал к себе Покрышкина, внимательно выслушивал его соображения, запросто советовался с ним. Это воодушевляло летчика, окрыляло его. Но при всем том он не позволял себе задирать носа, зазнаваться. Наоборот, возвращаясь с таких бесед, еще требовательнее относился к себе и к своим подчиненным. Ничего не понимая, Андрей Труд сочувственно спрашивал Покрышкина:

— Неужели опять стружку с тебя снимал?..

И Покрышкин серьезно отвечал:

— А ты думал?..

И Труд тяжело вздыхал: попробуй угодить начальству!..

В конце апреля сорок третьего года на фронтах вдруг наступило затишье, которое обычно предвещает начало новых больших событий. Гитлеровское командование не отказалось от наступательных замыслов. Оно готовило мощный удар в районе Курской дуги, а затем рассчитывало взять реванш и на Кавказе, опираясь на вот этот клочок кубанской земли.

Замыслом гитлеровцев советское Верховное Главнокомандование противопоставило широкий план большого летнего наступления Советской Армии, которое должно было обеспечить освобождение огромных территорий советской земли. Тысячи танков и тысячи самолетов, десятки тысяч орудий подтягивались к районам будущих сражений. Где-то там, далеко от Кубани, под многострадальным Орлом, у тихой, изувеченной снарядами Обояни, в Курске, превращенном руками горожан в крепость, по ночам бесшумно разгружались эшелоны и полки, дивизии исчезали, растекаясь по лесам, оврагам и деревням. Они ждали своего дня и часа.

Тем временем здесь, на дальних подступах к Керченскому проливу, продолжалась упорная борьба. Узкая полоска земли, в которую фашисты въелись, как черви, была перепахана снарядами и бомбами. Наше командование отдавало себе отчет в том, что в своеобразных условиях этого крохотного театра военных действий одного удара будет мало. Надо было постепенно, шаг за шагом, в трудной борьбе отнимать у противника одну позицию за другой.

В непроходимых плавнях, над которыми уже начали виться тучи комаров, блуждали невидимые разведчики в непромокаемых костюмах, с плавучими резиновыми кругами на бедрах. Среди скал и лесов, на южном крыле фронта, не прекращалась тяжелая борьба за командные высоты. Воздушные разведчики, ходившие под прикрытием десяти — двенадцати истребителей, фотографировали укрепления противника, чтобы дать артиллеристам и пехоте точные данные для предстоящей операции.

Истребители Бормана уже приобрели солидный боевой опыт. Дивизия провела в апреле семьдесят один воздушный бой, в ходе которых было уничтожено сто восемнадцать немецких самолетов. И семьдесят из них сбили летчики полка, в котором служил Покрышкин. Майор Крюков за эти двадцать два дня сбил пять само-

летов, лейтенант Труд — семь. Но всех опередил неутомимый Фадеев: он успел сбить четырнадцать гитлеровских машин!

Фадеев был охвачен каким-то острым порывом, будоражившим его мятежную, беспокойную душу. Он искал встреч с противником настойчиво, жадно, пренебрегая риском, не признавая никаких правил и расчетов.

— Война в воздухе — это особая война, — горячо говорил Вадим, когда иной раз друзья упрекали его в безрассудстве. — Нас потому и зовут соколами, что мы воюем, как птицы. Инстинктом! Математику и физику я оставляю пешеходам, а себе беру стихию чувства...

Увидев в небе немецкий самолет, он бросался на него и бил, терзал до тех пор, пока тот не падал горящим на землю. И до этого мгновения ему не было никакого дела до того, что творится вокруг. Труд, который по-прежнему был у Фадеева ведомым, приходилось вертеться волчком, изнемогая в неравной борьбе, пока Фадеев прикончит свою жертву. Вадим думал только о том, как уничтожить врага. Но летчики многое прощали этому безумно смелому, веселому, компанейскому парню, который иной раз даже в воздухе сыпал остротами и горланил песни, включив свой радиопередатчик, чтобы его слышали и друзья и враги.

А когда Фадеев возвращался из удачного полета, начиналось целое представление. О том, что он вернулся с добычей, все узнавали сразу: невзирая на категорические запреты и взыскания, он неизменно отклонялся в сторону от аэродрома, снижался до бреющего полета над станицей Поповической и делал умопомрачительную горку над хатой, в которой жила его жена, сопровождавшая в боевом походе. Потом заходил на посадку, плавно, аккуратно, словно извиняясь за допущенное им нарушение наставления по производству полетов, приземлял самолет и, выскочив на крыло, сигналил взмахами шлема.

Все сбегались к нему, и он сразу же начинал расска-

зывать о бое, густо уснащая этот рассказ едкими прибаутками и яростно жестикулируя. На весь аэродром разносились раскаты его бархатистого, могучего голоса:

— Только «худой» на меня, я — бац! — полупереворот... Он повис и барахтается. «Папочка, где ты?» — Фадеев пищал, изображая напуганного фрица — и сразу же басил: «Здесь, сыночек! Получи леденчики — бу-бу-бу! Тр-р-р!!» В хвост ему, в хвост... Ах ты, медная бляха...

Летчики гурьбой валили за ним до самого командного пункта, и солидный начальник штаба полка, покусывая губы, чтобы не рассмеяться, строго говорил:

— Ну, докладывайте, товарищ старший лейтенант!..

Отрапортовав по всей форме, Фадеев отдавал честь, поворачивался и уходил, окруженный толпой поклонников.

— И будешь ты цар-рр-рицей мир-рра! — прокатывалось вдруг по аэродрому, и майор, махнув рукой, говорил:

— Ну что ты с него возьмешь? Это же человек-вулкан!

Покрышкин уважал Фадеева за его высокое летное мастерство и преклонялся перед изумительной смелостью своего друга. Но вольности, которые тот допускал, он не одобрял — сам он привык строго и неукоснительно соблюдать уставные нормы поведения на воинской службе, и всякое отклонение от них коробило его. Опыт подсказывал ему, что удача в воздушном бою изменчива и что рано или поздно летчика, увлекающегося поединками и забывающего о плане группового боя, настигнет пуля или снаряд. Поэтому он иногда упрекал Фадеева, предупреждая по-дружески, что пора бы ему малость остепениться, тем более что, глядя на Вадима, молодые пилоты тоже начинают позволять себе недопустимые вольности.

Однажды, вернувшись из полета, Труд со смехом рассказал о том, как они вдвоем с Фадеевым затеяли охоту на «мессершмитта»: Фадеев гонял гитлеровца, как зай-

ца, одиночными снарядами, а Труд, поднявшись под облако, ждал, пока тот с перепугу выскочит на него. «Сейчас он пойдет к тебе. Лови!» — передал Фадеев по радио. И точно, «мессершмитт» сделал горку, уходя от снарядов. Труд подошел к нему вплотную и раскрошил его вдребезги.

— Нехорошо,— резко сказал Покрышкин Труд.— Это баловство, а не война. Понял? Война — это работа, серьезная и опасная, а такое ухарство может недешево вам обойтись. Представь себе, пока вы балуетесь с ним, к вам подходит пара немецких «охотников». Ты смеешься над бестолковым пилотом «мессершмитта», который мечется между вами двумя, как заяц, а в это время из облака вываливается опытный «охотник». Одна очередь, и нет Андрея. Ясно?..

Он круто повернулся и в этот вечер больше не разговаривал с Трудом. Зато на конференции летного состава, проведенной двадцать четвертого апреля, он, не называя имен летчиков, строго раскритиковал эту мальчишескую забаву. На конференции были подробно и обстоятельно разобраны вопросы методики и тактики воздушного боя при сопровождении бомбардировщиков и способы построения боевого порядка при сопровождении. На следующий день состоялись занятия с летчиками по технике воздушного боя. Наконец, двадцать шестого апреля командир полка и Покрышкин провели учебно-показательный воздушный бой над аэродромом для молодых летчиков, которые следили за их маневрами с земли.

Короткая передышка оборвалась так же внезапно, как и началась. Двадцать девятого апреля части пятьдесят шестой армии возобновили наступление, сосредоточив главный удар в направлении станицы Крымской, которая служила важнейшим опорным пунктом обороны

противника. Это наступление предварили мощные удары советской авиации по аэродромам противника. К участию в них были привлечены кроме четвертой воздушной армии соединения восьмой воздушной армии Южного фронта, семнадцатой воздушной армии Юго-Западного фронта, авиация Черноморского флота и авиация дальнего действия. Так было сразу же уничтожено около двухсот шестидесяти гитлеровских самолетов. Фашистские военно-воздушные силы были оглушены и разтрепаны; тем самым задача наших войск, готовивших наступление в районе Крымской, была облегчена. Но при всем том враг был еще очень силен...

С раннего утра двадцать девятого апреля наша авиация прочно завладела небом. Мощные группы бомбардировщиков и штурмовиков одна за другой разгружались над передним краем вражеской обороны. Истребители их прикрывали. И все же с первого часа этой новой битвы не только на земле, но и в воздухе наши вооруженные силы встретили ожесточенное сопротивление противника.

Против наших гвардейцев-истребителей, летавших на новейших самолетах, гитлеровское командование бросило отборную эскадру истребителей «Удет». Каждый из летчиков этой эскадры имел не менее трехсот — четырехсот боевых вылетов. Эти молодчики вели себя очень нахально. Они лезли в лобовые атаки, рассчитывая на то, что нервы советских летчиков окажутся слабее.

Пришлось столкнуться с немецким асом и Андрею Трудю. Гитлеровец шел прямо в лоб на него, ведя огонь из всех пушек. Труд не сворачивал. Когда казалось, что столкновение уже неизбежно, немец резко рванул машину вверх, и Труд заученным жестом повторил этот маневр. В глазах у него потемнело, но усилием воли он сохранил сознание и сквозь дымчатую пелену увидел прямо перед собой, буквально в нескольких метрах, задранный в вертикальном маневре самолет с черными

крестами на крыльях и отлично нарисованной кистью винограда на хвосте.

— Чертов пьянчуга! — выругался Андрей и в верхней точке горки четким движением перевел машину в разворот, помня наставление Покрышкина: «мессершмитт» не любит иммельмана. И точно — сделав полупереворот, немецкий самолет камнем упал вниз, а у Труда осталось преимущество в высоте. Он хотел было спикировать вслед за владельцем кисти винограда, но тот уже скрылся из виду. Вечером, на разборе полетов, Труд узнал, что не ему одному довелось встретиться с немецким асом: вся эскадра «Удет» участвовала в бою с гвардейцами.

Методично прогрызая оборону противника, части Советской Армии продвигались вперед. Счет шел на сотни и десятки метров. Третьего мая напряжение битвы достигло наивысшей точки, и авиация работала особенно напряженно. Вновь отличился в этот день старший лейтенант Горбунов из полка Гарбарца: с шестеркой своих «Яковлевых» он атаковал целую армаду немецких бомбардировщиков, прикрытых истребителями. Дерзко набросившись на врага, «Яковлевы» сбили гитлеровцев с боевого курса, заставили их сбросить бомбы в стороне от цели и сожгли в воздухе два «Юнкерса-88» и один «мессершмитт», не понеся при этом никаких потерь. Вскоре после этого боя Горбунов был представлен к званию Героя Советского Союза.

Так как наши истребители прочно удерживали господство в воздухе, советская бомбардировочная и штурмовая авиация работала в этот день почти без потерь. Моральные силы гитлеровских летчиков были подорваны, и командир дивизии с удовлетворением слушал по радио на станции наведения тревожные крики командиров вражеских авиасоединений, находившихся в воздухе:

— В районе Крымской бьют наших бомбардировщиков... Шлите помощь!.. Кругом русские самолеты!..

— Выполнить задание не можем!.. Русские истребители преследуют нас всюду!..

И комдив весело кричал своим летчикам, управляя боем с земли:

— Так, ребята, так их!.. Идите на солнышко, идите на солнышко! Там тепло. Видите впереди слева четверку «худых»? Тряхните их! Ну, ну... Быстрее, быстрее... Левый разворот!.. Бей... Молодец!.. А ты что зеваешь?..

Вечером, после полетов, командир полка Исаев, построив всех летчиков, огласил телеграмму командующего Военно-Воздушными Силами Советской Армии маршала авиации Новикова:

— Герои-летчики! Сегодня наши наземные войска и танки успешно прорвали оборону противника и развивают успех. Ваша задача — меткими ударами по противнику и прикрытием наступающих наших войск с воздуха обеспечить победу над врагом. Сегодня с утра вы действовали хорошо. Уверены в ваших силах и победе. Помните: кто дерзок в бою, тот побеждает!..

Утро четвертого мая выдалось сумрачное. Тяжелые тучи нависли над Крымской, опустившись до шестисот метров. Моросил дождь. Кубанский чернозем снова раскис, и танки с гневным рычанием буксовали. По дорогам с трудом продвигались бесчисленные вереницы грузовиков. Усталая, промокшая пехота, то ложась в грязь под пулями, то снова устремляясь вперед, упрямо штурмовала укрепления, воздвигнутые гитлеровцами на перекрестках станицы. В Крымской не осталось уже ни одного целого дома. Но значение ее как ключевого пункта всей фашистской линии обороны от этого не уменьшилось, и борьба становилась все более упорной.

В этой обстановке роль авиации еще больше возросла, и, хотя погода с утра, строго говоря, была нелетной, военно-воздушные силы обеих сторон работали с боль-

шим напряжением. С трудом взлетая с размокших аэродромов, группы по десять — двенадцать самолетов внезапно выскакивали из облаков, бомбили и штурмовали. А там, высоко над облаками, шли непрерывные бои истребителей, стремившихся обеспечить свободу действий своим бомбардировщикам.

Первый раз в этот день Покрышкин поднялся в воздух в семь часов пятьдесят минут утра. Он повел на прикрытие наземных войск юго-западнее Крымской группу отборных летчиков: с ним летели Речкалов, Степанов, Фадеев, Труд и Табаченко. Пробив облака, шестерка истребителей стала патрулировать над их волнистой, белоснежной гладью. Со стороны воровато метнулись четыре длиннотелых «мессершмитта». Покрышкин их заметил, но не свернул с курса. Он знал, что это приманка — лишь бы отвлечь патруль. Сейчас должны прийти бомбардировщики... И шестерка советских истребителей продолжала мерно раскачиваться над облаками параллельно солнцу, вычерчивая в небе змейку: это был новый вариант патрулирования, предложенный Покрышкиным вместо треугольника. Оба разворота истребители делали против солнца, и теперь возможность внезапного нападения вражеских «охотников» была сведена до минимума.

Прошло несколько минут, и Покрышкин увидел на юго-западе то, чего ждал: оттуда шли четыре тяжело нагруженных «Юнкерса-87» под прикрытием четырех истребителей.

— Фадеев, отгоните «мессеров»! — крикнул он, а сам с ведомым обрушился на бомбардировщиков, атакуя их спереди сверху и переноса огонь последовательно с одной машины на другую.

Удар был точен. У одного «юнкерса» загорелась правая плоскость, у другого — левая. Они медленно опустили носы и рухнули в пух облаков. Как впоследствии донесли представители наземных войск, оба бомбарди-

ровщика упали в районе станицы Нижне-Баканской. А Покрышкин с ведомым молниеносно развернулись и атаковали уцелевшую пару «юнкерсов» — на этот раз сзади. Бомбардировщики круто повернули и удрали под прикрытием облаков, не сбросив бомб.

Тем временем четверка Фадеева, выполняя приказ Покрышкина, атаковала четверку «мессершмиттов» и первыми же очередями сбила два из них. Вторая пара немецких истребителей поспешила скрыться вслед за «юнкерсами».

Когда Покрышкин увел свою группу на аэродром, на смену ей в девять часов сорок минут поднялась шестерка майора Крюкова — с ним летели Моисеенко *, Искрин **, Старчиков ***, Сутырин ****, Никитин. Погода начала понемногу улучшаться: облака поднялись до двух тысяч пятисот метров. В просветы глянуло голубое небо. Немцы, пользуясь улучшением погоды, немедленно начали массировать бомбовые удары. Подходя к району патрулирования, Крюков встретил группу в составе двенадцати бомбардировщиков «Дорнье-217», которых сопровождали восемь трехпушечных «мессершмиттов».

Еще несколько секунд, и десятки тонн бомб обрушились бы на нашу пехоту. Но Крюков подоспел вовремя. Умело маневрируя своими самолетами, он расстроил боевой порядок противника. Наши летчики сбили два фашистских истребителя, подбили два бомбардировщика и прогнали с поля боя остальных.

Еще не кончил бой Крюков, а Покрышкин, успевший зарядить свои машины горючим и пополнить боеприпа-

* Я. Моисеенко, младший лейтенант, в 1943 году умер от ран, полученных в бою, похоронен в городе Ессентуки.

** Н. Искрин — Герой Советского Союза, сбил 10 самолетов противника, живет в городе Куйбышеве.

*** Н. Старчиков — Герой Советского Союза, сбил 18 фашистских самолетов, живет в городе Арзамасе.

**** М. Сутырин живет в городе Вязьме, в воздушных боях сбил 11 самолетов врага.

сы, в одиннадцать часов сорок минут утра снова повел свою шестерку к Крымской. Облака быстро таяли под жарким майским солнцем. Внизу, окутанные дымом, стояли печальные, обожженные сады. Тускло сверкали на солнце орудийные вспышки танков, маневрировавших на улицах станицы. Покрышкин поднял свою шестерку на высоту четыре тысячи метров и зорко оглядывал горизонт. В воздухе мелькнула пара «фокке-вульфов» — «охотники»! Не успел он предупредить группу, чтобы держались дружнее и не разбивали строй, как Фадеев отвалил в сторону и бросился к немцам. Труд последовал за ним.

Схватка разыгралась молниеносно: немцы, пользуясь преимуществом в высоте, стремительно атаковали Фадеева и, прострочив ему хвост, ушли на солнце и скрылись. Покрышкин в сердцах обругал Фадеева, но было уже поздно. Фадееву пришлось возвращаться на аэродром, чтобы пересесть на другой самолет. Его ведомый — Труд сел на аэродром в Краснодаре: не хватило горючего!

— Послушай, дружище,— сказал Вадиму Покрышкин, вернувшись из боевого вылета.— Ты сломишь когда-нибудь на этом себе шею. Сколько людей вот так погибло! Пойми: у тебя большое будущее. Фашистов бьешь, как куропаток, вон к званию Героя тебя представили, а горячность свою одолеть никак не можешь...

Покрышкин расхаживал по молодой траве своей неторопливой, медвежьей походкой, заложив руки за спину и надвинув низко на нос козырек потрепанной, смятой блином фуражки. Фадеев, который был выше его на целую голову, как-то смущенно сутулился. Он понимал, что поступил необдуманно, вырвавшись из строя и нарушив боевой порядок. Но ведь «фокке-вульфы» были рядом, и так хотелось сбить их...

После обеда в пятнадцать часов пятьдесят минут шестерка Покрышкина в третий раз взлетела на прикрытие

наземных войск. Фадеева он поставил ведомым к Крюкову, который включился в шестерку, так как Труд еще не успел прилететь из Краснодара. Небо по-прежнему кишело самолетами, и дело и на этот раз не обошлось без воздушного боя. Покрышкин в районе станицы Семенцовской, сцепившись с двумя «мессершмиттами», сбил один из них. Речкалов в паре с младшим лейтенантом Табаченко* зажег второй немецкий истребитель, Фадеев — третий. На этот раз Фадеев вел себя в воздухе безукоризненно, но Покрышкин все же опасался, что выдержки ему хватит ненадолго. Опасения эти, как потом оказалось, не были напрасны...

Всего за день летчики шестнадцатого гвардейского полка сделали тридцать шесть боевых вылетов. Они сбили два бомбардировщика «Юнкерс-88», подбили два «Дорнье-217», сожгли семь «мессершмиттов», а сами не понесли ни одной потери. Сказались результаты отличной боевой выучки, опыт и дисциплинированность в полете.

Вечером на командный пункт поступило сообщение, что Крымская полностью очищена от гитлеровских войск. Тяжелая борьба, длившаяся в течение недели, закончилась нашей победой.

Но борьба за Крымскую на этом не кончилась. Гитлеровцы тут же начали контратаку, стремясь во что бы то ни стало вернуть утерянные позиции. И на завтра, с раннего утра, Покрышкин со своей шестеркой снова был в воздухе. С ним снова летели Степанов, Речкалов, Табаченко, Фадеев и Труд. Первый боевой вылет прошел мирно, без встреч с противником. Но второй полет кончился одной из самых жарких схваток за все это время...

Покрышкин вел все ту же свою шестерку, прикрывая район Греческой, Нижне-Баканской, Неберджневской.

* П. Табаченко успешно закончил войну, был награжден несколькими орденами.

Эшелонировать патруль по высоте было невозможно из-за облачности, и Фадеев с Трудом, получившие задачу прикрывать ударную четверку, шли сзади. Подходя к Крымской, Покрышкин заметил, что Фадеев отстал.

— Фадеев, подойди ближе,— скомандовал он и подумал: «Опять отрывается!» Но следить за Фадеевым дальше было некогда — Борман со станции наведения уже передавал: «Над Крымской бомбардировщики! Сбейте их с курса»...

Как нарочно, над Крымской открывалось широкое голубое окно, и солнечные лучи потоком лились в глубокий облачный колодезь. Бойцов, упрямо державшихся за камни сожженной станицы, солнце на этот раз не радовало: фашистские бомбардировщики, пришедшие стаями в район боя, ныряли один за другим в окно и сбрасывали свой груз.

Покрышкин со своей ударной четверкой бросился навстречу бомбардировщикам. Мгновение, и все смешалось в этом бело-голубом кольце. Тяжелые немецкие бомбардировщики, отвесно пикируя, бросали бомбы; истребители Покрышкина, лавируя среди бомб, били из пулеметов и пушек, и дымчатые трассы пуль и снарядов рассекали воздух.

Немецкие бомбардировщики шли волна за волной. Вскруг них, словно осы, вились «мессершмитты». Покрышкину и его четверке, начавшей бой на низкой высоте, приходилось туго. Однако им удалось все же отогнать бомбардировщиков. Видя, что воздушная атака расстраивается, гитлеровские истребители яростно набросились на четверку Покрышкина, силясь во что бы то ни стало прогнать ее с поля боя. Но гвардейцы стойко приняли их натиск и ответили на него новыми дружными контрударами. На землю упали три «мессершмитта». Один из них сбил Покрышкин, второй Речкалов, третий Табаченко.

Немецкие истребители отвалили. Пользуясь короткой

передышкой, Покрышкин собрал свои самолеты. Их оказалось только пять. Не хватало машины Фадеева...

Четверть часа спустя на земле Труд рассказал о том, что произошло. Отстав от ударной четверки, Фадеев напоролся на фашистских истребителей, пришедших в район Крымской, чтобы расчистить воздух над станицей. Вначале он заметил только пару «мессершмиттов». Решив, что вдвоем с Трудом он легко одолеет их, Фадеев, не раздумывая, бросился на гитлеровцев и... окончательно потерял из виду Покрышкина. Но тут же сверху свалилась вторая пара немецких истребителей, за ней третья... Гитлеровцам удалось поймать Фадеева и Труда в ловушку.

Завязался тяжелый бой. Фадеев сбил один за другим два вражеских самолета. Но и немецкие пилоты были опытными истребителями, и драться против превосходящих сил противника было невыразимо тяжело. В разгаре этой схватки Труд увидел, как «мессершмитт» зашел в хвост Фадееву. Дав мотору предельную нагрузку, Андрей догнал его и в свою очередь пристроился к нему в хвост. Гитлеровец бил по Фадееву, а Андрей — по гитлеровцу. В воздухе на мгновение образовалась какая-то невероятная карусель. Труд подошел совсем близко к «мессершмитту» и отчетливо увидел, как огненные шары его трассирующих снарядов входят в металлическое тело немецкого самолета. «Мессершмитт» уже горел, но упрямый летчик продолжал бить по Фадееву. Андрей был вне себя от ярости. Он понимал, что это смерть для его друга.

Сколько времени так прошло? Вероятно, какие-то доли секунды, но Труду они показались бесконечными. Наконец он увидел, как горящий «мессершмитт» свалился в штопор. Но тут же и самолет Фадеева как-то странно накренился и стал беспомощно разворачиваться. По радио раздался глухой, изменившийся голос Вадима — видимо, он был ранен.

— Иду домой... Я Фадеев... Прием...

И вдруг откуда-то выскочила еще одна пара немецких самолетов — это были «фокке-вульфы». Они набросились на машину Вадима. Андрей бросился ему на помощь, но в это время на него разом накинута пятерка «мессершмиттов», и он завертелся, отбивая их атаки. Тем временем «фокке-вульфы» добились его друга.

А несколько дней спустя пришел Указ Верховного Совета СССР: Вадиму Фадееву было присвоено звание Героя Советского Союза...*

Все более сильным показывал себя в этих боях и Григорий Речкалов, часто летавший с Покрышкиным, у которого он учился и с которым дружил. Чем дальше, тем самостоятельнее и решительнее проводил он воздушные бои. Ему уже было доверено командование эскадрильей. Командиры одобрительно говорили о нем: «Речкалов всегда ищет встреч с противником, и сколько бы вражеских самолетов он ни повстречал, вступает с ними в бой и чаще всего добивается победы».

В одном из боевых вылетов на прикрытие наземных войск Речкалов, возглавлявший восьмерку наших истребителей, встретил пятьдесят бомбардировщиков «Юнкерс-88», шедших под защитой десяти «мессершмиттов». Приказав четверке своих летчиков связать боем истребители противника, он с остальными остановил бомбардировщиков, сбил одного из них и нарушил боевой порядок немецкой армады — они были вынуждены сбросить бомбы, не доходя до цели.

Через несколько дней ситуация повторилась — вось-

* Советские люди свято оберегают память об этом выдающемся летчике. Его именем назван находящийся неподалеку от станции Крымской поселок, где он похоронен. Имя Фадеева присвоено и школе этого поселка.

мерка Речкалова снова встретила такую же армаду гитлеровской авиации, снова атаковала ее и на сей раз еще успешнее. Действовавшие смело и уверенно, гвардейцы сбили пять немецких бомбардировщиков, одного из них сбил Григорий. Остальные вражеские самолеты постыдно бежали, сбросив бомбы над своей территорией.

А вот еще один бой, проведенный Речкаловым, — о нем особенно много говорили тогда и писали. Его восьмерка столкнулась с группой в составе пятидесяти шести бомбардировщиков и истребителей.

— Иду в атаку, прикрывайте меня! — скомандовал он четверке, шедшей над ним. С короткой дистанции Речкалов сбил ведущий самолет немецкой группы. Ведомый Речкалова тут же сбил второй бомбардировщик. Завязался ожесточенный воздушный бой. В момент второй атаки наших истребителей на Речкалова набросились два «мессершмитта». Уверенный в том, что прикрывавшая его пара сделает свое дело, Речкалов не отклонился от курса и сбил третий немецкий бомбардировщик, а прикрывавшие его товарищи свалили на землю один атаковавший его «мессершмитт» и отогнали второй.

Бой продолжался. Речкалов третьей атакой сверху и сзади сбил еще один немецкий бомбардировщик, и тогда остальные гитлеровцы бросились врассыпную, хотя на их стороне было огромное численное преимущество. Всего восьмерка, которой командовал этот храбрый летчик, сбила в этом бою шесть самолетов противника, не понеся никаких потерь.

Командующий воздушной армией, наблюдавший с земли этот поразительный воздушный бой, тут же наградил Речкалова орденом Александра Невского...

После долгих и кровопролитных контратак гитлеровцы были вынуждены отойти на вторую линию обороны, которая проходила по линии Горно — Веселый — Мол-

даванская — Киевская. Всего с двадцать девятого апреля по десятое мая, пока шли бои в районе Крымской, наша авиация произвела на этом участке около десяти тысяч самолето-вылетов и уничтожила в воздушных боях триста шестьдесят восемь фашистских самолетов. Это составляло более одной трети всего, что имели здесь гитлеровцы! Наша авиация потеряла семьдесят самолетов. Потеря большая, но не идущая в сравнение с тем ущербом, какой потерпели военно-воздушные силы Гитлера.

На новом рубеже гитлеровцы решили обосноваться всерьез и надолго. Его на протяжении нескольких недель строили фашистские саперы под руководством лучших инженеров Германии. Для черных работ они использовали сорок тысяч женщин и детей, пригнанных ими сюда, на край кубанской земли, в дни отступления. Фашисты заставляли женщин и детей под дулами пулеметов копать вязкую глину, дробить щебень, мешать бетон. Когда же работы заканчивались, гитлеровские пулеметчики методичным, точным огнем истребляли «освободившуюся рабочую силу». Этот новый укрепленный рубеж, построенный на крови и костях, фашисты называли сентиментальным именем «Голубая линия».

Когда войска пятьдесят шестой армии подошли вплотную к «Голубой линии», им была дана некоторая передышка для подготовки к новым боям. В штабах подводили итоги боевых действий, отрабатывали новые задачи. Одиннадцатого мая 1943 года в станице Пашковской, близ Краснодара, было созвано совещание командиров авиационных дивизий и корпусов — надо было подвести итоги большого воздушного сражения, развернувшегося над Кубанью.

В тесном помещении, прижавшись друг к другу, сидели генералы, полковники, испытанные командиры воздушных соединений. Двести шестнадцатую дивизию представлял подполковник Дзусов, хорошо показавший

себя в воздушных боях командир, наиболее вероятный кандидат на пост комдива — генералу Борману теперь было доверено оперативное руководство по радио воздушными боями всей истребительной авиации над «Голубой линией», и он с рассвета до заката солнца дежурил на переднем крае у своей походной радиостанции, не выпуская микрофона из рук.

С разбором итогов проведенной операции на совещании выступил командующий Военно-Воздушными Силами Советской Армии маршал авиации Новиков. Он говорил кратко, четко, как и подобает военному человеку, отдавая должное достигнутым успехам и сосредоточивая внимание на еще не преодоленных недостатках.

— Авиационные части четвертой воздушной армии, — сказал маршал, — выполнили поставленные перед ними задачи, оказав существенную помощь нашим наземным частям в районе Новороссийска и в районе Крымской. Сейчас задача состоит в том, чтобы в ожидании новой операции принять и ввести в строй прибывающее пополнение, привести в порядок материальную часть, обеспечить отдых летного состава, особенно в истребительных авиачастях. В то же время необходимо обобщить накопленный боевой опыт, сделать общим достоянием достижения лучших летчиков, устранить недостатки и предотвратить повторение допущенных ошибок...

Вглядевшись в обветренные загорелые лица внимательно слушавших командиров, которые так часто в этом месяце глядели в глаза смерти, маршал авиации убежденно сказал:

— Четвертая воздушная армия имеет все данные, чтобы удержать за собой завоеванное ею господство в воздухе и организовать в дальнейших боях авиационное наступление. Залог этому — большой опыт проведенных вами двадцатидневных воздушных боев, залог этому — хорошие, обстрелянные и испытанные в боях кадры летчиков и накопленное руководящим составом

армии, корпусов и дивизий умение организовывать дело и управлять авиацией на поле боя...

Маршал на мгновение задумался и продолжал, развивая свою мысль:

— Господство в воздухе. Авиационное наступление... Но как понимать эти определения? Я должен сказать, у нас очень часто их употребляют к месту и не к месту. Мы должны исходить из того, что завоевать в данное время абсолютное господство в воздухе на всем фронте еще невозможно. Для этого у нас пока нет сил. Но завоевать господство в воздухе на одном из участков фронта, и притом даже на важнейшем участке, уже можно и должно, и вы это доказали. На каком же участке необходимо завоевать и удерживать господство в воздухе? Безусловно на том, где сосредоточиваются главные силы наземных войск и где они готовятся нанести основной удар. Повторяю, господство в воздухе завоевывается не как самоцель, а в интересах действий наземных войск. Задача при этом заключается, во-первых, в том, чтобы не дать бомбардировочной авиации противника организованно бомбить боевые порядки наших войск, а во-вторых, в том, чтобы обеспечить выполнение боевых заданий нашими бомбардировщиками и штурмовиками, чтобы они не несли потерь от истребителей противника... Совсем запретить бомбардировщикам противника появляться над полем боя невозможно, но заставить их сбрасывать свои бомбы неприцельно, и не там, где это наиболее опасно для наших войск, мы уже в состоянии. Больше того, если мы работаем в воздухе хорошо, мы иной раз оказываемся в состоянии вынудить бомбардировщиков противника разгружаться от бомб над их собственными боевыми порядками. Я знаю уже четыре таких случая, из которых три наблюдал лично в районе Крымской, когда немецкие бомбардировщики, атакованные нашими истребителями, были вынуждены

поспешно сбрасывать бомбы в распоряжении их собственных войск.

В этой связи мы должны критически подходить к цифровым показателям нашей работы. Что толку, если, к примеру, наша авиация, а особенно истребители, произвели большое количество самолето-вылетов, а авиация противника в это же время организованно бомбила боевые позиции наших войск и при этом не несла больших потерь? Это означает, что, хотя за день наших самолетов в воздухе побывало больше, чем немецких, господство в воздухе находилось не в наших руках, а в руках противника...

Маршал авиации снова пытливо взгляделся в лица командиров соединений. Они были сумрачны. Видимо, кое-кто вспоминал неудачные дни вроде того, на какой он сослался, но критику командиры воспринимали правильно. И хотя в глубине души маршал радовался блестящим итогам этих двадцати дней напряженных боев, прославивших четвертую воздушную армию на весь фронт, он считал своим долгом снова и снова возвращаться к недостаткам, преодоление которых дало бы возможность добиться еще лучших результатов и быстрее разгромить фашистскую авиацию на участке фронта...

— Теперь об авиационном наступлении,— сказал маршал авиации. Он продолжал детальный разбор всех элементов тяжелого ратного труда военных летчиков, делая упор на вопросах организации управления военно-воздушными силами, взаимодействия различных видов военной авиации и координации их действий с наземными войсками. Много внимания было уделено новым тактическим правилам, открытым наиболее опытными летчиками вроде Александра Покрышкина и примененным в бою.

— В своей практической работе,— твердо сказал маршал,— командиры дивизий и корпусов еще мало внимания уделяют лучшим летчикам, мало помогают им

совершенствоваться. Почему-то считают, что хорошему летчику нечего помогать,— он, мол, и без помощи старшего командира сделает свое дело. Это неверно. За совершенствование лучших летчиков, летчиков — мастеров воздушного боя, или, как принято у нас негласно называть их, асов, должны немедленно взяться сами командиры соединений. Летчик-ас пока что рождается у нас сам, рождается в боевой работе, его никто не готовит. Кто воспитал Покрышкина, братьев Глинки *, Семенишина? ** Они сами выдвинулись! Кое-кому из них даже мешали, их не понимали, одергивали. Генерал Науменко мне рассказывал, что Покрышкина за его трудный строптивый характер одно время кое-кто хотел даже из авиации отчислить. Хороши бы мы были, если бы потеряли такого орла!.. Нет, вы, товарищи командиры, должны особое внимание обратить на работу с лучшими, подающими надежды пилотами. Своевременно ободрить человека, вселить в него уверенность в свои силы, политически воспитать его, морально повлиять на него, своевременно передать ему опыт и знания — все это поможет способному, одаренному от природы пилоту еще лучше проявить свои способности в бою и действительно стать асом...

Массированное применение авиации на Кубани дало много новых данных для разработки тактики войны в воздухе, и участники совещания обстоятельно толковали о приемах завоевания господства в воздухе над данным участком поля боя, о методах авиационного наступления,

* В дивизии воевали два брата Глинки — дважды Герой Советского Союза Дмитрий Глинка и Герой Советского Союза Борис Глинка. Дмитрий Глинка работает в гражданской авиации, Борис скончался в 1967 году.

** В. Семенишин — Герой Советского Союза, командовал 104-м гвардейским авиаполком. Погиб под Мелитополем 29 сентября 1945 года. Похоронен в городе Жданове.

о взаимодействии, о практике управления авиацией по радио.

Маршал авиации Новиков особенно подчеркивал, как важно обеспечить управление воздушным боем по радио и уверенную радиосвязь между передним краем и командными пунктами авиационных соединений и частей.

— Радио,— говорил он,— является основным средством управления авиацией в современной войне. Это должно быть законом для каждого из нас. Командир, который строит управление авиацией только на телефоне,— это устарелый вояка. Он губит порученное ему дело и объективно помогает врагу. Такому командиру нельзя давать в подчинение авиачасти, он их загубит... Я уже не говорю о радиосвязи между самолетами в воздухе — современная война требует, чтобы каждый летчик в совершенстве владел радио и умело его применял. Только при этом условии можно рассчитывать на слаженность в боевых порядках. Этого и требую от вас, и вы обязаны отработать управление своими частями по радио в совершенстве. В этой связи коснусь вопроса о месте командира дивизии и командира корпуса в бою. Лучшее место для них там, откуда они могут наблюдать боевую работу своих авиационных частей, находящихся в воздухе, и подавать им команды по радио. В тех случаях, когда авиация работает непосредственно над полем боя, взаимодействуя с сухопутными войсками, вся ее работа просматривается с передовых наземных наблюдательных пунктов, и тогда место и командира дивизии, и командира корпуса на передовом наблюдательном пункте командующего тем соединением, в интересах которого работает их авиация...

Слушая все это, подполковник Дзусов радовался про себя — двести шестнадцатая истребительная дивизия шла в ногу со временем. В сущности, многое из того, что рекомендовал командующий военно-воздушными силами Советской Армии, уже применялось комдивом Бор-

маном и командирами полков. Дзусов не без гордости думал о том, что многое из того, что родилось вот тут, на Кубани, в пекле ожесточенной битвы, ляжет в основу будущих уставных положений и что на протяжении долгих лет в аудиториях академии к этим операциям будут обращаться как к классическим примерам оперативного новаторства. И в то же время он воспринимал как нечто само собой разумеющееся и необходимое то, что командующий снова и снова обращался к недостаткам, к тому, что еще недоделано, недоработано.

Выступая на совещании, и Новиков и Вершинин снова и снова требовали, чтобы истребители работали в четком строю, чтобы ведомые не устраивали в хвосте у ведущего «качели», болтаясь то вправо, то влево, чтобы они ни при каких обстоятельствах не теряли своих ведущих. Они резко критиковали те патрулирующие группы, которые ходят «кучей», не эшелонируясь ни по фронту, ни по высоте, а это затрудняет им маневр. Они требовали, чтобы командиры частей приучали истребителей подходить ближе к противнику и открывать огонь с коротких дистанций, что дает летчику возможность уничтожить врага наверняка с первой атаки. Уничтожение врага в воздухе с первой атаки должно быть делом чести и высокого мастерства летчика-истребителя!

И снова Дзусов с удовлетворением отмечал для себя, что многое из этих требований в его дивизии уже осуществляется на практике. Он часто вспоминал при этом Покрышкина.

В дивизию Дзусов возвращался радостный и возбужденный, полный новых планов и замыслов. Он рассказал работникам управления дивизии и командирам полков о том, чего требовало командование, и сразу же эти указания начали воплощаться в практические дела: во всех эскадрильях твердо закрепляли пары, подобранные по принципу боевой дружбы, повсюду распространяли разработанные Покрышкиным приемы патрулиро-

вания, нашедшие теперь всеобщее признание. Лучшие мастера воздушного боя делились с молодежью своим опытом.

Передышка в наземных боях затягивалась.

Летчики летали на разведку, перехватывали фашистские самолеты, прикрывали «Петляковых» и «Ильюшиных», которые мешали немцам совершенствовать укрепление «Голубой линии». Но читатель глубоко ошибся бы, если бы подумал, что летчикам стало легче. Напротив, каждый вылет в эти дни был сопряжен с особым риском — гитлеровская авиация стремилась во что бы то ни стало ослепить нашу воздушную разведку, не дать нашим самолетам прорваться к расположению их войск, и от наших истребителей требовалось исключительное мастерство и сила воли.

Как-то раз, спустя уже много лет после войны, ко мне в редакцию «Правды» зашел пожилой человек с Золотой Звездой Героя Советского Союза на груди. Он чуть заметно прихрамывал — одна нога у него была на протезе.

— Зовут меня Искрин Николай Михайлович, — сказал он мне. — Прочел я недавно в журнале «Знамя» ваше описание боев на Кубани в 1943 году. Там вы пишете, что в мае была передышка. Но вам надо добавить, что и в ту пору нашему брату — истребителю приходилось нелегко. Вот я, к примеру, именно в те дни закончил свою летную карьеру, — мой собеседник криво улыбнулся, — остался жив, но летать мне больше уже не довелось...

Я вспомнил, что в дни наших встреч на фронте с летчиками гвардейской дивизии, которой командовал Покрышкин, ветераны тепло вспоминали о молодом и задорном Коле Искрине, который был лихим истребителем, подавал очень большие надежды и был любимцем всего полка. Он сбил одиннадцать немецких самолетов,

но в мае 1943 года в трудном воздушном бою был тяжело ранен и вынужден был покинуть фронт. За неделю до этого ранения Искрин был принят в партию.

— Ну вот,— продолжал Искрин.— Мне захотелось рассказать вам, как оно выглядело на деле — это самое затишье. Может быть, мой рассказ вам когда-нибудь пригодится...

Я горячо поблагодарил Николая Михайловича за его визит и тут же подробно записал его рассказ о его последних воздушных боях, проведенных им вместе с однополчанами над Кубанью шестнадцатого мая 1943 года.

Дело было так.

Шестнадцатого мая Николай Искрин повел на разведку четверку истребителей. Вторую пару вел Григорий Речкалов, который к этому времени тоже был уже опытным летчиком. Разведку вели в районе станицы Неберджаевской, южнее Крымской. Поднялись на высоту четырех тысяч метров, зашли с юга — со стороны Новороссийска. Задача была такая: найти немецкие танки. Искрин со своим ведомым спикировал до высоты восьмисот метров. Речкалов и его ведомый замешкались и остались выше. Контакт с ними был потерян. Дальше пришлось работать одной паре. Танки Искрин обнаружил в балке — их было пятнадцать — двадцать. Но тут немцы открыли ураганный зенитный огонь. Сделав ловкий противозенитный маневр, истребители выскочили из этого осинового гнезда и ушли на восток, набирая высоту. Только поднялись на тысячу пятисот метров — сзади с превышением два немецких истребителя. Они идут в атаку.

Свободы для маневра на такой высоте у Искрина не было. Он круто рванул влево. Второй «мессершмитт», словно метеор, промчался, ведя огонь, метрах в восьмидесяти от хвоста машины Искрина — Николай даже увидел его злое, напряженное лицо в кабине. Он заложил еще более крутой разворот, потом сорвал самолет в

штопор и сделал два витка, хотя земля уже была близко. Немцы, по-видимому, решили, что советский самолет сбит, и умчались. Искрин и его ведомый ушли на свой аэродром, держась высоты пятьсот — шестьсот метров.

— Доложил я командиру полка Исаеву результаты разведки,— продолжал Николай Михайлович.— Он поблагодарил за сведения о танках и послал нас отдыхать. Наша землянка — в двадцати метрах от командного пункта. Я прилег на топчане, закурил. Прошло пять — семь минут — телефонист сообщает: «Командир вызывает — все бегом!»

Исаев вызвал всех, кто был поблизости:

— Группа «Юнкерсов-88» в сопровождении «мессершмиттов» идет штурмовать аэродром у станицы Красноармейской. Немедленно все в воздух!

У Красноармейской на аэродроме базировался полк «Яковлевых». Надо было выручать друзей. В шестнадцать часов десять минут в воздух ушла шестерка самолетов: во главе Покрышкин со своим ведомым, вторую пару вел Речкалов, третью — Искрин. Шестерка примчалась к станице Красноармейской на большой скорости, набрав высоту в пять тысяч метров. Немецкие бомбардировщики уже сбросили бомбы,— правда, их удар был неприцельным и большого вреда нашему аэродрому не принес, так как путь им преградила стена зенитного огня,— и уходили на запад. Их отход прикрывала шестерка «мессершмиттов».

— Атакуем с ходу! — скомандовал Покрышкин.

Шесть против шести... Все сразу же вступили в бой...

— На меня «мессер» шел в лоб, немного снизу,— рассказывал мне Николай Михайлович Искрин.— Наклонив нос, я дал три очереди из пушек. «Мессер» загорелся, но упорно продолжал идти на меня,— видать, заядлый был фашист. Но тут у него прогорела плоскость, и он начал падать. Глянул вверх — чуть выше, впереди меня — еще один «мессер», наверное, ведомый того упря-

мого фашиста. Идет на меня под большим углом. У меня была приличная скорость. Выхватил машину резко вверх, и — на него. Он не выдержал и стал уходить на запад с понижением, набирая скорость. Я — за ним, тоже набираю скорость...

Когда расстояние между машинами сократилось до ста пятидесяти метров, Искрин дал очередь из пушек, да еще к тому же включил крупнокалиберный пулемет, который бил через плоскость винта. Видимо, повредил «мессершмитту» мотор: он сильно задымил и стал скользить. Винт у него остановился. Немецкий летчик погибать не хотел и посадил свой подбитый самолет на нашей территории, в семи километрах от станции Славянской. Его тут же взяли в плен наши пехотинцы. Действительно, как и предполагал Искрин, это был ведомый того аса, которого он сбил...

— Возвращаюсь к своей шестерке, — продолжал Николай Михайлович. — Вдруг вижу, со стороны слепившего меня солнца еще два «мессера». Они совсем близко — в двухстах пятидесяти метрах. Высоты у меня маловато. Мой ведомый — Старчиков оторвался. Выходит, я один против двоих. Что делать? Сделал резкий разворот вправо. Они — еще ближе. Ведущий «мессершмитт» палит по мне из пушки. Чувствую, что-то в машине неладно — она перестает меня слушаться. Это немец перебил рычаги управления хвостовым оперением. Самолет начал падать. Я дал полный газ мотору: надеялся все же спасти машину, жаль было ее, она же новенькая!..

Самолет начал было поднимать нос, но тут же перешел в плоский штопор. Все было кончено... Искрин дернул аварийный рычажок и стал вываливаться из кабины, чтобы спрыгнуть с парашютом. Что-то держит... А, черт побери, забыл в горячке отстегнуть ремень! Отстегнул, вывалился... Но в этот момент почувствовал сильный удар по ноге — его нанес стабилизатором свой собственный самолет, беспорядочно падавший на землю. У Искрина

потемнело в глазах, но он все же успел рвануть кольцо, и парашют раскрылся буквально в последнюю минуту — на высоте трехсот метров.

Удар о землю был очень чувствительным. К тому же дул сильный ветер, и парашют потащил Искрина по полю. Он кое-как отстегнул лямки, попытался встать на ноги и тут же упал. Отполз в сторону метра на два, силы его окончательно оставили. Тут к нему подскочил наш солдат верхом на лошади:

— Товарищ командир, как вы себя чувствуете?

— С ногой неважно,— прохрипел летчик.

— Сейчас придет полуторка. Мы видели ваш бой. Боялись, что совсем разобьетесь — уж больно долго вы не оставляли подбитый самолет.

Подошел полуторатонный грузовик. Раненого летчика повезли в Красноармейскую, где размещался полевой госпиталь девятой армии. Проехали мимо обломков самолета — они лежали близ дороги. Искрин с тоской поглядел на сломанные крылья — прощай, верный друг!

Когда летчика привезли в полевой госпиталь, он был уже без сознания.

— Очнулся я уже в десятом часу вечера,— продолжал Николай Михайлович.— Чувствую, лежу на каком-то жестком столе. Пожилой мужчина с бородкой, в халате шевелит пальцы моей стопы, а она, вижу,— синяя. «Ой, доктор,— кричу,— не могу терпеть!» Подошла женщина, наложила мне на лицо маску, чувствую: эфир. Опять потерял сознание. Пришел в себя уже утром на койке. Чувствую — нога болит. А сдернул одеяло — стопы нет, ее ампутировали. Огорчился до слез...

Друзья остро переживали несчастье, постигшее Искрина. Заместитель командира эскадрильи по политчасти Барышев отвез его в тыловой госпиталь в Ессентуки, где раненый летчик находился до декабря. Там он услышал в один из дней по радио, что ему присвоено звание Ге-

роя Советского Союза. Потом, уже под Новый год, его перевезли в Краснодар, где он выздоравливал.

Искрин не терял надежды на возвращение в строй. В протезном научно-исследовательском институте ему сделали искусственную ногу. Научился ходить. В марте 1944 года его вызвали в Москву, в Кремль — заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР вручил ему Золотую Звезду и орден Ленина. Окрыленный, Искрин разыскал Покрышкина, — дивизия была на отдыхе после ожесточенных боев за освобождение Крыма. Тот встретил его очень радушно, обещал взять к себе помощником командира полка по воздушно-стрелковой службе. Но осуществить этот замысел так и не удалось.

— Ну, это уже другая история, к тому же не очень веселая, — сказал мне Николай Михайлович. — Хотя жаловаться мне не на что. А зашел я к вам только за тем, что ежели вы когда-нибудь вернетесь к теме о воздушных боях под Кубанью, то показали бы, что даже в дни так называемого затишья, когда в сводках писали: «На фронте ничего существенного не произошло», мы не сидели сложа руки...

Охотно выполняю вашу просьбу, Николай Михайлович, и вношу ваше дополнение в книгу.

Много работы в эти майские дни 1943 года выпало на долю техников — они ремонтировали машины, готовя их к новым ожесточенным воздушным боям.

Гриша Чувашкин в ту пору получил приятный сюрприз. К нему подошел Покрышкин и сказал:

— Видал, новые машины пригнали? Будь здоров! Одну из них мы с тобой получаем. Заработали...

Знаменитый самолет «13», на котором Покрышкин начинал бои на Кубани, был еще цел. На нем Гриша аккуратно нарисовал уже семнадцать звезд в память о сбитых командиром гитлеровских самолетах. До сих пор

машина ни разу не была подбита и не терпела аварий. Трогательное содружество летчика и техника хранило ее, и она всегда была в готовности к вылету. Но теперь прибыли новые, еще лучшие самолеты, и один из них командование по справедливости передавало лучшему истребителю в полку.

Свою заслуженную боевую машину Покрышкин передал летчику Самсонову*, и тот еще долго воевал на ней. Только на рубеже реки Молочной, под Мелитополем, когда машина полностью израсходовала свои ресурсы, ее с почетом проводили в мастерские на капитальный ремонт. Так в полку уверовали, что число «13» действительно счастливое...

Новый мощный самолет пришелся по сердцу Покрышкину, и он, облетав его над аэродромом, решил дать ему боевое крещение в ближайшем воздушном сражении.

— А какой номер напишем на хвосте? — спросил Чувашкин.

Покрышкин задумался и сказал:

— Напиши «100». Хорошая, круглая цифра, а?

С переднего края вернулся генерал Борман. Нервы его были сильно измотаны, но он относился к себе еще требовательнее, чем к своим подчиненным, и не показывал своей усталости. Как всегда, он был полон самыми различными замыслами и идеями. Заглянув к начальнику политотдела, Борман сказал:

— Знаете, о чем я сейчас думаю? Вот мы с вами много говорили о подытоживании боевого опыта. Верно, спыт мы накопили немалый. Научились сшибать самолеты. Но мне хочется вот чего: чтобы летчики не просто

* А. Самсонов — старший лейтенант, 24 октября 1943 года не вернулся с боевого задания.

ловили в прицел самолет, как охотник ловит дичь, а чтобы они всегда помнили: в том самолете, за бронированной спинкой сидит фашист, представитель враждебного нам общественного строя. Надо, чтобы летчик в воздухе был коммунистом, большевиком, чтобы это было в крови у него...

Пройдясь по хате, он продолжал, стараясь сделать свою мысль понятнее:

— Вот мы часто употребляем слово «солдат». Неплохое слово, с традициями. Но мне, понимаете ли, хочется, чтобы люди помнили, постоянно чувствовали, что мы не просто солдаты, а солдаты Советской Армии,— он подчеркнул интонацией слово «Советской».— Я знаю прекрасно, что вы там по своей линии проводите собрания, беседы, доклады — текущий момент, международное положение и все такое прочее. Но, ей-же-ей, ваши докладчики и лекторы иногда умудряются все эти вопросы трактовать в каком-то чисто информационном, я бы сказал резче,— беспартийном плане! Я не начетчик и не ханжа и сам до смерти не люблю людей, которые к месту и не к месту читают длинные скучные проповеди и поучения. Но я хочу и, если хотите, требую, чтобы вы, политработники, в своих простых, повседневных разговорах с людьми, особенно с молодежью, чаще толковали о том, за что мы воюем и за что воюют фашисты, какой у нас строй и какой у них, чего хотят они и чего добиваемся мы. И главное — нажимайте на то, чтобы сами командиры полков, эскадрилий вели вот такую политическую работу со своим народом. Ведь они самые авторитетные для летчиков люди! Нажимайте, а я вас поддержу...

И Борман предложил провести собрание партийного актива дивизии, посвященное итогам наступательной операции и задачам партийной организации. Доклад на эту тему он делал сам, и летчики слушали его с огромным вниманием. Немного погодя он вместе с начальником по-

литотдела провел совещание командиров полков и их заместителей по политической части — о состоянии массовой воспитательной работы. Борман придавал огромное значение идейной закалке летчиков и непрестанно теребил командиров, заставляя их много работать над собой и воспитывать своих подчиненных.

Вдруг, как бы ненароком, он, собрав командиров полков, спрашивал их:

— Да, вы, конечно, читали повесть Кожевникова «Март — апрель»? Очень, очень полезная вещь — беллетристика: от нее мозги как-то светлеют! Вот возьмите наших классиков — Пушкина, Лермонтова, Толстого. Как будто бы речь идет о далеких-далеких от тебя временах. А потом подумашь и увидишь, что их герои вот тут же, рядом с тобой... Захлопнешь прочитанную книгу, и как будто бы ты сразу богаче стал. Не правда ли, товарищ Васильев?

И Васильев, грузный, неповоротливый летчик, давно уже не державший книги в руках, ерзал на месте и говорил, конфузясь:

— Да, оно, конечно, классики — вещь полезная...

А комдив, делая вид, что не замечает этого смущения, продолжал:

— А какое развитие дает офицеру театр, музыка! Сейчас, конечно, нам с вами приходится довольствоваться патефоном и радио, но в мирное время я бы прямо-таки обязал бы каждого командира посещать театры и концерты...

И, отпустив командиров, генерал хитро подмигивал начальнику политотдела:

— Вот видишь, как их надо ловить? — И он грустно вздохнул: — Эх, до чего же беден духовный мир у некоторых наших офицеров! Я все понимаю: идет война, им не до учебы, академий они не кончали... Но ведь это наши же, черт возьми, советские люди! До войны небось и в театры ходили, и книги читали — ведь все конча-

ли десятилетку, изучали историю, литературу... Как же можно дичать? Нет, что ни говорите, а офицер обязан и на фронте дружить с книгой, интересоваться новостями искусства, одним словом — проявлять разносторонний интерес к жизни. Иначе он может опуститься духовно и морально, а тогда ему и как военному копейка цена...

Партийная комиссия дивизии в эти дни рассматривала десятки заявлений о приеме в партию, поданных в разгаре боев. Сто пятьдесят шесть летчиков и техников стали уже коммунистами за время воздушного сражения на Кубани, и начальник политотдела радовался тому, что и теперь, как это было в 1942 году, люди идут в партию тем решительнее, чем сложнее и труднее боевая обстановка...

В один из этих, сравнительно тихих, дней Покрышкин вдруг пришел к генералу и попросил у него разрешение слетать к Марии, батальон которой стоял в трехстах километрах от Поповичёской.

Эта просьба была неожиданной для комдива. Покрышкин никогда не разговаривал с ним о личных своих делах и сам не терпел, когда кто-нибудь заводил с ним разговор на такую тему. Генерал понял, что уж если капитан решил обратиться к нему по такому вопросу, то ему действительно очень нужно лететь.

— Хорошо. Даю вам пять дней. Хватит?

— Вполне, — отрывисто сказал Покрышкин. — Разрешите идти?

— Счастливый путь! — сказал генерал и улыбнулся вслед своему любимцу.

Через четверть часа Покрышкин поднялся в воздух на связном самолете и ушел на север бреющим полетом.

В Н-ском батальоне аэродромного обслуживания были очень удивлены, когда над селом, где он располагался, прошел, чуть не касаясь колесами крыш, какой-то не-

знакомый самолет. Он сделал горку, потом развернулся и снова прошел над селом, словно вызывая кого-то к себе. Пожилая сестра сказала в шутку Марии:

— Наверно, твой Саша пожаловал!..

Мария зарделась и вдруг, накинув косынку, со всех ног пустилась к аэродрому. Сердце подсказывало ей, что это именно так и есть, хотя Саша писал, что там у них идут жаркие бои, что он в самом пекле, что работе его конца-краю не видно. Она почему-то была спокойна за него — ей верилось, что с этим большим и сильным упрямым никогда ничего не стрясется. Недаром там, у Каспия, Труд острил, что у Саши такой огромный запас воли, что ему в полете не нужно генератора — аккумуляторы могут заряжаться от него самого. Но ей было очень тоскливо без Саши, без его застенчивой улыбки, которая всегда так неожиданно освещала его чуточку сумрачное лицо, без его глаз, внимательных и острых, без его шуток, немного неуклюжих и грубоватых, но душевных. Она всегда мечтала, что Саша явится именно так неожиданно и внезапно. И вот — этот незнакомый самолет...

— Куда ты, Маша? Сапоги обуй, грязно!.. — кричала ей вслед сестра, а она, ничего не видя и не слыша, не разбирая дороги, по грязи и лужам, через выгон, через болото мчалась, как была, в легких тапочках и платице к посадочной полосе аэродрома.

А самолет все кружил и кружил над полем, то снижаясь до бреющего полета, то вновь взвиваясь к небу. Наконец он приземлился, резко развернулся и побежал по полю, смешно подпрыгивая и размахивая широкими крыльями, прямо к Марии. Потом самолет остановился, винт перестал вращаться, и из кабины вылез он, Саша, самый дорогой на свете человек. Сбив на затылок шлем с задраным вверх ухом, он шел к ней навстречу, широко раскрыв руки. Мария бросилась к нему, они обнялись, потом Саша взял ее своими сильными руками за плечи, оглядел и тихо сказал:

— Все такая же... Мария...

И вдруг испуганно спросил, глядя на ее ноги:

— Ты что? Ранена?

Она посмотрела вниз и сконфузилась: ноги были исхлестаны в кровь жесткой травой, когда она бежала через болото.

— Это осока... Ну, вон там, видишь?..

Мария показала рукой. Он понял и вдруг расхохотался:

— Сумасшедшая!

И, став на колени, начал вытирать ей ноги платком...

Покрышкин прожил в деревне три дня и не заметил их. Судьба порадовала его здесь еще одним событием: по радио был передан Указ о присвоении звания Героя Советского Союза летчикам, отличившимся в боях на Кубани. В этом списке были Крюков, Покрышкин и Речкалов.

Тем временем назрели новые события. Подготовка к прорыву «Голубой линии» была завершена, и двадцать шестого мая наши войска обрушили на нее свой удар в районе станиц Киевской и Молдаванской. Когда наши части, прорвав первую полосу обороны гитлеровцев, продвинулись на три — пять километров и уже вырисовывалась перспектива развития наступления, немецкое командование пустило в ход последнее средство, которым оно располагало: со всех аэродромов Крыма и Южной Украины были подняты бомбардировщики четвертого германского воздушного флота, и все они устремились сюда, на крошечный участок фронта, где кипела горячая битва.

Только за три часа во второй половине дня двадцать шестого мая здесь было отмечено свыше полутора тысяч самолетов противника! Истребители четвертой советской воздушной армии и зенитчики яростно отбивали небыва-

лые по силе атаки, но полностью отразить воздушное наступление гитлеровского воздушного флота им не удалось. Продвижение наших наземных войск замедлилось. Немецкие самолеты прорвались к нашим аэродромам. Был нанесен удар и по аэродрому гвардейцев Дзусова.

Для обеспечения этой операции немцы выделили наиболее опытных летчиков-истребителей. Они подкрались к Поповической на бреющем полете с востока и с ревом обрушились на самолеты, расставленные в капонирах. Навстречу им взлетел молодой летчик Виктор Чесноков *, но было уже поздно: немецкие самолеты начали штурмовку.

Почти сразу же загорелся самолет Труда — новая боевая машина из восьмерки Покрышкина. Увидев это, техник Кожевников **, забыв обо всем на свете, выскочил из щели и бросился к пылающей машине. Зажигательные пули ложились вокруг, и трава мгновенно вспыхивала и обугливалась. Но Кожевников все бежал и бежал напрямик, видя перед собой только красный кок самолета и жадные языки пламени на плоскостях. Вскочив с разбега в кабину, он запустил мотор, вырулил из капонира и зигзагами погнался горящий самолет по полю, силясь сбить пламя. Это не помогло, и задыхающийся в дыму, опаленный техник со слезами бессилия вынужден был оставить машину. Тотчас над ней встал столб пламени, начали рваться баки с горючим. Все было кончено...

Когда Труд прибежал к своей машине, от нее осталась лишь груда пепла и искалеченных кусков металла.

— Дурной знак,— сказал он угрюмо.

Друзья промолчали — суеверие Андрея всегда слу-

* В одном из воздушных боев В. Чесноков был ранен, ему ампутировали руку, работал после госпиталя адъютантом эскадрильи.

** И. Кожевников в настоящее время живет и работает в г. Спасске Приморского края.

жило объектом шуток, но на этот раз было не до смеха. И вот поди ж ты, случилось так, что хозяину погибшей машины назавтра же и впрямь серьезно не повезло. Кто знает, быть может, не повезло именно потому, что он этого сильно опасался. Но не будем забегать вперед...

Подлетая к своему аэродрому, Покрышкин сразу заметил, что передышка кончилась. Многих самолетов не было. Группа машин дежурила на взлетной полосе. В стороне суетились механики. У командного пункта, за столиком, на котором стоял репродуктор, дежурил бессменный слушатель всех воздушных боев, начальник связи Масленников.

Покрышкин поспешил к командиру полка. Тот обрадованно сказал ему.

— Как раз вовремя! Сегодня с рассвета воюем. На участке Киевская — Молдаванская наши пробивают «Голубую линию». Поставлена задача: прикрыть их с воздуха. Там сейчас такая мясорубка, какой давно уже не было.

— А где моя восьмерка? — быстро спросил Покрышкин.

— Часть летчиков в воздухе. Крюков повел четверть часа назад шестерку.

— В воздухе? Без меня?..

— Обстоятельства так сложились, — пожал плечами Исаев. — Держать людей в резерве мы не могли. А тут еще Труд остался без машины: ее «мессершмитты» сожгли. Пошел в воздух на другой...

Покрышкин поспешил к Масленникову:

— Ну что там?

— Дерутся, — негромко ответил тот. — Слушай!

Из репродуктора доносились отрывистые слова команд, выкрики, проклятия, слова одобрения. Покрышкин узнавал голоса Крюкова, Труда, Табаченко. Нелегко было разобраться, что происходит, но чувствовалось, что над полем боя идет жестокая борьба.

— Уже несколько «худых» сбили,— сказал Масленников.— Труд одному хвост обрубил. В общем, дела...

Никогда еще Покрышкин не испытывал такого волнения, как в этот раз. Ему не терпелось дожидаться возвращения своих товарищей, чтобы расспросить их, как прошел бой, и затем вместе с ними уйти в воздух. Наконец, на горизонте появились две точки, потом еще две и... одна. Кто же отстал? Машины сели. Не хватало истребителя номер тридцать восемь — машины Труда. Неужели вынужденная посадка? Оказалось худшее, что можно было предположить: Труда сбили.

Кровь бросилась в лицо Покрышкину, и он резко сказал:

— Эх, не могли уберечь!

Но уберечь Труда было нелегко.

Когда Крюков привел свою шестерку в район боя, над «Голубой линией» было уже много самолетов. На протяжении всего срока патрулирования шестерка гвардейцев непрерывно вела воздушные бои, разгоняя «мессершмиттов» и «фокке-вульфов». В разгар борьбы, когда один «мессершмитт» подкрался сзади к Крюкову, Труд стремительно атаковал его и очередью из пушки отбил ему хвост. Самолет стал беспорядочно падать. Немецкий летчик выпрыгнул с парашютом, пытался скрыться в лесу, но солдаты его схватили. А вскоре и сам Труд почувствовал резкий удар. Сразу же его машина перешла в пике.

Андрей взял ручку на себя. Самолет не слушался. Оказывается, «фокке-вульф», находившийся в восьмистах метрах от него, пустил очередь и случайным попаданием перебил тросы управления. Теперь самолет Труда, набирая скорость, шел к земле. Андрей попробовал управление триммером, покачал элеронами. Самолет чуть-чуть поднял нос. У Труда немного отлегло от сердца: авось, удастся дотянуть до дома!

Но «мессершмитты», почуяв добычу, навалились на раненый самолет. Степанов с Чистовым*, двадцатилетним юношей, только что пришедшим в полк, и ведомый Труда, молодой летчик Тищенко по-братски прикрыли подбитую машину, отвлекая гитлеровцев на себя. Однако «мессершмиттов» было много, и один из них увязался все же за Трудом. Уравняв скорость с подбитым советским самолетом, он хладнокровно расстреливал его в упор — даст очередь, отойдет, посмотрит, снова подойдет и опять бьет.

Больше всего бесило Андрея сознание беспомощности. Пригнувшись за бронированной спинкой, он все внимание сосредоточил на управлении своим изуродованным самолетом, но тот с каждой минутой все хуже и хуже повиновался. Сначала «мессершмитт» искалечил плоскости, потом окончательно разбил руль поворота, пробил брешь в фюзеляже. Осколки влетели в кабину, и со звоном посыпались стекла приборов. Потянуло тошнотворной гарью, — языки пламени забежали по плоскости...

Андрей глянул вниз. Самолет все еще находился над территорией, занятой гитлеровцами, и он твердо решил: «Лучше сгорю, но прыгать не буду». А «мессершмитт» снова начинал атаку. Раздосадованный тем, что русский так долго не падает, фашист хотел дать еще одну очередь по горящей машине, как вдруг его собственный самолет окутался клубами дыма. Это Валя Степанов еще раз пришел на помощь горящему другу и расстрелял гитлеровца в упор.

На мгновение Степанов пристроился к Труду. Полуразбитый, охваченный огнем, с развевающимися лохмотьями обшивки, самолет Андрея качался и терял высоту. Только мотор оставался в полной исправности и гневно трубил над Кубанью.

* Н. Чистов командовал звеном. Погиб 31 мая 1944 года в воздушном бою в районе Ясс.

Наконец внизу мелькнула линия окопов, вторая, третья...

Наша территория! Труд отстегнул ремни и машинально схватился за кольцо парашюта, но прыгать было уже поздно: земля — в тридцати метрах. Пламя душило и жгло. Андрей закрыл глаза рукой, инстинктивно дернул ручку на себя, хотя управление уже совсем не повиновалось, и пылающая машина врезалась в землю.

Начальник штаба полка, выслушав рассказы летчиков, участвовавших в бою, дрогнувшей рукой записал в журнале боевых действий: «Смертью храбрых погиб лейтенант А. Труд». Но история Андрея на этом далеко не кончилась, хотя по всем законам логики он должен был погибнуть...

Очнулся Андрей в каком-то просторном помещении, среди людей в белых халатах. Хотя он и был чуточку суеверным, но в загробный мир не верил и сообразил, что находится в госпитале. Но как и откуда он сюда попал — не помнил.

Труд всегда смертельно опасался тяжелых ранений, и теперь первой мыслью было — целы ли руки и ноги? Вспомнил, как недавно летчик Искрин, у которого после ранения ампутировали ступню, сказал ему, когда он пришел его проведать: «Понимаешь, все время чувствую, будто болят отрезанные пальцы. И такое ощущение, что нога цела». Подумалось: «Значит, нельзя верить себе! Надо поднять руку и посмотреть». Поднять? А если вместо руки — обрубок? Андрея прошибла дрожь. «Нет, лучше подождать... А чего ждать? Уж лучше сразу». И, стиснув зубы, он резко выхватил из-под простыни правую руку. Рука была, как рука, — крепкая, мускулистая. От напряжения Андрей ослабел и снова потерял сознание. Потом опять пришел в себя, вспомнил о своих сомнениях и быстрым движением поднял левую руку. Но тут послышался чей-то ворчливый голос:

— Осторожнее, молодой человек, это вам не танцевальная площадка...

Только теперь Андрей почувствовал, что лежит не на кровати, а на каком-то столе. Он хотел было запротестовать, потребовать, чтобы его положили на мягкую постель, как вдруг услышал странное поскрипывание у себя на голове и очень удивился этому. Что бы там могло быть? Только потом он узнал, что ему в это время сшивали разорванную кожу на лбу.

Сознание прояснялось постепенно. Андрей почувствовал, что глаза все время слипаются и что очень больно размыкать ресницы. Он потянулся к ним рукой, но стоявшая рядом какая-то женщина отдернула ее:

— Осторожнее, товарищ! У вас ожог первой степени. Хотите внести инфекцию?

Андрей покорно опустил руку.

Операция уже заканчивалась. Ловкие, искусные руки бинтовали голову. Тугая, холодная ткань стянула свежие швы, и Андрей почувствовал облегчение. Только теперь он вспомнил, что находился в кабине падающего на землю горящего самолета. Почему же он не погиб? Что произошло?..

Хирург вышел. Андрея отнесли в просторную палату, где лежали раненые, и он забылся тревожным сном. Сколько он спал — не помнит. А проснувшись, увидел: в углу сидит на корточках пожилой пехотинец с рыжеватыми прокуренными усами, в испачканной глиной шинели и грубых, покоробившихся от болотной воды башмаках с обмотками. Солдат клюет носом, на лице у него написана смертельная усталость, и видно, по всему, что он давно уже кого-то здесь дожидается.

— Браток,— сказал Андрей, с трудом шевеля губами.— Браток, ты откуда?

— Слава богу, товарищ командир. Очнулись! — оживился боец.— А я вас дожидаю...

Андрей недоуменно уставился на него своими боль-

шими серыми глазами, резко выделявшимися среди белых бинтов.

— Я же вас сюда препроводил! Когда вы были сгоревши, то есть не вы, а машина ваша, то вас, извиняюсь, шарахнуло из машины и прямо в плавни. Ну, мы так тут рядом были, за вами в воду. А самолет тут же рвануло. Вытащили мы вас, на полуторку и сюда... Дозвольте вам награды ваши передать, а то как бы не затеряли тут. Я уж сколько раз приходил, все ждал, когда вы, значит, себя припомните.

И он вынул из кармана аккуратно завернутые в газету ордена, снятые бойцами с полусгоревшей гимнастерки Труда. Глаза Андрея увлажнились. А боец все топтался возле него, смущенно расправляя прокуренные усы. Улучив минутку, когда сестра отошла в дальний угол, он нагнулся к Андрею и, обдавая его жарким дыханием, прошептал:

— Может, не побрезгуете, товарищ офицер. Тут у нас старшину сегодня убило, а у него в баклажке спирту немного было. Ну, ребята и сказали, захвати для товарища летчика, может, жив останется, пусть за наше здоровье хлебнет.

Андрей протянул руку. Боец сунул ему флягу и, с наивной мужичьей хитростью заслоняя его от сестры, громко заговорил о чем-то постороннем. Андрей глотнул обжигающей губы жидкости, и сразу тепло побежало по жилам. Улыбнувшись бойцу, он откинул голову на жесткую подушку и забылся. Боец растерянно глянул на него, потом, увидев, что Андрей дышит, хитро подмигнул, завинтил флягу и, высоко поднимая одеревеневшие ноги, чтобы не стучать башмаками, зашагал на цыпочках к выходу...

Только тут заметила его сестра:

— А вы что тут до сих пор толчетесь? — строго спросила она.

Боец выпрямился, крутнул ус и отрапортовал:

— По делу я, ордена товарищу герою доставил...

И бочком-бочком выскользнул из операционной.

А в районе Киевская — Молдаванская все кипело, бурлило, громыхало и сотрясалось. Казалось, все стихии земли вырвались на свободу, чтобы разгуляться на этом маленьком клочке земли.

Советская авиация делала все возможное, чтобы сорвать воздушное наступление превосходящих сил противника. Наши штурмовики и бомбардировщики атаковали аэродромы гитлеровцев. Истребители перехватывали немецкую авиацию, атакующую наземные войска, еще до подхода к линии фронта. Для этого они уходили патрулировать в тыл к гитлеровцам, на довольно значительную глубину...

Гвардейцы вместе со всеми истребителями четвертой воздушной армии работали крайне напряженно, делая по несколько боевых вылетов в день. Многие воздушные бои приходилось проводить в условиях огромного неравенства сил. Особенно разительным был удивительный бой, проведенный двадцать девятого мая Покрышкиным. Когда ветераны полка рассказывали мне о нем осенью 1944 года в Мокшишуве, я не поверил, что такое возможно. Однако документы, с которыми меня познакомили в штабе дивизии, рассеяли сомнения. Невероятное оказалось реальностью: патруль Покрышкина выиграл бой с тремя группами гитлеровской бомбардировочной авиации!

В этот день он вылетел на прикрытие своих войск в район Киевской с четверкой самолетов. В паре с ним шел молодой, еще недостаточно опытный пилот Малин *. Во второй паре были Торбеев и Старчиков. Над полем боя лежали два яруса облаков — нижний стлался почти у земли, на высоте пятисот метров, второй поднимался

* Ю. Малин — младший лейтенант, умер от ран 30 мая 1943 года.

высоко. Покрышкин повел четверку между этими двумя ярусами, зная, что немцы любят скрытно подходить к цели, пользуясь именно такими облачными коридорами.

Во время патрулирования Малин оторвался и потерял Покрышкина. Теперь в распоряжении капитана осталось всего три машины. И вдруг по радио он услышал взволнованный голос дежурного с поста радионаведения:

— Северо-западнее — две группы «Юнкерсов-88». Интервал между группами — одна минута. Юго-западнее — отряд «Хейнкелей-111». Верхний ярус — возможны «мессершмитты»...

Как и предполагал Покрышкин, немецкие бомбардировщики крались к полю боя, прячась между двумя слоями облаков. Гитлеровцы замыслили звездный налет — группы сходились с разных направлений.

Капитан слышал, как с пункта радионаведения срочно вызывали дежурные подразделения истребителей, находившиеся на аэродромах. Но пока они подоспеют, бомбардировщики уже сбросят свой смертоносный груз. Значит, надо во что бы то ни стало если не предотвратить боевой налет, то по крайней мере сбить фашистов с боевого курса и нанести им максимальный ущерб...

Что мог сделать Покрышкин, имея в своем распоряжении лишь три самолета? Казалось, он был бессилен предотвратить массированный бомбовый удар. Но Покрышкин не допускал мысли о том, чтобы фашисты смогли вот так, нахально, у него на глазах прийти и сбросить бомбы на нашу пехоту. И он скомандовал Старчикову:

— Прикройте! Иду в атаку...

Фашистские летчики были ошеломлены, увидев одинокий советский самолет, устремившийся им навстречу. Его вытянутый вперед алый кок был угрожающе нацелен на ведущего ближней группы — ее возглавлял тяжеловесный бомбардировщик Ю-88. У немецкого штурмана, сидевшего в широкой остекленной кабине, выдвинутой

далеко вперед, не выдержали нервы, и он нажал бомбосбрасыватель, хотя до цели было еще далеко. Летчик начал делать разворот, но было уже поздно — одинокий советский истребитель как молния сверкнул над ним и дал в упор короткую очередь.

Закачавшись, громоздкий «юнкерс» рухнул на землю. А Покрышкин, скосив глаза влево, увидел совсем рядом тупой нос второго бомбардировщика, оцетинившийся пулеметами. Отвалив в сторону и пропустив его вперед, он развернулся и ударил сзади. «Юнкерсы» рассыпались, потеряли строй и, торопливо сбрасывая бомбы куда попало, начали нырять в облака. Их смертоносный удар пришелся по гитлеровской пехоте.

Теперь эта группа уже не представляла для Покрышкина интереса, и он с ходу врезался в строй второй волны бомбардировщиков. И эта группа начала рассыпаться еще до того, как Покрышкин полоснул огнем ведущего.

Бомбардировщик, подбитый очередью Покрышкина, бросился в сторону, чтобы скрыться под нижним слоем облаков. Покрышкин погнался было за ним, но вовремя сдержался и, круто развернувшись, оставил преследование: третья группа уже вышла на боевой курс, и первые бомбы посыпались на наши войска. Капитан с ходу, рискуя столкнуться, влетел в самую гущу немецкого строя и стал бить по бомбардировщикам.

Поспешно сбросив бомбы, и третья группа пустилась наутек. Привязавшись к одной паре «хейнкелей», Покрышкин упрямо и дерзко клевал правый самолет. Почему-то он долго не загорался. Пришлось сделать три атаки, пока наконец за мотором немецкого бомбардировщика потянулся дымный хвост. Он грузно накренился и нырнул в облако. Покрышкин тут же обрушился на второй самолет. Первой очередью он расстрелял стрелка, второй пробил крыло. Но тут у него кончились боеприпасы.

Покрышкин осмотрелся. Поспешно уходивших гитле-

ровцев уже брали в клещи подоспевшие дежурные подразделения наших истребителей. Патруль выполнил свою обязанность. Но где Торбеев* и Старчиков? Их нигде не было видно. Только потом, уже на аэродроме, Покрышкин узнал, что они, прикрывая его, завязали бой, в ходе которого сбили один гитлеровский самолет, но и машина Старчикова была подбита, и потому им пришлось вернуться...

Один над полем боя и к тому же безоружный... А тут еще Покрышкин вдруг заметил, что в стороне метнулся еще один фашистский самолет. Его настигал какой-то «Яковлев». Но в тот самый момент, когда надо было атаковать гитлеровца, «Яковлев» отвалил и нырнул в облака. Это произошло, видимо, неспроста. Покрышкин оглянулся еще раз и увидел группу фашистских истребителей, стремительно приближавшуюся к полю боя. Встреча с ними не улыбалась безоружному Покрышкину, и он, бросившись в облако, пробил его и ушел к своему аэродрому.

Такие неистовые атаки советских летчиков, часто шедшие вразрез со всеми теоретическими расчетами и практическими нормами, угнетающе действовали на психику гитлеровского летного состава. Фашистская авиация неслла всевозрастающие потери. Третьего июня, например, была брошена в атаку крупная группа в составе ста двадцати пяти фашистских бомбардировщиков под прикрытием десяти истребителей. Их встретили двадцать шесть советских истребителей. И что же? Неравный бой кончился тем, что восемнадцать гитлеровских самолетов были сбиты, а еще четыре повреждены. Остальные бомбардировщики рассеялись, беспорядочно сбрасывая бомбы куда попало. Еще один налет был сорван... Даже хваленая эскадра Геринга «Удет» оказалась бессильной против советских гвардейцев.

* А. Торбеев в войну сбил 9 самолетов противника, в настоящее время живет в Кировской области.

Три месяца спустя, когда наши войска, продвинувшись далеко вперед, освободили Мариуполь, Покрышкину случилось остановиться в том самом доме, где квартировали раньше гитлеровские летчики, летавшие весной отсюда бомбить Кубань. Словоохотливая квартирная хозяйка рассказывала:

— Ну и давали ж им жару, видать, наши! Встанут утром, хмурые, злые — то им не так, да это не этак. Лают, как собаки, переругаются, пока соберутся. А потом нахлебаются винища и идут. Морды кислые-кислые — ровно им на виселицу. Улетит их много, а прилетает чуть не вдвое меньше. Тут уж санитары бегать начинают, машины заводят. А те, кому посчастливилось, соберутся и опять пьют. И как бы это узнать, кто их так хорошо крестил на Кубани? Век бы господ-бога молила!..

Покрышкин слушал, посмеивался и уклончиво говорил:

— Да, видать, там, на Кубани, толковые летчики были!..

Это новое, пожалуй, самое ожесточенное воздушное сражение продолжалось примерно десять дней. С двадцать шестого мая по седьмое июня было уничтожено триста пятнадцать фашистских самолетов — половина того, чем располагало командование германских военно-воздушных сил на Кубани перед началом операции. Наша авиация потеряла сто пятьдесят самолетов.

Прочно удержав господство в воздухе, советские летчики надежно прикрыли наземные войска, дали им возможность значительно улучшить свои позиции и создать плацдарм для решающих операций по очищению Тамани.

Военный совет Северо-Кавказского фронта так оценил итоги этой большой воздушной битвы:

«В результате воздушных сражений победа, бесспор-

но, осталась на нашей стороне. Противник не добился своей цели. Наша авиация не только успешно противодействовала врагу, но одновременно вынудила немцев прекратить воздушные бои и убрать свою авиацию».

В разгаре этого сражения в гвардейский полк прибыло еще одно пополнение. Штурман полка майор Крюков привел из Тихорецкой целую эскадрилью только что изучивших новую материальную часть молодых пилотов. Это были brave ребята из восьмьдесят четвертого истребительного полка, имевшего короткую, но славную биографию: он был сформирован в трудные дни 1942 года из летчиков, еще не бывавших на войне. У них тогда отсутствовал боевой опыт, но то были дружные, воинственно настроенные, смелые, неунывающие люди. И они с воодушевлением ринулись в самое пекло битвы над Тереком.

Те, кому довелось провести сентябрь и октябрь на рубеже Терека, до конца дней своих сберегут память о суровых днях, когда густая, тяжелая пелена пыли и порохового дыма затягивала солнце, когда скалы крошились под ударами бомб, когда все вокруг гудело, тряслось, рассыпалось и гибло, и только упрямые, закопченные, полузасыпанные землей оглохшие люди в выгоревших гимнастерках и пилотках, прижавшись к горячим камням, вели упорный, многодневный бой. Их задачей было — не пропустить врага в глубь Кавказа.

Так же, как на севере, у Сталинграда, здесь мерили расстояния на метры, вели многодневные жестокие бои за какой-нибудь отдельный полуразбитый дом, за холм, изрытый снарядами, за усеянный камнями мертвый островок на дикой и бурной реке. Отсюда пошла слава двух братьев Остапенко, уничтоживших вдвоем из противотанкового ружья за два дня несколько танков. Тут наводила на фашистов ужас морская пехота, дравшаяся среди

скал и лесов с таким упорством и умением, словно под нею была стальная палуба родного корабля, а не предательски осыпавшийся щебень. И подразделения пограничников, брошенные на защиту Кавказа, сражались с тем невероятным упорством, которое неизменно озадачивало и пугало гитлеровцев.

В тесных ущельях, на узких горных тропах воевали плечом к плечу седобородые кубанские казаки с георгиевскими крестами, полученными еще за японскую войну, и смуглолицые юноши с бакинских нефтепромыслов, лезгины из аулов Осетии и шахтеры Зангезура, и газеты повторяли в эти дни слова клятвы, принесенной старейшими представителями народов Кавказа: «Как горные реки не потекут вспять, как прекрасное солнце не перестанет светить над нашей землей, так и черные тучи фашизма никогда не покроют наши Кавказские горы. Не бывать собаке Гитлеру хозяином над нашим Кавказом, над нашей Советской страной...»

Когда молодые пилоты восемьдесят четвертого авиационного полка влились в ряды защитников Кавказа, они очень быстро прониклись строгим сознанием ответственности за судьбу своей земли. И хотя им приходилось очень тяжело, никто из них никогда не жаловался на свою судьбу.

Летала молодежь все на тех же устарелых «чайках», на которых многие летчики начинали войну. В блиндажах, вырытых на берегу Терека, сложили грустную песенку:

«Чайка» смело пролетела
Над седой волной.
Перевернулась и не вернулась —
Вечный ей покой...

В то время «чайки» были уже сняты с производства, и на заводах строились сотни и тысячи новейших самолетов, которые в будущих сражениях должны были разгромить немецкую авиацию. Уже тогда над седыми волнами

бурного Терека все чаще появлялись эскадрильи быстрых «Яковлевых», которых «мессершмитты» сторонились. Но «чайки» все еще оставались в строю, и летчики навсегда сохранили трогательную привязанность к ним: все ж таки целых два года вились «чайки» над полями битв, и тысячи подвигов совершили наши пилоты на них, проходя трудный путь начала войны.

Молодежь восьмьдесят четвертого авиационного полка на «чайках» по несколько раз в день ходила на штурмовку войск противника. Подвесив под крыльями по четыре маленькие бомбы и зарядив пулеметы, летчики уходили на бреющем полете навстречу ураганному зенитному огню. Верткие, маневренные машины чутко повиновались управлению, и летчики упрямо лавировали среди разрывов до тех пор, пока не заканчивали выполнение боевой задачи. Пехота из окопов с замиранием сердца наблюдала за ними.

— «Веселые ребята» пришли! — кричали в окопах.

И на обветренных, воспаленных лицах бойцов появлялись улыбки, когда безвестному водителю «чайки» удавалось хитрым маневром обмануть немецких зенитчиков, донести и сбросить свой груз на позиции противника. Когда же над полем боя появлялись «мессершмитты», со свистом рассекавшие воздух, «Веселые ребята» становились в круг и яростно, неистово оборонялись. Тогда еще не была разработана тактика действий парами, не соблюдались нынешние боевые порядки, и «Веселые ребята», крутясь густым клубком, подчас так и шли до самого аэродрома. А «мессершмитты» были над ними, норовя клюнуть отставшего...

Когда наши войска, накопив силы, перешли в наступление и отбросили гитлеровцев к устью Кубани, «Веселые ребята» простились с «чайками». Их вывели из боя, и на широком зеленом поле у Тихорецкой они начали учиться летать на таких же скоростных самолетах, на каких в это время уже воевали Покрышкин и его друзья.

Учителем «Веселых ребят» был Борис Глинка, искусный летчик из полка Дзусова, немного грузный, степенный украинец. Молодежь училась жадно и нетерпеливо, выпрашивая учебные полеты. За эти полгода в сердце у каждого накалилась злоба на «мессершмиттов», охотившихся за «чайками», и каждому хотелось побыстрее рассчитаться с ними — люди видели, что новый самолет по своим данным превосходит гитлеровские машины.

И вот тридцать первого мая Пал Палыч Крюков привел в Поповическую эскадрилью молодежь, уже закончившую переучивание. Эту группу молодых летчиков передали гвардейцам как пополнение, и Покрышкину, который недавно был назначен заместителем командира полка, было поручено ввести ее в бой.

Поставив свои машины в капониры, молодые летчики пришли на командный пункт. Сразу узнав Покрышкина по портрету, опубликованному в армейской газете, они глядели на него во все глаза, вспоминая многие невероятные истории, связанные с именем этого человека. Они знали, что ему приходилось драться одному против нескольких десятков самолетов, что над Кубанью гитлеровцам еще ни разу не удалось не только сбить, но даже подбить его машину, хотя он летал в бой по несколько раз в день. Говорили, что за всю войну Покрышкин ни разу не был ранен, хотя ему случалось бывать в самых крутых переплетах.

Крюков доложил командиру полка о прибытии пополнения, тот поздоровался с молодежью и сказал:

— Знакомьтесь — мой новый заместитель по воздушно-стрелковой службе, Герой Советского Союза капитан Покрышкин. Будете учиться летать по его системе.

Покрышкин внимательно оглядел летчиков. Он уже знал, что эти ребята бывали в боях и храбро дрались. У некоторых на груди были ордена, желтые и красные ленточки — память о ранениях. Взяв список, он начал читать:

— Голубев Георгий Гордеевич!..*

— Я,— ответил худощавый, голубоглазый юноша с вьющимися каштановыми волосами, в гимнастерке с погонами старшего сержанта и орденом Красной Звезды.

— Где учился?

— В Ачинском аэроклубе и Ульяновской школе.

— А потом?

— Работал в летной школе на Кавказе инструктором.

— Давно на войне?

— С тридцатого ноября 1941 года.

Покрышкин внимательно поглядел на Голубева, словно прикидывал ему цену, и потом вызвал следующего:

— Цветков! **

— Я,— отозвался молоденький лейтенант, с легким полудетским пушком на подбородке.

— Давно в армии?

— С тридцать второго года.

— Ого! — недоуменно заметил Покрышкин.— С пеленок?

— Воспитанник части,— пояснил лейтенант.

— А на войне?

— С двадцать второго июня сорок первого года. Начал со Львова и вот...

— Так,— сказал Покрышкин, поставил карандашом птичку в записной книжечке и продолжал:

— Сухов Константин Васильевич! ***

— Здесь! — солидно ответил невысокий, смуглый юноша в солдатской гимнастерке с полевыми погонами без всяких знаков различия.

* Г. Голубев — ведомый А. И. Покрышкина, Герой Советского Союза, в дальнейшем полковник, автор книги «В паре с «Сотым».

** В. Цветков — командир звена, погиб в бою 4 апреля 1945 года.

*** К. Сухов, в дальнейшем полковник, Герой Советского Союза, закончил войну командиром эскадрильи, сбил 22 самолета.

— Рядовой красноармеец? — удивленно поднял брови Покрышкин.— А вы как сюда попали?

Сухов начал объяснять. У него была длинная и сложная история. Еще мальчиком он, работая подручным в артели «Красный фотограф» в Новочеркасске, стал мечтать об авиации. Ему казалось неимоверно тоскливой и никому не нужной эта возня с полотняными декорациями, изображавшими лубочные дворцы, на фоне которых важный мастер фотографировал людей, целясь в них широким глазом большой деревянной камеры, это бесконечное полоскание стеклянных пластинок в растворах, пахнущих кислятиной, и он считал себя самым большим неудачником на свете. Как завидовал Сухов молоденьким курсантам в синих френчах с серебряной птицей на рукаве, которые снимались, подбоченившись и положив руку на пустую кобуру!

Когда ему исполнилось семнадцать лет, он, набравшись смелости, пошел в горком комсомола и там рассказал о своей незадачливой судьбе. Комсомольцы отнеслись к нему участливо и выхлопотали путевку в Ростовскую авиационную школу первоначального обучения. Оттуда, уже во время войны, его послали в Ейское училище морской авиации. Но не успел он окончить учебу, как фашисты приблизились к Кавказу, и училище пришлось эвакуировать. Часть курсантов выразили желание остаться в наземных войсках — уж больно тяжело складывалась военная обстановка, и руки сами тянулись к винтовке. Их приняли в свою семью кубанские казаки, которыми командовал генерал Кириченко. Летчикам пришлось пересест с самолетов на коней, и Сухов стал автоматчиком ударного штурмового отряда.

С казаками он провоевал несколько месяцев в самую трудную пору обороны Кавказа, а потом его отпустили доучиваться. В запасном авиаполку Сухов в течение трех месяцев овладел «чайкой» и в марте 1943 года вступил в бой, так и не получив воинского звания.

— Гм,— неуверенно сказал Покрышкин, выслушав эту историю. Ему нравилась настойчивость, с которой этот юноша добивался возможности стать летчиком, но он не был уверен в том, что Сухов успел овладеть знаниями в том объеме, какой необходим настоящему истребителю.— Имейте в виду, что вы попали не в обычный полк, а в гвардию, и требования у нас повышенные. Мы вас проверим, а потом решим, что из этого получится...

Сухов негромко, но убежденно сказал:

— Я именно об этом и прошу — проверьте меня!

Покрышкин промолчал, потом вызвал следующего:

— Клубов Александр Федорович! *

— Я,— четко откликнулся коренастый, подтянутый старший лейтенант лет двадцати пяти с орденами Красного Знамени и Отечественной войны. Он наверняка прошел большую и трудную школу. На лице у него Покрышкин увидел хорошо знакомую летчикам отметину — подобие белой маски, охватывающей щеки, губы и кончик носа. Загар тронул лишь часть лица, не задетую давним ожогом.

— Сколько вылетов? — спросил Покрышкин.

— Двести сорок,— отчеканил старший лейтенант, подняв на него глубоко сидящие под светлыми бровями зоркие светло-карие глаза.

— Результат?

— Сто пятьдесят успешных штурмовок, четыре сбитых самолета.

— Когда горел?

— Второго ноября над Владикавказом.

— Теперь здоров?

— Хоть сегодня в бой.

Покрышкин поставил птичку в своей записной книжке и перешел к следующему летчику.

* А. Клубов — дважды Герой Советского Союза, сбил 39 фашистских самолетов. Погиб при катастрофе самолета на аэродроме.

Так он поговорил со всеми. Беседа в общем удовлетворила его. Из этих молодых ребят можно было сделать хороших истребителей. Вот только один вызвал опасения у Покрышкина — щуплый, маленький сержант Березкин. Он отнюдь не производил впечатление военного человека. В восемьдесят четвертом полку Березкин летал на связном самолете У-2 и в боях не участвовал. Летчики звали его снисходительно Славиком, и это раздражало Покрышкина, привыкшего к четкой воинской субординации. Он едко заметил Крюкову, взявшему Березкина в полк:

— Придется вам, товарищ майор, открыть в полку школу для воспитания несовершеннолетних...

Все эти дни Покрышкин много летал и дрался в воздухе, сильно уставал, но занятия с молодыми летчиками вел регулярно. Начал он с того, что слетал с каждым по кругу и в зону пилотажа на двухместном учебно-тренировочном истребителе. Потом полетал с каждым из молодых поочередно в паре, приказывая им выполнять роль то ведомого, то ведущего.

Пуская учеников к себе в хвост, он показывал им свои приемы воздушного боя, заставляя строго и четко повторять все эволюции. Лучше всего удавалось это Клубову. Он управлял самолетом уверенно и сильно. Это понравилось Покрышкину, но он по своему обыкновению не высказал одобрения вслух и только отрезал коротко:

— Летать можешь. Скоро пойдешь со мной ведомым...

Остался доволен Покрышкин и результатами проверки младшего лейтенанта Трофимова *, молодого, но напористого и упрямого летчика, который до прихода в гвардейский полк провел семьдесят две штурмовки и тридцать два воздушных боя, сбил при этом один само-

* Н. Трофимов закончил войну командиром эскадрильи, Герой Советского Союза, сбил 15 самолетов противника. В настоящее время генерал-лейтенант, служит в Войсках ПВО страны.

лет в индивидуальном бою, девять — в групповых, а тринадцать сжег на аэродромах противника, за что был награжден орденом Красного Знамени.

Неплохо работали в воздухе лейтенант Цветков и старший сержант Голубев. Они в точности, не запаздывая ни на мгновение, повторяли все маневры Покрышкина, нисколько не отрываясь от него. Правда, Голубев был, пожалуй, излишне педантичен. Сказывалось, что он долго работал инструктором и привык очень строго выполнять все, что положено по инструкции, а в бою подчас многое приходится делать совсем не так, как в школе. Но Покрышкину нравились острота рефлексов и внимательность старшего сержанта, и он решил, что из Голубева выйдет хороший ведомый.

А вот Березкин все-таки не понравился Покрышкину, хотя летал он очень старательно. Когда Покрышкин сел в заднюю кабину тренировочного истребителя, Славик повел самолет по всем правилам учебного полета — плавно, размеренно. Шарик скольжения все время стоял в центре, скорость выдерживалась безукоризненно, взлет и посадка были мягкие. Казалось, не к чему было придираться. Но Покрышкин, внимательно проследив за полетом, вдруг резко сказал Березкину, когда тот приземлился и вновь зарулил машину на взлетную полосу:

— Слазьте! Вы что — молоко возить собрались или воевать? Летаете, как школьник, а не как истребитель! Поняли? Походите пока по аэродрому, присмотритесь, как другие летают, а потом еще раз посмотрим...

Березкин чуть не расплакался от обиды. Лежа в траве рядом с Суховым, он долго рассказывал ему, как еще в восьмом классе, будучи хилым мальчишкой, мечтал стать летчиком, как завидовал другу, поступившему в аэроклуб, как стал заниматься спортом, чтобы укрепить мускулы, как наконец добился, чтобы и его приняли в аэроклуб, как стал пилотом. Славик был счастлив, когда после долгих мытарств самостоятельно вылетел на ско-

ростном истребителе, получил отличную оценку и попал в гвардейский полк. И вот теперь...

Сухов грубовато, по-мужски утешал Славика, доказывая ему, что еще не все потеряно. Ведь Покрышкин не поставил вопрос об откомандировании Березкина из полка. Значит, у него есть на Славика какие-то виды. Так? Значит, незачем падать духом, а надо налечь на учебу и отрешиться наконец от этой дамской манеры плавного пилотирования. Ведь истребитель в самом деле должен управлять машиной по-мужски! Березкин соглашался с этим, но все-таки очень трудно было свыкнуться с мыслью, что вот завтра-послезавтра все ребята уйдут в бой, а он будет слоняться, как гимназист, с книжкой по аэродрому и глазеть на самолеты.

Конечно, Покрышкин мог отнестись к Березкину не так строго. Но у него была своя точка зрения на воспитание людей — он сам вырос и пробил себе дорогу без посторонней помощи и был приверженцем той мысли, что каждый человек должен идти вперед вот так же самостоятельно и чем злее он будет, тем скорее добьется своего. Потому-то он так и обошелся с Березкиным. Зато теперь со стороны все время наблюдал за ним, чтобы вовремя подать руку помощи, если это потребуется.

Вводить в бой своих новых учеников Покрышкин не спешил. Он хотел всесторонне подготовить их к этому ответственному моменту в жизни летчика, и теперь, когда знал уже, как каждый из них ведет себя в воздухе, старался вооружить их знанием всех тех тактических приемов и навыков, которые обычно приносили ему успех в бою.

Улетая на задание, он оставлял ученикам свой уже порядком поистрепавшийся альбом и приказывал:

— Разберите вот эти фигуры и подготовьте вопросы. Через час двадцать минут продолжим занятия...

И точно, через час двадцать минут красноносая машина с цифрой «100» на хвосте заходила на посадку и

приземлялась у посадочного знака «Т». Гриша Чувашкин бежал ей навстречу, за ним спешили оружейники и мотористы. Покрышкин вылезал на крыло, сдвигал фуражку на затылок, вытирал лоб и говорил Грише:

— Нормально. Тяпнул «мессера»... Ты на всякий случай посмотри мотор. Понимаешь, пришлось во время атаки дать форсаж. Проверь свечи...

Потом он шел на командный пункт докладывать о результатах воздушного боя и возвращался к своим ученикам, лежавшим в душистой траве с раскрытым альбомом. Пока Чувашкин осматривал и готовил к новому бою самолет, Покрышкин, сидя среди молодых летчиков и покусывая стебелек пырея, подробно и обстоятельно рассказывал о том, как надо воевать на скоростном истребителе. Приводя бесчисленные примеры из своей практики, показывал отточенными плавными жестами, как хитрил и обманывал немецких летчиков, как ошеломял их внезапными ударами, как изматывал их и подавлял психически.

Он знал, что молодой летчик в первых схватках часто теряется и иногда становится жертвой противника, и потому особенно настойчиво втолковывал ученикам оборонительные приемы воздушного боя — полупереворот, скольжение под трассу, горку с выходом в вираж, восходящую бочку, горку с полуммельманом, постоянно напоминал, что гитлеровец в воздухе, как и на земле, — коварный, жестокий и сильный противник и что никогда, ни при каких обстоятельствах не следует его недооценивать.

— Если хочешь жить, — резко рубил он, — надо толково летать. Иначе убьют!

Он требовал, чтобы летчики постоянно овладевали искусством поиска, постоянно следили за воздухом и притом не только караулили хвост собственного самолета, но сами отыскивали врага, нанося ему затем неотразимый удар.

Часто, заслышав отдаленный гул мотора, он вдруг резко обрывал беседу и начинал сыпать вопросами:

— Голубев! Где самолет? Березкин! Какой тип? Сухов? На какой высоте летит?

И плохо было тому, кто хоть на секунду задерживался с ответом! Покрышкин приучал молодежь всегда, постоянно и непрерывно наблюдать за воздухом, видеть и осматривать все, что происходит в небе даже тогда, когда мысль занята совсем другим. Сам он в совершенстве владел этим необходимым свойством истребителя и жестко требовал того же от всех.

Наконец Покрышкин решил, что настало время испытывать силы молодых летчиков над полем боя. Это было шестого июня, когда в районе Киевская — Молдаванская еще продолжалось жаркое сражение. Свой выбор он остановил на Клубове и Трофимове. Кроме них в свою шестерку он включил на этот раз еще одного молодого истребителя — двадцатилетнего юношу Николая Чистова, уже зарекомендовавшего себя как завзятого воздушного бойца.

Вылет был назначен на пять часов утра. За час до старта Покрышкин собрал шестерку на инструктаж. Он был сосредоточен, как-то особенно подтянут. Еще раз объяснив каждому его задачи при патрулировании, напомнил, как пары должны держать строй, как группа будет действовать при встрече с бомбардировщиками, если они придут без истребителей, как она будет вести бой, если бомбардировщиков будут прикрывать «мессершмитты» или «фокке-вульфы», как сложится бой при встрече с одними истребителями.

Он еще раз потребовал точнейшего соблюдения всех правил, категорически запретил болтать лишнее по радио, чтобы не мешать ему командовать боем, и сказал в заключение:

— Вы, Трофимов и Клубов, летите первыми из всей

вашей группы. Смотрите же, не подведите своих товарищей...

Солнце стояло еще совсем невысоко над горизонтом, когда шестерка советских истребителей поднялась в воздух. Сквозь бронированное стекло своей кабины Клубов отлично видел одетые зеленью поля и луга, горы, вставшие синей стеной на юге, бесконечные плавни в низовьях Кубани и широкое розовое море впереди, за которым в дымке рисовались контуры крымских берегов. Он невольно залюбовался этой картиной, но тут же поймал себя и мысленно ругнул: законы воздушного боя строго запрещают отвлекаться от того, что непосредственно связано с выполнением боевой задачи.

В районе Киевской шел бой. Бурные всплески пыли шапками накрывали изорванные обстрелом траншеи. Струи трассирующих пуль перекрещивались в воздухе. Вдруг снизу потянулись цепочки малиновых шариков — это была трассирующими снарядами немецкая малокалиберная зенитная артиллерия. Снаряды не доставали до самолетов — Покрышкин увел их на большую высоту, и теперь шестерка маневрировала над полем боя.

Клубов был обстрелянным летчиком, но теперь, когда в его руках находилась мощная скоростная машина и он парил над землей с необыкновенной легкостью, его охватывало какое-то новое чувство. Ему не терпелось встретиться с «мессершмиттом», чтобы побыстрее испытать свою машину в бою, но противник, как назло, не появлялся в воздухе. Покрышкин же, осторожный и неторопливый учитель, был доволен тем, что противника в воздухе нет, — для первого раза будет неплохо, если молодые летчики осмотрятся в районе боевых действий и освоятся с непривычной обстановкой. Конечно, Клубов и Трофимов — бывалые истребители, и все-таки даже им очень нужен вот такой «холостой» вылет, чтобы они увереннее себя чувствовали в новой машине.

Клубов и Трофимов вели самолеты хорошо. Только

Клубов — видимо от непривычки к скоростной машине — несколько раз то выскакивал вперед, то отставал, часто передвигая сектор газа. Когда срок патрулирования истек и самолеты приземлились, Покрышкин собрал летчиков и не преминул заметить:

— Летали нормально. Только вот вы, Клубов, чего ради болтаетесь взад-вперед? Смотрите, чтобы этого больше не было. Самолет в паре должен идти, как влитой. Понятно?..

В один из этих дней Покрышкин полетел на связном самолете в двести девятнадцатую бомбардировочную авиационную дивизию, которая базировалась неподалеку. Дело было простое, будничное: недавно истребители сопровождали наших бомбардировщиков, налетели «мессершмитты», завязался бой. Покрышкин сбил немецкий самолет, и вот теперь надо было получить справку, подтверждающую это,— во всяком деле требуется учет...

Перед обратным полетом Александр зашел в столовую перекусить. Офицер, сидевший за столом напротив, показался ему знакомым, да и тот уж больно внимательно поглядывал на Покрышкина. И вдруг вспомнилось: черт возьми, да ведь это же Пыжиков * из Новосибирска, соученик по фабзавучу, старый приятель!..

— Чижик-пыжик!.. Ты-то как, чертушка, попал в авиацию? — удивился Покрышкин.— Ведь ты больше насчет политики интересовался!

— А я здесь помощником начальника политотдела по комсомолу...

— Ну, тогда понятно...

Старые друзья вышли из столовой, улеглись под широким крылом бомбардировщика и долго толковали, вспоминая давние времена. Им было по пятнадцать лет, когда они поступили в фабзавуч будущего Сибсельма-

* С. Пыжиков — в дальнейшем гвардии майор, парторг 16-го гвардейского полка, затем старший инструктор политотдела дивизии. После войны работал в текстильной промышленности.

ша. Завода еще не было, да не было, строго говоря, и самого фабзавуча. Все еще только строилось. Был пустырь возле станции Кривошеково, которая находилась в семи километрах от города, были бараки, были котлованы. Ребят послали туда с новосибирской биржи труда — вызвали всех безработных подростков и направили учиться. Фабзайчат, как их тогда называли, было много — около двух тысяч.

В классе Пыжиков и Покрышкин сидели рядом. Обоих определили в группу слесарей. Первые работы: пластинки, угольники, плоскогубцы. Покрышкин быстро выдвинулся — его изделия сразу отдали на выставку. У Пыжикова дела шли хуже, но он тянулся за приятелем. Тринадцать наиболее способных парней перевели в группу будущих лекальщиков, туда попали оба друга, но Пыжиков сразу понял, что ему за Покрышкиным не угнаться, — тот начал уже заниматься изобретательством. Мастер говорил, что у Александра золотые руки.

Приятели часто вместе ходили в библиотеку, но книги брали разные: Покрышкин все больше технические, а Пыжиков политические. Уроки готовили вместе. Покрышкин помогал своему другу по математике, а Пыжиков ему — по политграмоте. Начали издавать ежедневную стенную газету «За кадры». Пыжикова вскоре избрали членом комсомольского комитета, так и пошел он действовать по общественной линии. Учился на рабфаке без отрыва от производства, потом пошел в институт и вот теперь — политработник...

Глядя на бравого широкоплечего капитана с Золотой Звездой и орденами на выгоревшей гимнастерке, Пыжиков с радостью отмечал про себя, как далеко вперед ушел его друг. Он уже не раз читал в армейской газете о храбром истребителе Покрышкине и часто думал: «А вдруг это — Сашка-инженер?..» Так оно и оказалось — это был тот самый пытливый паренек из Новосибирска, ходивший когда-то в заштопанной косоворотке с вечно

засученными рукавами, стареньких брюках и сбитых ботинках: ведь семья у Покрышкиных была большая, и жилось ой как трудно...

Так вот и встретились неожиданно старые друзья — каких только встреч на войне не бывает! А несколько месяцев спустя Пыжикова перевели на политработу в шестнадцатый истребительный полк, и с тех пор до самого конца войны они воевали с Покрышкиным вместе...

Во второй декаде июня напряжение воздушной обстановки на Кубани резко снизилось. Свои разбитые и потрепанные авиационные части гитлеровцы начали понемногу оттягивать, переформировывать и приводить в порядок, готовя их к новому сражению в районе Курской дуги. Здесь, на Кубани, вражеская авиация потеряла более тысячи ста самолетов, причем погибли лучшие, наиболее опытные летчики. Только в апреле и мае над Кубанью прошло более половины воздушных боев, какие за это время только были на всем советско-германском фронте. И вот результат: превосходство в авиации уже переходило на сторону советских вооруженных сил. Общие потери гитлеровской авиации на советско-германском фронте с апреля по июнь исчислялись огромной цифрой в три тысячи семьсот самолетов...

Отказавшись от попыток завоевать господство в воздухе на Кубани, гитлеровцы делали теперь ставку на крепость своих отлитых из бетона дотов. В район «Голубой линии» подошли две гренадерские пехотные немецкие дивизии, одна танковая и еще одна пехотная дивизия.

Семнадцатого июня у летчиков двести шестнадцатой истребительной авиадивизии был большой торжественный день: приказом народного комиссара обороны дивизия была преобразована в гвардейскую. К гвардейскому званию она была представлена еще первого мая, и в

реляции уже тогда значились полные глубокого значения цифры:

«С двадцать второго мая 1942 года (дата формирования дивизии) по первое мая 1943 года летчики дивизии сделали двенадцать тысяч восемьсот восемьдесят боевых вылетов, проведя тринадцать тысяч двести двадцать два часа в воздухе. Ударами с воздуха уничтожено и повреждено двести шесть танков и бронемашин, три тысячи семьсот девяносто восемь автомобилей, шестьдесят бензоцистерн, семьдесят восемь орудий и минометов, девятнадцать складов с боеприпасами, тысяча триста девяносто две зенитные точки. Разбиты семь переправ. Уничтожено свыше пятнадцати тысяч фашистских солдат и офицеров. Проведено триста шестьдесят шесть воздушных боев, в ходе которых сбито триста двадцать пять самолетов противника. На аэродромах уничтожено пятьдесят восемь вражеских самолетов...»

В мае эти цифры значительно возросли: было уничтожено еще сто сорок пять гитлеровских самолетов и подбито шестьдесят. Дивизия накопила огромный боевой опыт. Ее летчики обрели широкую известность, и вся центральная печать пестрила их именами. Особенно широкую популярность приобрели Борис и Дмитрий Глинки, Приказчиков, Покрышкин. Стал выдвигаться Андрей Труд, который сбил за это время одиннадцать немецких машин.

Андрей вернулся в строй в июне. Лечение прошло удачно: на лице у него почти не осталось следов от ожогов. Он был все такой же — веселый, неугомонный. Рассказывал новые анекдоты, слышанные в Ессентуках, поддразнивал приятелей. Глядя на него, трудно было представить себе, что совсем недавно он пережил трагедию. Молодым летчикам Андрей сразу пришелся по сердцу...

Генерал Борман уже был выдвинут на новую работу, и на смену ему, как и предполагалось, пришел подпол-

ковник Дзусов. С нового места службы Борман прислал своим бывшим сослуживцам и подчиненным коротенькую, но выразительную телеграмму: «Браво, гвардейцы! Теперь заработайте орден на знамя части».

Пользуясь передышкой, Дзусов организовал упорную, кропотливую учебу. Покрышкин, которому восьмого июня присвоили звание майора, был занят обобщением и пропагандой накопленного в полку опыта. На боевые задания ему приходилось летать реже. Но всякий раз он брал с собою в воздух то одного, то другого из своих молодых воспитанников.

Четырнадцатого июня пришел черед Цветкова, Трофимова и Голубева. Ранним утром Покрышкин повел их в составе своей восьмерки в район Темрюка, чтобы прикрыть наших штурмовиков, атаковавших вражеские позиции. В таких случаях встречи с истребителями противника почти гарантированы, и потому Покрышкин на этот раз особенно тщательно проинструктировал своих учеников. Он категорически запретил им отрываться и приказал внимательно следить за каждым его маневром, чтобы на практике учиться атаковать врага. Своим ведомым Покрышкин избрал Николая Чистова.

Над Темрюком восьмерка набрала высоту в четыре тысячи метров. День был ясный, и летчики отчетливо видели не только весь Таманский полуостров, но и Новороссийск, и Керчь, и юго-восточный берег Крыма. Противника на этой высоте Покрышкин не обнаружил и, приказав капитану Лукьянову, который вел пару прикрытия, остаться на высоте, сам с молодыми спикировал на две тысячи метров.

Внимательно глядя в сторону солнца, он заметил отдаленные зенитные разрывы. Значит, где-то близко враг! Майор удвоил внимание и вскоре различил пару «мессершмиттов». Гитлеровцы искали советских штурмовиков и не заметили истребителей. Отлично! Такая ситуа-

ция вполне устраивала майора: можно было преподавать ученикам неплохой урок.

Пропустив «мессершмиттов» ниже себя в стороне, он сказал по радио: «Внимание!» — и бросился на врага сверху сзади. Молодые летчики не отставали. Покрышкин подошел к гитлеровцам вплотную и в упор расстрелял ведомого. Эта атака восхитила Голубева — он впервые видел такой дерзкий и мастерский удар.

Заметив, наконец, опасность, ведущий немецкий истребитель рванулся в сторону и сделал переворот, Чистов погнался за ним, но от сильного волнения не смог как следует прицелиться, и гитлеровец ушел из-под удара. Сконфуженный, Чистов вернулся в строй ни с чем.

Собрав свою восьмерку, Покрышкин продолжал ходить над полем боя, выискивая новую добычу. Противник не заставил себя долго ждать: вскоре летчики увидели на высоте двух тысяч метров четверку «мессершмиттов», стремительно шедших курсом девяносто севернее станции Анастасиевки. За ними прошмыгнула пара «фокке-вульфов». Куда они?

Приглядевшись, Голубев обнаружил внизу группу советских штурмовиков Ил-2, которых летчики звали «горбатыми». Восьмерка для того и вылетела, чтобы прикрыть штурмовиков. Значит, надо немедленно доложить майору, что фашисты атакуют «горбатых» и... Но пока Голубев мысленно рассуждал, Покрышкин уже принял решение и скомандовал по радио:

— Следите. Атакую!

И он резко развернул свой самолет в хвост немецкому ведущему. Чистов четко повторил маневр. Цветков и Голубев ринулись за ними. Гитлеровцы, обнаружив, что их атакуют советские истребители, тут же бросили штурмовиков и повернули на запад. Покрышкин устремился в погоню. Расстояние быстро сокращалось — советские истребители обладали преимуществом в высоте и теперь, постепенно снижаясь, набирали скорость.

Один из гитлеровцев попытался прикрыть отход ведущего. Тогда Покрышкин круто развернулся на него. Тот, увидев прямо перед собой острый нос советской машины, бросился вправо, разворачиваясь под большим углом и невольно подставляя под обстрел всю несущую площадь. Покрышкин неторопливо прицелился и дал очередь со ста метров. Этого оказалось достаточно — «мессершмитт» клюнул носом, задымился и врезался в землю.

А ведущий самолет, которого так тщетно пытался спасти сбитый Покрышкиным гитлеровец, стал добычей капитана Лукьянова*, который ходил на тысячу метров выше, немного в стороне, и отлично видел сверху весь ход боя. И как только Покрышкин начал драку с ведомым истребителем, Лукьянов спикировал на ведущего. Тот опять ринулся вниз, прижимаясь к самой земле. Лукьянов последовал за ним и уже на бреющем полете расстрелял в упор. Немецкий истребитель воткнулся в землю...

Голубев от восхищения чуть не подпрыгнул в кабине. Он чувствовал себя счастливым человеком — велика честь попасть в полк, где летчики дерутся так классно! На мгновение у него мелькнула мысль: а может быть, этот бой не обычный, а нечто из ряда вон выходящее? Могло же ему попросту повезти! Вот, наверное, на земле будет торжество...

Но когда самолеты сели и летчики, заглушив моторы, вышли из кабин, Покрышкин обратился к ним самым обычным строгим тоном, словно они вернулись из заурядного тренировочного полета:

— Голубев! Расскажите по порядку все, что вы видели.

* С. Лукьянов — подполковник, Герой Советского Союза, сбил 15 фашистских самолетов, в 1944 году был назначен командиром 100-го гвардейского полка.

И начался подробнейший разбор полета. Покрышкину важно было установить, как молодые летчики восприняли бой, насколько остра их реакция, как они поняли его маневры. Результатами он остался доволен; когда летчики уже расходились, вдруг сказал Голубеву:

— Вот что. Будете летать со мной ведомым. Понятно? — И потом добавил: — Имейте в виду, раньше со мной летал другой Голубев. Старшина. Расспросите летчиков. Они вам расскажут, что это был за человек. Но летать со мной трудно. И опасно. Того Голубева немцы сбили. Понятно? Так что подумайте. Неволить не буду...

Он говорил, как всегда, отрывисто, грубоватым баском, искоса наблюдая за старшим сержантом: не струсит ли? Голубев упрямо тряхнул курчавой головой:

— Волков бояться, в лес не ходить!..

Лицо Покрышкина посветлело. Он протянул руку Голубеву и сказал:

— Сразу видно сибирского охотника! Мы ведь, кажется, почти земляки?

— Так точно, я из Ачинска.

— И в Новосибирске бывали?

— В тридцать четвертом году ездил на слет авиа-моделистов.

— Вот как? И что же?

— Третье место по фюзеляжным моделям.

— Неплохо,— одобрительно сказал Покрышкин.— Когда-то я и сам занимался этим делом. Там же, в Новосибирске. Только было это года на три-четыре раньше.

Майор на мгновение задумался. Но время было дорого, и он немного суховато оборвал разговор.

— В общем, ясно. Доложите комэску, что я беру вас своим ведомым...

Голубев поделился своей новостью с друзьями. Поздравляя его, они от души радовались, и только Березкин оставался хмурым: его все еще не пускали в бой. Покрышкин поручил ему важную, но будничную работу —

перегонять новые самолеты с тыловых баз на аэродром полка, и он в минуты дурного настроения с горечью говорил, что, видно, такова уж его судьба — быть воздушным извозчиком на войне.

Все же Березкин, будучи от природы упрямым и настойчивым человеком, продолжал добиваться своего. Он постоянно толкался среди опытных летчиков, надоедая им своими вопросами, внимательно слушал рассказы пилотов, только что вернувшихся с задания, что-то записывал при этом, часами сидел над учебниками, часто ходил к техникам, ремонтировавшим самолеты, и подолгу глядел, как они копаются в моторах.

А Покрышкин не выпускал Славика из поля зрения. «Он еще будет истребителем, только не надо торопиться», — сказал он однажды начальнику штаба полка, когда тот, раздумывая над списками личного состава, спросил, стоит ли держать на аэродроме человека, который не летает в бой.

Теперь, когда воздушные схватки над Кубанью завязывались все реже, у летчиков было больше свободного времени. Каждый день Покрышкин заставлял своих учеников проводить воображаемые воздушные бои. С моделями самолетов в руках они то кружились на месте, то поднимались, то приседали, стараясь перехитрить друг друга и словчить так, чтобы вывести свою модель в хвост модели «противника». Увлекаясь, они иногда горячились, и тогда Покрышкин останавливал их, сам брал модель и красивым, почти неуловимым движением руки выводил ее в самое выгодное положение. Крохотный самолетик словно парил в воздухе, как хозяин воображаемого поля боя.

Потом Покрышкин заставлял учеников в сотый раз чертить схемы воздушных маневров и требовал, чтобы каждый умел толково, точно и кратко их объяснить. Не-

которые летчики еще не владели лаконичной и четкой военной речью, и это сердило Покрышкина: он не терпел штатской рыхлости.

— Учитесь говорить,— требовал он.— Развивайте дар речи. Понятно? Я не требую, чтобы вы были краснобаями и говорили цветисто. Но летчик обязан четко и ясно излагать свои мысли. Доклад военного человека — зеркало его души и характера. Кто мямлит, заикается на земле, тот и в воздухе будет мешкать. А если замешкаешься в воздухе, через три секунды ты — мешок мяса с костями.

И еще он требовал, чтобы летчики больше читали. Сам Покрышкин с детства сберег привычку — в любой обстановке, хоть час, хоть полчаса в день уделять книге. Некоторых удивляло, когда они вдруг после третьего или четвертого вылета заставляли Покрышкина где-нибудь в укромном уголке аэродрома над томиком Толстого или Бальзака.

Книги он ухитрялся добывать всюду — в любом полуразрушенном селе отыскивал остатки какой-нибудь библиотеки, либо чудом сохранившуюся этажерку с книгами в доме неведомого книголюбца, либо груды старых журналов на чердаке школы.

— У Покрышкина нюх на чтиво,— добродушно говорил Труд, не питавший особого влечения к книге, но уважавший привычки своего учителя и друга.— Он идет по улице и чует, где литература лежит...

Однажды Покрышкин принес молодым летчикам изодранный томик стихов Есенина и сказал:

— Стихи тоже нужны летчику. Советскому летчику,— подчеркнул он.— Есенина в свое время ругали. И правильно, по-моему, ругали — у него много заупокойного. Но как любил он Россию! Вот почитайте... Это надо понять! Стихи помогают драться. И вовсе не обязательно, чтобы поэты писали про то, как стреляют пушки и как пикируют самолеты. А вот вы прочтите про березки, про

солнце, про жеребенка на лугу, про русскую деревню и сразу злее станете. Это и надо нам сейчас. Правильно?..

Чем ближе знакомились молодые летчики с Покрышкиным, тем интереснее становился и этот майор в выгоревшей солдатской гимнастерке с Золотой Звездой и орденами на груди и в потрепанной фуражке, смятой блином. На первый взгляд, как-то не вязались его суровость и нетерпимость с любовью к книге, к стихам, его суховатый, подчеркнуто официальный тон при разговоре с подчиненными с пристрастием к простонародным забавам, когда он вдруг начинал возиться и бороться с кем-либо из летчиков. Но эта кажущаяся противоречивость только подчеркивала цельность и широту его натуры.

Покрышкин рисковал многим, вылетая на задание с молодыми летчиками. Но он предвидел, что скоро временное затишье кончится и опять начнутся жаркие бои. Тогда от полка потребуется полное напряжение всех сил, и молодые летчики должны будут занять постоянное место в строю. Следовательно, их надо ввести в строй как можно быстрее, и Покрышкин теперь комплектовал свои четверки, шестерки и восьмерки почти исключительно из молодых летчиков, ворчливо заявляя ветеранам полка: — Обождете! Дайте молодым подрасться...

В эти дни он ввел в строй даже Сухова и Березкина *. Юные друзья пока ничем особенным себя не проявили, но и не оскандалили; Покрышкин был доволен и этим.

На Кубани стояла жаркая безветренная погода. По вечерам в небе играли длинные золотые зори. Крупные капли росы садились на молодых, твердых, как камень, завязях груш и яблок в осиротевших садах, укрывших густой темно-зеленой листвой свои раны. На заброшен-

* В. Березкин в дальнейшем — один из лучших и заслуженных летчиков 16-го полка; сбил 11 самолетов противника; награжден многими орденами, подполковник, ныне работает в Киеве.

ных, дичающих полях Тамани тянулись к небу, споря с сорняками, наливающиеся соками колосья — истомившаяся по хозяину земля дала жизнь опавшим зернам неубранного прошлогоднего урожая. Из плавней по ночам доносился извечный нестройный гомон — самозабвенно верещали лягушки, скрипели дергачи.

Тучи злых мошек и комаров с тонким звоном вились над неглубокими мокрыми окопами, вырытыми в топкой земле. И загорелые бойцы ругали последними словами Гитлера, по вине которого им приходится в такое прекрасное время года лежать вот здесь, в грязи. Единственным их утешением было то, что немцев, судя по всему, комары донимали еще сильнее: фашистские части теперь были сброшены в низины, и лишь небольшой кусок Тамани оставался у них в руках. Как дикие кабаны, гитлеровцы возились в зарослях камыша, заросшие, грязные, распухшие от комариных укусов.

Война здесь все чаще начинала приобретать характер охоты. Воевали на лодках с пулеметами и гранатами, воевали, путешествуя вброд, по пояс в воде и иле. Каждый островок и каждая коса, каждая полоска сухой земли были взяты на учет, пронумерованы и записаны, и за них дрались не на жизнь, а на смерть.

А боевая работа авиации на Кубани сокращалась: в июне вся дивизия провела лишь тридцать два воздушных боя, в июле — тридцать. Самолеты гвардейцев стояли на широком зеленом поле у станицы с длинным старинным именем Старонижнестеблиевская, раскинувшейся у самых ворот Тамани. Покрышкин отдавал себе отчет в том, что это затишье закономерно: центр тяжести военных событий неизбежно должен был переместиться на другие фронты, имеющие больше возможностей для маневра крупных сил танков и пехоты.

Затянувшаяся передышка была ему не по душе, и он чувствовал себя выбитым из колеи. Трудно было жить спокойной жизнью, когда летать приходится раз в неде-

лю. Воздушный противник в небе почти не показывался. За два месяца Покрышкин сбил лишь четыре самолета, и то его называли счастливцем: Крюкову и Трудю за это время и вовсе не удалось наказать ни одного гитлеровца.

В один из этих дней Покрышкин прочел в газете тревожную сводку:

«С утра пятого июля наши войска на орловско-курском и белгородском направлениях вели упорные бои с перешедшими в наступление крупными силами пехоты и танков противника, поддержанных большим количеством авиации. Все атаки противника отбиты с большими для него потерями и лишь в отдельных местах небольшим отрядам немцев удалось незначительно вклиниться в нашу оборону.

По предварительным данным, наши войска на орловско-курском и белгородском направлениях за день боев подбили и уничтожили пятьсот восемьдесят шесть немецких танков, в воздушных боях и зенитной артиллерией сбито двести три самолета противника.

Бои продолжаются».

Покрышкин нервно скомкал газету. Ему вспомнились жаркие дни прошлого года, шахтерские поселки — Варваровка, Смелый, Шмидт... Вспомнились бесконечные колонны запыленных танков с крестами на башнях, которые ползли по степи, подминая пшеницу... Вспомнились горящие заводы Донбасса...

Что же будет сейчас? Покрышкин понимал, чувствовал, знал, что лето сорок второго года не должно повториться — соотношение сил стало иным. Теперь у нас даже такие молодые пилоты, как Березкин, отлично разбираются и в аэронавигации и в тактике, умеют пользоваться радио, хорошо стреляют. И самолеты у нас такие, о каких и не мечтали год назад. Да и количество техники сейчас небывалое. Это наглядно показали бои на Кубани. Гитлеровцы же определенно стали слабее...

И все-таки вот эта сводка, переданная с поля боя,

опять сулила очень трудные, кровавые и долгие бои. Судя по количеству уничтоженных немецких танков и самолетов, на Курской дуге началось сражение небывалого размаха. Вот туда бы попасть! А вместо этого приходится сидеть здесь и караулить каких-то паршивых, болотных фашистов...

Вести из-под Белгорода и Орла будоражили нервы не только Покрышкину, но и другим летчикам. По всему чувствовалось, что напряжение битвы растет. Две гигантские армии сошлись вплотную, сцепились и гнули, ломали друг друга, до предела напрягая свои силы. В газетах замелькали незнакомые слова: «тигр», «пантера», «фердинанд» — это были названия новых немецких танков и самоходных орудий. Чувствовалось, что гитлеровцы долго и основательно готовились к этой операции, придумав всякие технические и психологические новинки, чтобы еще раз попытать счастья в наступлении. Но с каждым днем росла уверенность, что на этот раз они сломают себе шею. Прошла уже неделя — а летчики хорошо знали, что самое страшное в таких боях именно первая неделя! — но Курская дуга, туго натянутая, как лук, сохраняла на картах военных действий свои очертания. Стало ясно: наступление противника проваливается, хотя там, под Обоянью, еще идут бои и сотни танков, сходясь на поле боя, коверкают землю огнем и гусеницами.

И сразу по всему огромному фронту, от моря и до моря, словно ветром, пронесло простые солдатские словечки: «Теперь наш черед!» Никто не объявлял, что Советская Армия начнет свое большое наступление летом, никто не говорил о том, как сложатся военные действия в августе, но всеобщая уверенность в том, что фашистов вот-вот погонят на запад, и притом на широком фронте, крепла час от часу.

Покрышкин как-то поздно вечером подслушал разговор двух мотористов, возившихся без перерыва почти сутки у самолета. Один из них, степенный, неторопливый

мастеровой лет сорока пяти, начавший свою военную службу еще под Бельцами, серьезно и убежденно доказывал своему приятелю, недавно пришедшему в часть, что уже вышел приказ — идти в наступление и брать Донбасс, Киев и Одессу, что только по соображениям военной тайны об этом приказе пока не говорят, но что верным людям из старослужащих эта тайна доверена.

Молодой сомневался: виданное ли это дело — наступать летом? Летом гитлеровцы наступают, а наше дело — зимнее, когда фашист становится хлипким и дух его убывает. Пожилой моторист горячился и стоял на своем, объясняя, что командование не может больше терпеть, чтобы фашисты жрали украинское сало и убивали наших людей. Вот командование и постановило: душа, мол, народная горит, и стыд великий будет всем нам, если мы не погоним фашистов уже сейчас. Вот, мол, вам приказ, передайте его нашим верным солдатам — и в добрый час, ни пуха ни пера.

Подумав, молодой моторист сказал:

— Ну, раз такое дело, давай я факел свяжу. Придется нам до утра поработать.

— А ты думал как? — с оттенком превосходства сказал пожилой. — Так бы я и дал тебе, салаге, на перине нежиться, когда мы в наступление идем!..

Покрышкин невольно улыбнулся и тихонько отошел, чтобы не смутить собеседников. Он думал о том, какую великую силу имеет человеческая душа и какое огромное дело делают безыскусные солдатские сказы, в которых желанное воплощается в реальное и которые вот так, передавая из уст в уста, лучше всяких официальных лекций и докладов воодушевляют бойцов!..

Тридцать первого июля дивизия получила боевой приказ — перебазироваться в Донбасс. И сразу все поняли: это и есть начало того большого наступления — до самого Берлина.

В их жизни открывалась новая глава.

О ТОМ, ЧТО БЫЛО ПОТОМ (ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ)

— Как? И это все? — разочарованно и, быть может, даже разгневанно спросит кто-нибудь из ветеранов девятой Мариупольской гвардейской истребительной авиационной дивизии, если ему попадет в руки эта книга. — Ведь, в сущности, все это было началом нашего пути! А участие дивизии в прорыве Миус-фронта, в сражениях за Таганрог и Мариуполь? А прорыв укреплений линии «Вотан» на реке Молочной и взятие Мелитополя? А битва за переправы через Сиваш и участие в блокаде гитлеровцев, отрезанных в Крыму? А воздушное наступление в районе Ясс? А бои над Сандомирским плацдармом? А участие дивизии в овладении Краковом? А бои в Германии? В районе Бреслау, например? И наконец, битва за Берлин? Как же не описать все это?

Все это, конечно, правильно. Обо всем этом надо писать и рассказывать. Кстати, это делают, и делают превосходно, сами ветераны девятой гвардейской. Тем, кого интересует дальнейшая судьба этого выдающегося авиационного соединения, я горячо рекомендую прежде всего выдержавшую несколько изданий книгу самого Александра Ивановича Покрышкина «Небо войны». С книгой «Дымное небо войны» выступил Речкалов. За

их мемуарами последовали и другие книги о боевом пути этого прекрасного соединения, столь необходимые для сохранения и умножения воинских традиций нашей авиации и для воспитания молодежи.

Путь, пройденный Александром Покрышкиным и его однополчанами от Кубани до Берлина,— это поистине поразительная эпопея, которой можно и нужно посвятить еще многие и многие книги самых различных жанров: и мемуары, и военно-исторические работы, и исследования тактики, и художественные произведения. Они очень нужны, особенно нуждается в них молодой читатель, которого и на свете не было, когда шла война.

Но перед автором этих строк стояла иная задача: ему хотелось показать, как еще задолго до этого победоносного наступления, когда мы переживали самые трудные дни, закалялись характеры людей, которым предстояло стать освободителями не только широких просторов нашей страны, временно захваченных фашистами, но и всей Европы, в том числе и Германии. И прежде всего хотелось показать на примере одного «мига» из тысячи — на примере одного рядового летчика, начавшего войну на самолете «миг», как созревал в бою лучший советский истребитель, почему и как он становился героем.

Этого рядового летчика звали Александр Покрышкин, и прошел он захватывающе интересный путь от лейтенанта до маршала. Мы расстаемся с ним в тот момент, когда он уже получил звание майора и стал Героем Советского Союза, мы покидаем дивизию, в которой он служит, когда она уже стала гвардейской. Пройдет немного времени, и Покрышкин станет подполковником, потом полковником, дважды Героем Советского Союза, наконец трижды Героем, командиром полка, а затем и командиром этой славной дивизии.

Так же быстро будут расти и его питомцы. И даже юный Березкин, который лишь бегло упомянут в моем

рассказе, ибо он в ту пору, когда мы расстаемся с Покрышкиным и его друзьями, не совершил еще ни одного подвига, станет лихим истребителем, героем и любимцем полка, и его неширокая грудь будет усыпана орденами. Это он отличится в безумно смелом воздушном бою над Берлином — один против целой группы гитлеровских пилотов: в этом бою Березкин собьет три немецких самолета!

Отличится и молодой сибиряк Голубев, верный напарник и друг Покрышкина: на его долю придется нанести завершающий удар в воздухе по врагу: это он собьет над Прагой последний фашистский самолет. А когда кончится война, полковнику Покрышкину выпадет самая великая честь, о которой только может мечтать солдат, — на историческом параде по случаю разгрома гитлеровской Германии он пройдет по брусчатке Красной площади перед Мавзолеем Ленина с боевым штандартом войск своего фронта.

Потом, уже в мирное время, Покрышкин станет генералом, затем маршалом авиации, одним из виднейших военачальников советских Военно-Воздушных Сил, а в дальнейшем — Председателем ЦК ДОСААФ. Мы еще не раз будем встречаться с ним на партийных съездах и пленумах ЦК КПСС, на сессиях Верховного Совета СССР.

Круты ступени, по которым будут шагать эти люди, и немало пота и крови они прольют, пока поднимутся к вершине. Но как бы высоко ни поднялись, они всегда будут помнить о самом трудном, о самом тяжком и, быть может, именно поэтому самом дорогом для них периоде воинской жизни — периоде становления, жесточайших, подчас страшнейших испытаний, суровой закалки души и сердца. Об этом периоде я и написал.

Путь от берегов Прута до Терека был трагическим, и, скажем начистоту, не каждому было под силу сохранить на этом пути ясность духа и веру в то, что, несмотря ни

на что и всем чертям назло, мы все-таки выстоим, выдюжим, наберемся еще сил и погоним фашистов обратно, погоним их до самого Берлина. Александр Покрышкин и его друзья, начавшие войну в Бельцах и кончившие ее в Берлине, сумели сохранить боевой дух в эти тяжкие месяцы. И не только сберечь способность драться,— иногда ведь бывает и так, что человек держится мужеством отчаяния,— но и сохранить способность работать и учиться в этом аду.

Если бы не это, не было бы ни знаменитого альбома маневров истребителя, который создал Покрышкин в самые трудные дни, ни его школы, и не свершилось бы то удивительное чудо, которое произошло летом 1943 года над полями Кубани, когда вдруг никому не известные до этого летчики стали знаменитыми на весь мир мастерами воздушного боя, и только щепки полетели во все стороны, когда путь им попытались преградить увешанные Железными крестами асы из отборной эскадры Геринга «Удет».

Именно там, в небе Кубани, завершилось формирование душ и сердец этих скромных советских людей, которым на роду было написано стать самыми лучшими истребителями нашей военной авиации, грозой военного неба. Именно поэтому автор ставит здесь точку, хотя, по правде сказать, ему очень хотелось бы рассказать еще о многих и многих событиях в жизни героев, с которыми он успел сжиться и которых он успел искренне полюбить. Ведь так много было интересного, волнующего и трогательного на их дальнейшем пути. Чего стоят хотя бы опаснейшие и волнующие полеты на «свободную охоту» в тыл противника, организованные по почину Покрышкина, одобренному командующим восьмой воздушной армией Хрюкиным! Только о них одних, наверное, можно было бы написать целую книгу. Это были действительно соколиные полеты самых опытных истре-

бителей, которые сами искали и настигали в воздухе и на земле свою добычу...

Работу над этой книгой я начал еще во время войны. Мне хотелось, чтобы те, о ком будет рассказано на ее страницах, сразу же, на фронте познакомились с рукописью посвященных им глав, помогли устранить неизбежные в таком деле ошибки, внесли свои добавления. Так у меня завязалась переписка с гвардейцами, и сейчас, многие годы спустя, перечитывая пожелтевшие, выцветшие страницы писем, полученных из дивизии, я остро ощущаю тот замечательный дух воинского братства, сплоченности и непоколебимого чувства превосходства над врагом, которым жили эти хорошие люди.

Вот почему мне захотелось в заключение этого разговора с читателем предоставить слово моим собеседникам 1944—1945 годов — пусть их молодые, не тронутые временем голоса дойдут до читателя сквозь толщу лет, и он, быть может, яснее ощутит тот непередаваемый дух грозной и великой эпохи, в какую жили, боролись и, если надо было, не дрогнув, умирали люди, которым посвящена эта книга. Пусть они сами скажут о том, что было потом — после битвы на Кубани.

Вот вырванный из тетради листок, исписанный беглым торопливым женским почерком — это пишет помощник начальника политотдела дивизии по комсомолу Ирина Дрягина *, вечно озабоченная, вечно в хлопотах, вечно на бегу — такой я запомнил ее по встречам в польской деревушке Мокшишув, где стоял осенью 1944 года штаб дивизии. Дата ее письма — второе февраля 1945 года.

«Не ругайтесь, пожалуйста, что так долго не писали вам. В условиях перебазировки на запад и воздушных боев не так легко было заниматься делами, связанными с литературой. Все же ваши главы читали. Труд, Голубев,

* И. Дрягина в настоящее время доктор сельскохозяйственных наук, заместитель председателя совета ветеранов дивизии.

Табаченко говорят, что все отмечено правильно, и, в общем, неплохо.

Работаем мы сейчас — вам известно где. Народ работает хорошо. Вот, например, вчера вылетала группа известного вам Трофимова — восемь самолетов, встретили шесть «фокке-вульфов». Трофимов подал команду: «Идем в лобовую атаку». Самолеты противника боя не приняли, развернулись — и бежать. Наши начали их преследовать. Навязали фашистам бой. Вернувшись, Трофимов доложил: сбили три самолета. Но вечером в штаб дивизии прибыл из пехотной части пакет, — пехота донесла, что сбито пять самолетов. Значит, только один стервятник удрал. Трофимов у нас всегда такой: пока не увидит сам, что самолет противника врезался в землю, не доложит, что он сбит. Трех он на земле увидел, а про двух подумал, что они ушли на бреющем. Но пехота его поправила. В этом бою отличились коммунисты Трофимов, Чертов и комсомолец Кириллов.

В этот же день вылетела на боевое задание четверка под командованием гвардии лейтенанта Дольникова *. Тоже встретили шестерку «фокке-вульфов». Вступили с ними в неравный бой. На этот раз «фоккеры» попались сильные, вели бой очень активно. Все же победили наши. Дольников сбил двух, и еще один был сбит группой.

Погода у нас сейчас плохая, снегопад и дымка. Но все же наши летчики летают и, как видите, с пользой. Молодцы-народ, большие молодцы! Всего за январь дивизия сбила тридцать один самолет противника, и на все получены подтверждения от наземных войск. Отличились Трофимов, Бабак, Гучек, молодой летчик комсомолец Брюханов, комэск Вильямсон, Закалюк, Комельков и другие — всех не перечислишь.

* Г. Дольников — Герой Советского Союза, в дальнейшем генерал-лейтенант авиации, видный авиационный командир, в настоящее время заместитель начальника Военно-воздушной академии имени Ю. А. Гагарина.

Очень горюем мы, что в первый же день наступления погиб от фашистской зенитки известный вам Виктор Жердев, его отвезли и похоронили в Тарнобжеге. А дело было так. Стояла очень низкая облачность — до облаков всего семьдесят пять — сто метров, но началось наступление, у нас задача — прикрывать пехоту, и вот наши ребята вылетели, глядя в глаза смерти, шли над самой землей. Жердева тут зенитка и сбила.

Комсомольцы в наступлении работали очень хорошо — сбили десять самолетов и помогли ведущим сбить еще двенадцать. В общем, сейчас некогда, людей нет, приходится даже мне нести караульную службу. Поэтому пишу мало...»

А вот большое, обстоятельное письмо, написанное на широких глянцевых листах, вырванных из какой-то трофейной учетной книги. Это пишет ветеран шестнадцатого гвардейского истребительного полка, бессменный начальник связи капитан Григорий Масленников, которого читатель, возможно, запомнил. Письмо от двадцать девятого декабря 1944 года деловое: капитан в тактичной и дружеской форме делает автору справедливые критические замечания:

«Тов. Жуков! В первых своих главах вы совсем не указали фамилий командира полка майора Иванова и начальника штаба майора Матвеева, которые были организаторами нашей части и вывели полк на первое место в составе Южного фронта. Под их командованием полк сбил сто двадцать самолетов противника, за что получил гвардейское звание.

Перечитав вашу главу «На Кубани», прошу дополнить следующее:

26.5.43 в 14.05 был налет на аэродром Поповическая, где мы стояли,— это вы пишете правильно,— но вы не все сказали. Налет произвели восемь самолетов «Мессершмитт-109» и четыре «Фокке-Вульф-190», которые пришли со стороны Азовского моря, а затем налетели

на бреющем полете с востока и атаковали нас внезапно. С первого захода был убит инженер-капитан Урванцев, любимец полка, накануне получивший второй орден Красной Звезды. Одновременно был тяжело ранен в ногу летчик младший лейтенант Моисеенко, дежуривший на старте в готовности номер один; на второй день по дороге в госпиталь он скончался. Летчик младший лейтенант Чесноков успел взлететь, но только чудом остался не сбитым — слишком велик был перевес вражеских сил. Последствия этого налета могли бы быть более тяжкими, если бы не оперативная помощь истребителей соседнего полка, поднявшихся в воздух немедленно. Они отогнали гитлеровцев. Урванцев был похоронен на площади в Поповической, на похоронах было много гражданского населения и военных. Были соблюдены все почести.

Очень мало вы написали о старшем лейтенанте Николае Искрине. Он был любимцем Покрышкина и всех летчиков и грозой для немцев.

Еще хочу сказать, что вы хорошо описали природу Кубани, но очень мало рассказали о досуге летчиков после полетов и особенно, как проводил свой досуг Покрышкин.

Все вечера в Поповической проходили весело и культурно. В здании кинотеатра демонстрировались фильмы, проходила самодеятельность и были выступления артистов фронтовых бригад. На аэродроме в течение дня мною по несколько раз транслировались в землянку, где отдыхали летчики, последние известия радио, а также музыка, особенно к концу дня, перед отъездом на ужин.

За ужином тоже всегда была хорошая атмосфера. За стол всегда ведомые садились со своими ведущими. Почти всегда играл баян, летчики пели свои любимые песни, но тут же Покрышкин проводил обсуждение ошибок, допущенных днем в бою, и летчики договаривались,

как летать и драться завтра. А после ужина организовывались танцы, на которые приглашались военные и гражданские девушки. На большинстве вечеров выступал лучший исполнитель «цыганочки» Андрей Труд.

Любимыми песнями Покрышкина в это время были «В землянке», «Не уходи» и «Тихий день угасал». Кроме того, сам он, как и его боевые друзья, был большим охотником до танцев.

Прошу вас также добавить характерную особенность Покрышкина: на протяжении всей войны он ежедневно занимался гимнастическими упражнениями — утром и в свободное время днем. До войны он был спортсменом. И по его примеру летный состав в свободное от полетов время, особенно летом, тоже занимался разнообразными видами спорта, как-то: городки, волейбол, водный спорт, «чиж» и футбол.

Прошу принять мои замечания и дополнения».

Еще письмо, написанное быстрым мужским почерком. Это пишет гвардеец Пыжиков, земляк Покрышкина, встретившийся с ним, как помнит читатель, на Кубани и вместе с ним кончавший войну. Письмо с гордостью датировано так: «Германия, близ Бреслау, 12 февраля 1945 года». Автор пишет:

«Давно собирался написать вам, но вы знаете, какая сейчас обстановка — постоянные перебазирования, боевая работа. Ваши главы читали коллективно. Слушали с интересом — ведь это про нашу жизнь, про нас самих. Никогда не забуду картину чтения в столовой у техников. Было это в часы затишья на фронте.

Собралось очень много народу, сидели и на скамьях, и на столах, и на коленях друг у друга. За одним из столов, где поставлены две коптилки, — парторг полка с рукописью. Чтение продолжалось без перерыва четыре часа, было это после ужина. Народ — а здесь главным образом «старики», как мы их называем, в общем, ветераны, с основания полка — переживал и заново вспо-

минал каждое событие. Существенных критических замечаний не было, а то, что надо было бы еще дописать, вам сообщил, наверное, Масленников, он обещал написать.

Теперь о наших текущих делах. Как видите, воюем мы уже на территории врага, о чем мечтали всю войну. Отличаются по-прежнему Трофимов — краса и гордость нашего полка, Вахненко, Старчиков, Сухов. Недавно послали материалы на присвоение Трофимову, Голубеву, Старчикову и Сухову звания Героя Советского Союза.

Настроение у всех очень хорошее. Приятно чувствовать, что ты идешь по земле противника и завершаешь его разгром. Победа уже близка...»

И вот еще одно, последнее, письмо — самое объемистое и как бы подводящее итог всему. Оно написано уже после окончания войны. Старательная Ирина Дрягина сочла своим долгом подробно рассказать в нем о том, как гвардейцы завершили свой ратный труд. Вот это письмо, — к нему нечего добавить и в нем нечего убавить.

«Здравствуй, тов. Жуков! Прежде всего извините, что до сих пор ни о чем не писала вам. Я понимаю, что это нехорошо. Много больших событий в нашей жизни произошло за это время, о многом уж давно бы я обязана была рассказать вам, но повседневные дела все не давали возможности описать подробности нашей жизни.

Воевал наш народ в этих решающих операциях войны с большим энтузиазмом, с большой храбростью, не жалея своих сил и жизни. За это время мы потеряли хороших ребят.

Вы, возможно, знали Иосифа Графина — очень простой, славный был паренек, рыжий-рыжий такой, русский парень. И очень храбрый и дерзкий в бою. Прибыл он к нам из пехоты, куда попал из авиашколы в тяжелые для Родины дни, когда самолетов не хватало, и летчикам приходилось становиться в строй наземных войск.

Пришел Графин в полк загорелым, наголо остриженным сержантом. Сначала некоторые смотрели на этого

паренька, как на птенца, но он быстро превратился в настоящего сокола. Это ведь про него и про его приятеля пели в полку:

Фрицы в небе закружились,
Жмут домой на всех газах,—
Это в небе появилась
Пара асов: Румм и Граф.

Он был бесстрашным разведчиком, много приносил ценнейших сведений.

И вот двадцать восьмого апреля полку было присвоено наименование «Краковский». С утра был митинг. На митинге выступил Графин. Сказал горячую речь, призвал «больше уничтожать фашистских гадов в воздухе». А через час сверху был дан приказ — выслать пару на разведку. Графин попросил поручить это задание ему и полетел. В вылете встретил шестерку «фоккеров». Вступил в бой, сбил двух, но и сам был сбит. Это были восемнадцатый и девятнадцатый сбитые им самолеты.

Самолет с тяжело раненым Иосифом Графиным упал у передовой. Через час он умер... На траурном митинге даже закаленные летчики, привыкшие к потерям товарищей своих, плакали. Уж слишком жалко было Иосифа Графина, такого молодого, мало еще взявшего у жизни! Ведь он был 1922 года рождения. Похоронили его в городе Волау...

Командиром эскадрильи вместо Графина стал Веня Цветков, вы его помните, он из шестнадцатого гвардейского полка. Но через неделю налетели на наш аэродром «фоккеры» и стали штурмовать, и вот при этой штурмовке был убит и Цветков. А я только накануне написала ему рекомендацию в партию... Принесли мне ее обратно. Похоронили его в городе Лигниц...

Был еще у нас один скромный, но храбрый комсомолец Николай Климов. Со шрамом на левой щеке — след ранения. Очень смело он воевал. Никогда не кичился тем, что он хороший летчик. По вечерам любил собрать

ребят в кружок и петь с ними русские песни. Так и накануне его последнего полета было. Я пришла к ним в тот вечер в общежитие; пели песни, шутили... Николай Климов шутки ради оделся во фрак, штиблеты, цилиндр — раздобыл их невесть где. А песни пели русские, народные.

Потом разговор зашел о том, что фашисты сейчас уже не ведут массированных налетов, — уже мало осталось у них самолетов, но летчики у них еще есть и сильные; действуют они теперь по-другому; норовят перехватить нашего летчика исподтишка, нанести ему удар в спину, так сказать, из-за угла. Пользуются тем, что некоторые наши ребята, не встречая в воздухе вражеских самолетов, расхолодились, летают неосторожно, и вот кое-кто попадает. Климов сказал по этому поводу, что, когда летаешь в разведку, нельзя расходовать все боеприпасы, надо немного на всякий случай оставлять на обратный путь: вдруг налетит разбойник? Кто-то сказал, что если и не будет боеприпасов, то все равно сейчас легко удрать от немецкого «охотника» — самолеты у нас скоростные, моторы надежные.

Николай стал возражать. Он с возмущением даже сказал: «Сейчас удирать от фашистов — это позор. Нет, я не буду уходить, а если придется схватиться и снарядов не останется — пойду даже на таран». Ребята стали спорить, доказывать ему, что теперь уже нет смысла идти на таран, — из-за одного фашиста губить машину и самому погибать. Какая сейчас выгода — вести счет один на один? Лучше сохранить себя, да потом больше фашистских самолетов сбить.

Но Климов упорно стоял на своем, говорил, что готов идти на таран. Кто-то сказал ему: «А Любочка, а будущий сын?» Он, не задумываясь, ответил: «Что ж, они не помешают быть мне честным до конца». Его опять стали отговаривать, как будто он сию минуту собирался таранить.

Потом посмеялись и разошлись.

А утром вылетел Климов с нашей четверкой самолетов на «охоту», и встретили ребята восьмерку «Фокке-Вульфов-190». Стали драться. Николай сбил одного, затем стал атаковать второго. А это был командир группы, опытный волк.

Атаки Климова были очень смелы — мы все наблюдали этот воздушный бой со своего аэродрома. Но немец увертывался, пытаясь уйти. Вдруг смотрим — Климов пошел в лобовую атаку, но немец не сворачивает, только в последнюю минуту свернул. Николай не стрелял — значит, у него уже не было боеприпасов, а бой продолжался. В следующую атаку он протаранил вражеский самолет, и сам погиб при этом.

Упали оба самолета около речки, но по разные стороны ее. Похоронили мы и Николая в городе Волау — отвезли туда же, где и Графин.

А Любочке написали о героической смерти друга ее.

Я хочу послать на выставку «Комсомол в Отечественной войне» комсомольский билет Николая Климова, помятый обломками самолета, вдавившимися в его грудь...

Я вам пишу все о потерях наших — уж очень горьки они, ведь это были самые последние дни войны, и в это время было особенно больно терять людей. Поэтому хочется рассказать о каждом, может быть, вы всех их помянете в своей книге.

Но вы не подумайте, что мы только жертвы несли в этих боях. Нет, мы хорошо воевали это время и у нас были просто замечательные примеры воздушных боев.

Так, например, девятнадцатого апреля в последнюю решающую операцию вылетела группа Сухова в составе восьми самолетов, там были знакомые вам Березкин, Голубев, Бондаренко *, Руденко ** и другие. Они встретили

* В. Бондаренко — Герой Советского Союза, работает в Киеве.

** И. Руденко ныне живет в Москве.

группу в восемнадцать самолетов «Фокке-Вульф-190». Благодаря тому что перед вылетом Сухов тщательно разбирал, как проводились предыдущие вылеты, говорил, как надо себя вести во всех случаях при встрече с противником, что кто должен делать, благодаря хорошей слетанности группы и взаимной выручке, этот неравный бой был проведен блестяще. Наши ребята сбили девять самолетов противника, никого при этом не потеряв, никто даже не был подбит! Сухов сбил два самолета, Голубев — два, Бондаренко — два, Березкин — один и другие тоже сбили.

В этот же день опять отличился наш дважды Герой Дмитрий Глинка. Он вылетал с четверкой, за один вылет участвовал в двух воздушных боях. Сбил лично за этот вылет три самолета, да еще два сбила его группа.

Хорошо в эти дни воевал Вася Бондаренко, который работает в эскадрилье у Сухова. У него даже был такой замечательный, необычный случай. Двадцать второго апреля он с четверкой вылетал на прикрытие наших войск, которые уже подходили к Берлину. Идя домой, увидел двух «Фокке-Вульфов-190»; Василий атаковал их, но они, не приняв боя и перейдя на бреющий полет, ушли на свою территорию. Идя дальше, Бондаренко встретил еще одного «фокке-вульфа» и опять атаковал его. Этот гитлеровец тоже хотел уйти. Василий очень рассердился и решил посадить его на землю. Приказал ему: «Садись!» Немец удирал, но наша четверка наседала на него, не стреляя. Ну, в общем, поставили его в такие условия, что фашисту пришлось сесть на автостраду, и наши пехотинцы взяли его в плен.

Интересный случай был еще, когда так же на глазах у нас капитан Луканцев и Гольберг проводили воздушный бой с четырьмя «Фокке-Вульфами-190». Одного сбили и одного подбили. Летчик со сбитого «фоккера» выпрыгнул с парашютом и через двадцать минут был приведен военными регулировщиками к нам на аэродром.

Как раз в это время у нас работал знакомый вам кинооператор, который вместе с вами сопровождал Покрышкина, когда он летал к матери и жене в Новосибирск. Вот уж он был рад такому случаю, но страшно жалел, что не смог заснять воздушный бой,— у него не было телеобъектива.

А в самых последних боях за Берлин погиб наш лучший комсомолец Петя Гучек. Может быть, вы помните, когда мы в Мокшишуве проводили собрание комсомольского актива, где Покрышкин рассказывал о своих впечатлениях от поездки в Москву и Новосибирск, Петя читал проект постановления собрания. Славный был такой парень... Так вот, он был подбит гитлеровской зениткой и не хотел прыгать с горящего самолета — хотел дотянуть до нашей территории. Но не дотянул. Все же тело его не досталось на поругание фашистам: наши пехотные части быстро перешли в наступление и заняли тот участок, где упал сержант Гучек.

Похоронили мы его. У гроба его тоже ребята плакали. Да и не стыдно, товарищ Жуков, заплакать у гроба такого человека, каким был Петр Гучек. Скромный белорус. А ведь на него только что послали представление к званию Героя Советского Союза. Ведь к этому моменту он имел на своем счету двадцать лично им сбитых самолетов.

Не осуществил он свою мечту быть архитектором— все говорил, бывало: «Кончится война, пойду учиться, стану строить хорошие дома, чтобы людям было в них удобно, приятно и весело жить...»

Какой он был замечательный человек, если бы вы знали, товарищ Жуков! Таких все-таки мало встречается, хотя много хороших людей у нас...

Потом не писала я вам еще о другом большом несчастье, которое было у нас.

После Речкалова шестнадцатым гвардейским полком стал командовать Иван Бабак — это наш комсомольский

активист, которого вы тоже, наверное, помните. Хорошо он взялся за дело, и народ сразу полюбил его, хоть он и был еще очень молод. Но человек он горячий, пыл у него молодой, задор комсомольский. Когда объяснял, как надо драться, то не на чужой опыт опирался, а на свой собственный. И все сам летал, сам группы в бой водил.

И вот как-то в один из почти «нерабочих» дней все-таки пришла на полк задача — выслать пару на свободную «охоту». Так что же вы думаете? Он сам полетел, а ведомым взял совсем неопытного летчика Козлова.

Отштурмовали они один перехваченный ими эшелон очень отчаянно, пошли домой. И вдруг у Бабака загорелся мотор, а высота была совсем маленькая. Ну и сел он с горящим мотором у немцев, а Козлов еле прилетел домой. Рассказал обо всем. Полетели наши искать, но ничего не нашли. Жалко было Бабака!

А теперь вот, как кончилась война, привез от союзников Александр Иванович Покрышкин нам Бабака — они освободили его из гитлеровского концлагеря. Ох, как он похудел, весь черный прямо! Ребята, как бабы, от радости плакали при встрече с Бабаком. Тяжело ему пришлось в плену. Власовцы пытались его завербовать, но Бабак дерзко себя вел, бил в морду предателей. Его пытали, избивали, а он в протест на это объявлял голодовки. Сейчас хотим его отправить на курорт, но он ни за что не соглашается...

Труда тоже сбивали в начале операции, но он спрыгнул с парашютом удачно, хоть ранен был немного, и к вечеру привезли его к нам танкисты.

Сбивали и Торбеева Саню, он с парашютом приземлился на вражеской территории в лесу, через три дня перешел линию фронта и тоже был дома.

А помните — был такой в шестнадцатом гвардейском блондин Пищальников, что самолет-то на живот посадил на аэродроме, когда у нас комсомольский актив прохо-

дил? Так он тоже погиб как герой во время воздушного боя с неравной группой противника (наших было четверо, а их до двенадцати самолетов)...

Березкин Славик — молодец. В начале Берлинской операции он в первый же день сбил три самолета противника. Теперь он ушел из кадров комсомольского актива, но приятно для меня — стал парторгом эскадрильи.

Голубев теперь у нас работает инспектором дивизии по технике пилотирования, живет так же, и характер не изменился.

Пал Палыч командует двадцать третьей дивизией, как-то видела его — приезжал к нам по случаю награждения нашей части орденом Красного Знамени, а теперь ведь нас наградили еще и орденом Ленина. А сандомирцев наградили орденом Александра Невского за Берлин. За Берлин!..

Борис Глинка еще не прибыл, пока командует шестнадцатым полком Федоров.

Сейчас — все учимся, учитывая опыт боев минувшей войны.

Хотелось бы поскорее вернуться на Родину, но пока приказ — быть тут. Поэтому, если выберете время, то насчет литературы дайте кому-нибудь команду — прислать нам. Пишите, что вам надо конкретно для книги. Да, еще Мачневу напишите, а то он часто дает мне тысячу самых ненужных заданий по политотделу, чтобы, как он говорит, занять мое время, а комсомольской работой заниматься совершенно некогда.

Все же не так давно мы провели собрание актива, посвященное итогам боевой работы комсомольцев за Отечественную войну. Александр Иванович Покрышкин хотел сам сделать доклад, но был вызван в Москву на Парад Победы. Актив был солидно подготовлен и прошел интересно. Сейчас настраиваем молодежь на хорошее выполнение решений XIII Пленума ЦК ВЛКСМ: на учебу, на энергичную культурно-массовую жизнь.

Привет всем товарищам из «Комсомольской правды».

Вот так и закончили, товарищ читатель, герои прочитанной тобою книги войну.

С тех пор прошло уже много лет. И если в 1945 году комсомольцы девятой Мариупольско-Берлинской гвардейской истребительной авиационной дивизии не могли без смеха слушать, как их называли ветеранами, ибо с этим словом непременно связывалось представление о солидном, пожилом человеке с сединой в волосах, то сейчас это слово вполне подходит к каждому из них.

И удачно сочиненная в те дни песня «Где же вы теперь, друзья однополчане?» звучит сегодня еще душевнее и теплее, чем тогда. Те из гвардейцев, кому было суждено дожить до победы, продолжают ныне свой трудовой путь, а иные уже вышли на пенсию. У многих родились и выросли дети, пошли внуки и внучки. Иных уже нет в живых. Жизнь идет своим чередом, и комсомольцы семидесятых годов, встречаясь с комсомольцами сороковых, глядят на них уже, как на представителей далекой героической эпохи,— точно так же, как Труд и Березкин глядели в свое время на ветеранов гражданской войны.

Пусть же эта книга поможет молодому читателю увидеть героев девятой Мариупольской гвардейской истребительной авиадивизии такими, какими они были в дни войны,— своими ровесниками, молодыми и горячими людьми, без всяких прикрас, с присущими молодости достоинствами и недостатками, надеждами и свершениями.

1944—1962—1978 гг.

Приложение

БОВОЙ ПУТЬ ГЕРОЕВ ЭТОЙ КНИГИ И ИХ СОРАТНИКОВ

Совет ветеранов 9-й гвардейской истребительной ордена Ленина, Краснознаменной, ордена Богдана Хмельницкого Мариупольско-Берлинской авиационной дивизии проделал большую исследовательскую работу, собирая и систематизируя документальные данные, характеризующие пройденный ею боевой путь.

Эту работу выполнил авторский коллектив, в который входили гвардии генерал-майор авиации Д. К. Мачнев, гвардии полковник Б. А. Абрамович, гвардии старшина В. Ф. Коротков, гвардии майор Л. И. Павленко, гвардии полковник М. Г. Петров, гвардии подполковник А. С. Закалюк, гвардии подполковник В. В. Маслов. Руководителем авторского коллектива и редактором работы являлся гвардии майор С. А. Пыжиков.

Ниже приводятся некоторые фактические данные о боевом пути дивизии, подготовленные участником этого авторского коллектива, бывшим начальником ее штаба гвардии полковником Б. А. Абрамовичем.

СФОРМИРОВАНИЕ ДИВИЗИИ

Приказом Народного комиссара обороны СССР на базе расформированных военно-воздушных сил 37-й армии Южного фронта 22 мая 1942 года в городе Лисичанске Донецкой области была сформирована 216-я истребительная авиационная дивизия, которая затем, 17 июня 1943 года, была преобразована в 9-ю гвардейскую истребительную авиадивизию.

Гвардейское звание дивизии было присвоено за отличные боевые действия личного состава по обеспечению операций 56-й и 37-й наземных армий и проявленное при этом мужество, героизм, отвагу, образцы дисциплины и организованности в боях за Советскую Родину против фашистских захватчиков (приказ Народного комиссара обороны СССР № ...).

БОЕВОЙ СОСТАВ ДИВИЗИИ

В состав дивизии на первом этапе ее существования вошли 16-й гвардейский истребительный авиаполк, 88-й и 149-й истребительные авиаполки, 137-я отдельная рота связи, преобразованная затем в гвардейскую.

В течение войны дивизии временно придавались и другие авиаполки: 247-й истребительный авиационный полк — командир полка Я. Кутихин, 84-й истребительный авиационный полк — командир полка майор Я. Антонов, затем П. Середа, 40-й истребительный авиационный полк — командир П. Чупиков, 66-й истребительный авиационный полк — командир Смирнов, 103-й штурмовой авиационный полк — командир МIRONENKO, 765-й истребительный авиационный полк — командир Заноздра и другие. С июля 1943 года и до конца войны основными полками дивизии были: 16-й гвардейский истребительный авиаполк, 100-й гвардейский истребительный авиаполк и 104-й гвардейский истребительный авиаполк, 101-й гвардейский истребительный авиаполк. Командирами этих полков на разных этапах войны были:

16-й гвардейский истребительный авиаполк — В. П. Иванов, Н. В. Исаев, А. И. Покрышкин, Б. Б. Глинка, Г. А. Речкалов, И. И. Бабак, А. В. Федоров;

100-й гвардейский истребительный авиаполк — И. М. Дзусов, Б. С. Сайфутдинов, С. И. Лукьянов;

104-й гвардейский истребительный авиаполк — майор Прудников, И. А. Тараненко, В. Г. Семенишин, П. Л. Крюков, В. И. Бобров;

101-й гвардейский истребительный авиаполк — Я. И. Антонов, П. С. Середа, А. И. Павликов.

КОМАНДОВАНИЕ ДИВИЗИИ

Шевченко Владимир Илларионович — генерал-майор авиации, Герой Советского Союза (22 мая — октябрь 1942 года);

Борман Александр Владимирович — генерал-майор авиации (октябрь 1942 — май 1943 года);

Дзусов Ибрагим Магометович, Герой Советского Союза, генерал-майор авиации (май 1943 — 27 апреля 1944 года);

Покрышкин Александр Иванович — трижды Герой Советского Союза, полковник (с 27 апреля 1944 года до конца войны).

Военный комиссар дивизии — полковник Д. К. Мачнев, бессменно до конца войны.

Начальник штаба дивизии — подполковник Ильенко Александр Никитович (май — ноябрь 1942 года), затем полковник Абрамович Борис Абрамович с ноября 1942 года до конца войны.

ОСНОВНЫЕ БОЕВЫЕ ОПЕРАЦИИ, В КОТОРЫХ УЧАСТВОВАЛА ДИВИЗИЯ

Прикрывая свои наземные войска, сопровождая бомбардировщики, выполняя задания по штурмовке войск противника, разведке, свободной «охоте», дивизия участвовала в следующих боевых операциях.

Оборонительные бои на Южном и Закавказском фронтах

Дивизия, входя в состав 4-й воздушной армии, прикрывала войска 37-й и 9-й общевойсковых армий в районах от реки Дон до реки Терек, в районах до Нальчика, Моздока, Орджоникидзе. За этот период (август — декабрь 1942 года) летчики дивизии произвели 10 954 боевых вылета, сбили в воздухе 130 самолетов противника и уничтожили на земле 35 вражеских самолетов и много другой техники и живой силы.

Операция по разгрому фашистских войск на Кавказе и Кубани

За этот период летчики дивизии произвели 2711 боевых вылетов; проведено 118 воздушных боев, сбито 187 самолетов противника, штурмовыми действиями на земле уничтожено 13 самолетов, 532 автомашины и много другой техники и живой силы.

В этот период летный и технический состав проявил массовый героизм. Здесь родилась слава выдающихся летчиков Александра Покрышкина, Бориса и Дмитрия Глинки, Григория Речкалова, Вадима Фадеева, Николая Лавицкого, Василия Дрыгина, Павла Крюкова, Николая Искрина, Андрея Труда, Александра Клубова, Михаила Петрова, Дм. Коваля, Николая Кудри, Алексея Закалюка, Александра Вильямсона, Владимира Семенишина, Константина Вишневого, Георгия Голубева, Ивана Бабака, Григория Дольникова и других летчиков.

20 летчикам дивизии на Кубани было присвоено звание Героя Советского Союза, а Александр Покрышкин и Дмитрий Глинка этого звания были удостоены дважды; многие воины дивизии были награждены орденами и медалями Советского Союза. Воздушная битва на Кубани вошла в историю Великой Отечественной войны как крупное сражение за господство в воздухе, выигранное нашей авиацией.

Операция по разгрому таганрогской группировки фашистских войск на реке Миус; бои за Донбасс, освобождение Мариуполя

За этот период (21 августа — 10 сентября 1943 года) части дивизии произвели 1400 боевых самолето-вылетов, 80 воздушных боев. 130 вражеских самолетов были сбиты. 10 сентября части 130-й Таганрогской и 221-й стрелковых дивизий во взаимодействии с десантом морской пехоты Азовской военной флотилии под прикрытием летчиков-истребителей 9-й гвардейской истребительной авиационной дивизии, при поддержке частей штурмовой и бомбардировочной авиации освободили город и морской порт Мариуполь (ныне город Жданов).

За участие и успешное выполнение боевых заданий по прикрытию наземных войск при освобождении города Мариуполя приказом Главнокомандующего от 10 сентября дивизии присвоено наименование «Мариупольская», а всему личному составу объявлена благодарность.

В период освобождения Донбасса и города Мариуполя отважно сражались Дмитрий и Борис Глинки, Василий Дрыгин, Иван Бабак, Александр Клубов, Алексей Закалюк, Николай Лавицкий, Григорий Речкалов, Павел Крюков, Николай Трофимов, Георгий Голубев, Вячеслав Березкин, Константин Сухов, Аркадий Федоров, Алексей Луканцев, Андрей Труд, Владимир Семенишин, Александр Румм и другие.

В воздушном бою в районе города Амвросиевка молодой летчик комсомолец Слава Березкин совершил таран и уничтожил фашистский разведчик-корректировщик ФВ-187. Во время тарана самолет Березкина загорелся, а летчик выбросился с парашютом. После излечения Слава Березкин вернулся в строй и в дальнейшем сбил 12 стервятников, из них 2 в воздушном бою за Берлин.

В районе Мариуполя группа Ивана Бабака и Григория Речкалова нанесла удар по скоплению фашистов близ железнодорожного эшелона, в котором немцы угоняли в Германию наших девушек. Охрана разбежалась, а несколько сот советских людей были освобождены, спасены от фашистского рабства.

Операция против гитлеровцев на реке Молочная

Осуществлялась на подступах к Крыму в составе 8-й воздушной армии, 4-го Украинского фронта (10 сентября — ноябрь 1943 года). В этих боях фашистское командование применило до 1000 истребителей; тем не менее наши летчики удерживали господство в воздухе

и надежно прикрывали наши наземные войска, прикрывали переправу через Сиваш, уничтожали воздушные и морские караваны противника, над Черным морем на трассе Крым — Одесса.

В одном из ожесточенных воздушных боев майор Владимир Семенишин сбил 2 стервятника, но и сам погиб смертью храбрых. Герой похоронен в городе Мариуполе.

Операция в районе румынского города Яссы

После короткого отдыха на тыловом аэродроме Черниговка Запорожской области и пополнения летным составом и материальной частью дивизия была переброшена на территорию Румынии, где принимала участие в Ясской операции в составе 7-го истребительного авиакорпуса. Здесь противник сосредоточил большие силы и имел задачу ударом из района Яссы отрезать и уничтожить наши войска. В период операции (с 10 мая по 5 июля 1944 года) господство в воздухе принадлежало нам, и, произведя 900 боевых самолетов-вылетов, летчики дивизии сбили 128 немецких самолетов.

В этих боях отличились Герой Советского Союза Александр Клубов, сбивший 9 самолетов, дважды Герой Советского Союза Дмитрий Глинка и лейтенант Петр Гучек, сбившие по 6 самолетов, капитан Комельков и лейтенант Дольников, сбившие по 5 самолетов, и другие летчики.

Львовско-Сандомирская операция (июль 1944 года)

Дивизия участвовала в операции в составе истребительного авиакорпуса генерала А. В. Утина, 2-й воздушной армии, 1-го Украинского фронта. В результате операции осуществлен разгром мощной фашистской группы армий. Освобожден город Львов. Изгнаны оккупанты с территории Советского Союза и захвачен плацдарм на западном берегу реки Вислы у польского города Сандомир.

Части 9-й гвардейской истребительной авиадивизии непрерывно патрулировали в воздухе, прикрывали наступающие войска, вели воздушные бои, полностью выполнили свою задачу. В этой операции летчики дивизии произвели 2205 боевых самолетов-вылетов, сбили 93 самолета противника.

За боевые заслуги в этот период истребительный авиакорпус был преобразован в 6-й гвардейский, получил собственное наименование «Львовский». 9-я гвардейская истребительная авиадивизия была награждена орденом Богдана Хмельницкого II степени, а командир дивизии Александр Иванович Покрышкин первым в Советском Союзе получил звание трижды Героя Советского Союза.

К концу Львовско-Сандомирской операции полки дивизии обосновались в Польше, на восточном побережье реки Вислы, на аэродромном узле Мокшишув; они продолжали выполнять задачи по прикрытию своих войск на Сандомирском плацдарме, вели воздушную разведку, совершали полеты на свободную охоту.

Бои на территории Германии

С 12 января по 16 апреля 1945 года дивизия прикрывала войска 5-й гвардейской армии по форсированию реки Одер и удержанию и расширению плацдарма на правом берегу Одера. В этот период наши войска взяли крупные промышленные центры Ченстохов и Кракков, вышли на границу фашистской Германии и вели бои на ее территории, овладели городами Бреслау, Бунцлау, Лаубан.

По инициативе и при непосредственном участии командира дивизии полковника А. И. Покрышкина для полетов была использована автострада Берлин—Бреслау на участке, прилегающем к аэродрому Аслау. Это потребовало от летного состава исключительно высокого мастерства, так как взлетная полоса имела в ширину всего 24 метра.

В один из апрельских дней над этим аэродромом капитан Луканцев с ведомым, молодым летчиком Юрием Гольдбергом, сбили немецкий самолет. Всего в этот период летчики дивизии сбили 30 вражеских самолетов.

Берлинская операция

С 16 апреля до окончания Великой Отечественной войны 9 мая 1945 года дивизия продолжала активные боевые действия. Только в зоне Берлина немцы сосредоточили 1500 своих самолетов. Но это уже не могло спасти фашистскую Германию. В воздушном сражении за Берлин советская авиация, в том числе и летчики 9-й гвардейской истребительной авиадивизии, оказывали поддержку наземным войскам, разгромили остатки воздушного флота противника.

Части дивизии за несколько дней произвели 2070 боевых вылетов, провели 50 воздушных боев и сбили 56 самолетов. Приказом Верховного Главнокомандующего дивизии было присвоено второе почетное наименование «Берлинская».

В битве за Берлин особенно отличились Александр Иванович Покрышкин, Георгий Голубев, Вячеслав Березкин, Григорий Речкалов, Константин Сухов, Андрей Труд, Александр Вильямсон, Алексей Закалюк, Николай Трофимов, Дмитрий Глинка, Василий Бондаренко и многие другие летчики.

После падения Берлина дивизия принимала участие в освобождении Праги — столицы Чехословакии. 9 мая Германия капитулировала, а 10 мая две группы наших летчиков под командованием Героя Советского Союза Константина Сухова и Героя Советского Союза Георгия Голубева с ведомым Николаем Кудиновым совершили последний боевой вылет в Великой Отечественной войне. В этом вылете Георгий Голубев сбил последний фашистский самолет ДО-217.

ОБЩИЕ ИТОГИ БОЕВОЙ РАБОТЫ ДИВИЗИИ

За время войны части дивизии произвели 33 654 боевых вылета, провели 1332 воздушных боя, в которых сбито 1147 вражеских самолетов.

Штурмовыми ударами было уничтожено на земле 66 самолетов, 420 танков и бронемашин, более 4000 автомашин и мотоциклов, около 80 паровозов, взорвано 26 складов с горючим и боеприпасами, убито более 16 тысяч солдат и офицеров противника.

ГЕРОИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА, ВОСПИТАННИКИ ДИВИЗИИ

По управлению дивизии

1. Горегляд Леонид Иванович
2. Рыкачев Юрий Борисович

По 16-му гвардейскому истребительному авиаполку

1. Покрышкин Александр Иванович — трижды Герой Советского Союза
2. Речкалов Григорий Андреевич — дважды Герой Советского Союза
3. Клубов Александр Федорович — дважды Герой Советского Союза
4. Бондаренко Василий Ефимович
5. Голубев Георгий Гордеевич
6. Исаев Николай Васильевич
7. Искрин Николай Михайлович
8. Карпович Викентий Павлович
9. Коваль Дмитрий Иванович
10. Комоса Анатолий Савельевич
11. Крюков Павел Павлович
12. Лукьянов Сергей Иванович
13. Селиверстов Кузьма Егорович — звание Героя получил первым в полку

14. Старчиков Николай Алексеевич
15. Сухов Константин Васильевич
16. Трофимов Николай Леонтьевич
17. Труд Андрей Иванович
18. Фадеев Вадим Иванович
19. Федоров Аркадий Васильевич
20. Фигичев Валентин Алексеевич

По 100-му гвардейскому истребительному авиаполку

1. Глинка Дмитрий Борисович — дважды Герой Советского Союза
2. Бабак Иван Ильич
3. Берестенев Павел Максимович
4. Глинка Борис Борисович
5. Дзусов Ибрагим Магометович
6. Кудря Николай Данилович
7. Лавицкий Николай Ефимович
8. Шаренко Василий Денисович

По 104-му гвардейскому истребительному авиаполку

1. Вильямсон Александр Александрович
2. Вишневецкий Константин Григорьевич
3. Дрыгин Василий Михайлович
4. Девятаев Михаил Петрович
5. Комельков Михаил Сергеевич
6. Лиховид Михаил Степанович
7. Семенишин Владимир Григорьевич
8. Тараненко Иван Андреевич

По 101-му гвардейскому истребительному авиаполку

1. Комозин Павел Михайлович — дважды Герой Советского Союза
2. Антонов Яков Иванович
3. Беркутов Александр Максимович
4. Похлебаев Иван Григорьевич
5. Иванов Сергей Сергеевич
6. Середа Петр Селиверстович

ГЕНЕРАЛЫ — ВОСПИТАННИКИ ДИВИЗИИ

1. Покрышкин Александр Иванович — маршал авиации, трижды Герой Советского Союза
2. Борман Александр Владимирович — генерал-майор авиации
3. Берестенев Павел Максимович — генерал-майор, Герой Советского Союза
4. Горегляд Леонид Иванович — генерал-майор авиации, Герой Советского Союза
5. Дольников Григорий Устинович — генерал-лейтенант авиации
6. Дзусов Ибрагим Магометович — генерал-майор авиации, Герой Советского Союза
7. Исаев Николай Васильевич — генерал-майор авиации, Герой Советского Союза
8. Крюков Павел Павлович — генерал-майор авиации, Герой Советского Союза
9. Мачнев Дмитрий Константинович — генерал-майор авиации
10. Матвеев Александр Никандрович — генерал-майор авиации
11. Речкалов Григорий Андреевич — генерал-майор авиации, дважды Герой Советского Союза
12. Рыкачев Юрий Борисович — генерал-лейтенант авиации, Герой Советского Союза
13. Селиванов Виктор Иванович — генерал-майор авиации
14. Трофимов Николай Леонтьевич — генерал-лейтенант авиации, Герой Советского Союза
15. Тараненко Иван Андреевич — генерал-лейтенант авиации, Герой Советского Союза

ПЕРЕЧЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ О БОЕВОМ ПОДВИГЕ ЛИЧНОГО СОСТАВА 9-й ГВАРДЕЙСКОЙ ИСТРЕБИТЕЛЬНОЙ АВИАДИВИЗИИ

1. А. И. Покрышкин	«Небо войны»
2. Г. А. Речкалов	«Дымное небо войны»
3. В. И. Погребной	«Человек из легенды»
4. М. П. Девятаев	«Полет к солнцу»
5. Г. Г. Голубев	«В паре с «Сотым»
6. И. И. Бабак	«Звезды на крыльях»
7. Б. Т. Ковальковский	«В небе Кавказа»
8. Статьи и очерки Т. Бражникова, А. Хоружего, В. Разумного, В. Степаненко, С. Гольберга, В. Короткова и других авторов в различных газетах, журналах, литературных сборниках.	

СОДЕРЖАНИЕ

Константин Симонов. В ОДНОЙ КАБИНЕ	3
О КОМ БУДЕТ ИДТИ РЕЧЬ	7
САМЫЙ ДОЛГИЙ ДЕНЬ	35
ЧЕЛОВЕК СТАНОВИТСЯ СОЛДАТОМ	91
САМОЕ ТРУДНОЕ	147
КТО ИЩЕТ, ТОТ НАХОДИТ	205
НАД КУБАНЬЮ	255
О ТОМ, ЧТО БЫЛО ПОТОМ (ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ)	357
БОЕВОЙ ПУТЬ ГЕРОЕВ ЭТОЙ КНИГИ	375

Юрий Александрович ЖУКОВ

ОДИН «МИГ» ИЗ ТЫСЯЧИ

Документальная повесть

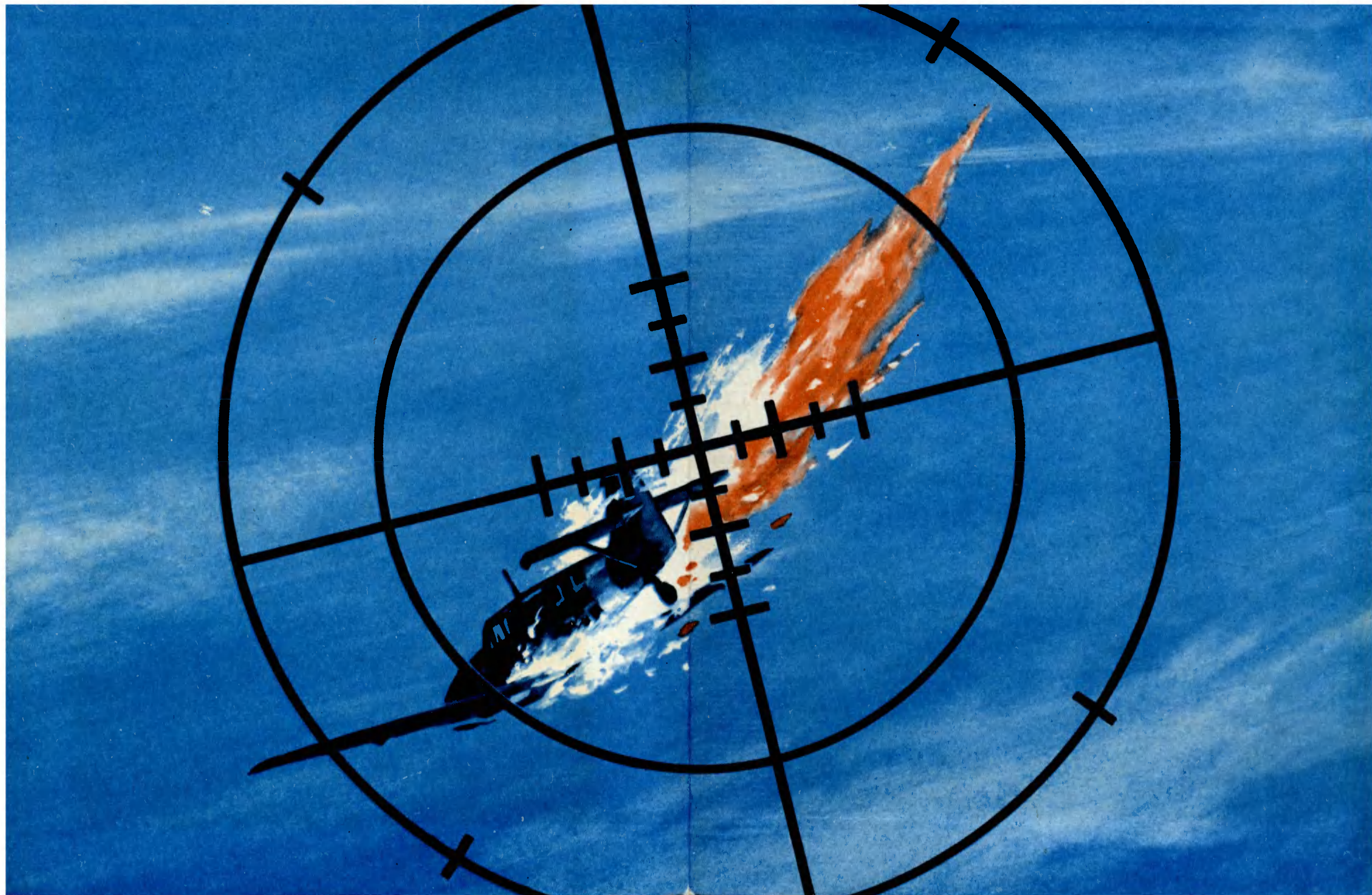
Заведующий редакцией Г. М. Некрасов
Редактор Е. А. Подольный
Художник Е. И. Селезнев
Художественный редактор Г. Л. Ушаков
Технический редактор З. И. Сарвина
Корректоры Р. М. Рыкунина, В. Д. Синева

ИБ № 643

Сдано в набор 7.08.78. Подписано в печать 8.01.79. Г-21351. Изд. № 3/1467. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура журнальная рубленая. Печать высокая. Усл. печ. л. 17,5. Уч.-изд. л. 18,189. Тираж 100 000 экз. № заказа 1481.
Цена 1 р. 30 к.

Ордена «Знак Почета» Издательство ДОСААФ СССР, 129110, г. Москва, И-110, Трифоновская, ул., д. 34.

Полиграфкомбинат им. Я. Коласа Государственного комитета БССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Минск, Красная, 23.

1 р. 30 к.

20

— 1

—